4
М-34

ПРОВЕРЕНО

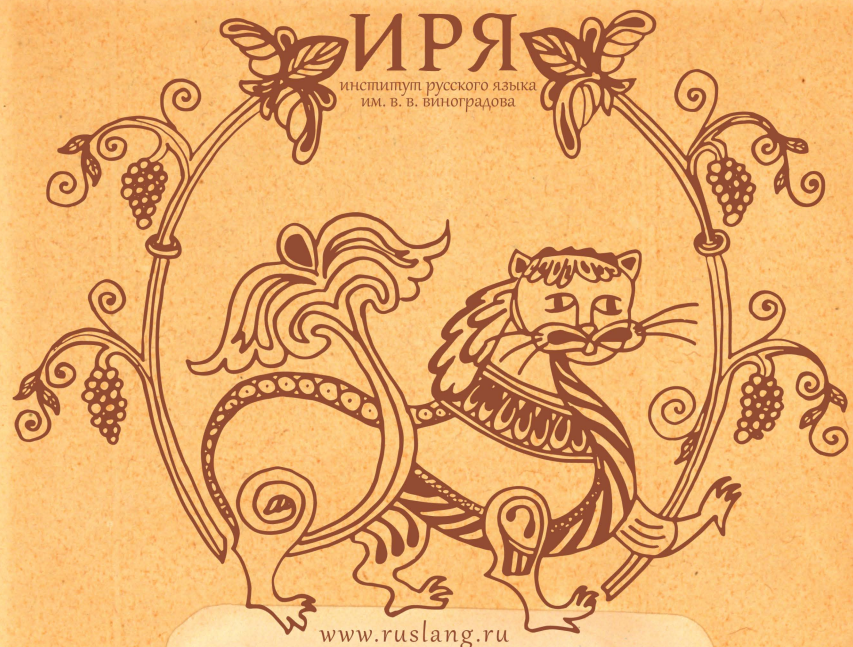
АКАДЕМИЯ НАУК СССР

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО РУССКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

ТОМ
III

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

www.ruslang.ru

п. 40191.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО РУССКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

Том
III

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД
1949

ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ:
академик С. П. ОБНОРСКИЙ
профессор Р. И. АВАНЕСОВ
профессор Ф. П. ФИЛИН

4
М-34
ИН-ТА РУССКОГО
МО ...ЛЕНИЯ
Н0191

Н. М. МАЛЕЧА

ГОВОРЫ УРАЛЬСКИХ КАЗАКОВ

I. ЛИТЕРАТУРНЫЕ ДАННЫЕ

Говоры русского населения Западно-Казахстанской обл. Казахской ССР, т. е. уральских казаков, совершенно не изучены. Правда, некоторые ученые и публицисты интересовались ими и с бóльшими или меньшими подробностями высказывали свои, часто противоречивые, мнения.

Так, например, несколько строк посвящает говору уральских казаков известный лексиколог и знаток говоров русского языка Вл. Ив. Даль в своей статье „О наречиях русского языка“ (1852). Но он не решается точно определить, к которому из двух главных наречий, на *о* или на *а*, принадлежит говор уральцев (уральских казаков). Интересно замечание Даля о том, что в языке уральских казаков „много особенных выражений и оборотов“ и что „уральца всегда узнать можно с первых слов“, что „он говорит резко и резво“. Об уральских казачках он замечает: „Одни только казачки, и притом не низшего сословия и не все, слегка цокают и шепелявят“.[1]

Кратко охарактеризовал речь уральских казаков бытописатель и сам казак-уралец, крайний националист и шовинист, И. И. Железнов.

Полемизируя с литератором Н. И. Небольсиным, Железнов говорит: «Скорее уралец вместо правильного „ребята“

---

[1] В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т I. Гослитиздат, 1935, стр. VIII.

произнесет „рабята“ или „рибята“, но никогда не скажет „робята“... Говоря вообще, в произношении уральцев звук *а* преобладает над звуком *о*, а *и* или *я* над *е*».[1]

Тоже уральский казак, публицист Вяч. Петр. Бородин более подробно характеризует речь своих земляков в статье „Отличие уральцев от донцов по языку“. „Говор уральцев, — говорит В. Бородин, — скорее акающий и ни в коем случае не окающий; скорее всего говор уральца можно было отнести к московскому, но между ними большая разница в том, что московское наречие плавное, а говор уральца отрывистый. Чистого *а*, *е*, *о* и *у*, где нет ударения, в говоре почти не слышно, в особенности после шипящих ..., например: *чясы*, *чирнослив*, *чилавек*, *чюда*, *щюка* и т. д.“

Далее В. Бородин, смешивая букву со звуком, говорит, что „буква *г* произносится совершенно по-московски“ и что уралец „часто заменяет *а* и *о* буквою *и: итаман*, *игород*, *игурцы* и т. д.“[2]

Историк уральского казачьего войска А. В. Карпов придерживается противоположного взгляда; он пишет, что „уральцы говорят северным наречием“, не приводя этому доказательств.[3]

В „Сборнике слов и выражений, употребляемых уральскими казаками“, имеются дополнительные указания о языке уральцев, а именно: «Глаголы в 3-м лице настоящего времени уральцы произносят сокращенно: „делает — делат“, „бегает — бегат“, „вынимает — вынимат“» и т. д. Имена прилагательные при существительных женского рода произносят усеченно: „зелёна“, „котора“, „махонька“, „резва“ и т. д.

„Характерно в говоре уральцев ... также произношение ими во многих случаях буквы *с* как буквы *щ*: *вще* (все), *ащетр* (осетр), *совщем* (совсем)“ и т. д.[4]

---

[1] И. И. Железнов. Уральцы, т. II. Изд. 2-е, СПб., 1888, стр. 336—337.

[2] В. П. Бородин. Отличие уральцев от донцов по языку; А. В. Карпов. Уральцы, ч. I. Приложение II. Уральск, 1911, стр. 17—20.

[3] А. В. Карпов. Ук. соч., ч. I, стр. 63.

[4] „Сборник слов и выражений, употребляемых уральскими казаками“. Уральск, 1913, стр. 1—11.

Если мы обратимся к диалектологическим картам, то увидим, что территория, населенная уральскими казаками, отнесена на них к севернорусскому наречию. Такие карты приложены:

1) к учебнику проф. Н. К. Грунского „Русский язык" (г. Юрьев, 1913);

2) к V выпуску трудов Московской Диалектологической комиссии под названием: „Опыт диалектологической карты русского языка в Европе" Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколова и Д. Н. Ушакова (Москва, 1915);

3) к „Начальному курсу русского языка в связи с древнецерковнославянским" И. Н. Солосина (Петроград, 1917) и др.

Такие противоречивые мнения о говорах уральских казаков нужно объяснить, конечно, полным отсутствием диалектологических записей по изучаемой местности.

Но все же, кроме Карпова, все местные писатели считают, что говор уральских казаков не севернорусский. Высказывания их позволяют сделать вывод о переходном характере говора уральских казаков.

II. ИЗ КАКИХ ДИАЛЕКТНЫХ ОБЛАСТЕЙ РОССИИ ПРИШЛИ ПРЕДКИ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНО-КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Трудность решения вопроса о говорах уральских казаков заключается в том, что русские живут здесь не исконно: они заселили привольные и богатые берега „запольной реки" Яика сравнительно недавно, и пришли они сюда из различных частей России и в разное время.

Исследователи, изучавшие вопрос о первоначальном появлении русских на р. Урале, расходятся в своих мнениях. Академик Рычков,[1] Левшин[2] и Витевский[3] утверждают, что русские

[1] П. Рычков. Топография Оренбургской губ. 1782, изд. 1887 г., стр. 276—236.

[2] А. Левшин. Историческое и статистическое обозрение уральских казаков, 1823.

[3] В. Н. Витевский. Яицкое войско до Пугачева. „Русский архив", 1879, № 3, 4, 8, 10—12.

появились на р. Урале в конце XVI в. Они пришли с р. Дона, т. е. с территории южнорусского наречия, по Волге и Каспийскому морю.

Но эти сведения ошибочны. Основываясь на архивных документах и переписях уральских казаков, историк уральского казачества А. В. Карпов утверждает, что русские пришли на р. Урал между 1520—1550 гг. с Волги, через левые ее притоки — Самару с Бузулуком и Иргиз, которые своими верховьями (на Общем Сырте) близко подходят к правым притокам р. Урала (к р. Камыш-Самаре). Волок в 3—4 км — расстояние ничтожное.[1]

По переписи уральских казаков, произведенной Богданом Змеевым в 1632 г., значится, что 28% уральских казаков пришло из губерний севернорусского наречия, 22% — из губерний южнорусского наречия и 50% — из губерний со смешанными говорами.[2]

В материалах второй переписи, произведенной полковником Захаровым в 1723 г., указывается, что из севернорусских губерний было 6% переселенцев, из южнорусских — 6%, из среднерусской области (переходные говоры) — 83% переселенцев и 5% неизвестных. Относя ту или иную губернию к территории севернорусского, южнорусского наречия или смешанных говоров, я имел в виду статью академика А. А. Шахматова „Русский язык“.[3]

Эти данные неопровержимо показывают, какие говоры принесли на р. Урал первоначальные поселенцы, предки современных уральских казаков. Очевидно, это были в основном среднерусские, переходные говоры. Таково свидетельство архивных материалов.

О среднерусском характере говора уральских казаков конца XVIII в. говорит и язык первого манифеста вождя крестьянской

---

[1] А. В. Карпов. Ук. соч., ч. I, стр. 64.

[2] В переписях указаны губернии и уезды, откуда пришли уральские казаки.

[3] См. Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона, т. 55, стр. 566—568.

войны 1773—1775 гг. Е. Пугачева. Автором этого манифеста был яицкий казак Иван Почиталин, впоследствии назначенный секретарем в образованную Пугачевым Государственную комиссию.

В этом документе[1] находим несколько фонетических и морфологических черт речи уральских казаков: севернорусские — *прежных*,[2] *хлебным*; южнорусские — *дяды*, *рякою*, *порахом*, *Федаравичу*, *каторые*, *государям* (тв. пад. ед. ч.), *правиянтам* (тоже), *синтября*.

Из каких же именно областей России принесли предки современных жителей Приуральского р-на (и вообще уральских казаков) указанные особенности местной речи? На этот вопрос мы получим удовлетворительный ответ, если разберемся в „маршруте", по которому уральские казаки ездили в Москву и ежегодно возили „царский кус", т. е. первый улов рыбы, икру и убитых зверей для царского стола (этот обычай установился с незапамятных времен).

Путь этот проходил как раз по тем губерниям и уездам, из которых и было большинство беглецов на берега вольного Яика. На ночевках и вообще на остановках в пути уральские казаки, конечно, рассказывали крепостным крестьянам сел, через которые они проезжали, о своем привольном житье-бытье и указывали дорогу на Яик, где не было ни помещичьего гнета, ни жадных царских чиновников и воевод.

Вот этот маршрут: Уральск — Самара — Симбирск — Алатырь — Арзамас — Муром — Владимир — Москва.[3]

По данным переписи уральских казаков 1723 г. один Алатырский у. дал 574 беглеца, Самарский — 466, Симбирский — 427, Арзамасский — 163, Владимирская губ. — 107. Для того

---

[1] Фотографический снимок с подлинника этого манифеста напечатан в журнале „Красный архив", 1945, т. VIII.

[2] По мнению проф. Е. Будде, твердый *н* в суффиксах прилагательных — севернорусская черта (См. Е. Будде. Очерк истории современного литературного русского языка. „Энциклопедия славянской филологии", вып. 12. СПб., 1908).

[3] А. И. Карпов. Ук. соч., т. I, стр. 60.

чтобы представить себе удельный вес беглецов из перечисленных местностей в общей казачьей массе, нужно иметь в виду, что переписью 1723 г. было охвачено всего 3164 казака.

Возможно, что шепелявые звуки *с* и *з*, очень характерные для местных говоров, занесены на берега Урала из южной части Нижегородской губ. (Арзамасский и другие уезды).

III. ДАННЫЕ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 1946 г.

Какие же говоры русского языка бытуют в настоящее время на берегах Урала?

На этот вопрос отчасти дают ответ данные диалектологической экспедиции, организованной в августе (7—26) 1946 г. Уральским педагогическим институтом им. А. С. Пушкина. В состав экспедиции входили четыре научных работника Института (Н. Малеча, В. Рахманина, М. Фомина и В. Алексеева), две студентки — Т. Щёлокова и З. Шкода и учитель сельской средней школы Г. Кожевников.

Диалектологическая экспедиция состоялась согласно принятому кафедрой русского языка Педагогического института пятилетнему плану диалектологических работ по X тому Атласа русского языка.

Экспедиция обследовала девять населенных пунктов восточной части Приуральского р-на Западно-Казахстанской обл. Казахской ССР (на восток от р. Чаган) — район верховых уральских казаков (на юг от Уральска — территория низовых казаков, казаков „низовой линии"), а именно: поселки Дарьинск, Кирсанов, Январцево, Рубежный, Трёкин, Чувашский и хутора Петров, Рожков и Чигрин.

Запланировано было посетить поселки Горбуново, Чеботарёв и хутор Чиров, но оказалось, что население их состоит в большинстве из казахов и украинских переселенцев.

Члены экспедиции собрали сведения по „Программе".

Предварительная обработка добытых диалектологической экспедицией материалов позволяет сделать некоторые выводы.

Прежде всего можно констатировать, что во всех обследованных пунктах крестьянские говоры довольно однородны.

Данные диалектологической экспедиции далее свидетельствуют о бесспорной принадлежности говоров восточной части Приуральского р-на не к севернорусскому или южнорусскому наречиям, а к среднерусским переходным говорам. В этом убеждают нас такие факты:

1. Во всех обследованных населенных пунктах нет и следов оканья; местные говоры определенно акающие: *вадá, вадóй, на вад'é* и т. п.[1]

2. Здесь же распространено умеренное яканье, т. е. после мягких согласных звуков в 1-м предударном слоге перед твердыми согласными произносится *а*, перед мягкими же — *и*, например: *в'алá, в'адý, в'аслó, в'арсты, р'акá, б'ады* и т. д., но *в'ил'и́, в б'ид'é, р'ик'и́, в'ил'ý* и т. д.

3. Перед шипящими и *ц* в 1-м предударном слоге на месте *е* произносят *и*, например: *пл'ич'ý, м'ишкá, м'ижы, д'ишéвл'и* и т. п. (но *на б'ир'ашкý* — Д., К., Ч., Руб.).

4. После же шипящих и *ц* в указанной позиции на месте *е* слышится перед твердыми согласными *а*, а перед мягкими — *ы*, например: *жанá, жанý, шастóк, пч'алы, цанá*, но *у жын'é, пшын'áца, цын'é* и т. д.

5. В 2-м предударном слоге на месте звуков *о* и *а* в изучаемом говоре слышится редуцированный звук *ъ* или *ы*, например: *пъсал'и́ш, кънап'ёл'* (им. пад. ед. ч. муж. рода — К., Руб.), *мъладóй* (Рожк., П., Я.), *пъпалáм, гылавá* (Ч., Д.), *сыпагá* (К.), *лышыд'áм, выратá* (Руб.).

Единственные случаи произношения *у* на месте *о* во 2-м предударном слоге в изучаемом говоре имеем в слове *тупарá*

---

[1] Если отмеченные факты относятся ко всем обследованным пунктам, то они не обозначаются, в противном случае ставится начальная буква названия пункта: Д. (Дарьинск), К. (Кирсанов), Я. (Январцево), Руб. (Рубежный), Т. (Трёкин), (П. Петров), Рож. (Рожков), Ч. (Чувашский).

(Руб., Г., Д., Ч.) наряду с распространенным *тъпарá;* то же и в предударном начальном слоге: *утн'ál* (К., Рож., П.).

6. В заударных слогах на месте звука *о* слышится редуцированный звук *ъ*, реже *ы*, например: *д'élъм, дóръга, йáгыдыф* (Руб., Я.), *папл'úныфка* (Р.), *в гóръд'и* (Рожк., П., Ч.), *валч'óныk, галч'óныk* (К., Руб.) и т. д.

7. На месте начального *о* и *а* во 2-м предударном слоге повсеместно произносится *и*, например: *ит с"иб'á, иба мн'é, из'арóф, иг'ит'úръват', итапр'и́, игурцы́, играно́м, итама́н, ис"п'ир'ún, ит н'ав'ó, иблач'ká* (Я., Д.), *иб'изу́м'ила* (К.). Местная пословица: *„игурцы́ и игарóт — фс"ó пашлó наибарóт"*. Возможен и пропуск начальных *о* и *а: зарн'úк* (= озорник), *пил'с"ún* (= апельсин). Это явление наблюдается также и в заимствованных словах.

Мне кажется, что эта черта в говорах уральских казаков сравнительно недавнего происхождения. Впервые в литературе о местных говорах данное явление зафиксировано В. П. Бородиным в 1911 г.[1] Интересно, что В. И. Даль, бывавший у уральских казаков и отлично знавший их говор, об указанном фонетическом явлении совершенно не упоминает.

Точно так же нет никаких указаний о произношении вместо начальных *о* и *а* звука *и* во 2-м предударном слоге и у Железнова,[2] бытописателя уральских казаков, собравшего большой фольклорный материал.

Наконец, В. Г. Короленко, живший среди уральских казаков в 1900 г. почти пять месяцев, тоже не упоминает об этой характерной для уральских казаков черте их говора, хотя в своих очерках „У казаков" в большом количестве приводит как отдельные слова, так и целые предложения, сохраняя местное произношение с его основными особенностями (аканье, яканье, стяженные глагольные формы, стяженные формы прилагательных и местоимений и пр.).

---

[1] В. П. Бородин. Ук. соч.

[2] Умер Железнов в 1863 г.

8. На месте *ѣ* под ударением в Приуральском р-не слышится всегда *е*, но в отдельных словах, почти во всех обследованных селах произносят *и*, например: *сматр'ил*, *пыл'ид'ил*.

9. В произношении стариков, и даже молодежи, наблюдается под ударением *е* на месте *а* между мягкими согласными, но только в отдельных словах, как, например: *ап'ét'* (очень распространено), реже *м'éч'ик* (П., Рож.), *ч'ей* (Руб.), *гр'ес'*, *п'ет'* (Я.), *пл'им'éн'н'ик* (П., Я., Рож.) и некоторые другие.

10. В области консонантизма в говорах Приуральского р-на наблюдается повсеместно, и не только в языке стариков, произношение щепелявых *с"* и *з"* на месте мягких согласных звуков *с* и *з*, например: *с"ало́*, *фс"о́*, *с"éнъ*, *с"л'апóй*, *с"н'ál'и*, *з"ил'óнъй*, *аз"ábла*, *з"д'éлъл*, *з"д'éс'* и т. д.

Нешепелявящие жители посмеиваются над щепелявящими: *с"ém'д'ис"ат с"ém' арбýзыф и фс"е з"ил'óны*, *ад'ин прос"п'ил*, *и тот с"йéл'и*. Местная пословица: *„Óз"иръ, óз"иръ рýк'и пъмарóз"илъ"*.

В. И. Даль писал, что „только казачки, и притом не низшего сословия и не все, слегка цокают и щепелявят". Как видно, шепелявенье со времен Даля сильно распространилось. Оно может быть сильным, охватывающим мягкие *с* и *з* во всех положениях (что замечается в Кирсанове, Петрове, Рожкове, Рубежном, Январцеве), и шепелявенье слабое, ограничивающееся мягкими звуками *с* и *з* только в положении преимущественно перед гласными (Чувашский, Дарьинск, Трёкин — очевидно, под влиянием г. Уральска).

11. Что касается цоканья, то в говоре старух еще заметны следы этого явления, причем вместо мягкого *ч* произносится мягкое щепелявое *ц* (*ц"*), например: *г дóц"ир'и*, *дóц"ку*, *кап'éиц"ка*, *ц"итáт'*, *б'ирц"áтк'и* (= перчатки), *мнуц"óнък*, *уц"ít'ьл'* (Руб.), *рыбáц"им*, *ц"ásта*, *ц"авó* (Я.). Значительно реже слышится мягкое *ц* (*ц'*): *доц'ьр*, *н'иц'аó* (Руб.).

12. Встречается ассимиляция звука *в* носовым *н* в слове *внук* и производных от него, например: *мнук*, *мнýч'ка* (Руб.), *мнуч'óныk* (Я.).

13. Звук *г* в говорах приуральского р-на имеет взрывное образование.

14. В области морфологии прежде всего следует отметить утрату средн. рода имен существительных. В большинстве случаев он заменяется жен. родом, например: *ис ста́ды, к ста́д'и* (К.), *ф ста́ду*, на *пла́т'йу* (Руб.), *к уч'ил'иш'ш'и, из уч'ил'иш'ш'и* (Ч.), *адну́ кал'е́ну забы́л* (=один куплет забыл. К.) и т. д.; но: *тот с"ало́* (П.), *бол'шо́й с"ало́* (К.).

Эта черта свойственна вообще основному населению, как и всей области.

15. Таким же распространением пользуется и форма род. пад. ед. ч. на *-е* в существительных жен. рода с основой на *-а* (*-ja*), например: *у жын'е́, у снах'е́, б'из з"имл'е́* (К., Руб., Рож., Ч., Д. и др.). Такая форма род. пад. употребляется преимущественно с предлогами.

16. В дат. и предл. пад. существительных 3-го склонения распространена флексия *-е́*, правда, в ограниченном числе слов (в словах с ударением на окончании, а именно: *в гр'из"е́, х п'ич'е́* (=везде), *в д'в'ир'е́* (К., Руб.), *γ груд'е́, на лъшыд'е́, ф с"т'ип'е́* (Руб.). Очевидно, эта форма возникла под влиянием дат. и предл. пад. ед. ч. имен на *-а*.

17. В родительном падеже мн. ч. имен существительных жен. рода с основой на *-а, -ja* в неударенном положении слышится *-ыф* (*-ъф*) или *-иф*, а иногда и *-оф*, например: *ба́ушкыф, йа́блын'иф, ку́ч'иф, ба́н'иф, м'ижо́ф.*

Это же окончание проникает и в существительные исконно средн. рода — *бало́тыф, из'аро́ф.*

18. В говоре всего коренного населения Приуральского р-на распространены стяженные формы прилагательных. Стяжение наблюдается в им. и вин. пад. ед. и мн. ч.

Здесь, например, говорят: *галубо́ н'е́бъ, ма́н'ин'ка д'ифч'о́нка, пр'ама́ пу́т', сух'и́ драва́, худы́ каро́вы, в'ис"о́лы па́р'ни, широ́къ по́л'а, мыладу́ жану́;* но одновременно слышится и полная форма, например: *в'о́драйа пу́т', худы́ш каро́вы.*

Такое стяжение, кроме того, встречается в местоимениях (*кака́ д'е́лъ?, како́?, как'и́, так'и́*, но и *как'е́и, так'е́и*) и в наречиях (*скар'е́, б'ил'е́*).

К сожалению, не удалось уловить закономерности в употреблении стяженных и нестяженных форм прилагательных.

Эта же черта проникла и в имя существительное — *хаз"а́вы* (= хозяева).

19. Род. пад. ед. ч. прилагательных на *-ва* (*бол'шо́ва стала́*).

В род. пад. ед. ч. местоимений встречаются формы: *каво́, као́* (Я.), *н'иц"ао́* (Д., К., Руб.).

20. В предл. пад. ед. ч. муж. рода прилагательных и некоторых местоимений под ударением очень распространены формы на *-ы́м, -и́м, -е́м*, например: *ф худы́м платк'е́, ф как'е́м гаду́* и *ф как'и́м гаду́* (реже) (Д., Руб., П. и др.), в безударном положении *-ым, -им* (*в' в'ил'и́к'им пас"т'е́* (К.), *ф кра́сным платк'е́*), т. е. предл. пад. ед. ч. совпадает с твор. пад. ед. ч.

21. В имен., род., предл. пад. мн. ч. прилагательных и местоимений *какой, такой* и др., кроме распространенных форм на *-ыи, -ы, -ии, -и, -ых -их*, еще встречается форма на *-е́и, -е́х*, например: *другие́и* (Руб.), *как'е́и* (К.), *так'е́и* (Д.), *бал'ше́и л'аса́* (Я.), *н'икак'е́х* (К.) и т. д.

22. В притяжательных местоимениях *мой, твой, свой*, в падежных окончаниях преобладает звук *е*: *в майе́м двар'е́, твайе́ драва́, свайе́х, свайе́м* и т. д.

23. Вин. и род. пад. ед. ч. личных и возвратного местоимений имеют формы только *м'ин'а́, т'иб'а́, с"иб'а́*.

24. Наряду с указательными местоимениями *тот* и *этот*, широко употребляется также и местоимение *ван'е́тът, ван'е́тъ, ван'е́тъи, ван'е́тът дом, ван'е́та изба́, ван'е́т'и дама́, ван'е́т'и и́збы* (К., Руб., Я., Д.); но и *ван'е́ты и́збы* (К.).

25. В 3-м л. ед. и мн. ч. настоящего и будущего простого времени в окончании всегда *т* твердое: *ид'от, идут, предут*.

26. Изредка наблюдается стремление унифицировать глагольную основу, например: *магу́, мо́г'ьм* (К.), *п'ик'о́ш* (Д., П.) и т. п., *л'а́г'ьм* (Ч., Я.) *с"т'ир'иг'о́т* (П., Ч.).

27. Характерною особенностью глагольного спряжения в говорах Приуральского р-на являются стяжённые формы, причем гласные в них кратки, например: *хвара́ш, хвара́т, зна́м, ду́мът, д'е́лъш, ум'е́м, пас"п'е́ш* и т. д.

28. В названиях ягод почти повсеместно слышится суффикс *-иг-*, например: *з"имл'ин'и́га, брус"н'и́га, ч'ир'н'и́га* (Руб., К., П., Д., Ч.).

В дополнение ко всему здесь сказанному, нужно прибавить, что как в фонетике, так и в морфологии говоров Приуральского р-на много черт, сходных с литературной речью.

Таким образом, и фонетические и морфологические черты приуральских говоров являются в общем среднерусскими.

В синтаксисе местной речи особых отклонэний от норм литературной речи не наблюдается. Однако следует отметить обычное употребление деепричастия в роли сказуемого, например: *ат'е́ц вы́п'имши, пр'ишл'и́ разу́мши.*

В лексике русских говоров Приуральского р-на особенно сильна севернорусская стихия. Это более всего заметно на сельскохозяйственной и бытовой терминологии, например: *барнава́т', по́ръс, паз"мо́, у́пъвът* (упывыт. — К., Ч.), *кофш* и др.

Южнорусскую лексику в Приуральском р-не представляют такие, например, слова, как: *навос, пахат', катух, бас, базо́к, б'ир'у́к, ло́шът'* и др.

Очень интересна местная лексика. Она, без сомнения, дает обильный материал для областного словаря.

Специфически местными особенностями в лексике восточной части Приуральского р-на являются:

1. Термины рыболовства, которое было когда-то основой экономической жизни уральского казачества, например: *буда́ра, бъграч'е́й, ба́гр'ьн'йъ, настра́жък* и др.

2. Названия предметов женской одежды, например: *гар'о́лык* и различные виды головных платков: *инд'е́йка, папл'и́ныфка, къшым'и́рыфка, тал'йа́нка, ажу́рка* и др.

3. Названия населенных пунктов и частей их (отголосок прежнего военного уклада жизни уральских казаков), например: *фарфóс* (=хуторок), *б'ик'éт* (=населенный пункт в 2—3 землянки), *калóнък* (=квартал) и др.

4. Отдельные слова: *и́ндыл* (=даже), *ч'у́да* (=очень много), *нáстав'ин* (=надточка к веревке, если ее нехватает), *прóс"п'ил"* (=полусозревший), *пасы́лъч'ък*, *посы́лък* (=посылка), *рóнт'е* (=как будто), *рушнóй платóк* (=носовой платок), *чуг'и́н* (чугун), *м'ил'ич'óк* (=дорожка), *иднавó* (однажды).

5. Наличие значительного количества тюркизмов (*Ž'ур'мá*, *бастры́к*, *мар*, *тал*, *ялкáс* и др.).

На оригинальность и самобытность лексики уральских казаков обратил внимание еще В. И. Даль. Недаром здесь, в бывшем Оренбургском крае, созрела у него мысль составить Толковый словарь живого великорусского языка.[1]

Следовательно, и синтаксис, и лексика тоже подтверждают наше мнение о принадлежности приуральских говоров к среднерусским.

Еще рано говорить о границах между отдельными говорами уральских казаков, с одной стороны, и говорами неказачьего русского населения Чкаловской области — с другой. Но, между прочим, данные диалектологической экспедиции позволяют предположить, что административная граница, отделяющая с востока Приуральский р-н от Чкаловской обл., является и диалектной границей говоров уральских и илецких казаков, так как по р. Иртеку, протекающему в 10—20 км восточнее Кирсанова и Рожкова, по свидетельству местного населения (Кирсанова и Рожкова), говорят иначе: *у ил'éцк'их пъгавóрка: п'итýх*, *ч'икýшка*, *л'игýшка*, *п'итáк*, *ф п'иск'é*, *а урáл'ск'и казáки называ́йут прóстъ: п'атáк*, *п'асóк*, *п'атýх*, *ч'акýшка*, *л'агýшка* (Руб.).

Научное значение диалектологической экспедиции Уральского педагогического института заключается не только в

[1] Н. Е. Прянишников. Писатели-классики в Оренбургском крае. Чкалов, 1946, стр. 37.

описании некоторых русских говоров Западно-Казахстанской обл. и в опровержении ошибочного положения, господствовавшего до последнего времени среди русских диалектологов, о принадлежности говоров уральских казаков к севернорусскому наречию. Материалы экспедиции выдвигают еще две новые проблемы.

Выше уже сказано о существовании различия между верховыми и низовыми уральскими казаками. Материалы диалектологической экспедиции в Приуральский р-н подтверждают отличия в речи верховых и низовых казаков. Старики-казаки Приуральского р-на (верховцы) это различие подметили: „*у н'изавы́х казако́ф ч'а́ста пъгаво́рка, у в'е́р'хн'их — т'в'о́рда пъгаво́рка, вът как йа́ гъвар'у́. Ан'е́ гъвар'а́т — ро́вна ру́б'ут. Гъвар'а́т в'е́р'хн'ии пъст'ип'е́ннъ*“ (Руб.). Это значит, что низовые казаки говорят в более быстром темпе, чем верховцы.

Кроме того, имеются отличия и в лексике: у низовцев в речи больше тюркизмов. Диалектологические экспедиции Уральского педагогического института, без сомнения, в последующие годы соберут новые данные для решения этого вопроса.

Вторая проблема, с которой столкнулась диалектологическая экспедиция в Приуральском р-не, — это расхождение в речи (пока только в лексике) уральских казаков и так называемых иногородних (до советской власти — бесправного населения на территории Уральского казачьего войска — казачьих батраков). Иногородние назывались *мужык'и́* (*мужук'и́* тоже). И теперь, если спросить в одном из поселков Приуральского р-на старуху: „Вы уральская казачка?“ — часто можно услышать ответ: „*Н'е́ту, йа мужы́ч'ка, н'игаро́дн'а*“ (Д., К., Я., Руб.). Такие слова, как *с"ало́, лук* (= луг), *ста́дъ, афца́, д'ир'е́вн'а* и др., относятся скорее к лексикону иногородних, так как уральские казаки соответственно говорят: *пас"о́лык (пас"о́лък), луга́* (только во мн. ч.), *бара́н'иха, табу́н* и др.

Вообще говоры уральских казаков, насколько можно судить по собранным экспедицией материалам, несмотря на их различия, обладают значительным единством. Это явление представляет особый интерес в связи с тем, что предки ураль-

ских казаков, как это уже было показано выше, являются выходцами из различных диалектных областей России. Такое единство должно быть объяснено в процессе дальнейшего изучения в связи с конкретной историей уральского казачества и местного иногороднего населения. Поэтому научная обработка уже добытых диалектологических материалов и проведение в широком масштабе в последующие годы диалектологических экспедиций должны быть в центре внимания Уральского педагогического ииститута и всех диалектологов.

www.ruslang.ru

40191

Г. Ф. НЕФЕДОВ

ГОВОР СЁЛ ПУ̀СТЫНИ И БЕЛЫНИ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Акающий южнорусский говор сёл Пу́стыни и Белыни резко отличается от соседнего окающего говора с. Веденянино.

Сёла Пустынь и Белынь[1] находятся на расстоянии 4 км от села Веденяпино и в 2—3 км друг от друга. Эти два села в представлении окружающего населения одинаковы и в то же время очень разнятся от других соседних сёл и по говору, и по обычаям, и по одежде. У них общая история, и население их заметно выделяется не только говором, нарядами, но и своими нравами, сохраняющими много от старины. Еще не так давно называли мещеряками жителей этих двух сел.

Мещеряки, отличающиеся добродушием и острым умом, в быту действительно несколько были отсталы в прошлом. Жители с. Веденялино, ближайшие их соседи, с которыми больше всего общались мещеряки, называли их чучма, подчеркивая этим названием всё отрицательное, смешное: они будто бы и бестолковы, и обряды-то у них смешные, и язык-то они выворачивают. Обычно вышедшая замуж к мещерякам сохраняет свой окающий говор, но её дети усваивают говор мещеряков.

Жители сёл Пустыни и Белыни почтительно отзываются о веденяпинском говоре, считая его правильным, но ни в какой степени не усваивают его.

---

[1] Здесь жил дед В. Г. Белинского, откуда и фамилия Белинский, первоначально Белынский.

Веденяпинские в прошлом были „проводниками культуры“ среди мещеряков. Уходя на отхожие промыслы, главным образом в Донбасс и Баку, они усваивали городские вкусы, привычки, и это перенималось мещеряками.

Мещеряки до Октябрьской революции занимались исключительно сельским хозяйством и извозом. Испокон веку они крепко сидели на земле, которой у них было немного. В свободное время (зимой) они отправлялись на лошадях в Астрахань за рыбой и солью для торговых целей; торговали и своими продуктами (мясом, пшеном, картофелем). Никто из них не работал на железной дороге или на отхожих промыслах (кроме плотников, работавших в соседних селах; плотников было много).

Это и было причиной известной отсталости в прошлом населения Пустыни и Белыни и приверженности его к старине.

После Октябрьской революции эти села коренным образом меняются. Они дают большое число выходцев на производство, главным образом в Москву и ее окрестности. И на любой работе мещеряки оказываются очень способными, предприимчивыми, быстро привыкают к новой жизни.

Для мещеряков характерна большая тяга к просвящению, при этом они проявляют отличные способности в ученье.

Во время Отечественной войны сёла Пустынь и Белынь выдвинули ряд талантливых офицеров, в том числе одного Героя Советского Союза (из с. Белынь).

В селе Белынь я встретил замечательного старика, Алпатова, 83 лет. Он — поэт, своеобразный философ, наблюдательный натуралист. До сих пор помнит многие свои произведения, главным образом лирические, пейзажные, военные (о русско-японской войне, о войне 1914—1917 гг.; см. в приложении).

Население Пустыни и Белыни пришло сюда из Рязанской обл. „Мы сходцы из Рязанской губернии, Спасского уезда, — говорит Алпатов, — мы вышли на монастырскую землю. У нас авраги, адин называют монастырский; были каки́-та скиты́, и сбяга́ли суда́. Пятьсот лет [? — *Г. Н.*] мы приехали на-но́во и стали дилитца“ (с пустынскими).

„Пустынь и Бялынь выселились единовременно из Рязани, из Сапожковского уезда, — говорит Игнат Васильевич из Пустыни. — А в Рязани, я сам ачавидец, абряды литые наши; абряда наша, а люди не наши. Окыл нас барские всё были, а наши никада не были барские".

„Наши атцы ня помнют, в степь-то уходили, сéмьями", — говорит Соломатина из Пустыни.

Один из старейших порядков (улица) в Пустыни называется Украина или Москва. Это был когда-то центр обоих сёл. В Белыни имеется тоже Москва или Московская улица. Названия других улиц в Пустыни: Тóстарна (та сторона?), Алёнкин порядок, Дуброва, Ивахин порядок, Гришин порядок, Баулин порядок. В Белыни есть улицы с такими названиями: Ялдашевка, Скакаловка, Лягущёвка, Крым, Вшывка, Кукан, Гулявщина.

В Пустыни и Белыни до сих пор можно видеть, правда редко (главным образом в сундуках), старинный наряд: паневу (поньку), кичку, золотокрайку, ширинку (в Белыни — фата). В обоих сёлах сохранилось много старых обычаев.

Говор Пустыни и Белыни не находит соответствий далеко вокруг. В представлении соседей он одинаков и в Пустыни и в Белыни, но это не совсем так. Есть заметная разница и в произношении и в лексике. Разница в говоре отмечается и самим населением обоих сёл. Жители села Белынь говорят, что в Пустыни „выворачивают язык"; это значит, у пустынцев более ярко проявляется яканье. Вот что говорит об этом Алпатов: „Абряда-то адна, а рызгавор разнай. Па-ихнаму — шаринка, а у нас — фата; ани язык-т выварачивают. В Белыни гаворка иная; пустынски выварачивают [яканье. — *Г. Н.*], на с' [ц = т'с'? — *Г. Н*], на мягкий знак [-т' в 3-м л. глаголов. — *Г. Н.*]; высокий рызгавор, високии слава, вясёлый. И ашибки бывають у них. Приговорка — жнык: Мы вот прошлый раз хадили жнык".

Представляют интерес, в связи с характеристикой говоров Пустыни и Белыни, высказывания Алпатова о других соседних говорах: „В Веденяпине более правильный разговор; при-

говорка у них: нешто́, соко́л. Воронски [село Ворона в 4—5 км от Белыни. — *Г. Н.*] говорят октава [октавой? — *Г. Н.*], речь ни висо́ка, пынизительна; поговорка их: усе́к, талды́. Бялынь — мястами правильная речь, мястами из старины: анадысь, кынтари́ [весы. — *Г. Н.*], руда́ [кровь. — *Г. Н.*] и др. [см. ниже в разделе „Лексика". — *Г. Н.*]. Приговорки в разных сёлах разные: Пустынь — жнык; Веденяпино — нешто́, соко́л; Ворона — усе́к, талды́; Титово — пнеш; Невежкино — садо́ный".

Как образец пустынского говора приводят в Белыни следующую фразу: „Я на́нил работника, какой вясёлый, нап'jе́тца вина́". В свою очередь, в Пустыни характеризуют белынский говор как грубый, с непонятными словами [из старины? — *Г. Н.*]: „Гу́рбами каси́ли, артель; ну, вот, как са́кали, са́кали перед кабёлом, как ша́нули в этот кабёл" (*сакать* — беседу вести, обдумывать; *кабёл* — яма, овраг; *шануть* — прыгнуть, броситься).

Наблюдение говора проводилось у следующих лиц.

Село Пустынь: 1) Соломатина, 60 лет, развитая женщина; 2) Дубинкина, 32 лет, последние 8—9 лет живет под Москвой; 3) Надежда, 30 лет, постоянно живет в селе; 4) Игнат Васильевич, 60 лет, развитой старик, сельский активист с начала революции, участник войны 1914—1917 гг.; 5) разные лица.

Село Белынь: 1) Максим Алпатов, 83 лет, развитой, хорошо грамотный старик, поэт; 2) Утин Иван И., 69 лет, участник войны 1914—1917 гг.; 3) девочка 5—6 лет, очень бойкая, развитая, много говорит, хорошо передавая местный говор; 4) жена Утина и две снохи Алпатова.

Говор женщин несколько отличается от говора мужчин, главным образом — цоканьем. Женщины цокают, произнося мягкий *ц* или даже мягкие т'с' вместо *ц* и *ч*. У мужчин тоже наблюдается цоканье, но очень редко. Следует отметить, что у Дубинкиной, долго жившей вне своего села, цоканье совсем не наблюдается, в то время как другие особенности говора сохранились хорошо.

Ввиду того, что говор сёл Пустыни и Белыни, при общем сходстве, имеет существенные расхождения, примеры, характеризующие каждую из особенностей говора, будут даваться отдельно по Пустыни и Белыни.

ФОНЕТИКА

Гласные

1. Аканье. Описываемый говор акающий, южнорусского типа. Аканье недиссимилятивное. В первом предударном слоге на месте *а*, *о* (и *е* после шипящих) всегда произносится *а*, независимо от характера ударяемого гласного. В остальных неударных слогах произносятся *а*, или — чаще — *ы*, редко — *ъ*.

Пустынь: *Москва́, в абря́дах, атцы́, ухади́ли, аста́лся, паря́док, падле́сный, хлибасе́яние, хади́ла, ны пладу́щих, ны здаро́в'ja, ахраня́ли, рыбатя́ги* и т. д.

После шипящих: *жале́зный, жани́т', пы чаты́ри, ачави́дец, пыжалте́я, с лышад'м'и́, пшани́ца, чарни́лъм, вичари́нки* и т. д.

Второй предударный: *ат атцá, аднавá* (= однажды), *апстано́фки, абрабáтвыли, на нагáх; ны пладу́щии, ны γылаве́, пычинáют, ни пызвалá, рыбатя́ги, пир'γыладáлис', хырашо́, сы ржаствá; ръзуми́стый, нъчинáл, съпаγи́, бырнавáт', γвари́т' ни храшо́.*

После ударения: *ку́шыт', вы́скычил, бяс кáртычки, изре́зъны, бяс сáхыру, паjéхыла, абрабáтвыли; уéхъл, о́къл нас, бясе́дъвыли, разу́ткъй, ня тро́γъй, пу́γвичкю,* но и *халóднай, ня тро́γай.*

В конце слова: *ну́жна, дóлγа, плóха, рáна* (= рано), *тóта,* но *бывалъ жде́ш, о́къл нáс.*

Белынь. Первый предударный: *карóва, дарóγам, аγарóдиц, пахвáл'ный, адúн, прапáл, пабúл, ни праjéст', дамóвай, салдáт, асéн'нию, апу́стют, радны́я, акóпы* и т. д.

После шипящих: *жанá, фчарáшнива, чаты́ри, ничавó, цаны́, к вичаркý,* но *лышыдéй.*

После ударения наблюдается примерно то же, что и в говоре с. Пустынь: *хра́брасть*, *дамо́вай*, *дасужай*, *лу́чшай*, *с ма́слицам*, *ни ма́ла*, *та́кжа*.

2. Произношение *о* **вм.** *а* **под ударением** наблюдается довольно последовательно.

Пустынь: *правóлитца*, *ана́ мóнит*, *сво́ритца*, *навóрим*, *пасóдим*, *пасóть* (=посади), *суп вóритца*, *щас свóлитца*; *сварúш* — *свóриш*.

Белынь: *вóлит*, *павóлит*.

В связи с аканьем и редукцией отметим случаи перестановки звуков и стяжение гласных.

Пустынь: *гырматéй*, *зáфтыр*; *на бéт* (=на обед), *ни мéете* (=не умеете), *пыщú* (=поищи), *ни тырвалúс'*.

Белынь: *хывраститны*, *на кóшку* (=на окошко), *ня рёт* (=не орет).

3. Яканье. Примеров на это явление очень много. Нет надобности давать их все, особенно учитывая, что явление наблюдается довольно последовательно. Ограничиваюсь только образцами. Но исключения приводятся почти с исчерпывающей полнотой. Для лучшей возможности делать выводы о характере яканья примеры даются по группам применительно к качеству ударяемого гласного.

Пустынь. *Пиряпáхват'*, *прядáн'ja*, *ня знáй*, *ня скáжыш*, *ляса́*, *ляжа́л*, *выява́л*, *ряка́*, *бяс ша́пки*, *прибяжа́ли*, *ни мячта́ют*, *ня ка́к*, *бядá*, *мяшка́ми*, *ня вра́с* и т. д.

Ня пóмнют, *бяз гóду*, *ня скóро*, *ня спрóсит*, *ня хтó*, *сялó*, *маявó*, *плячó*, *у нявó*, *пирямóют*, *дялóф*, *свякрóф'*, *мяшóк*, *выянкóма*, *вяснóй*, *бядóй*, *мятрó*, *пяскóм* и т. д.

Ня бýдут, *пир'вядýт'*, *ня гнýлис'*, *промяжýток*, *бярýт*, *ляжý*, *пирярýбит*, *ямý*, *вязýт*, *ня ýчутца*, *стиряýт'*, *к вядрý*, *ня нýжна*, *пякýт* и т. д.

Бялы́н', *ряшы́тил'ный*, *ф сяд'мы́я*, *ня вы́тирпил*, *ня с сы́ном*, *ляжы́т*, *пиряры́ф*, *ряшы́лос'*, *ня слы́шал*, *свякры́*, *прибяжы́т*, *ни рызряшы́ли*, *дяржы́*, *вясны́*, *ня вы́вирниш* и т. д.

С мяня́, *выдяля́ла*, *рябя́ты*, *пытяря́ли*, *дявя́тая*, *выдяня́пинскый*, *дывяря́ли*, *ны свя́щан'ja*, *в двяря́х*, *трят'ják*,

сям'ја́, врямя́нку, адяя́ла, ядя́т, зямля́, сярча́ит, пячя́т', учитяля́ и т. д.

Дянёк, рямнём, плятнём.

Ня сле́зиш, ня зде́лал, лятёл, бясе́тки, в лясе́, сястре́, гряшне́я, к зямле́, прилятёли, мытяре́й, ны пяче́, тяр'пе́т', вяз'де́, тяле́шку, вяле́ли.

Ня лю́бит', пляч'у, асян'ју́, ф пятю́х, прикряплю́, зямлю́.

Свяли́, пирясили́ли, пиряки́сли, звяри́нцу, привязли́, ляс'ни́к, дяжни́к, ф сряди́ни, зямли́, зыстрялит', ряли́гия, пяки́, нясу́, слядит', мясит', здят'ми́, в Бярли́ни, пыбяди́тили, стяклит' и т. д.

Из этого почти общего произношения *я* перед ударным слогом с любым гласным одинаково, как перед твердым, так и перед мягким согласным, есть незначительные исключения, а именно: *ни на́да, пидися́т, шыз'дися́т, сибя́, миня́, ис питёрки, Сирёга, иё, ни пикётца, ни мишо́ная, ищо́, вили́, лини́вый, сибе́, вине́ц, у мине́, трисе́с'ся,* но и *трясе́тца, умире́т', принисе́т', тибе́, зыивле́ния, в дириве́нскай, дывиде́тца, бире́т', типер'* и *тепе́р', тапе́р', бижы́.*

Белынь. *Атряза́ют, азяра́, сняга́, мястами́, прылята́ют, смята́ет, ни зява́й, ряка́, мяха́, привяла́, принясла́, стрялка́ми, рыздява́йси* и т. д.

Пяхо́ту, пясо́к, зямно́й, яво́, сяло́, бягу́м, ня пу́омню, стяно́й, унясло́, тряво́га, нямно́га, кляно́вы, гяро́и, вядро́, с крясто́м и т. д.

Ямý, на лятý, пытянýла, грямýчий, на вякý, нясý, вядýт, ня пýстит, мыямý, рызнясýт', ни вярнýтца, збярýтца, рякý и т. д.

В Бялыни, вясны́, вясы́, вярсты́, сядым, бяды́, зывяршы́лся.

Тебя́; ня рёт (= не орет); *тябе́, пысял'не́я, висяле́й; пысяли́лся, ни мяли́, смяли́, ряки́, зямли́; по нима́ла, икза́мину, прикра́снии, бижа́т', сича́с, плича́ми, зимля́* и *земля́; с рибя́тыми, шыз'дися́т, миня́, в Видиня́пини, змия́, рибя́тки с ыгня́тками; не зна́ит, прыменя́ли.*

Ни мо́х, γ бирижо́чкю, трисётца, сыбирёт, чирёт, фпирёт, висёлая, придёт (прясть).

Типе́р', литёл, силён'ја, типле́я, мине́, клищёй, смир'тёл'ный, ф силе́, ф сим'јё, пирывёим, γримёли, литёли, ны земле́.

Дили́тца, γлидй, плиший, питни́стый, ни взвйдел, лиγлй, шывил'ни́, звени́т, не вы́шла; мил'кнул.

Во втором предударном наблюдается слабая редукция, выражающаяся в произношении звука *и*.

После ударения как в Пустыни, так и в Белыни часто наблюдается произношение *я* и совсем редко *и*, т. е. здесь редукция почти отсутствует.

Пустынь: *па́ляц, с па́рням, де́няк, фстава́йтя, γрешне́я, зыхади́тя, ни пуска́я, што́ля, або́я, у́тян* (фамилия — Утин).

Белынь: *изра́нян, лягу́шак, рыскажы́тя, как хати́тя, древне́я, верне́я, пысил'не́я*; даже: *мы́слял.*

Система яканья в Пустыни и в Белыни не одинакова. Яканье Пустыни легче определить как сильное с небольшими, в сущности, исключениями. Яканье Белыни, также с некоторыми исключениями, — умеренное: перед твердыми почти сплошь *я*, перед мягкими *и*, иногда *е*.

Эта разница в яканье отмечается самим населением. Жители с. Белынь определяют говор жителей с. Пустынь как говор с „выворачиванием языка".

4. Отсутствие перехода *е* в *о* (в говоре Пустыни широко наблюдается): *дайде́ш, ле́тчик, ее́, усне́т', паймёт', найдёт', принесёш, трясётца, дывидётца, γнётца жуёт', берёсси, талкёсси, так и ткнёсси, напёрстък* и т. д. Наиболее часто это наблюдается в глагольных формах: 2-го и 3-го л. ед. ч. В корнях слов — значительно реже.

В говоре Белыни данное явление отмечено всего только в двух случаях: *был суд'јёй, уткнёт'* (Алпатов).

В этом же говоре отмечено несколько случаев дифтонгических образований *уо, ие* под ударением: *пу̂о́мнит', ня пу̂о́мню, пу̂о́мниш, ку̂о́л'ја, ну̂о́ш, мну̂о́γа, плу̂о́ха, папу̂о́мним, ли́ес.*

Это все, что мне удалось услышать, и надо сказать, что слышится это не очень ярко.

В говоре Пустыни, который наблюдался более длительно и внимательно, в отношении количественной стороны гласных и интонации отмечены следующие явления.

В говоре женщин чувствуется протяженность гласных, какое-то „подвывание", особенно заметное в быстром разговоре, когда речь должна быть более выразительной. В такой речи очень часто слышится отдельно произносимый „подвывающий" *о*, как бы в качестве междометия, иногда как зачин, иногда как заключение реплики.

Согласные

1. Цоканье. Наблюдается почти исключительно у женщин, старых и молодых, но не у всех. Так, Дубинкина, у которой наблюдается хорошо выдержанная система говора, не цокает. Вместо *ч* произносят *ц* очень мягкий, часто распадающийся на свои составные элементы (т'с'); иногда слышится что-то среднее между *ч* и *ц*. Звук *ц* часто со смягчением.

Пустынь: *т'сяо́, к вéц'иру, т'с'о* (чо), *нит'сяво́, к сундуц'ку́, т'с'ёрт с ним, тава́рьц'кя, пыц'ямý, ноц'ку*; но *начава́т', ре́чкя*; *ате́ц'*.

Белынь: *в ут'си́лис'ся, дац'ер'ня* (старик повторяет за старухой: *дачéрня*), *купа́ет'ся, лýц'и* (= лучше); *ате́ц'*.

2. *Г* фрикативное (*γ*) отмечено в обоих сёлах, но фрикация не очень сильная; разницу между таким *γ* и *г* не всегда было легко уловить.

Пустынь: *γарба́тый, γо́сти, ноγи, бяз γо́ду, сыпаγи́, таγ да́, сагла́сна, дян'γа́ми, γде* и т. д.

Белынь: *γазе́ты, γарят', γара́, враγа́, кругóм, мно́γа, в далγý, бγγры́, γде* и т. д.

Соответственно в конце слова *-х*: *вакрýх, врáх, аврáх, нох, мих, ни мóх, ни на шах, друх, вдрух*.

В некоторых сочетаниях согласных звук *к* (*г*) произносится как *х*.

Пустынь: *хто, няхто́, х плячу́, тах-т* (= так-то), *х пылдявя́тыму.*

Белынь: *хто, лёжка, х,* (*γ*) *бе́регу.*

3. Непереходное неорганическое смягчение *к.*

Пустынь: *хазя́йкю, пайкём, тава́рыц'кя, но́ц'кю, ман'е́н'кя ре́чкя, за ва́ск'ий, ны кан'кя́х, Мычиле́йкя, Кузян'кёвай, па́чкю, ма́лин'кя, пти́чкя, пу́γвичкю, ны ликтри́чкю, ны халодни́н'кю, сучкёф, мылачкё, бу́лычкю.*

Белынь: *ру́чкю, де́вочкя, семе́йкёй, пиримо́чкя, Кичиле́йкя, бума́жичкя, ско́л'кя, ры́тычкя, кале́чкя, мылачкя́, мылачкё, пада́й-кя, вну́чкю, ф ко́чкю, тялу́шычкя, бычкя́, хазя́юшкя, на пе́чкю, γ биряжо́чкю.*

4. Ассимилятивное смягчение согласных очень распространено.

Пустынь: *све́р'неш, да сме́р'ти, ня р'ви́, вяр'тя́т, чар'ни́лъм, γор'ст', пяр'ча́тки, на це́р'кви, ляс'ни́к, де́ф'ки, ны чит'вёрту, жыз'н', вяз'ли́, пад'зе́мна* и т. д.

Белынь: *кар'ти́нку, смер'т', сли́ф'ки, в ат'ве́т, ат'бива́лис'* и т. д. То же перед отвердевшими согласными: *ста́р'шы́, кан'ца́, в ярма́н'ску.*

5. *Ш* **в сочетаниях** *чт, чн.*

Пустынь: *што, што́ля, штоб*; но *серде́чно.*

Белынь: *што, штобы, лы́шныя* (*лычные*).

6. *Ж* **долгое мягкое.**

Пустынь: *выяж'жя́т', прияж'жя́ит, яж'жя́й, е́ж'жиная, дыж'жячёк* и т. д.

Белынь: *жуж'жят'.*

7. *Ш* **долгое твердое.**

В Пустыни не отмечено.

Белынь: *ишшо́, примашшу́, ачишша́ют, зыташшы́л, пи́шшу, рышшыта́ли,* а также: *ишо́, биспаша́дия,* но *вы́тащил, щас.*

8. Произношение *с* **вм.** *ц*: в Пустыни отмечены единичные случаи: *свято́чки,* а наряду с этим *ц* вм. *с*: *ф цараи́.* Там же отмечено, не очень уверенно, два случая, необычного произношения *р*. На месте мягкого *р* слышится более твердый *р*,

причем характерным для него является отчетливость артикуляции, большая сила. Отмечено в двух словах: *пря́ма, ряшы́тил'ный*. Позже это произношение *р* удалось услышать у Дубинкиной в словах с твердым *р*: *капры́зная, ня тро́гъй* (см. выше). В отдельных словах наблюдается произношение *к* (*х*) вм. *ф*: *ф Кря́зиву пашо́л, Кря́з'ма* (Фрязино — под Москвой).

В Пустыни и Белыни наблюдается явление, которое можно объяснять недостаточной ясностью в средненёбной артикуляции.

Пустынь: *гис'* (= есть, кушать), *паjи́бла, маjи́ла, jакта́р.* (Ср. у мишарей: *дjул* вм. татарского *jул*, *д'jир* вм. татарского *jир*).

Белынь: *маjи́лу, в маjилы, ноjи* (ноги), *запрijём* (запрягём), *ярой, в ярманску.*

МОРФОЛОГИЯ

1. Особенности падежных окончаний имен

Пустынь

Единственное число:

Им. пад.: *жы́зня, се́рца.*

Род. пад. муж. рода: *ат кра́ю, бяз го́ду, наро́ду, с пыкраву́, два мяшка́ углю́, кол'к сне́гу-та.* Жен. рода: *ат рабо́те, ды машы́не, у сястре́, ат адно́й же́нщине; с ко́мнати, с рабо́ти.*

Винит. пад.: *шjёт' на вайску́.*

Твор. пад.: *с ма́тирий, между́ го́ръдъм и кре́пъстей.*

Предл. пад.: *в угле́* (в углу), *жывём в лясе́, ф краве́, ф сряди́ни.*

Множественное число:

Им. пад.: *сёлы, рябя́ты, па́л'ты, анба́р'jи, атруб'jа́.*

Род. пад.: *гадо́ф, дяло́ф, машы́нъф, мушчи́нъф, же́нщинъф.*

Твор. пад.: *са збо́ркими, за пы́шкими, свайми зу́пчикъми; ку́чъми.*

Предл. пад.: *ф ко́мнатях.*

Белынь

Единственное число:

Им. пад.: *це́р'ква, со́н'ца.*

Род. пад.: *с фла́нгу, капита́лу нет, из Нырафча́ту, с ю́гу, з за́паду, с нача́лу; ис кана́ве.*

Дат. пад.: *к реки́, па у́лицы.*

Твор. пад.: *с пе́сней.*

Предл. пад.: *на тарфу́, на на́шем вяку́, в угле́* (в углу), *в груде́, ф пиче́, ф тапе́* (топь), *в маю́лы.*

Множественное число:

Им. пад.: *азяра́, грама́* (гром), *гада́, куста́, азёры.*

Род. пад.: *ты́щиф, гадо́ф, сыпо́ф, губе́рняф, това́рищеф, писа́тилеф.*

Твор. пад.: *со́тними, с карти́нкыми.*

Имена прилагательные, числительные порядковые и местоимения в род. пад. ед. ч. имеют окончания *-во, -ва*: *жо́лтъва, сид'мо́ва, каво́, у няво́* и т. д.

2. Особенности в личных и возвратных местоимениях един. числа

Пустынь: Род. и вин. пад. — *у мене́, мине́, ды тибе́, тибе́, у тибе́, у те, у мене́, но с мня́, сибя́, миня́, ее́, яе́*; дат. пад. — *ею* (= ей), *табе́, сибе́.*

Белынь: Род. пад. — *е, ее́, мине́, тибе́, мя, тябя́, миня́.*

3. Глагол. Инфинитив

Пустынь: *паднесть', пирянесть', притить'.*

Белынь: *спасть'ся.*

3-е лицо единственного числа:

Пустынь: *Паёть', ня спросить', пирястанить', глядить', принесеть', начнеть', уснеть', станаить', сидить', гарить', бигить'* и т. д.

Зна́е, ба́е, бу́дя, прие́дя, ня во́з'мя, ни пуска́я, пи́ша, хвара́я, нидымага́я, ня сты́ня, фста́ня, на́йдя, ска́жа, ле́зя, ня вы́ди ничао́, вы́тир'пя, ухо́дя, услы́ша, хва́тя, сру́бя и т. д.

Белынь: *гарúт'*, *бáит'*, *убижы́т'*, *стáнит'*, *увя́нит'*, *бу́дит'*, *шывили́т'*, *наскóчит'*, *уткнет'* и т. д.

Тикé, *знáя*, *ни стáня*, *пáхня*, *бывáя*, *трóга*, *бу́дя*; *твая́ ни балú*, *а эт балú* (= болит).

3-е лицо множественного числа:

Пустынь: *úдут'*, *завýт'*, *ня знáют'*, *гыладáют'*, *зажгýт'*; *ня пóмнют'*, *залóжут*, *лóмют*, *хатя́т*, *ани ни атставáя*.

Белынь: *атрязáют'*, *ни дают'*, *вы́п'jут'*, *бывáют'*, *фстáнут'*, *зарóют'*, *úщут'*, *гаря́т'*, *гваря́т'*, *изгладя́т'*, *сидя́т'*, *jидя́т'*; *акружáт*, *лежáт*, *грямя́т*, *прахóдют'*; *апýстют'*; *абнóсют*, *свéрют*, *измéрют*, *увúдют* и т. д., но *трýся*.

В говоре Пустыни перед *т'* в 3-м л. ед. ч. *е* чаще не переходит в *о*, а в Белыни наличный материал дал только один случай произношения *е*.

Отметим, как общее для обоих говоров, форму возвратного глагола на *-си*: *сыбралсú*, *прижывéсси*, *взялсú*, *байсси*, *вялсú*, *ни даждёсси*, *атря́хывалси*, *здалсú*, *сыхранúсси*, *рыздяваúйси*.

СИНТАКСИС

Здесь прежде всего обращает внимание почти полное отсутствие среднего рода.

Пустынь: *такáя прядáн'jа*; *нычалáс' хлибасéяние*; *такáя мучéн'jа*; *время ни такáя*; *правлéния нам выдяля́ла газéту*; *у фсéх адна гóря*; *мая́ бéлая плáт'jа*; *дыхáн'jа у нявó харóшая*; *вот анá и гóря тваё*; *шjет' на вайскý*; *какý врядúтил'ству дéлал*; *харóшая такá стякло́*; *с э́ткъй грузъй уйдý ф пóлю*; *здесь такáя мéста пищáная*; *я бывáлъ мúрну врéмю jéздила в Масквý*, *с Ывáнывный пал'тóй затéилис'*; *мамк зы пал'тóй паéхыла*. Ср.: *хыладнó в адномóм шынéли*.

Белынь: *фся силéн'jа згарéла*; *ну*, *и учéн'jа ямý шла*; *ва фсю́ сяло́*; *в адну́ лéту*; *мая́ калéчкя*; *на кóшку* (= на окошко); *кякáя кúсла* (молоко); *фсё-тки сéна-т хýжы нáшый пáхня*; *ничавó ни чýвствъвала биздыханнъе тéло*, *ей уш ни да нáс*, *анá ахладéла*; *крывили́т'jа бал'шó шло*; *ни такáя крывали́т'jа*; *сказáт' этъкая адно́ слóва*.

Привожу наиболее характерные образцы по синтаксису и стилю данных говоров.

Пустынь: *а хыт' вот была́ и ни вайна́* (т. е. когда не было войны); *нихто яво́ баитца* (такой оборот можно встретить в Поморских говорах); *чиряс хлеп* (из-за хлеба); *чиряз э́то* (благодаря этому, поэтому); *вы ни ме́ете* (не умеете) *жыт' про́тиф нас* (т. е. как мы); *как жыф будя, прие́дя*; *он ей γыварит*: „*Ты миня́, ден' ни приду́, жди, два ни приду́, жди, три ни приду́, жди, а ны читвёрту ночь пришо́л*“ (из разговора женщин о солдатах; любопытный пример прямого заимствования формы из фольклора); *три ли капе́йки, две ли капе́йки, пять ли капеек*; *как жыт' адно́ю-то*; *а папи́т' бу́дит што́?*; *мно́γа с мя́сьм стаят'*; *по́зно ве́черу*; *я, бывая, ми́рну времю е́з'дила в Масквý*.

Довольно часто наблюдаются следы постпозитивного члена: *чулочки-ты, мылачкё-та, ношки-та* и др.

Белынь: *фсякая милюза́ пы луγа́м таятца*; *я паб'jу́ нылипа́т'* на ко́шку (я побью, если будешь налипать бумажки на окошко); *ис фсе́х тава́рищей учи́лся* (лучше всех); *у же́нниный у ма́тири*.

Ударение

Пустынь: *пре́дметы, на ру́ки, куча́ми, ве́рнитца, к ве́сни, ляни́тца* (3 л. ед.), *хыладно́*.

Белынь: *ни кури́т', ат ужа́са, как чо́лнык, страγу́, крикну́л, рыздалей, па по́лю, па ле́су, в наря́х* (= в нарах).

ЛЕКСИКА

Пустынь: *Акати́тца* (= ягниться): *акати́лась афца́, каза́*; *ба́ит'* (= говорить): *я ба́ю, ты ба́иш, он ба́е, ба́ит*; *бо́л'нъ* (= очень): *бо́л'нъ уш он разуми́ст*; *бо́тницы* (= пироги из пшенной муки); *брат' лён* (= дергать); *брыка́тца*: *каро́ва брыка́етца*; *виски́* (= волосы): *нискол'к вищо́к не было* (после болезни тифом); *вя́хил* (= мешок): *из вирёвък, ре́ткими кле́ткими, штоб сенъ не вы́валилъс'*; *γута́рит'* (= говорить): *ты γутарит' и нихто б*

ня знал; *дежа́* (= кадушечка для теста); *дежни́к* (= покрышка из холста для дежы); *де́лъва пара́* (= время уборки хлеба); *жычи́на* (= прут); *загне́тка* (= шесток): *кагда то́питца печка* [по-черному], *ребята аблепят загнетку, так и байссии абварит' их*; *запо́н* (= женская рабочая одежда): *вя́жут' в нём снапы, он и с рукава́ми, кофтычка, а внис как фа́ртук*; *и́грища* (= игры, гулянье молодёжи); *каты́* (= кожаная обувь женская, с украшениями, в виде галош); *ки́чка* (= головной убор): *изуряжен лентами, дян'гами, мишуро́й*; *клеф* (= помещение для скота; в Белыни — *кату́х*); *ко́чет* (= петух); *кули́шка* (= полянка); *ли́тый* (= похожий): *в Рязани абряды ли́тые на́шы*; *микала́шкина* (= тканина бумажная, старинная); *не́тил'* (= нестельная тёлка); *ни́ва*: *две сыркавы́х дисяти́ны, фсё поля изрезъно нива́ми, восим'дисит' са́жын' пы чаты́ри стыраны*; *паме́нит'* (= уменьшиться): *мно́га народу была, а щас паменила*; *пагода* (= снег): *пагода хо́чит' апя́т'*; *памсти́тца* (= показаться, подумать): *ей памстилось'*; *панёва* (= клетчатая юбка): *фпереди́ фшыва́лас' пъласа́*; в Белыни — *пон'ка*); *парткы́* (= штаны); *пастра́мък* (= маленький возок); *пачёс'* (= почти): *ляса́ пачес' фсе снялы́*; *пляс'* (= пляска); *пря́шка* (= какой-то промежуток времени): *пря́шку атрабо́тал, другой на́чал*; *пъстушки́* (= лента, тесьма с рисунками, которой обшивался воротник и подол рубашки); *пымала́живат'*: *атсэ́л' кык вро́ди пымала́жывъе — собираются ту́чи*; *пысядёлки* (= вечеринки молодёжи); *рагач* (= ухват; в Бялы́ни — *ухва́т*); *ручине́ц* (= срок в 12 дней): *ручине́ц аташо́л яму́* (поросёнку), *мо́жнъ ре́зът'*; *стыт'* (стыдь) (= холод); *тава́ръчка* (= подруга); *тырло́*: *приго́н для ската́, абгарожен пря́слъми, че́м ли*; *уса́т*: *уса́д'биньа местъ, уса́т и агаро́т, уса́т аддяля́ицца ат агаро́да*; *хрептух*: *для сы́пки афса́ ло́шыди, ис халста́ шыли*; *хъладни́к* (= женская длинная одежда, желтого цвета — „праздничная сряда“); *ча́пля* (= сковородник); *черезгине́тник* (= лепёшки из хлебного теста, печеные на сковороде; в селе Сулак — *паддымник*); *шыри́нка* (= головной убор, расшитый платок; девушки носили только красные ширинки; в Белыни — *фата́*).

Белынь: *γря́тка* (=брус в избе у печки, на который кладут печёный хлеб, посуду); *γурба́* (=артель; устар.); *кабёл* (=яма, овраг; устар.); *каре́ц* (=ковш; устар.); *кату́х* (=помещение для скота; в Пустыни — *клеф*); *кры́нка* (=чашка); *кудали́м, ку́ндыл'* (=название местного леса); лавки в избе́: *кони́к* (=передняя, лавка средняя); *кут* (=задняя); *ло́хан* (=вор, бродяга); *маха́тка* (=маленькнй горшочек); *ми́ска* (=чашка); *пав'ја́лит', зав'јат'* (=нанести снегу); *назём* (=навоз), *падзёмная* (=мешель); *пере́вня или пересе́к* (=лохань); *пон'ка* (=клетчатая юбка; в Пустыни — *панёва*); *руда́* (=кровь; устар.); *ручине́ц* (=срок в 12 дней; см. Пустынь); сака́т' (=беседу вести, думать, держать совет; устар.); *ска́вры* (=мостки); *старно́фка, спла́фки, акало́тки* (=обмолоченная солома); сте́ржен' (=шворень, штыр); *телка́ч* (=пест; в Пустыни *пяхте́л*); *уло́к — у быране́ вязок привязывълся и на ним кал'цо́ хо́дит'*; *упо́й* (у хомута ремень сверху); *ухва́т, рушни́ца* (то же, что *раγа́ч* в Пустынь); *фата́* (=головной убор, расшитый платок; в Пустыни — *шыри́нка*); *чакма́р* (=чурбан для битья глины; в. с. Ворона — *тумак*); *ша́нут'* (=прыгнуть, броситься; устар.).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Описанные говоры, представляющие безусловный научный интерес, встречаются компактно в Рязанской и Тамбовской областях, а островками разбросаны также в других областях. Где бы они ни были, в них, наряду с чертами различия, есть много общего, что позволяет относить их к одной группе говоров, именно — к говорам рязанской мещеры.

Называя эти говоры мещерскими, считаю, что они являются русскими говорами мещеры, воспринявшей полностью русский язык и привнесшей в него кое-что свое, главным образом в области фонетики (особая интонация, цоканье), а одновременно сохранившей некоторые старые особенности (в области морфологии и лексики). При такой постановке вопроса есть

необходимость дать историческую справку о мещере. К сожалению, сведений о мещере в нашей литературе очень мало, и они не всегда достаточно отчетливы. Мною использованы следующие источники: 1) Полное собрание русских летописей; издания Археологической комиссии; 2) Иловайский. История Рязанского княжества. Соч., т. I. М., 1884; 3) И. И. Дубасов. Очерки истории Тамбовского края, вып. 1—5; М., 1883; 4) М. Смирнов. О князьях мещерских XIII—XV вв., 1904; 5) С. К. Кузнецов. Русская историческая география; вып. I, М., 1910; 6) Б. А. Куфтин. Материальная культура русской мещеры, часть I, М., 1926; 7) Диалектологические работы Будде; 8) Труды Гос. музея Центр. пром. обл., вып. 3, М., 1926, и ряд других.

Наиболее правдоподобным надо считать, что мещера — остаток ветви финского племени, совершенно обрусевшего.

Мещера упоминается в Начальной летописи под 859 г. по случаю набегов варягов. По свидетельству Никоновской летописи, мещера платила дань варягам (Полное собр. русских летописей, т. IX, стр. 8). Рано исчезла со страниц летописей многочисленная меря, но имена муромы и мещеры, близких к мере, дольше упоминались в летописях; они занимали низовья Оки. Более поздние летописи к мурому, черемисам, мордве, обитающим по Оке, добавляют: „мещера свой язык“ (Полное собр. русск. летописей, т. V, стр. 84; т. VII, стр. 263; т. IX, 4; т. XI, стр. 22). Вообще же можно сказать, что упоминаний о мещере в летописях сравнительно мало. Составители летописей могли не знать мещеру или игнорировали ее. Иловайский считал, что древние летописцы не отличали мещеру от мери и муромы и не знали ее имени: „Затерянная в непроходимых дебрях и болотах, мещера долее своих соседей оставалась на степени совершенной дикости [? — *Г. Н.*] и ускользала от внимания истории“.[1] В раннюю пору мещера имела соприкосновение с вятичами, „скромно ютившимися по окраинам сплошных инородческих поселений“, также отличавшимися невысоким развитием (сравнительно с другими русскими племенами).

[1] Д. Иловайский. Ук. соч., стр. 3.

С древнейших времен мещера занимала север Рязанской губ., северные уезды Тамбовской и, может быть, северо-запад Пензенской. Эти края получили название Мещерского края и Мещерской стороны. Тамбовский край, по словам Дубасова, с самого начала русской истории и до XVII в. именовался Мещерской стороной: „В прошлых годах в Шацкие и иные Мещерские места татарские и ногайские воровские люди прихаживали изгоном и те все места воевали, людей побивали и в полон имали, и села и деревни многие пожгли и до конца разорили... И мы то слыша, указали поставить город Тамбов“ (из указа Михаила Федоровича, 1637 г.).[1]

Имеются более ранние упоминания о мещерской земле, именно — в указаниях о набегах азовцев на мещерскую украйну в начале XVI в. и о прохождении кн. Курбского в Казань через мещерскую землю.

Помимо мещеры, в Тамбовском крае обитали мордва и буртасы. Буртасы исчезли бесследно, мордва сохранилась, мещера растворилась среди русских. Единственной памятью о ней здесь служат сохранившиеся женские костюмы, некоторые обряды и своеобразный выговор, наблюдаемый в особенности в сёлах Кирилловке, Сядемке, Красной Дуброве и др.[2]

В XI в. мещера вошла в состав Чернигово-Северского удела, и этим было положено начало ее обрусению, усилившемуся после основания г. Рязани. Любопытно, что в летописях нет указаний на борьбу мещеры со славянскими пришельцами, в то время как о длительном сопротивлении славянам воинственной мордвы мы встречаем неоднократные упоминания. До татарского нашествия обрусение мещеры постепенно усиливалось. Татарское нашествие приостановило этот процесс, — татары сами вмешались в жизнь мещеры и оказывали на нее воздействие; часть мещеры отатарилась. Но во время татарского ига среди мещеры появляются и свои князья. Так, в середине

[1] И. И. Дубасов. Ук. соч., вып. 1, стр. 7.

[2] Говор этих сёл обследован проф. А. Н. Гвоздевым. — „Ученые записки Куйбышевского пед. ин-та“, вып. V, 1942.

XIV в. мещерский князь Александр Укович имел владения по Цне. Но скоро Москва купила эти земли и этим ускорила слияние мещеры с русскими. Сначала русские дозволяли селиться здесь знатным татарским выходцам из Орды, но с XV в. начинают появляться русские „кормленщики" — наместники московских князей. С этих пор на мещеру ложится тяжесть возведения укреплений и их охраны. Так, укрепленные границы Пензенского края — Саранская, Инсарская, Ломовская и Керенская заселены были по распоряжению правительства мещерой — жителями Темниковского, Кадомского, Шацкого уездов. Из мещеры был создан буфер между татарами, ногаями, бродившими в степях, и русскими; это была русская украина (см. выше название порядка (улицы) в Пустыни — „Украина"). Заселение это началось в 1636 г.; с этого времени и надо считать появление мещеры в Пензенской губ., в том числе и в селах Пустынь и Белынь; это же определило разбросанность ее по губернии маленькими островками. В числе переселенцев, вольных и невольных, были и русские; и мордва, и татары, и др., что нашло выражение в пестроте населения Пензенской обл., сохранившейся до наших дней.

Потомков древней мещеры в настоящее время мы видим в Казанской, Саратовской, Куйбышевской и Пензенской областях под названием мишярь или мяшарь, мижярь. Это — ветвь мещеры, отатарившейся приблизительно в XIV—XV вв. Но до сих пор они сознают свою обособленность от татар. Язык их убеждает, что они — потомки мещеры. Татарское *ч* они произносят как *ц*: *öцьь* вм. *öчь* (= три), *оц* вм. *оч* (= конец), *ац* вм. *ач* (= голодный), *цäцьь — чäчь* (= волосы), *эц — эч* (= пей); татарский согласный *j* они произносят как *дь*: *дьул* вм. *jул* (= дорога) и т. д. Эти факты важны для определения отдельных особенностей современных русских говоров мещеры.

Мишяри представляют нечто особое от татар и по костюму: черный или синий кафтан, вышивка на рубашке. К татарам они прежде относились несколько враждебно, а татары высмеивали „грубый" язык мишярей и их „неразвитость" (то же самое, что отмечено выше в отношениях жителей с. Веденяпино

к мещере Пустыни и Белыни). У татар существовал ряд анекдотов, где мишяры выставлялись грубыми дикарями.

Значительная часть мещеры по Грамоте 1688 г. была переселена в уфимские пределы для несения пограничной службы наряду с башкирами и прочими иноземцами. Там эта мещера сроднилась с башкирами и, как отмечают наблюдатели, образовала особое наречие тюркского языка, напоминающее наречие мишярей.

Мещера Рязанской, Тамбовской и Пензенской областей совершенно обрусела, будучи разбросанной среди русских. Определить территорию ее расселения довольно трудно: мещера большей частью потеряла и свое имя. Отмечается, что в северной части Спасского у. по течению р. Пры население носит название мещеры, но и оно не представляет заметных отличий от русских. „Нас дразнят мещерой, а мы руссие", — говорили они. Это отмечал Смирнов в 1904 г. Такое же заявление мне приходилось слышать в 1944 г. при наблюдении говора сёл Пустыни и Белыни. Но отмечаются случаи сохранения каких-то признаков национального самосознания у части мещеры. Так, пензенская мещера с гордостью вспоминала своих князей, обитавших к Наровчате, и презрительно отзывалась о мещере касимовской, подпавшей под татарское влияние.

Отдельные островки мещеры отмечаются довольно широко в Тульской, Владимирской, Ярославской, Московской, Калининской, Горьковской, Ульяновской областях. Есть указания, что Иван III переселил часть новгородцев в мещеру и наряду с этим было переселение мещеры в Новгородскую обл.

Северная часть Тамбовской губ., клином вдающаяся между Рязанской и Пензенской, на самом севере примыкая к Нижегородской, а около Елатьмы — к Владимирской, с незапамятных времен была заселена мещерой, перемешавшейся с муромой и мордвой. Мещера здесь разбросана была небольшими островками среди муромы и мордвы. Население Муромского у. имеет заметную этнографическую близость с населением Мещерского края Рязанской обл. Объясняется это тем, что в состав самостоятельного Муромского княжества входила частью и

территория Мещерского края, именно — северная и северо-западная полоса Касимовского у. до района реки Гуся и область между реками Мокшей и Окой Елатомского у.

Нужно отметить особенно близость мещеры с мордвой, с которой она долго жила в самом тесном общении; возможно усвоение частью мещеры мордовского языка. Об этом имеется такое свидетельство кн. Курбского: „А нас послал тогда [Иван Грозный]... через Рязанскую землю и потом через Мещерскую, иде же есть мордовский язык".[1]

Говоры мещеры в ряду других русских говоров изучались хотя и не плохо, но мало. Давно уже отмечено коренное различие мещерских или севернорязанских говоров от южнорязанских и в то же время заметное совпадение их с западными и юго-западными южнорусскими говорами (мещовские, масальские, жиздринские) и как будто — в наиболее архаичных чертах. Едва ли эти особенности, как думали некоторые исследователи, можно объяснить влиянием белорусского или украинского языков. Будде считал, что эти особенности привнесены в вятичский говор колонизацией северян, которых он рассматривал как предков северных украинских племен. Но это требует бо́льших обоснований и едва ли подтвердится.

Будде, много работавший над этими говорами, пришел к выводу, что данная территория издавна была занята какими-то особыми севернорусскими группами, сохранившими в своем произношении многие весьма архаичные черты. С этим согласился и Шахматов. Но трудно допустить, чтобы какие-то „северноруссы" обитали здесь, оставаясь незамеченными для историков, и изменили свой говор настолько, что он по своим особенностям из северного стал южным.

Знакомясь с говорами мещеры, мы видим, что их русская основа, даже за вычетом элементов влияния южнорусской сильно акающей группы, не является однородной и предполагает несколько вошедших в него компонентов, правда, из какой-то до известной степени общей среды. Любопытно,

[1] „Сказания кн. Курбского", ч. 1, 1833, стр. 17.

что смоленские кривичи, колонизировавшие Ростовско-Суздальскую обл., являясь ближайшими соседями мещеры, не наложили никакого следа на мещерские говоры. Основа и мещерских говоров — севернорусская, но эта основа не совпадает с нецокающими говорами Ростовско-Суздальской обл. Значительно больше совпадение с вологодско-вятскими говорами и даже с олонецкими. В части владимирских говоров (Меленковский, Судогодский уезды, вплоть до Владимира) сходство с говорами мещерскими можно объяснить проникновением сюда мещеры (здесь есть и панёва, которую обычно носят в местах, где распространены мещерские говоры).

Итак, говор русской мещеры — сравнительно позднего происхождения; он мог образоваться постепенно, довольно сложными путями. Первые соприкосновения мещеры с русскими относятся к домонгольскому периоду, и они могли дать лексические заимствования, может быть и некоторые другие влияния. Но монгольским нашествием сближение мещеры с русскими, ее обрусение было в какой-то степени прервано. Татарский язык начинает оказывать воздействие на язык мещеры, и часть мещеры усваивает татарский язык (мишяры). Фонетические особенности русских говоров усваивались мещерой постепенно и сравнительно поздно, когда мещера полностью переходила на русский язык. Колебания в фонетике, наблюдаемые сейчас в русских мещерских говорах, расхождения в отдельных явлениях можно объяснить именно поздним усвоением мещерой русского языка в разных его говорах.

Усваивая русские говоры, мещера приспособляла их к особенностям своего языка, подвергая их изменению в соответствии с особенностями своего произношения. Поэтому можно считать, что, например, явление цоканья в говорах русской мещеры нужно отнести к пережиточному явлению: мещера в усвоенный русский язык привнесла эту особенность, как привнесла она ее в татарский язык (мишяры) — в ближайших к мещере русских говорах не было цоканья. Это относится и к говорам Пустыни и Белыни.

В. ГЕОРГИЕВА

СИНТАКСИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ, ОБРАЗОВАННЫЕ СОЧЕТАНИЕМ ИМЕНИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА С ИНФИНИТИВОМ ИЛИ НАРЕЧИЕМ „НАДО" В СОВРЕМЕННЫХ РУССКИХ ГОВОРАХ

Материалы диалектологических экспедиций Института русского языка Академии Наук СССР дают возможность установить территорию распространения некоторых синтаксических конструкций, наблюдаемых в русских говорах. Имеются в виду конструкции, в которых форма именительного падежа существительного выступает в явно аккузативном значении в сочетании с различными глагольными формами (*носить вода*, *истоплю баня* и т. д.), а также конструкции, образованные формой именительного падежа в сочетании с наречиями „надо", „нужно", в их предикативном значении (*надо шапка* и пр.).

Данное синтаксическое явление, имевшееся в письменности вплоть до XVIII в., издавна интересовало исследователей, но занимались им, однако, только попутно. Так, примеры этих конструкций в письменности и замечания об их синтаксическом значении имеются у Фр. Миклошича[1] и у А. А. Шахматова.[2] Предположения о происхождении рассматриваемых синтаксических оборотов имеются также у А. А. Потебни.[3] Анализу этих оборотов посвящена статья П. Бицилли „Употребление

[1] F. Miklošič. Vergl. Grammatik, т. IV, стр. 346.

[2] А. А. Шахматов. Исследования по русскому яз., т. II, вып. III, 1903, стр. 131.

[3] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. II, 1874, стр. 372.

формы именительного падежа женских имен на *а* при инфинитиве в русском языке".[1]

Однако, опираясь лишь на письменные памятники (которыми располагали и предшествующие ученые), Бицилли не смог, по существу, прибавить к толкованию данных конструкций ничего нового, кроме различного понимания формы именительного падежа в языке юридических актов, с одной стороны, и в языке „обиходном" (термин Бицилли) и фольклорном, с другой, что не кажется убедительным (как об этом будет сказано далее).

С употреблением сочетаний формы именительного падежа с инфинитивом столкнулся при исследовании синтаксиса „Судебника Ивана Грозного" Я. А. Спринчак, попытавшийся также сделать некоторые общие предположения о происхождении этих сочетаний.

Что же касается характера употребления сочетаний формы именительного падежа как с инфинитивом, так и с другими глагольными формами, а также с наречиями в современных русских говорах, то об этом говорит только небольшая статья проф. Ф. П. Филина „Об употреблении формы именительного падежа имен женского рода на *а* в значении аккузатива".[2] В статье даются примеры и краткое толкование данной синтаксической особенности, причем автор основывается только на части материалов, имеющихся в распоряжении Института русского языка.

Исходя из того, что́ есть в настоящее время по данному вопросу, можно с уверенностью сказать, что территория распространения форм именительного падежа в аккузативном значении с различными глагольными формами (сочетания с наречиями пока оставляются в стороне) сужается с течением времени. Это свидетельствует о пережиточном характере данной синтаксической особенности, что уже отмечал в своей статье проф. Ф. П. Филин.

---

[1] „Сборник в честь на проф. Милетичъ", София, 1933.

[2] „Бюллетень диалектол. сектора ИРЯЗ", вып. 1, 1947.

Если рассматриваемые конструкции наблюдаются в московских памятниках XV—XVI вв., то сейчас изоглосса более или менее сплошного распространения этого явления проходит значительно севернее. Южная граница употребления данных конструкций в русских говорах (белорусский язык не принимается во внимание) идет примерно в 60 км севернее Пскова, далее она отклоняется к северу, проходя в нескольких километрах севернее Плюссы, затем идет на юго-восток, — к гор. Сольцы, затем на восток — к Бологому, проходит в нескольких километрах севернее Бежецка и продолжается далее на восток.

Южнее этой линии, согласно материалам экспедиции по I тому Диалектологического атласа русского языка, имеются лишь три небольших пятна, причем все три находятся в непосредственной близости от городов: на восток — от Порхова (5—6 из обследованных населенных пунктов), возле Новоржева (единичные случаи в двух из обследованных пунктов) и возле Пскова (единичные случаи в двух из обследованных пунктов).

В полосе, непосредственно прилегающей к намеченной линии с севера, употребление форм именительного падежа в аккузативном значении с различными глагольными формами отмечено наблюдателями лишь в единичных случаях. Совершенно ясно, что это обусловлено тесным взаимодействием северных говоров не только с литературным языком, но и с соседними, более южными, говорами. Севернее наблюдатели отмечают более частое употребление рассматриваемых конструкций, но почти исключительно в традиционном говоре представителей старого поколения. Непосредственное наблюдение за данным синтаксическим явлением показывает огромное воздействие общерусских языковых норм даже на представителей старого поколения современной деревни. Большинство из них обладает некоторым „двуязычием". В частности, рассматриваемые синтаксические конструкции употребляются (в большинстве случаев) в разговоре между собою и гораздо реже в разговоре с посторонним человеком, ведущим наблюдения над данным говором. При просьбе же повторить фразу, в кото-

рой была употреблена данная конструкция, как правило, ее повторяют уже с общерусской формой винительного падежа. Таким образом, и в сознание представителей старого поколения колхозной деревни все больше входят общерусские языковые нормы даже в тех случаях, когда по традиции все еще употребляются старые диалектальные.

Основные разновидности употребления в современных говорах формы именительного падежа в значении аккузатива с глагольными формами даны в статье проф. Ф. П. Филина. Эта форма употребляется в сочетании со спрягаемой формой глагола настоящего и будущего времени любого лица и числа: *ета конопля в воду помочат* (дер. Марьинское Лядского р-на Псковск. обл.); *губа сожок* (дер. Лядины Каргопольского р-на Архангельск. обл.); *сядя есь да ф книга* (там же), с формой прошедшего времени на *л: летась я каза купила* (дер. Демидово Холмского р-на Великолукск. обл.); с глаголом в повелительном наклонении: *снясй вот маю каса* (дер. Лековское Осьминского р-на Ленингр. обл.); *трава возьмите* (дер. Колышево Большесельского р-на Ярославск. обл.); с деепричастием: *ить спать не пойдет не решыфшы задача* (дер. Бурмакино Капшинского р-на Ленингр. обл.).

Если выделять сочетания формы именительного падежа с глаголом в повелительном наклонении, что сделано проф. Ф. П. Филиным, то можно прибавить и еще одну разновидность — сочетание формы именительного падежа с глаголом в сослагательном наклонении: *принёз бы раньше коса, дак накосила п* (с. Пашозеро Капшинского р-на Ленингр. обл.). Наконец, форма именительного падежа в значении аккузатива употребляется в сочетании с инфинитивом: *вода стереть надо* (с. Вирьма Беломорского р-на К.-Ф. ССР); *надо стелька клась* (дер. Шоткуса Лодейнопольского р-на Ленингр. обл.); *можно здесь подушка взять* (дер. Тайгинцы Медвежегорского р-на К.-Ф. ССР); *старики жалеть надо* (дер. Носовка Полновского р-на Псковск. обл.); *он хотел шшука наверёх выташшить* (дер. Заполье Лужского р-на Ленингр. обл.) и т. д.

Попутно следует заметить, что рассматриваемые конструкции могут наблюдаться не только при существительных с основой на *а*, но и при тех существительных других основ, в которых вообще есть возможность различить формы именительного и винительного падежей. Правда, примеры типа „старикй жалéть нáдо“ в материалах экспедиции единичны. Здесь, несомненно, имеет значение не только то обстоятельство, что подобных существительных в русском языке вообще несравненно меньше, чем существительных на *а*, но и то, что дифференциация форм именительного и винительного падежей в этих случаях произошла, как известно, сравнительно поздно, когда существительные рассматриваемых конструкций, несомненно, были уже объектами, и поэтому дифференциация захватила их и в этих конструкциях.

Исследователи отмечают, что в древнерусской письменности форма именительного падежа в рассматриваемом значении употреблялась, как правило, только с инфинитивом. Потебня и Миклошич в своих замечаниях о данной конструкции говорят именно об инфинитиве, но не о других глагольных формах. Спринчак и Бицилли в названных уже работах устанавливают, что форма именительного падежа в древнерусской письменности характерна лишь для независимого инфинитива. Действительно, хотя сочетания формы именительного падежа с инфинитивом, зависящим от личной формы глагола, а также с неинфинитивными глагольными формами можно наблюдать в письменности уже в XIV в., но случаи эти буквально единичны. Так, во всей I Псковской летописи имеется 2—3 таких случая, причем не все они бесспорные: „Заложища церковь Рожество святое каменая за Стѣною и мость поставиша новой на Псковѣ“;[1] „Нача у Пскова просити и судъ держати не по псковской старинѣ, на ссылку вдвое ѣзды имети, и по пригородомъ его намѣстником княжая продажа имати обоя, такоже и денги намѣстничи“.[2]

---

[1] „Полное собр. русск. летописей“, т. IV, 1848, стр. 194.

[2] Там же, стр. 250.

На основании материалов можно с уверенностью сказать, что и в современных говорах, при большом количестве разновидностей употребления формы именительного падежа в значении аккузатива, абсолютное большинство случаев падает все же на сочетания с инфинитивом, не зависящим от личной формы глагола. В говоре значительного количества обследованных населенных пунктов наблюдателями отмечен только этот вид (о характере фраз с таким инфинитивом будет сказано ниже). Естественно признать конструкцию этого типа первичной. Лишь с переходом существительного, которое первоначально было субъектом в именительном падеже (что признано всеми исследователями), в категорию объекта старая форма именительного падежа стала осознаваться как возможная для винительного падежа. В связи с этим, она стала сочетаться и с другими глагольными формами, требующими винительного падежа и даже винительного с предлогом. Совершенно ясно, что фразы, например, со спрягаемой формой глагола типа: „*Заложиша церковь Рожество святое каменая ...*“ или в современных говорах: *ложы́ли в дириви́нная ма́сленка* (дер. Прокшино Пашского р-на Ленингр. обл.), могли возникнуть только тогда, когда форма именительного падежа закрепилась в сознании говорящих как характерная для винительного падежа при независимом инфинитиве, а отсюда и вообще как возможная для этого падежа.

Таким образом, вместе с процессом постепенного уменьшения частоты употребления именительного падежа в аккузативном значении и вытеснением его формой винительного падежа, происходит процесс увеличения количества разновидностей данной синтаксической особенности. Подобное толкование рассматриваемой конструкции в современных говорах дано в статье проф. Ф. П. Филина. Нужно добавить, однако, что форма именительного падежа закрепилась в сознании субъекта, употребляющего данные синтаксические конструкции, не только как возможная для винительного падежа, но и в значительной степени как возможная для оформления дополнения вообще, поскольку категория аккузатива в русском языке есть

категория дополнения. В данный момент материалы позволяют не ограничиваться несколькими примерами, выделенными проф. Ф. П. Филиным в особую группу, в которых форма именительного падежа употребляется в конструкции с отрицанием *ни, не* и служит, таким образом, для оформления дополнения, имеющего (в одних случаях обязательно, в других — необязательно) форму родительного падежа в общерусском литературном языке. (См. примеры на стр. 22 указанной статьи). Выделенное здесь же особо сочетание „голова долой" является устойчивым фразеологическим сочетанием, употребление которого, безусловно выходит за пределы территории распространения рассматриваемых конструкций, и оно с неменьшим основанием может быть трактовано в отношении синтаксическом как „голова долой будет снята", чем „голову долой снимут". Имеется немало случаев употребления формы именительного падежа в значении дополнения, явно имеющего не аккузативный характер, а характер, выражаемый родительным разделительным. Есть также случаи (хотя и редкие) употребления данной формы в значении косвенного дополнения, выражаемого обычно формами дательного, творительного или предложного падежей.

Таковы следующие примеры: *Трава́ накоси́ телёнку* (Тихмангский с/с Каргопольского р-на Архангельск. обл.); *Принесу́ полкорзи́ны моро́шка* (дер. Большая Дора Уломского р-на Вологодск. обл.); *Мо́йся, вода́ хва́тит* (дер. Ямно Чудовского р-на Новгородск. обл.); *Ско́лько ры́ба на́да пойма́ть тебе́-ка?* (Кр. Горы, ЭССР); *У на́с топе́рь си́ла-то ма́ло* (дер. Ящерово Валдайского р-на Новгородск. обл.); *На́до коро́ва подмы́ть вы́мячко* (дер. Угрюмово Петриневского р-на, Волог. обл.); *Ба́ба помере́ть на́да* (Воронья, ЭССР); *Наступи́л на га́да нога́* (дер. Лукино Капшинского р-на Ленингр. обл.); *То́лько на кры́ша труба́ провести на́до* (дер. Гумбарицы Лодейнопольского р-на Ленингр. обл.); *Пое́хать на маши́на* (Нов. Слобода Лодейнопольского р-на Ленингр. обл.); *Та́тка неда́вно был в ба́йна* (дер. Авдеево Пудожского р-на К.-Ф. ССР).

Подобного рода примеры говорят о том, что форма именительного падежа, будучи переосмысленной, оторвалась тем самым от первоначального типа конструкций (инфинитивных) и стала возможной для оформления любого дополнения, граничащего даже в некоторых случаях с обстоятельственным словом.

* * *

Синтаксические конструкции, образованные формой именительного падежа в сочетании с наречиями „надо", „нужно", необходимо выделить в особую группу уже по той причине, что изоглосса распространения данного явления не сходится в своей западной части с изоглоссой конструкций только что рассмотренных. Территория бывшей псковской земли, за исключением незначительного пространства в северо-западной части, захватываемой изоглоссой распространения конструкций первого типа, и указанных выше пятен, которые заходят на северную часть псковщины с боков (с запада и востока), остается в настоящее время совершенно свободной от употребления фраз с сочетаниями рассмотренного типа. Между тем, конструкции с наречием „надо" (форму „нужно" употребляет, как правило, только сельская интеллигенция) чрезвычайно широко распространены в псковских говорах. Например, в южной части псковских говоров (на основании длительных личных наблюдений) конструкции типа „шапка надо", „корзина надо" и пр. являются единственным типом синтаксического построения для всего местного населения (исключая, конечно, те случаи, когда семантика имени предполагает возможность употребления родительного разделительного, т. е. фраз типа „воды́ надо"). Лишь представители местной интеллигенции, в значительной степени владеющие литературным языком, заменяют нередко этот оборот конструкцией типа „шапка нужна", „корзина нужна". Однако и приведенный тип синтаксического построения — с „надо" — встречается очень часто даже в языке интеллигенции районного центра. Псковские говоры территории, свободной от употребления рассмотренных глагольных конструкций, т. е. в своей основной части, насколько это показывают материалы экспе-

диций и личные наблюдения, очевидно, совершенно не знают употребления в этом случае конструкций с винительным падежом типа „шапку надо", „корзину надо". При таком положении дела рассматриваемое наречие „надо", естественно, можно наблюдать в сочетании с формой именительного падежа как самых разнотипных существительных, так и с формой этого падежа личных местоимений.

Примеры: *Ры́пка к пра́зьнику на́да* (дер. Старищи Порховского р-на Псковск. обл.); *Пастухý па́лка на́да* (там же); Тут рукáм ня *взя́ть, тут на́да конь харо́шый* (дер. Загорье Порховского р-на Псковск. обл.); *Мне мужы́к ня на́да* (дер. Заборовье Гдовского р-на Псковской обл.); *На́да нам пряцада́тиль харо́шай* (дер. Бахново Дедовичского р-на Псковск. обл.); *Калхо́зу ко́ни на́да* (дер. Подосна Гдовского р-на Псковск. обл.); *Ана́ ямý тяпе́рь ня на́да* (дер. Мельница Пушкиногорского р-на Псковск. обл.). *Зачы́м ана́ на́да мужыка́м* (дер. Пушкино Осьминского р-на Ленингр. обл.); *Тебе́ мы не на́до?* (дер. Гверёстка, Гдовского р-на Псковск. обл.); *Ани́ ей сафсе́м и не на́да* (гор. Опочка, Великолукск. обл.).

Таким образом, рассматриваемая синтаксическая конструкция отнюдь не представляет собой для псковских говоров (во всяком случае, в южной части территории) явления исчезающего. Она является таковым лишь постольку, поскольку вообще все диалектальные особенности, которые не входят или не войдут в общерусский литературный язык, обречены, в конечном счете, на исчезновение.

Столь широкое употребление данного оборота при совершенном отсутствии как параллельного употребления оборота с формой винительного падежа, так и конструкций с глагольными формами наводит на мысль о том, что мы имеем в данном случае какую-то иную (по сравнению с соответствующими глагольными конструкциями) линию развития. Следуя статье проф. Ф. П. Филина, который считает имя при „надо" объектом в аккузативе и связывает возникновение данных оборотов с переходом именительного падежа существительного инфинитивных конструкций в категорию аккузатива (как и возникновение

оборотов с неинфинитивными глагольными формами), нужно было бы признать, таким образом, данные синтаксические конструкции явлением вторичным.

Однако трудно предполагать, чтобы форма именительного падежа, вытесненная из глагольных конструкций существовавшей параллельно общерусской аккузативной формой и, следовательно, не закрепившаяся достаточно для псковских говоров как форма, возможная для категории объекта, стала бы тем не менее при предикативном наречии единственно возможной формой. Следуя точке зрения о вторичности рассматриваемых оборотов, нужно было бы притти к заключению, что форма имени в них настолько укрепилась в несоответствующем ей значении, что совершенно вытеснила ранее имевшуюся здесь форму винительного падежа, вопреки параллельному существованию этой последней в данных говорах для оформления категории прямого объекта при всяком другом сказуемом. Все это заставляет сомневаться во вторичности рассматриваемых оборотов, которые, кстати, совершенно последовательно наблюдаются в самых древних памятниках севернорусской письменности — грамоте Александра Ярославича 1257—1259 гг. и „Русской Правде": "ѡже кто гостить в Корѣлоу или нѣмци или гтане а что сѧ оучинитъ а то Новоугородоу тѧжѧ не надобе" (Грамота Ал-ра Ярославича).[1] „А что на ню моужь възложить, тъ томоу госпожа ѥсть, а заднича ѥи моужнѧ не надобѣ;[2]" „Оже боудеть сестра въ дому тъ то задница не надобѣ, нъ ѡтдадѧть ю за моужь брат(ь)нх, како си могоуть";[3] „А матернѧ часть дѣтемъ не надобѣ".[4]

На основании указанных обстоятельств скорее можно предполагать, что рассматриваемые синтаксические конструкции возникли параллельно с инфинитивными, но развивались по другой линии (во всяком случае в псковских говорах, т. е. на территории, свободной от параллельных конструкций с гла-

[1] Напьерский. Грамоты, касающиеся до сношений..., СПб., 1857, табл. I.

[2] „Правда Русская", т. I, 1940, стр. 128.

[3] Там же.

[4] Там же, стр. 129.

гольными формами). Имена этих конструкций, очевидно, сохранили свое субъектное значение и до настоящего времени. Предикативное наречие „надо“, будучи грамматической категорией, не согласующейся с субъектом, что, в общем, не характерно для современного русского синтаксиса, заменяется, как уже было сказано, у местной интеллигенции согласующейся грамматической категорией „нужен“, „нужна“, „нужно“. Безличные построения в этом случае возможны только при родительном разделительном падеже имени. За субъектный характер имени в рассматриваемых оборотах говорит и еще одно обстоятельство. Как это видно из приведенных примеров, наречие „надо“ так же легко сочетается с местоимениями в именительном падеже, как и с существительными. Между тем, во всем огромном количестве записей, сделанных участниками диалектологических экспедиций Института русского языка, нет ни одного примера формы именительного падежа местоимений в конструкциях, ранее рассмотренных (в сочетании с инфинитивом или с другой глагольной формой). Поэтому логично предположить, что местоимение при инфинитиве (если оно когда-нибудь и было в именительном падеже), перейдя в категорию объекта, последовательно и без остатков изменило свою форму и, таким образом, во всех местоимениях, фигурирующих в приведенных выше примерах, можно видеть только значение именительного падежа.

Предположение о субъектном характере имени в оборотах с „надо“ не может быть разрушено наличием двойной формы вопросительного предложения, соответствующего этим оборотам, которая наблюдается, в частности, в южной части псковских говоров. Если в процессе общения один человек сказал: *мне карзина нада, дожжык бы нада* и пр., а другой, не расслышав, решил спросить, что́ именно ему нужно, то вопрос может иметь только форму *хто нада?* (Местоимения „что“ для именительного и винительного падежей и „чего“ для родительного падежа в традиционном говоре представителей старшего поколения вообще, как правило, не употребляются). Однако, если человек, например, ищет что-нибудь, то его спросят: *каво тябе там нада?* Установить более или менее точно

эти сложные оттенки мысли, выраженные здесь грамматически, можно только в результате детального исследования. Предположительно можно сказать, что в местоимении „кого" в данном случае совсем не обязательно видеть винительный падеж, но скорее можно предполагать падеж родительный, тем более, что обороты типа „песку мне нада", „вады мне нада" и пр. совершенно обычны. Но, разумеется, это можно лишь предполагать.

В том же случае, когда из обстановки в процессе общения ясно, что речь должна идти о предмете одушевленном, возможен только вопрос *хто тябе нада?*

На территории к востоку и северо-востоку от псковских говоров конструкции, образованные формой именительного падежа с „надо" (или „нужно"), распространены не широко. Преобладает, в общем, в этом сочетании винительный падеж, т. е. безличная конструкция типа *мнé корзи́нку нýжно* (Спас-Смердино Петровского р-на Ярославск. обл.). Если учесть, кроме того, наличие на этой территории и формы именительного падежа в аккузативном значении в глагольных конструкциях, то здесь уже трудно говорить о сохранении до настоящего времени именами (в рассматриваемых конструкциях) своего субъектного значения. Правда, и здесь наречие „надо" может сочетаться с личными местоимениями в форме именительного падежа, например: *я им не на́до* (дер. Капань Брейтовского р-на Ярославск. обл.), где едва ли можно видеть объектное значение, но все же для этой территории, вероятно, правильнее будет говорить о неустойчивости в значении формы именительного падежа в сочетании с „надо", о субъектном или объектном ее характере, в зависимости от семантики имени и различных обстоятельств в общественной практике говорящих.

Наблюдаются в севернорусских говорах также и конструкции, образованные формой именительного падежа с предикативным наречием „видно" типа „изба видно" и пр. Но данные обороты, будучи не предусмотренными „Программой собирания сведений для Диалектологического атласа русского языка", лишь случайно попадали в материалы, представленные в Инсти-

тут русского языка участниками диалектологических экспедиций; поэтому, ввиду явно недостаточного количества материала, эти конструкции не взяты для рассмотрения.

* * *

Происхождение инфинитивных конструкций рассмотренного типа, так же как и конструкций с наречием „надо", может быть установлено только специальным монографическим исследованием с привлечением других языков, как славянских, так и неславянских. До тех пор все предположения, как бывшие, так и будущие, являясь более удачными или менее удачными, все же могут носить лишь гипотетический характер. Такого рода предположения исследователями делались. Попутное общее замечание о происхождении инфинитивных конструкций дает А. А. Шахматов, считая, что здесь произведена „замена винительного именительным", объясняющаяся тем, что инфинитив „не имел того полного глагольного значения, которое имели другие глагольные формы".[1]

Попытку представить более или менее конкретно первоначальный характер инфинитивных конструкций представляют высказывания Потебни. По его мнению, при существительном, представлявшем собою подлежащее, могло стоять инфинитивное сказуемое потому, что инфинитив был еще формой, безразличной относительно залога. Он не имел полного страдательного смысла, но „древность страдательного оттенка не подлежит сомнению".[2] При усилении же наклонности к потере залогового безразличия „именительный или заменяется винительным и исчезает бесследно, или переживает свое значение, т. е., оставаясь при прежней звуковой форме, изменяет лишь внутреннюю".[3] Таким образом, Потебня, повидимому, возводит эту конструкцию к тому времени, когда инфинитив уже не был именем,

[1] А. А. Шахматов. Исследование о двинских грамотах XV в., 1903, стр. 131.

[2] А. А. Потебня. Ук. соч., т. II, 1874, стр. 373.

[3] Там же.

хотя еще был безразличным в отношении залога, и считает существительное как предмет грамматически связанным с инфинитивом как действием.

Спринчак в работе „Синтаксические конструкции Судебника Ивана Грозного", гл. IV[1] дает очень общие предположения, говоря лишь о наличии здесь пережитка прошлых стадий и возводя именительный падеж существительного данных конструкций к прямому падежу языков пассивной стадии.

Следуя одной или другой из этих гипотез, очевидно, нужно предполагать сужение в дальнейшем синтаксических условий образования данных конструкций, так как из гипотезы Потебни неясно, почему форма именительного падежа оказалась сочетающейся только с инфинитивом, не зависящим от личной формы глагола, а из гипотезы Спринчака неясно даже и то, почему эта форма не могла первоначально сочетаться с любой глагольной формой. Обе гипотезы не приняли во внимание характера предложений с „независимым" инфинитивом в сочетании с формой именительного падежа. И Потебня, и Спринчак пытаются понять первоначальную сущность оборотов, не выходя за рамки самого сочетания инфинитива с существительным, тогда как одно только это сочетание в обычной речи, как правило, не составляет предложения; оно может составить только восклицательное предложение, где инфинитив употреблен вместо повелительного наклонения. В древнерусской письменности инфинитив в этих предложениях, не являясь зависимым от личной глагольной формы, всегда зависит либо от „надо", находящегося в предложении, либо от мысленного „надо", „надлежит", например, во фразах юридических документов: „Аже кто переиметь чюжь холопъ и дасть вѣсть господину ѥго, то имати ѥму переѥмъ гривна коунъ".[2]

В памятниках XIII в. иного употребления сочетания инфинитива с формой именительного падежа еще нет. Между тем, именительный падеж при инфинитиве во фразах этого типа

[1] „Уч. записки Лен. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена", т. XX, 1939.
[2] „Правда Русская", т. I, 1940, стр. 133.

употребляется совершенно последовательно. На это можно возразить, что самый характер первых севернорусских памятников („Русская Правда“ и первые новгородские грамоты) предполагает наличие именно такого типа фраз. Это верно. Но, исходя из сопоставления данных письменности с данными современных севернорусских говоров, можно предполагать здесь иную зависимость. Именительный падеж при инфинитиве употребляется столь последовательно как в первых севернорусских памятниках, так и в последующих юридических документах эпохи Московского государства (на последнее указывают в своих работах Спринчак и Бицилли) именно потому, что текст этих памятников составлен из предложений, означающих непреложную необходимость тех или иных действий. Наличие в них иного типа фраз, хотя бы и с независимым инфинитивом, очевидно, не дало бы такой последовательности. Это можно заключить из данных современных севернорусских говоров и фольклора. Бицилли в упоминавшейся статье приводит несколько примеров употребления формы именительного падежа с независимым инфинитивом в фольклоре, во фразах различного характера, и параллельно дает примеры употребления формы винительного падежа с зависимым инфинитивом. Таковы примеры: Мне ѣхать — только положить своя буйная головушка.[1] Кабы мнѣ-ка нажить Богосуженая, кабы мнѣ-ка нажить супружница.[2] Но с другой стороны: „Можешь ли вынести изъ чиста поля головущку?“[3]

Обусловливая наличие формы именительного или винительного падежа при инфинитиве только независимым или зависимым его характером, Бицилли, после установления последовательности в этом отношении в языке юридических актов, все же говорит: „Как и следовало ожидать, в памятниках фольклора намеченная тенденция проявляется менее отчет-

[1] П. Н. Рыбников. Русские песни, т. II, стр. 164; цит. по упомян. статье П. Бицилли, стр. 202.

[2] П. Н. Рыбников. Ук. соч., т. II, стр. 52; цит. по упом. статье П. Бицилли, стр. 202.

[3] П. Н. Рыбников. Ук. соч., т. II, стр. 159; цит. по упомян. статье П. Бицилли, стр. 202.

ливо".[1] Из одного примера, в числе приведенных Бицилли, действительно можно видеть эту неотчетливость, хотя этот пример автор почему-то считает показательным в отношении намеченной им зависимости формы существительного от характера инфинитива: „А прикажи-ка ты в чистом полѣ вкопать два столбика дубовые, класть грядочку кленовую, ко грядочки привязать три петелки шелковыя. Первую петелку красную шелковую класть буйная головушка..."[2] Оба инфинитива не зависят непосредственно от личной глагольной формы и имеют одинаковый (целевой) характер.

Бицилли, признавая меньшую последовательность в проведении намеченной им тенденции в языке фольклора, а также в „обиходном" языке, памятники которого он изучал, объясняет, однако, это не характером предложений, отличным от актового языка, а тем, что та или иная форма употребляется здесь чаще всего автоматически, тогда как в языке юридических актов она употребляется мотивированно. В связи с этим в форме именительного падежа инфинитивных конструкций юридических документов эпохи Московского государства Бицилли видит истинный именительный падеж субъекта в отличие от памятников „обиходного" языка фольклора, где он признает объектное значение существительного.

В материалах Института русского языка среди огромного количества примеров на конструкции формы именительного падежа с инфинитивом, не зависящим от личной формы глагола (такие примеры, как уже указывалось, составляют подавляющее большинство) находим лишь около 20 случаев употребления формы именительного падежа при инфинитиве, не зависящем при этом от „надо" или „можно". Правда, инфинитив, не зависящий ни от „надо" и „можно", ни от личной формы глагола, вообще более редок в языке, но все же севернорусские говоры богаты различными синтаксическими построениями настолько,

---

[1] П. Бицилли. Ук. соч., стр. 202.

[2] П. Н. Рыбников. Ук. соч., т. II, стр. 198; цит. по упомян. статье П. Бицилли, стр. 202.

чтобы при наличии столь же сохранившейся тенденции давать при таком инфинитиве форму именительного падежа, как и при инфинитиве с „надо“ или „можно“ они могли бы дать значительно большее количество примеров. Имеющиеся примеры по характеру довольно разнообразны:

На крыле́цко ступи́ть, да нога́-то слому́ить (дер. Колежма Сорокского р-на К.-Ф. ССР); *Ф цердаку́ у нас потсве́чник, све́чка-то поста́вить* (дер. Сергиево Медвежегорского р-на К.-Ф. ССР); *Сказа́ть ли вам ска́ска про бе́лово быка́?* (дер. Стешевская Пудожского р-на К.-Ф. ССР); *Брёвна ката́ют, как постро́йка стро́ить* (дер. Кучепалда Каргопольского р-на Архангельск. обл.); *Ку́рице отруби́ть голова́ — полде́ла* (дер. Коварзино Кирилловского р-на Вологодск. обл.); *Ка́г бы шшу́ка пойма́ть* (Кр. Горка Волховского р-на Ленингр. обл.); *Как мне своя́ проце́ссия фся расказа́ть, дак пря́мо журна́л буде́т* (там же); *Но́ньче копе́йка есть где добы́ть* (дер. Подол Ефимовского р-на Ленингр. обл.); *Не тебе́ на е́тово коня́ узда́ надёва́ть* (дер. Мусора Череповецкого р-на Вологодск. обл.); *Чиво́ своя́ голова́ тебе́ забива́ть* (дер. Загванье Дрегельского р-на Новгородск. обл.).

Как видим, примеры разнообразны, но их мало. Безусловно, тенденция давать здесь форму именительного падежа значительно слабее, чем в предложениях, где инфинитив зависит от „надо“ или „можно“. То исключительное большинство примеров в материалах диалектологических экспедиций, которое падает на инфинитивы, не зависящие от личной формы глагола, составляют, таким образом, конструкции с инфинитивом, зависящим от „надо“ или „можно“.

Таким образом, исходя из приведенных обстоятельств, можно предполагать, что последовательность употребления формы именительного падежа при инфинитиве в древнерусской письменности обусловлена не просто его независимостью от личной формы глагола. В связи с этим вероятнее предполагать первичными не всякие обороты с инфинитивом, не зависящим от личной глагольной формы, а именно такие, которые имеют характер необходимости или возможности какого-либо действия.

Спринчак, исследуя синтаксис „Судебника Ивана Грозного", отмечает, что «конструкция „инфинитив + именительный" в законодательных памятниках употребляется для (?) выражения необходимости, обязательности предписываемого в повелевающей норме действия, выраженного инфинитивом»,[1] но в своих предположениях о происхождении данных конструкций не принимает этого во внимание. Между тем, если учесть это, а также приблизить значение инфинитива к глагольному имени, синтаксически самостоятельной грамматической категории, то возникает мысль о первоначальной грамматической несвязанности между собою инфинитива и существительного. От грамматической категории, означавшей необходимость или возможность, могли зависеть параллельно существительное, содержащее указание на предмет, и инфинитив, содержащий указание на действие, которые (предмет и действие) нужны или возможны. Между существительным и инфинитивом могла быть вначале только смысловая связь. В таком случае в ряд с инфинитивными конструкциями становятся и конструкции с „надо" типа „шапка надо", где от грамматической категории, означавшей необходимость, зависело просто наличие предмета.

С постепенным приближением инфинитива к современному, существительное, конечно, должно было неизбежно грамматически связываться в сознании говорящих с инфинитивом, причем, как совершенно убедительно говорит об этом Потебня, с устранением залогового безразличия инфинитива существительное должно было перейти в сознании говорящих в категорию объекта. Трудно согласиться с Миклошичем, Шахматовым и Бицилли, которые видят (полностью или частично) субъектное значение формы именительного падежа в инфинитивных конструкциях памятников эпохи Московского государства.

* * *

В заключение нужно упомянуть еще об одной специфической конструкции, которая наблюдается в южной части территории

[1] „Уч. записки Лен. гос. пед. ин-та им. Герцена", 1939, стр. 110.

псковских говоров (и, вероятно, где-нибудь и в других местах), но о которой в связи с анализом инфинитивных конструкций не упоминалось, так как инфинитив ее необычен. Это построения с формой „вида́ть“ типа „изба видать“, „деревня видать“ и пр. По всем данным можно предполагать здесь не только семантическое, но и синтаксическое равенство конструкциям „изба видна“, „деревня видна“, которыми и заменяются первые синтаксические построения местной интеллигенции. Такие обороты, как „избу видать“, „деревню видать“, в данной местности совершенно не наблюдаются; очень часто встречающиеся определения при существительных имеют совершенно последовательно ту же форму именительного падежа; вопрос, соответствующий этим оборотам (которые составляют совершенно законченное предложение), имеет только форму „хто видать?“

Продолжая предположения о первичности инфинитивных конструкций, означающих необходимость или возможность, и о первоначальной грамматической несвязанности существительного и инфинитива, можно предполагать наличие другой линии развития инфинитива, когда последний, теряя свое самостоятельное синтаксическое значение и связываясь с существительным, включил в себя смысл пассивной возможности действия. Приставочный инфинитив с данной тематической гласной („ввида́ть“ — увидеть) имеет в южной части территории псковских говоров значение обычного инфинитива, но форма „видать“ закрепилась только в рассмотренном выражении.

Все высказанные выше соображения о первоначальном характере инфинитивных и наречных конструкций с формой именительного падежа могут рассматриваться, однако, только как предположительные. Это сложное и интересное синтаксическое явление, которое может дать многое для установления этапов в развитии языка, ждет своего глубокого и детального исследования.

П. С. КУЗНЕЦОВ

К ВОПРОСУ О СКАЗУЕМОСТНОМ УПОТРЕБЛЕНИИ ПРИЧАСТИЙ И ДЕЕПРИЧАСТИЙ В РУССКИХ ГОВОРАХ[1]

В числе синтаксических особенностей, свойственных северовеликорусским говорам, указывают, между прочим, следующие два оборота: 1) употребление деепричастия в качестве сказуемого; 2) употребление страдательного причастия в качестве сказуемого в безличном обороте.[2] Страдательно-безличный оборот встречается и в литературном языке (ср. „сказано — сделано“ и т. п.), но он может быть употреблен далеко не во всех случаях, в каких наблюдается в говорах. Употребление же деепричастия как сказуемого литературному языку вообще чуждо.

Оба эти оборота представляют большой интерес с нескольких точек зрения. Интересно, от каких глаголов могут быть образованы причастия и деепричастия, употребляющиеся как сказуемые; интересны эти обороты и с точки зрения формы членов предложения, зависящих от сказуемого; интересно, наконец, временно́е значение этих выступающих в сказуемостном употреблении причастий и деепричастий: в тех говорах, где употребляются рассматриваемые обороты, возможно и выражение сказуемого обычным глаголом прошедшего, настоящего

---

[1] Уже после сдачи в печать этой статьи появилась статья Ф. П. Филина „Заметки о записях материалов по синтаксису“ (Бюллетень Диалектологического сектора Института русского языка АН СССР, вып. 4, 1948), в которой наряду с другими проблемами исследуются вопросы, рассматриваемые в настоящей статье. Она не могла быть здесь использована.

[2] См., напр.: Е. Ф. Карский. Русская диалектология. М.—Л., 1928, стр. 69.

или будущего времени; причастия же и деепричастия выступают в особых случаях, выражая иные временные отношения, чем глагол.

Рассмотрим оба эти оборота по отдельности.

Деепричастие, употребляющееся как сказуемое, обычно оканчивается на *-вши* или *-чи* с различными фонетическими вариантами.

Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что обычно эти деепричастия образуются от глаголов непереходных, т. е. таких, которые не могут иметь при себе прямого дополнения в винительном падеже. Об этом свидетельствуют как примеры из различных диалектологических работ, так и материалы фольклорных записей из различных мест русского Севера. С этим согласуются и мои личные наблюдения. Ср., например: *Конец был сгорѣфши;*[1] *Никак уж сонца-та сѣвши?; Не доѣжжавши 30 верст до его жительства и говорит ему...;*[2] *Поляк-то был пришотцы;*[3] *Я еще был не уѣхатьчи;*[4] *И вот он доѣхавши до поля, и начал молодой рыцарь бить змѣиную силу...;*[5] *И прожил он с год времени за границей, а дома была оставши доцька Авдотья Васильевна;*[6] *Ну, гости съѣхались из инныф земель, было наѣхавши там из разнаво сословия;*[7] *Она не была ушотшы.*[8]

В ряде случаев на первый взгляд может показаться, что рассматриваемые деепричастия образованы от глаголов пере-

[1] В. И. Чернышев. Сведения о некоторых говорах Тверского, Клинского и Московского уу., Сб. Отд. русск. яз. и слов. АН, т. XXV, № 2, стр. 9.

[2] А. М. Селищев. Диалектологический очерк Сибири. Иркутск, 1921, стр. 117.

[3] Там же, стр. 257—258.

[4] Смирнов. Кашинский говор. Сб. ОРЯС, т. LXXVII, № 9, стр. 140.

[5] Б. и Ю. Соколовы. Сказки и песни Белозерского края, П. 1915, стр. 237.

[6] Там же, стр. 47.

[7] Там же, стр. 102.

[8] Мои наблюдения над говором жительницы Чудовского района Новгородской обл.

ходных. Можно привести следующие примеры: (Крестьяне) *пер'дѣлифши фсѣ* (передѣлены);[1] *Мы з братом раздѣлёфши* (= разделены);[2] *Запутавши дорогами — уѣхал не ладно; Окно было заткнувши; Семейства были не разбивши; У нег̣о была жонка, другой раз женивши;*[3] *... Двѣнадцать племянниц в смертельном сну спят и всѣ онѣ разлягавши и всѣ онѣ распинавши ...;*[4] *Однакоже они поборовши, у Ильи ноги сплелись и на землю и паў;*[5] *Ах, любезный Ваня, я уже путешествую очень давно и тоже утрудивши, хочу закусить;*[6] *Вот приѣхала королева, народ весь собравши, скрычали ура и давай вино пить это;*[7] *Три яйца поколофшы, в кузоф вылифшы.*[8]

Во всех приведенных примерах деепричастия как будто образованы от глаголов переходных („переделить", „разделить", „запутать" и т. д.). Но в действительности это не так. Все эти деепричастия образованы не от только что приведенных глаголов и им подобных, а от глаголов с возвратной частицей *-ся*, соответствующих этим глаголам, т. е. от глаголов не только не переходных по значению, но и с формально выраженной непереходностью. Так, например, *раздѣлёфши* образовано не от „разделить", а от „разделиться", поскольку форма на *-ся* имеет между прочим также и взаимное значение, на которое в данном случае указывает подлежащее (мы с братом); *запутавши* образовано не от „запутать", а от „запутаться", так как здесь не кто-то кого-то запутал, а сам говорящий запутался, т. е. сбился с дороги; *поборовши* образовано не от

---

[1] В. И. Чернышев. Ук. соч., стр. 6.

[2] Там же, стр. 22.

[3] Н. Е. Ончуков. Северные сказки. Записи Шахматова. „Записки Русск. геогр. общ.", т. XXXII, СПб., 1903, стр. 258.

[4] Там же, записи Пришвина, стр. 413—414.

[5] Там же, записи Шахматова, стр. 333.

[6] Б. и Ю. Соколовы. Ук. соч., стр. 223.

[7] Там же, стр. 96.

[8] Мои наблюдения.

„побороть", а от „побороться" с взаимным значением возвратной формы — речь идет не о том, что кто-то кого-то поборол, а о том, что оба богатыря поборолись (на взаимность указывает подлежащее, выраженное множественным числом местоимения). В примере из моих наблюдений *поколовши* и *вылифши* образованы не от „поколоть" и „вылить", а от „поколоться" и „вылиться" — речь идет о том, что яйца оказались расколовшимися и вылившимися в кузов, а не о том, что их кто-то поколол и вылил.

Если бы сказуемое было выражено во всех приведенных случаях не деепричастием, а другой формой, то это была бы форма возвратного глагола, поскольку в любом говоре, где употребляется деепричастие как сказуемое, возвратные формы имеются. Однако вопрос о форме возвратной частицы, для разных говоров различной, в данном случае нас не интересует.

Деепричастие, функционирующее как сказуемое, от возвратных глаголов образуется в невозвратной форме. Об этом особенно ясно свидетельствуют случаи, когда деепричастие образовано от возвратных глаголов, не имеющих соответствующей невозвратной формы. Ср. такие случаи, как: *Эта корова теливши.*[1] Еще яснее (поскольку глагол „телиться" может иметь в говорах и форму „телить"): *Вот когда разъѣхавши один от другово, мчались друг на друга, как молнии, и сдѣлали ихние лошади сражение...;*[2] *И прожил он с год времени за границей, а дома была оставши доцька Авдотья Васильевна;*[3] *Я тебе раскажу, кто там остафшы, в Рогачах.*[4]

Можно подумать, что в следующем примере деепричастие образовано от переходного глагола: *Ну вот, как я могу уѣхать, если я нанявши здѣсь на всё лѣто!*[5] При глаголе „нанять" возможен винительный падеж, но здесь имеется в виду не объект, на который направлено действие, а время, на кото-

[1] А. М. Селищев. Ук. соч., стр. 257—258.
[2] Б. и Ю. Соколовы. Ук. соч., стр. 237.
[3] Там же, стр. 16.
[4] Мои наблюдения.
[5] Б. и Ю. Соколовы. Ук. соч., стр. 102.

рое действие распространяется *(на всё лѣто)*; время же это выражено косвенным дополнением (винительным падежом с предлогом).

Таким образом, сказуемостное деепричастие, если оно образовано от глагола, могущего быть переходным, является непереходным.

Систематическое отсутствие у рассматриваемых деепричастий возвратной частицы вполне понятно. Возвратные формы в русском языке являются формами с выраженной формально непереходностью. Поскольку эти деепричастия последовательно имеют непереходное значение (винительный падеж без предлога при них невозможен), постольку в формальном выражении этой непереходности они не нуждаются.

Правда, мне встретился случай, когда при сказуемостно употребленном деепричастии был употреблен винительный падеж: *Сицяс она поднявши ногу, а он и смотрит.*[1] Но случай этот единичный, и он скорее свидетельствует о разрушении старого употребления.

Следует заметить, что деепричастие в сказуемостном употреблении в личном предложении нормально выступает с точки зрения отношения к подлежащему, причем подлежащее обычно налицо, о чем свидетельствуют приведенные выше примеры. Лишь в редких случаях наблюдается употребление этих деепричастий в безличном предложении, например: *Ну, гости съѣхались из инныф земель, было наѣхавши там из разнаво сословья.*[2]

При изучении деепричастий в роли сказуемых должен быть решен вопрос о значении деепричастия. Во всех говорах, где деепричастия функционируют как сказуемые, наряду с ними употребляются и глаголы. Есть ли различие по значению между глагольным сказуемым и сказуемым, выраженным деепричастием? Несомненно есть, и лежит это различие в области временного значения сказуемого. Деепричастие выступает в составе

[1] Б. и Ю. Соколовы. Ук. соч., стр. 187.

[2] Там же, стр. 102.

составного сказуемого в качестве именной формы. При нем обычно находится или нулевая связка или связка, выраженная прошедшим временем вспомогательного глагола *(был)*. В некоторых говорах на месте нулевой связки является связка, выраженная настоящим временем вспомогательного глагола (например, в западноолонецких говорах: *самовар е поспѣвши*). Временно́е значение сказуемого, выраженного деепричастием, в обоих случаях (считая нулевую связку и связку, выраженную настоящим временем вспомогательного глагола, за один случай) отличается как от сказуемого, выраженного настоящим временем, так и от сказуемого, выраженного прошедшим временем глагола.

Значение рассматриваемой формы пытается определить Смирнов в своей работе, посвященной кашинскому говору: „Глагольное сказуемое в деревнях иногда заменяется деепричастием (от того же глагола) прошедшего времени; в этом случае деепричастная форма (сказуемого) выражает не столько действие предмета, сколько его состояние или даже признак, имея значение причастия, почему она чаще употребляется вместе с вспомогательным глаголом (который иногда пропускается, но легко подразумевается).[1] Но на временно́е значение здесь указания нет, и вообще это определение не отличается большой точностью — ведь какой-то признак выражает любое составное сказуемое.

Более точное определение и с указанием именно на временно́е значение формы мы находим у Дурново: „Причастие несклоняемое прош. вр. 1-э (деепричастие) стало употребляться во многих северновеликорусских говорах как сказуемое, в значении перфекта: *он ушоччи* (его нет, потому что он ушел), дом *сгорѣвши* и т. п.; в сочетании со связкой в прошедшем времени то же причастие получило значение plusquamperfect'a: *он был ушоччи, она была раздѣвши*“.[2] Перфектом (в тех языках, где есть такая особая категория), как известно, принято называть глагольную форму, выражающую действие, закончен-

[1] См. Сб. ОРЯС, т. LXVII, № 9, стр. 147—148.

[2] Н. Н. Дурново. Очерк истории русского языка, стр. 337.

ное в прошлом, результат которого (действия) относится к настоящему времени, или: отнесенное к настоящему времени состояние, являющееся результатом действия, законченного в прошлом. Термин plusquamperfect здесь употреблен в том значении, в каком этот термин употребляется в применении к греческому глаголу, где соответствующая форма выражает отнесенное к прошлому состояние, являющееся результатом еще ранее совершенного действия. Смирнов в приведенном выше определении уловил лишь момент „состояния".

Из приведенного определения видно, что особенностью временного значения перфекта является то, что он имеет отношение как к прошедшему, так и к настоящему времени: действие завершено в прошлом, но результат его отнесен к моменту речи. Анализ имевшихся в моем распоряжении записей, а также мои собственные наблюдения, подтверждают именно такое значение рассматриваемых деепричастий. Можно привести такие примеры: *Ну, вот, как я могу уѣхать, если я нанявши* [квартиру] *здѣсь на все лѣто!*[1] — наем был совершен в прошлом, но квартира продолжает оставаться нанятой в момент речи. *Ах, любезный Ваня, я уже путешествую очень давно и, тоже утрудивши, хочу закусить*[2] — усталость, в результате того, что говорящий *утрудился* (т. е. получил усталость) в прошлом, существует в то время, когда он произносит эти слова. *Три яйца поколофшы, в кузоф вылифшы*[3] — жена жаловалась на мужа, который привез яйца, а они по дороге разбились, — речь шла о разбившихся яйцах, которые в тот момент имелись налицо. *Я тебе расскажу, кто там остафшы, в Рогачах*[4] — человек говорил о людях, оставшихся в Рогачах и пребывающих там в тот момент, когда он это говорил. В таком примере, как, например: *Двѣнадцать племянниц в смертельном сну спят и всѣ онѣ разлягавши и всѣ онѣ распинавши, скрозь рубашки видно тѣло, скрозь тѣло*

[1] Б. и Ю. Соколовы. Сказки и песни Белозерского края, стр. 102.
[2] Там же, стр. 223.
[3] Мои наблюдения.
[4] То же.

видно косья, скрозь косья видно мозги, как жаркий жемчуг переливаются[1] — мы имеем дело как будто с отнесением состояния к прошлому, но здесь просто отрезок рассказа, ведущийся в praesens historicum, на что указывают окружающие глагольные формы в настоящем времени. Как включение в отрезок praesens historicum можно понять и следующий пример: *Вот привѣхала королева, народ весь собравши скрычали ура и давай вино пить это.*[2] Правда, в предложении есть и глагол прошедшего времени *(приехала)*, но в русском языке, в силу того, что прошедшее время является по происхождению перфектом, эта форма может иметь и результативное значение, отнесенное к настоящему времени, т. е. *приехала* может обозначать не только факт приезда, но и то, что королева находится здесь в результате того, что до этого она приехала. На возможность перехода рассказа в praesens historicum указывает и последующее *давай вино пить.*

Сочетание рассматриваемого деепричастия с прошедшим временем вспомогательного глагола имеет, как уже было сказано, плюсквамперфектное значение, т. е. выражает отнесенное к прошлому состояние, являющееся результатом ранее совершенного действия. Примеры: *И прожил он с год времени за границей, а дома была оставши доцька Авдотья Васильевна*[3] — дочка была дома (в результате того, что раньше этого осталась), в то время, когда отец находился за границей, что также имело место в прошлом. *Она не была ушотчи*[4] — женщина, встреченная мною на улице, говорила о другой женщине (в ответ на мой вопрос, дома ли та), которая еще не отсутствовала в результате ухода в то время, когда первая была еще дома, т. е. в прошлом.

Рассматриваемое деепричастие по происхождению является, как известно, причастием прошедшего времени, потерявшим

---

[1] Н. Е. Ончуков. Ук. соч., записи Пришвина, стр. 413—414.
Б. и Ю. Соколовы. Ук. соч., стр. 96.
Там же, стр. 46.
Мои наблюдения.

склонение и изменение по родам и числам. Принципы оформления его как сказуемого очень напоминают принципы оформления старого перфекта и плюсквамперфекта (для последнего принимается во внимание его позднейшая русская форма, т. е. сочетание причастия на -л с перфектом вспомогательного глагола). Близки между собой, как мы видели, и их значения. Возникает вопрос: настолько ли тесно объединение деепричастия и вспомогательного глагола (последний может отсутствовать, но, вероятно, в результате позднейшего исчезновения, на что указывают случаи употребления при деепричастии настоящего времени вспомогательного глагола)? Старый русский перфект и плюсквамперфект несомненно представляют собой единую аналитическую форму. Решить вопрос о том, представляет ли собой рассматриваемое нами деепричастие и его сочетание с „был" единую (хотя бы аналитическую) форму или составное сказуемое, трудно. Любая аналитическая форма когда-то возникла из свободного синтаксического сочетания, т. е. из составного сказуемого. Но даже если при сказуемостном употреблении деепричастия мы имеем дело еще с составным сказуемым, последнее, несомненно, имеет свое, специфически ему свойственное временно́е значение, которое было указано выше. Я не располагаю в настоящее время данными, достаточными для суждения о времени возникновения и историческом развитии деепричастной (или еще, быть может, причастной, если этот процесс относится к достаточно ранней эпохе) формы в роли сказуемого, и потому этот вопрос я оставляю пока в стороне.

Рассмотрим теперь страдательные причастия в безличном обороте.

Употребление страдательного причастия среднего рода в качестве сказуемого безличного предложения наблюдается, как мы уже упоминали, и в литературном языке. В говорах имеют место и такие случаи, которые вполне соответствуют литературному употреблению. На них я останавливаться не буду. Но рассматриваемый оборот в некоторых говорах, как уже было сказано, распространен шире, чем в литературном языке

причем имеются отступления от норм, характеризующих литературный язык. Эти отступления касаются как синтаксического окружения функционирующих в качестве сказуемых причастий, так и самих этих причастий.

Отступления в синтаксическом окружении касаются прежде всего выражения действующего лица. В страдательно-безличном обороте может быть выражено действующее лицо, производящее действие, обозначенное страдательным причастием. В литературном языке это действующее лицо обычно выражается дополнением в творительном падеже. В говорах (по крайней мере в тех материалах, которыми я располагаю) в этом случае обычно употребляется сочетание предлога *у* с родительным падежом, например: ... *а у родителя так бласловлёно, что за перьвого свата дать*[1] — в литературном языке скорее было бы *родителем благословлено.*

Она сына опеть и будит: возьми, говорит, молоток, да поди, пощаўкивай, поколачивай гвоздики, аль што в этом строиньици, быдто у нёго и дѣлано[2] — в литературном языке здесь, несомненно, было бы *им делано*, так как сын сам строил дворец (точнее, должен делать вид, как будто он сам строил), а не кто-нибудь другой в его владениях (в последнем случае и в литературном языке стояло бы сочетание предлога *у* с родительным падежом). *У самого было забрано пороху в карман ...*[3] *Ешшо вашего дѣдушка, в земляной конюшнѣ стоит, по колѣно уж у ево земли съидено там*[4] — речь идет о коне, стоящем в земляной конюшне, который сам ест землю (а не кто-то, неизвестно кто, ест у него). *Не толкуй, кум; у меня брошено им два узелка, так хватит до твоево пріѣзду;*[5] *Да упито было у вора Василья не уедено.*[6] Следует заметить, что так выражается

[1] Н. Е. Ончуков. Ук. соч., стр. 203.
[2] Там же, стр. 305.
[3] Там же, стр. 339.
[4] Б. и Ю. Соколовы. Ук. соч., стр. 30.
[5] Там же, стр. 49.
[6] А. Ф. Гильфердинг. Онежские былины, т. III, стр. 335.

действователь в говорах и в страдательном обороте в личном предложении, например: *у тебя украдена наша доць?!*[1] в литературном языке было бы „тобой украдена".

Что касается самих причастий, то в литературном языке они, как и вообще страдательные причастия, могут быть образованы (за очень редкими и, вероятно, недавно вошедшими в язык исключениями) лишь от глаголов переходных. В говорах мы находим безлично употребленные страдательные причастия, образованные и от непереходных глаголов, например: *Он ходиў, ходиў, добрался — слѣдок в башмачках: по дрова хожено;*[2] *А я желаю послѣ вѣнця отдыхать в таких комнатах, в которых не живано;*[3] *У меня, говорит, и ѣхано было, штобы роздѣлить ею;*[4] *На кроватушкѣ да с ей посѣжано, на перинушкѣ было с ней посы́пано, на зголовьицѣ на высоком было с ней поцѣловано;*[5]... *тут пяла стоят волоченыя, не столько в них шито, сколько плакано, все князя в дом дожидано*[6] — в литературном языке вообще нет глагола „дожидать"; есть лишь глагол „дожидаться", имеющий возвратную форму и, следовательно, непереходный: *Во всех городах у мня побывано, а всех князьев да перевидано, а и всем княгинам-то послужено, — в одном, во Киеви не бывано, Киевского князя не ви́дано, Киевской княгине-то не служено;*[7] *В ширину дорожка сорока сажен. В долину́ по дорожке не бывано;*[8] *Сколько шито было, вдвое сплакано, всё князя домоичёк дожидано;*[9] *У него уехано удить.*[10]

---

[1] Б. и Ю. Соколовы. Ук. соч., стр. 29.
[2] Там же, стр. 144.
[3] Там же, стр. 285.
[4] Там же, стр. 61.
[5] Там же, стр. 323.
[6] Н. Е. Ончуков. Ук. соч., стр. 193.
[7] А. Ф. Гильфердинг. Ук. соч., т. III, стр. 222.
[8] Там же, стр. 295.
[9] Там же, стр. 311.
[10] Мои наблюдения.

Поскольку возвратные глаголы являются непереходными, постольку в литературном языке страдательные причастия от них образованы быть не могут. В говорах мы встречаем страдательные причастия и от этих глаголов, причем возвратная частица при страдательной форме сохранена, например: *Жили два брата. У онново было женяносъ, а другой был холостой...*;[1] *Нѣт, коли раз уж женяносъ, как другожды мнѣ не надо;*[2] *У моего родимово у брателка с Чурилом ведь платьицом поменяносъ, а добрыми конями побратанось;*[3] *Женяносъ-то было.*[4] Во всех приведенных примерах возвратная частица имеет взаимное значение.

Если мы сравним отношения между возвратной и невозвратной формами, наблюдающиеся в страдательных причастиях, с теми же отношениями у рассмотренных выше деепричастий, функционирующих как сказуемые, картина получается как будто обратная: деепричастия не могут иметь возвратной формы, даже если они образованы от возвратных глаголов (в отличие от литературного языка, где такие же деепричастия, только функционирующие не предикативно, употребляются и в возвратной форме — ср., например: „женившись", „поменявшись" и т. д.); страдательные причастия, напротив, могут иметь и возвратную форму (опять-таки в отличие от литературного языка, где они возвратной формы иметь не могут).

Страдательные причастия, функционирующие как сказуемые, могут отступать от норм литературного языка еще в одном отношении, хотя, повидимому, и не во всех говорах, где такие причастия распространены. В литературном языке страдательные причастия образуются от переходных глаголов, но сама страдательная форма непереходна, т. е. не может иметь при себе прямого дополнения, выраженного винительным падежом без предлога.

---

[1] Б. и Ю. Соколовы. Ук. соч., стр. 113.
[2] Н. Е. Ончуков. Ук. соч., стр. 163.
[3] А. Ф. Гильфердинг. Ук. соч., т. III, стр. 527.
[4] Мои наблюдения.

В сочетании со страдательной формой, вследствие самого значения ее (как выражающей признак предмета, подвергающегося действию), не может быть формы, выражающей объект, на который действие переходит. Но со страдательной формой в безличном употреблении не сочетается форма, выражающая предмет, подвергающийся действию (в личном страдательном обороте выраженный именительным падежом подлежащего), а поэтому с такой страдательной формой принципиально может сочетаться объект, выраженный винительным падежом. В этом случае она является страдательной лишь по происхождению, но того значения, которое обычно характеризует страдательную форму, уже не имеет. В литературном языке винительный падеж не возможен и при страдательном причастии в безличном обороте; в говорах же сочетание страдательного причастия с винительным падежом возможно. Насколько широко распространено такое употребление, сказать трудно, так как некоторые примеры, имеющиеся в записях, двусмысленны.

В. И. Борковский, исследуя синтаксические явления в новгородских грамотах XIII—XIV вв., сопоставляет с ними явления современных говоров (именно северных), причем находит, как в новгородских грамотах, так и в современных говорах, сочетания, которые он интерпретирует иначе, но которые можно понять именно как сочетания безлично употребленного страдательного причастия с прямым дополнением в винительном падеже.[1] Сочетания, рассматриваемые Борковским, имеют следующий вид: *Ему билет белый дато; Нош ф пóтпол к'úнуто; Гершáтки на руках над'éто; Сахарница кудыто дёвано* и т. п. С ними он сопоставляет следующий пример из новгородской грамоты: *А что головы поимано по всеи волости новгородскои а тѣ поиду к новугороду без окупа* (Шахматов, № 12). Борковский рассматривает все эти примеры как предложения личные, но с утратой согласования страдательного причастия и подлежащего. Если это так, то мы здесь имеем дело с процессом, аналогичным тому, который привел

[1] См. „Известия Крымского пединститута", вып. IX, 1940.

к образованию деепричастий из причастий действительного залога. Но мы можем понять эти примеры и иначе. Возможно, что мы имеем дело с безличным оборотом, тогда как формы типа *билет, нош, першатки,* равно как и *головы* в новгородской грамоте, представляют винительный падеж, а не именительный. Может показаться, что против такого предположения говорят такие формы, как *сахарница.* Но, как известно, в северных говорах встречается употребление дополнения, выраженного именительным падежом на *-а* при инфинитиве, а по аналогии и не только при инфинитиве, т. е. здесь мы опять-таки имеем дело с дополнением, а не с подлежащим.

Но если примеры, приводимые Борковским, и являются двусмысленными, то мы можем найти в записях, хотя и в небольшом количестве, такие примеры, которые совершенно определенно указывают на возможность употребления винительного падежа в зависимости от страдательного причастия в безличном обороте. Сюда относятся такие случаи, как: *...а этого козака было ряжено триста рублей, пока попадья по-нѣмецки не заговорит,*[1] где мы имеем дело с родительным-винительным падежом существительного, выражающего одушевленный предмет. И еще яснее в записках Мансикки по Шенкурскому у.: *У волков їдено корову, ето мѣсто выхвацено*[2] — здесь совершенно явный винительный падеж.

Подобный оборот известен не только в русском языке, он довольно широко распространен в украинском. Ср., например, у Леси Украинки: *голову відтято, збудовано хату, єпископа закинуто в темницю.*[3]

Встречается он и в наших старых памятниках, например, у Курбского: *И болшую половину войска пѣшого ко штурму послано* (в рассказе о взятии Казани); у Котошихина: *Збирано ... сперва двадцатую денгу, потом*

[1] Н. Е. Ончуков. Ук. соч., стр. 534.

[2] См. Изв. Отд. русск. яз. и слов. АН, т. XVII, кн. 2, стр. 130.

[3] М. Ф. Сулима. Речення з присудком на *-но, -то* в мови Леси Українки. „Наукові записки харьківськ. науково-дослідчої катедри мовознавства", № 2, 1929.

десятую денгу, не по одинъ годъ (л. 199, об. — 200). Правда, в русских памятниках (если не во всех, то в части) этот оборот может быть понят как полонизм. Интересно, что довольно частый у Курбского, изменившего Родине и проведшего последнюю часть жизни в Польше, он ни разу не встречается у Грозного, язык которого отражает самобытную линию развитих нашего литературного языка. Вопрос об истории этого оборота в настоящей статье не рассматривается.

Как видно из вышеизложенного, страдательные причастия, употребленные в качестве сказуемых в безличном обороте, с точки зрения синтаксического окружения, отличаются от сказуемостно употребленных деепричастий. Там мы имеем дело с оборотом личным, здесь с безличным. Там прямое дополнение, выраженное винительным падежом, невозможно (или почти невозможно), здесь, по крайней мере в некоторых говорах, весьма обычно.

Но при всем различии оба оборота имеют много сходного, и сходство это заключается прежде всего во временно́м значении сказуемого. И в том и в другом случае трудно решить вопрос, имеем ли мы дело с единой (хотя бы аналитической) формой или же с составным сказуемым. Но если страдательное причастие безличного оборота и образует составное сказуемое, оно все равно имеет какое-то временно́е значение.

Значение страдательного причастия без вспомогательного глагола (или с вспомогательным глаголом в настоящем времени) вполне соответствует, как показывают примеры, значению деепричастия, т. е. выражает также отнесенное к настоящему времени состояние, которое является результатом законченного в прошлом действия: *Неужели моя сёстра до того достойна, что за звѣря замуж думать (а у родителя так бласловлёно, что за перьвого свата дать)*[1] — решение (т. е. благословение) отца продолжает оставаться в силе в то время, когда произносятся эти слова, хотя самое действие (факт благословения) относится к прошлому. *Нѣт, коли раз уж же́ненось, дак другожды мнѣ не надо*[2] — говорящий женился в прошлом.

[1] Н. Е. Ончуков. Ук. соч., стр. 203.

[2] Там же, стр. 163.

и продолжает оставаться женатым в тот момент, когда произносит эти слова. *Она сына опеть и будит: возьми, говорит, молоток, да поди, пощаўкивай, поколачивай гвоздики, аль што в этом строиньици, быдто у нёго́ и дѣлано*[1] — рассказ идет в praesens historicum. Результат постройки (дворец) имеется налицо в момент рассказа, т. е. в настоящем времени (в котором ведется рассказ), хотя самое действие совершено в прошлом. *Солдат сидит нога-на ноги, по́лной номер махорки накурено*[2] — здесь то же самое: номер наполнен дымом в момент рассказа в результате того, что солдат в прошлом (до этого) накурил. *Во терем зашел, — жолубня тут нѣт, дитя малого не видано; тут пяла стоят золоченыя, нестолько в них шито, сколько плакано, все князя в дом дожидано,*[3] — то же самое, что в предыдущих двух примерах. Ожидание началось в прошлом и продолжается в момент рассказа. *...Ешшо вашего дѣдушка, в земляной конюшнѣ стоит, по колѣно уж у ево земли съидено* там[4] — конь ел землю в прошлом, но результат (то, что земля вокруг съедена) имеет место в то время, когда это говорится. *Не толкуй, кум; у меня брошено им два узелка, так хватит до твоево приѣзду*[5] — узелки брошены в прошлом, но имеются налицо в момент произнесения этих слов, на что указывает будущее время „хватит“. Он *ходиў, ходиў, добрался — слѣдок в башмачках: по дрова хожено*[6] — рассказ переходит в praesens historicum, на что указывает предложение „слѣдок в башмачках“, где настоящее время выражено нулевой формой; „хожено“ имеет результативное значение (хожено в прошлом, но след остался в настоящем). *А я желаю послѣ вѣнця отдыхать в таких комнатах, в которых не живано*[7] — комнаты

[1] Н. Е. Ончуков. Ук. соч., стр. 305.
[2] Там же, стр. 520.
[3] Там же, стр. 193.
[4] Б. и Ю. Соколовы. Ук. соч., стр. 30.
[5] Там же, стр. 49.
Там же, стр. 144.
[7] Там же, стр. 285.

являются необжитыми в момент речи в результате того, что раньше в них никто не жил. *И у меня во Киеви дй не бывано, Ай Владимира в очи да не видано* ...[1] — Дюк Степанович не бывал в Киеве в прошлом; этот признак (отсутствие пребывания в Киеве) сохраняется в момент речи. *У него уехано удить*[2] — женщина отвечает на вопрос о ее муже, которого в данный момент нет дома: ответ буквально означает следующее: „он уехал и (в результате этого) теперь его нет дома". Указанное выше значение свойственно страдательному причастию в безличном обороте и в литературном языке (поскольку такой оборот употребляется), а также страдательному причастию без вспомогательного глагола в личных предложениях. Так, например, выражение „письмо написано" означает не только факт написания в прошлом, но и наличие результата, т. е. письма.

Трудно сказать, соответствует ли по временно́му значению во всех случаях сочетание рассматриваемого причастия с вспомогательным глаголом в прошедшем времени сочетанию деепричастия с вспомогательным глаголом в прошедшем времени. Во многих случаях это сочетание, несомненно, имеет плюсквамперфектное значение, например: *Што у них было нагнано ко́ней, што чо̀го, и всё тут оставили, самы вси ушли* ...[3] — кони были нагнаны и были налицо к тому времени, когда были оставлены. *Да выскочит на улицю, да што у ёго было войська наве́зено и всих убиў тым же татарином*[4] — в тот момент, о котором идет речь, войско было налицо в результате того, что было раньше навезено. *У само̀го было за́брано пороху в корма́н. Она и стала блины́ печчи́ да сусёда у̀гащивать* ...[5] — в тот момент, когда хозяйка угощала соседа, порох находился в кармане в результате того, что раньше был забран. *Жили два брата. У онново было женяносъ, другой*

[1] А. Ф. Гильфердинг. Ук. соч., т. III, стр. 91.

[2] Мои наблюдения.

[3] Н. Е. Ончуков. Ук. соч., стр. 279.

[4] Там же, стр. 332.

[5] Н. Е. Ончуков. Ук. соч., стр. 339.

был холостой[1] — в тот момент, к которому относится рассказ, брат был женатым в результате того, что раньше женился. *Наклал штей и кашицы. В шти было накладено лёхкова, а в кашицу было накладено свинины*[2] — легкое и свинина были положены раньше и уже находились в щах и каше в тот момент, когда их стали накладывать. Но в некоторых случаях рассматриваемое сочетание, возможно, просто выражает действие, совершенное в прошлом без какого бы то ни было указания на результат.

Иногда мы наблюдаем колебание в употреблении страдательного причастия без вспомогательного глагола и сочетания того же причастия с вспомогательным глаголом в прошедшем времени без видимого различия во временно́м значении. Но это наблюдается обычно в песнях и, возможно, обусловлено требованиями ритма, например:

Не уцюет ли молода то кнегинушка,
Прежня, прежняя да полюбовница.
На кроватушкѣ да с ей *посѣ'жано*,
На перинушкѣ *было* с ней *посыпано*,
На заголовьицѣ на высоком *было* с ей *поцѣловано*.[3]

Поскольку временно́е значение сказуемостно употребленных деепричастий и страдательных причастий в безличном обороте (по крайней мере, отчасти) сходно, мы вправе поставить вопрос: являются ли два рассматриваемых оборота параллельными друг другу конструкциями, употребляющимися в одном и том же говоре (подобно тому, как являются параллельными конструкциями, например, действительный и страдательный оборот в литературном языке), или же эти обороты распространены в различных говорах?

В диалектологической литературе мы находим указания на сосуществование обоих оборотов в одном и том же говоре.

---

[1] Б. и Ю. Соколовы. Ук. соч., стр. 113.
[2] Там же, стр. 73.
[3] Там же, стр. 323.

Так, например, Еремин в описании уломского и ваучского говоров говорит: „... весьма часто, чуть ли не систематически, сказуемое выражается деепричастием в безличной форме". Неясно, почему он употребляет термин „безличная форма". Примеры, которые он приводит, соответствуют тем, которые были приведены выше для сказуемостного употребления деепричастий: „он выпивши", „я уставши" и т. д. И тут же он говорит: „... или вместо личного оборота предпочитается безличный". И приводит пример: *и їevo иéхано.*[1] Братья Соколовы, описывая говор Белозерского края, также отмечают оба оборота: „Не редко предикативное употребление деепричастий ... Очень широким распространением пользуются безличные обороты в страдательном залоге".[2] Записи их соответствуют этим утверждениям: мы у одного и того же сказочника находим порой оба эти оборота. Указания на сосуществование этих оборотов мы находим и в ответах на Программу Московской диалектологической комиссии по северным и переходным говорам.[3] Наличие обоих оборотов, правда, с оговоркой „редко", мы находим в Больше-Григоровской вол. Судогодского у. Владимирской губ. (отв. № 27). Впрочем, в большей части владимирских говоров мы не находим ни того, ни другого. Далее, оба эти оборота отмечены в с. Мошенском Боровичского у. Новгородской губ. (№ 119а), в с. Ракушинах Крестецкого у. Новгородской губ. (№ 129), в г. Тихвине и окрестностях (№ 130 и 131а), в Ежезере Вытегорского у. Олонецкой губ. (№ 133), в Федорове Бологовской вол. Великолуцкого у. Псковской губ. (№ 159), в Заборове и других селениях Загорской вол. Холмского у. Псковской губ. (№ 160).

Но в большей части говоров мы встречаем лишь один из этих оборотов (или ни одного).

---

[1] С. А. Еремин. Описание уломского и ваучского говоров Череповецкого у. Новгородской губ. Сб. ОРЯС. т. XCIX, № 5, стр. 47—48.

[2] Б. и Ю. Соколовы. Ук. соч., стр. CXVII.

[3] Тр. МДК, вып. XI и XII.

Только деепричастие в ответах на Программу Московской диалектологической комиссии отмечается в Меленках и окрестных деревнях Владимирской губ. (№ 17), в Копнине Покровского у. Владимирской губ. (№ 24), в г. Киржаче Владимирской губ. (№ 23), в Шараповской вол. Орловского у. Вятской губ. (№ 55), в Ново-Теляковском приходе Яхнобольской вол. Галичского у. Костромской губ. (впрочем, с примечанием: „Так говорят переселенцы из Псковской губ.“ — № 75), в Костромском у. Костромской губ. — без точного обозначения местности (№ 79а), в Петровщине Путиловской вол. Шлиссельбургского у. Ленинградской губ. (№ 91), в Н. Усаде Арзамасского у. Нижегородской губ. (№ 103), в Ивантееве Валдайского у. Новгородской губ. (№ 120), в Велильской вол. Демянского у. Новгородской губ. (№ 121—122), в Мишутине Талицкой вол. Кирилловского у. Новгородской губ. (№ 124), в Зайцевской вол. Крестецкого у. Новгородской губ. (№ 127), в Пожарской вол. Крестецкого у. Новгородской губ. (№ 128), в Ветхом селе и других местах Тихвинского у. Новгородской губ. (№ 131б), в Горелове Ольховской вол. Череповецкого у. Новгородской губ. (№ 132), в Каменском заводе Камышловского у. Пермской губ. (№ 150).

Только страдательно-безличный оборот в ответах на Программу Московской диалектологической комиссии отмечается в г. Архангельске и пригородных волостях (№ 1а), в Марьегорском Карпогорской вол. Пинежского у. Архангельской губ. (№ 2а), в Устьвашке Лешуконской вол. Мезенского у. Архангельск. губ. (№ 3), в Смотровской вол. Шенкурского у. Архангельской губ. (№ 9а), в Камкинской вол. Вельского у. Вологодской губ. (№ 31а), в волостях по р. Онеге Каргопольского у. Олонецкой губ. (№ 38), в Новодворской Метлинской вол. Сольвычегодского у. Вологодской губ. (№ 47), в Качеме Нижне-Тоемской вол. Сольвычегодского у. Вологодской губ. (№ 48), в Ягрышском приходе Федьковской вол. Сольвычегодского у. Вологодской губ. (№ 49а), в Варнавинском у. и вол. Костромской губ. (№ 86), в Бельско-Сяберской вол. Лужского у. Ленинградской губ. — с примечанием, что причастие оканчи-

вается на *-н*, а не на *-но*, т. е. имеет форму мужского рода (№ 89), в Кремене Глебовской вол. Лужского у. Ленинградской губ. (№ 90), в Марьинской вол. Макарьевского у. Нижегородской губ. (№ 110), в Семакове Белозерской вол. и у. Новгородской губ. (№ 116), в Семеновской вол. Белозерского у. Новгородской губ. (№ 117), в Пудожской горе Повенецкого у. Олонецкой губ. (№ 125а), в Нижнехалдинском заводе Верхотурского у. Пермской губ. (№ 148).

С данными ответов на программу сходится ряд описаний говоров, отмечающих лишь один из этих оборотов. Так, например, Смирнов в кашинском говоре отмечает лишь деепричастие,[1] В. И. Чернышев в тверских, клинских и московских говорах — также.[2] Напротив, Мансикка для шенкурского говора отмечает лишь страдательно-безличный оборот.[3] Мне лично в 1937 г. пришлось наблюдать пильмасозерский говор Пудожского р-на (к востоку от онежского говора), где широко распространен страдательно-безличный оборот, но, несмотря на специальные поиски, мне не удалось найти там сказуемостного употребления деепричастий. А в то же время неподалеку оттуда, на западном берегу Онежского озера, как мне сообщил А. И. Смирницкий, в течение нескольких лет проводивший там каникулы, этот оборот весьма обычен. Во время войны мне пришлось провести два года в Кудымкаре, где я имел возможность наблюдать говор женщины, эвакуированной из Чудовского р-на Новгородской обл., жившей со мной на одной квартире. Она широко пользовалась деепричастием как сказуемым, но страдательно-безличного оборота не употребляла. Этой же особенностью характеризовался говор приходившего к ней ее земляка — раненого бойца, находившегося на излечении в Кудымкарском госпитале.

Можно ли более точно определить границы распространения этих оборотов? Вполне точно определить эти границы

---

[1] См. Сб. ОРЯС, т. LXXVII, № 9, стр. 147—148.

[2] Там же, т. LXXV, № 2, стр. 6, 9, 22, 45.

[3] „Изв. ОРЯС", т. XVII, № 2, стр. 130.

еще нельзя, так как материал, который позволил бы это сделать, собран еще в недостаточном объеме. Но кое-что можно сказать уже на основании имеющейся литературы и ответов на диалектологические программы. Сказуемостное употребление деепричастий охватывает преимущественно западную часть северновеликорусских говоров, страдательно-безличный же оборот — преимущественно центр и крайний север тех же говоров (в особенности архангельские и вологодские говоры). Конечно, наблюдаются перебои.

Но являются ли обе эти особенности именно северновеликорусскими, как их обычно считают?

Карский отмечает форму деепричастия в роли сказуемого и в белорусском языке, в записи сказки: *Сам поехаў к отцу. Маць помёршы, толькі три дни ни заспеў* (Городок). Правда, при этом он оговаривается, что, может быть, это великоруссизм, северная особенность.[1] Ср. подобные же формы в окрестностях Вязьмы в Смоленской губ. (отв. на № 127 Программы Моск. диалектол. комиссии). В. И. Чернышев отмечает этот оборот в переходных говорах — в с. Гнилуше Черкизовской вол. Московского у., причем деепричастие имеет южновеликорусскую форму: *Адна нага разумши* (= разута), *а другая ф сапагѣ*.[2] Впрочем, деепричастие на *-мши* наблюдается и во владимирских говорах.

Встает вопрос: не можем ли мы встретить рассматриваемый оборот и в южновеликорусских говорах? В программе Московской диалектологической комиссии для южных говоров этот вопрос не предусмотрен, поэтому в большинстве ответов по южным говорам нет интересующего нас материала. Но в некоторых ответах, случайно данных на программу, предназначенную для северновеликорусских говоров, такой материал есть.[3] Так, в Дороховской вол. Медынского у. Калужской губ. отмечено *он уехатчи* (отв. № 109); в Николо-Матренинском приходе

[1] См. Карский. Русская диалектология, стр. 115.
[2] См. Сборник ОРЯС, т. LXXV, № 2, стр. 22.
[3] См. Тр. МДК, вып. X.

Медынского у. Калужской губ. — *он уехатчи, оставши, корова была теливши, замуж вышотцы* (№ 110); в Спасе-при-Угре Кумовской вол. Перемышльского у. Калужской губ. — *уехатчи, ушодчи, теливши*, правда, с примечанием: „но редко“ (№ 112); в Луковице и других селениях Мало-Архангельского у. Орловской губ., с пометкой „очень часто“, — *Он уехавчи, ему на 5-й десяток пошотчи, много денег было оставши, корова было теливши, они вернувши, лошади были лежавши, трава высохши, сено скашовши, лошать успатевши, он давно уже заболевши* (№ 116а). В некоторых случаях эти формы могут быть объяснены и влиянием говоров переселенцев; в частности, в Мало-Архангельском у. мы находим и окающие говоры.[1] Но к таким говорам не принадлежит говор Луковца, характеризующийся, по Дурново, смешением в нем различных типов яканья — диссимилятивного, диссимилятивно-умеренного и умеренно-диссимилятивного.[2] В ответах на программу Московской диалектологической комиссии (№ 116а) никаких указаний на оканье нет; напротив, совершенно ясно говор определяется как акающий. В приведенном выше примере „корова было теливши“ оканье может объясняться опиской (или опечаткой). Утверждать в тех случаях, когда мы находим на юге такую конструкцию, наличие здесь северных говоров, нельзя.

Интересно, что эта форма широко используется в дореволюционной художественной литературе для передачи речи действующих лиц городских, но говорящих не литературным языком (прислуги, мастеровых и т. д.). Так, например, у Достоевского: „*Видемши* я, — начал мещанин, — что дворники с моих слов итти не хотят ...“[3] У Гиляровского передаются

[1] См. Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов и Д. Н. Ушаков. Опыт диалектологической карты русского языка с приложением очерка русской диалектологии. Тр. МДК, вып. V, стр. 97.

[2] Н. Н. Дурново. Диалектологические разыскания в области великорусских говоров, ч. 1, вып. 1. Тр. МДК, вып. V, стр. 185.

[3] Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание. Гослитиздат, 1934, стр. 392.

слова старого слуги меблированных комнат: „Время такое-с, все *разъехамшись*... Во всем коридоре одна только Языкова барыня"...[1] Широко используется эта форма и в литературе, лежащей за пределами классической. Так, например, автор уголовного романа Гейнце приводит слова дворника: „... они теперь наверное дома и должно быть *вставши*".[2]

Слова посыльного-приказчика: „Сдается мне, что *влюбившись* в них *были* граф, ну, оне из жалости и принимали цветы".[3] Слова лакея: „Расскажи-ка мне историю, отчего твой барин с ним поссорился?" — „С превеликим удовольствием!... У меня она в памяти так и *врезамшись*..."[4] Слова горничной: „*Влюбимшись* я очень, а денег на свадьбу нет!...[5] Опять слова лакея: „Барин, беда у нас! Беда стряслась ..— Что? Какая беда? Что ты бормочешь? — С Марьей Петровной, с горничной барышниной... *Померши* оне".[6] Г. Николаев в романе подобного же типа так передает речь лакея: «Что это вы, барин, как будто *сменившись*?... — Как так *сменившись*? — В лице значит».[7]

Большинство книг, откуда взяты эти примеры, принадлежат писателям-петербуржцам. Низшие слои городского населения Петербурга в значительной мере пополнялись из районов, где распространены говоры западной группы северновеликорусского наречия. Но встречается такая форма, как мы видели, и у писателей, деятельность которых протекала в Москве (Гиляровский). Кроме того, само деепричастие часто выступает в форме, которая обычно квалифицируется как южновеликорусская (*-мшы*), хотя свойственна также южной части северновеликорусских

---

[1] В. А. Гиляровский. Москва и Москвичи. М., 1935, стр. 184.

[2] Н. Э. Гейнце. Под чужой волей, уголовный роман. Изд. А. А. Каспари, СПб., б/г., стр. 13.

[3] Там же, стр. 18.

[4] Там же, стр. 107.

[5] Там же, стр. 217.

[6] Там же, стр. 265.

[7] Г. Николаев. Современный Ваал, роман. Изд. А. А. Каспари, СПб. (после 1905 г.), стр. 105.

говоров. Впрочем, вопрос о том, насколько широко рассматриваемая форма распространена у писателей-москвичей (а в Москве низшие слои городского населения пополнялись из других районов, чем в Петербурге), требует еще дальнейшего исследования.

Все вышеизложенное говорит о том, что сказуемостное употребление деепричастий, хотя оно и распространено главным образом на севере, не является исключительно северной чертой.

А как обстоит дело с страдательно-безличным оборотом? О нем мы можем сказать с большей уверенностью, что он является специфически северным. Относительно возможности его употребления в южновеликорусских говорах мы не находим никаких указаний. Но за пределами русского языка мы его как будто находим. Карский приводит пример для белорусского языка с образованием страдательной формы от глагола непереходного, как это наблюдается в северновеликорусских говорах: *Ноги его хочено перебиць*.[1]

---

[1] Е. Ф. Карский. Ук. соч. стр., 114.

Г. А. КАСВИН

ОСНОВЫ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ ГЛАГОЛОВ 2-го СПРЯЖЕНИЯ[1]

Глава I

ОСНОВЫ 1-го ЛИЦА ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА ГЛАГОЛОВ 2-го СПРЯЖЕНИЯ, ОКАНЧИВАЮЩИЕСЯ НА МЯГКИЙ ГУБНОЙ ИЛИ ЗУБНОЙ ЗВУК

Во многих русских говорах, как и в литературном языке, глаголы 2-го спряжения с основой настоящего времени на мягкий губной или зубной звук характеризуются заменой этого звука в 1-м л. ед. ч. на другой звук, соответственно нормам

[1] Настоящая статья представляет собой главу из диссертации, посвященной изучению глагольных основ в русских говорах.

Материал извлечен исключительно из печатных источников — использовано около 200 монографических описаний говоров, областных словарей и фольклорных записей, а также все ответы на программы, помещенные в „Трудах Московской диалектологической комиссии“ и в „Материалах для изучения великорусских говоров“, т. е. все известные автору диалектологические описания, относящиеся в большинстве случаев ко 2-й половине XIX в. и к XX в. до 1941 г. включительно. Таким образом, настоящая работа построена на материалах XIII (дополнительного) тома атласа русского языка и представляет собой своего рода дополнение к материалам последних лет, собираемым для многотомного диалектологического атласа русского языка. Ссылки на источники даются в сокращенном виде (см. список источников и сокращений в конце статьи). В пределах данного района название источника приводится только при первом упоминании, при повторных — указываются только страницы. Для удобства изложения и картографирования (см. карты, приложенные к статье) за картографируемую единицу принят район (или уезд), в котором расположен описываемый автором диалек-

чередования. Мягкие губные — *б'*, *п'*, *в'*, *ф'*, *м'* — заменяются губными + *л'* — *бл'*, *пл'*, *вл'*, *фл'*, *мл'* (например: *любят — люблю*, *купят — куплю*, и т. д.); зубные — *д'*, *т'* — заменяются *ж*, *ч*[1] (*родят — рожу*, *колотят — колочу*); *с'*, *з'* — заменяются *ш*, *ж* (*носят — ношу*, *возят — вожу*), *ст'* — заменяется *щ*[2] (*пустят — пущу*) и *зд'* — *жж*[2] (*ездят — ежжу*). Такое чередование в основах настоящего времени, возникшее у глаголов 2-го спряжения в результате давних фонетических процессов, присуще очень многим русским говорам, как северным, так и южным:

Архангельск. у.: *люблю*, *сплю*, *кормлю́*, *вожу́*, *прокачу́*, *колочу́*, *прошу́*, *е́зжу*, *пущу́* (ТМДК, XI, стр. 3), *люблю́*, *сплю́*, *кормлю́*, *вожу́*, *посажу́*, *прокачу́*, *колочу́*, *прошу́ е́жжу*, *пушчу́* (стр. 5, 6). Шенкурск. у.: *люблю́*, *сплю́*, *кормлю́*, *вожу́*, *прокачу́*, *колочу́*, *прошу́*, *е́жжу*, *пушъшу* (ТМДК, XI, стр. 25), *люблю́*, *сплю́*, *кормлю́*, *вожу*, *прокачу́*, *колочу́*, *прошу́*, *е́зжу*, *пушъчу́*, *пущу́* (стр. 27, 29). Мезенск. у.: *люблю́*, *сплю́*, *кормлю́*, *вожу́*, *прокацю*, *колоцю*, *прошу́*, *е́жжу* (в разделе фонетики — стр. 19); *е́зжу*, *пушъчу́* (в разделе фонетики); *пущу́* (ТМДК, XI, стр. 20 и 19). Печорск. у.: *люблю́*, *сплю́*, *кормлю́*, *вожу́*, *прокачу́*, *колочу́*, *прошу́*, *е́жжу*, *е́зжу*, *пущу́* (ТМДК, XI, стр. 21), *хожу* (Ончуков, стр. 340). Гор. Пинега: *е́жжу*, *пушъшу́* (ТМДК, XI, стр. 23). Олонецк губ.: *представлю* (Куликовский, стр. 77), *излáжу* (Оп. Обл. сл., стр. 28 в примерах). Повенецк. у.: *люблю́...*[3] *пу́шчю* (sic! — ТМДК, XII, стр. 89). Подожск. у.: *отме́щу* (Мансикка,

---

тологического источника населенный пункт (или пункты), согласно административному делению, им указываемому. Области (или губернии) и внутри их районы (или уезды), для которых характерны те или иные явления, перечисляются всегда в одном и том же порядке, примерно с северо-запада на юго-восток. Разумеется, порядок этот условный и должен служить для того, чтобы границы распространения языкового явления ощущались возможно явственней.

[1] В литературном языке в глаголах книжного происхождения *д'*, *т* чередуются также и с *жд*, *щ*.

[2] Произношение этих звуков различно в зависимости от фонетической системы говора.

[3] Многоточие показывает, что все глаголы этого типа произносятся так же.

Пудожск., стр. 163), *стыжусе, улецю* (Шайжин, Ведомости, № 134). Вытегорск. у.: *люблю́, е́жжу* (ТМДК, XII, стр. 84, 85), *люблю́, сплю́, кормлю́, вожу́, прокачу́, прошу́, е́жжу, пущу́* (стр. 87). Каргопольск. у.: *затрублю* (Колосов, стр. 184), *куплю* (стр. 161), *накормлю* (стр. 180), *засвищу* (стр. 184), *люблю, сплю, кормлю, е́ждю, прокачу, колочу, прошу, пуштю* (ТМДК, XI, стр. 86). Вельск. у.: *колоцю́, прокацю́, пушчу́* (ТМДК, XI, стр. 72). Великоустюжск. у.: *уплацю* (Дмитриев, стр. 394), *не пушшу́* (стр. 395), *люблю́, ро́блю, сплю́, поставлю, ловлю́, гото́влю, кормлю́, вожу́, гляжу́, прокачу́, колочу́, ношу́, прошу́, е́жжу, пушъшу́ и пушшу* (ТМДК, XI, стр. 93—97), *люблю́, сплю, кормлю́, вожу́, прокачу́, колочу́, прошу́, е́жжу, пушшу́* (стр. 98). Сольвычегодск. у.: *люблю, кормлю, сплю, прокачу, прошу, ежжу, пушшу* (ТМДК, XI, стр. 104), *люблю́, сплю, кормлю́, прокачу́, прошу́, пушшу́, е́жжу* (стр. 106), *люблю́, сплю́, кормлю́, вожу́, прокачу́, лечу́, прошу́, е́жжу, пушшу́* (стр. 107—109), *люблю́, сплю, кормлю́, вожу́, прокачу́, прошу́, е́жжу, пущу́* (стр. 115). Вологодск. у.: *люблю́, сплю, кормлю́, колочу́, прошу́, е́жжу* (ТМДК, XI, стр. 73—74); *люблю, еджжу* (стр. 75), *люблю, готоўлю, кормлю* (стр. 78), *лоўлю, готоўлю, постаўлю, еджжу, пуштшу* (стр. 80). Грязовецк. у.: *люблю, сплю, кормлю, колочу, прошу, пущу* (ТМДК, XI, стр. 82), *поставлю* (Волков, стр. 220), *разбужу* (стр. 223), *поглажу* (оч. часто — стр. 207), *попрошу* (стр. 209). Кадниковск. у.: *роблю* (Шайтанов, стр. 396), *люблю, сплю, постаўлю, лоулю, готоулю, кормлю, вожу, колоцю, прокацю, прошу, еджжу, пуштшу* (ТМДК, XI, стр. 84). Тотемск. у.: *люблю́, сплю, ви́жу, хожу́, личу́, е́зжу* (Едемский, стр. 100 и 98), *люблю́, сплю́, готоўлю, лоулю, постаўлю, кормлю́, прокачу́, колочу́, прошу́, е́жжу, пушъшу́* (ТМДК, XI, стр. 88—89). Верхнетотемск. у.: *люблю... колочу* (ТМДК, XII, стр. 163). Вологодск. губ., юго-западный угол: *люблю́, сплю, кормлю́, вожу́, колочу́, прокачу́, прошу́, е́жжу, пушъшу́* (ТМДК, XI, стр. 92). Никольск. у.: *люблю́, сплю́, кормлю́, вожу́, прокачу́, колочу́, прошу́, е́жжу, пушъшу́* (ТМДК, XI, стр. 100, 101). Никольск. и Ветлужск. уезды: *сплю, прокачу, прошу, е́жжу, пушшу́*

(ТМДК, XI, стр. 102). Сысольск. у.: *ежу* (ТМДК, XI, стр. 117). Лужск. у.: *люблю* (ТМДК, XI, стр. 185). Шлиссельбургск. у.: *пушьчю* (ТМДК, XI, стр. 185). Белозерск. у.: *рожу* (Колосов, стр. 54), *пущу* (стр. 83), *люблю, ежу, пушшу* (ТМДК, XII, стр. 37), *люблю* (стр. 51), *плочу* (МВГ, IX, стр. 174), *погублю* (Соколовы, стр. 59), *люблю* (стр. 88), *прогнѣвлю* (стр. 36), *прибавлю* (стр. 38), *поставлю* (стр. 54), *отломлю* (стр. 67), *куплю* (стр. 111), *лажу* (стр. 45), *схожу* (стр. 34), *поряжу* (стр. 56), *посижу* (стр. 57), *спрошу* (стр. 5), *съѣжу* (стр. 30), *отпущу* (стр. 7), *спушшу* (стр. 23), Кирилловск. у.: *отступлюсь* (Соколовы, стр. 115), *тороплю* (стр. 241), *спуштю* (ТМДК, II, стр. 172), *люблю* (ТМДК, XII, стр. 61, 64, 66). Тихвинск. у.: *люблю, ежу, пушшу* (ТМДК, XII, стр. 74, 77). Череповецк. у.: *люблю, вожу, колочу* (ТМДК, XII, стр. 82), *ľubľú, ťérľu, ťerpľú, lovľú, stávlu, n'eusamľú* (= не сделаю как хочется), *sažús', v'ižu, xožú, vožús', gožus, kac'ú, v'erc'ú* (Еремин, стр. 43—45). Новгородск. у.: *завижу* (Колосов, стр. 42), *ежу* (Каринский, Луга и Оредеж, стр. 108): Крестецк. у.: *люблю, сплю, кормлю, вожу, колочу, прошу, ежу, пущу* (ТМДК, XII, стр. 68), *люблю, ежъжу, пушъшу* (стр. 70). Боровичск. у.: *люблю, сплю, вожу, прокачу, прошу, ежжу* (ТМДК, XII, стр. 53), *пушъшу* (стр. 54). Валдайск. у.: *люблю, сплю, кормлю, прокачу, езжу, пушъшу* (ТМДК, XII, стр. 56). Демянск. у.: *люблю... хажу* (ТМДК, XII, стр. 58 и 57), *люблю, пушьчю* (стр. 59), *люблю* (стр. 60). Пошехоно-Володарск. у.: *подрублю* (Копорский, стр. 180, в частушке), *сплю* (стр. 22); ср. также *сошу, сосиш, сосят* (стр. 56). Ярославск. у.: *люблю... сплю, кормлю, вожу, прокачу, колочу, прошу, ежу, пущу* (ТМДК, XII, стр. 189, 190). Ростовск. у.: *люблю... прошу, ежжу, ежьжю* (ТМДК, XII, стр. 185). Тутаевск. у.: *сплю, колочу, прошу, ежжу и ежжю, пушъшу* (ТМДК, XII, стр. 187). Ярославск. губ.: *с'ежжу* (Голанов, стр. 17). Костромск. губ.: *гюжу* (Покровский, Костромск. губ., стр. 469). Чухломск. у.: *люблю, сплю, кормлю, хажу, вожу, колочу, прокачу, прошу, ежу, пушшу* (ТМДК, XI, стр. 169). Кологривск. у.: *люблю, прошу, ежу, пушшу* (ТМДК, XI, стр. 157). Галическ. у.: *люб-*

лю... ёжжу, пушшу́ (ТМДК, XI, стр. 155). Нерехтск. у.: *люблю, сплю, кормлю, вожу, колочу, прокачу, прошу, езжу, пушшу́* (ТМДК, XI, стр. 165), *сплю, дремлю, кормлю, шучу, пушшу́*, (стр. 173), *люблю* (стр. 181), *ѣжжу* (Каринский, Костромск. губ., стр. 400). Костромск. у.: *ви́жу* (Виноградов, стр. 64), *шучу́* (стр. 45), *колочу́, заплачу́* (стр. 15), *не пушшу́* (стр. 25), *люблю́, сплю, кормлю́, колочу́, прокачу́, прошу́, ёжжу, пушъшу́* (ТМДК, XI, стр. 159), *люблю, кормлю, ёжжу, пушчу* (стр. 160), *сплю, кормлю́, прокачу́, вожу́, пушъшу́* (стр. 162, 163). Макарьевск. у.: *люблю́... ёжжу, пушшу́* (ТМДК, XI, стр. 171, 172). Ветлужск. у.: *люблю́, кормлю́, погляжу, ёжжу* (ТМДК, XI, стр. 179). Варнавинск. у.: *люблю́, кормлю́, вожу́, прокаʼу́, пушъшу́* (ТМДК, XI, стр. 176, 177). Тейковск. у.: *ёжжу, пушшу́* (ТМДК, XI, стр. 132). Вятск. у.: *люблю́, кормлю́, ёжжу, пушшу́* (ТМДК, XI, стр. 118—119). Слободск. у.: *люблю́, кормлю́, сплю, прошу, пушшу́* (ТМДК, XI, стр. 130). Котельническ. у.: *люблю* (Зеленин, Ск., стр. 77), *куплю́* (стр. 30, 44, 45), *утоплю́* (стр. 50), *уступлю́* (стр. 136), *заевлю* (стр. 221), *сла́жу* (= слезу), *посажу́* (стр. 54), *посижу́* (стр. 219), *хожу́* (стр. 43), *заплачу́* (стр. 210), *засвишшу́* (стр. 164), *отпусчу* (стр. 33), *пусчу́* (стр. 55), *пусшу* (стр. 81), *подворочу* (МВГ, VIII, стр. 323), *јежжу* (Мильчакова-Ивакина, стр. 47). „Нет случаев *буд'у́, бро́с'у, вред'у́*“ (ТМДК, IX, стр. 110). Орловск. и Котельническ. уезды: *куплю* (Гов. Орл. и Котельн., стр. 70). Глазовск. у.: *ёжжу, пушшу́* (ТМДК, XI, стр. 120). Нолинск. у.: *уступлю́* (Будде, Вятск., стр. 32), *погублю* (Зеленин, Ск., стр. 243), *покормлю* (стр. 262), *пригожусь* (стр. 271), *освобожу* (стр. 268), *приколочу* (стр. 233). Малмыжск. у.: *люблю, кормлю* (ТМДК, XI, стр. 123). Елабужск. у.: *люблю́, кормлю́, вожу, прошу́, ёжжу, пушшу́* (ТМДК, XI, стр. 121). Котласс. у.: „Формы *бу́д'у, пу́ст'у, бро́с'у, храп'у* не отмечены“ (Кислицына, стр. 78). Вятск. губ.: *наровлю* (Васнецов, стр. 237), *уступлю* (стр. 74), *гляжу* (стр. 78, 150), *хожу* (стр. 59), *роскачу* (стр. 278), *ро́блю* (Симони, стр. 450), *вила́влю*[1] (стр. 449), *проломлю* (Коло-

[1] *Вила́влю* — лукавлю.

сов, стр. 264). Верхотурск. у.: *люблю́, сплю, кормлю, прокащу́, колощу́, пущу́, прошу́* (ТМДК, XII, стр. 114). Шадринск. у.: *люблю́...* (ТМДК, XII, стр. 130). Свердловск. у.: *люблю́, кормлю́... пушшу́* (ТМДК, XII, стр. 117). Гор. Тюмень: *люблю́...* (ТМДК, XII, стр. 181). Шуйск. у.: *люблю́, сплю, вожу́, колочу́, прокачу́, прошу́, ежжу, пушшу* (ТМДК, XI, стр. 60, 61), *люблю́, сплю, кормлю́, вожу́, колочу́, прокачу́, прошу́ е́жьжю, пущу́* (ТМДК, XI, стр. 61). Переславск. у.: *люблю́, сплю, кормлю́, вожу́, колочу́, прокачу́, прошу́, е́жьжю, пущу́* (ТМДК, XI, стр. 49). Александр. у.: *люблю, сплю, кормлю́, вожу́, прокачу́, прошу́, езжу́* (sic!), *пущу́* (ТМДК, XI, стр. 34), *люблю́, сплю́, кормлю́, вожу́, прокачу́, колочу́, прошу́, е́жьжю, пушьшю* (стр. 35). Юрьевск. у.: *сплю́, кормлю́, е́жжу, вожу́, пушшу́* (ТМДК, XI, стр. 175). Ковровск. у.: *сплю, кормлю́, вожу́, прокачу́, прошу́, е́жьжу, пушъшу* (ТМДК, XI, стр. 37, 38), *пушшу́* (стр. 39). Вязниковск. у.: *люблю́, кормлю́, прокачу́, прошу́* (ТМДК, XI, стр. 37). Покровск. у.: *люблю, прокачу, прошу, пущу* (ТМДК, XI, стр. 51), *люблю́, кормлю́, вожу́, колочу́, прошу́, е́жьжю, пушьщю* (стр. 52), *е́жьжю и е́ждю, люблю́, сплю, кормлю́, вожу́, колочу́, прокачу́, прошу́, пушъшю* (стр. 55). Судогодск. у.: *люблю́, кормлю́, вожу́, прокачу́, прошу́, е́зжу, пущу́* (ТМДК, XI, стр. 57), *сплю, куплю, кормлю, прошу, ежжу, пушъшу* (стр. 58), *люблю́, кормлю́, е́жжу, пушьшю* и *пушъшу́* (стр. 59), Муромск. у.: *люблю́, сплю, кормлю́, вожу́, прыкачу́, прошу́, е́жьжю, пущю* (ТМДК, XI, стр. 46), *пушъшу* (стр. 47). Меленковск. у.: *люблю́, сплю, кормлю́, вожу́, колочу́, прокачу́, прошу́, е́жжу, пушъшу́* (ТМДК, XI, стр. 44). Семеновск. у.: *пиррублю́* (Пилашевский, стр. 353), *топлю́* (стр. 350), *люблю, пособлю, затоплю, сплю, сижу, нахожусь, схожу, снаряжу, колочусь, спрошу, е́зжу* (МВГ, XI, стр. 72, 73, 74), *люблю́, кормлю́, е́жьжю, пушьшю* (ТМДК, XI, стр. 27), *люблю́, сплю, кормлю́, колочу́, прокачу́, прошу́, е́жьжю, пушьшю* (стр. 28, 29), *схожу* (Покровский, Нижегор., стр. 46), *не пусчю* (стр. 43), *хожу* (стр. 50), *люблю* (стр. 40). Балахнинск. у.: *хожу* (Покровский, Нижегор., стр. 56). Нижегородск. у.: *люблю́, сплю, кормлю́, прошу́, е́жжю, пушьшю* (ТМДК, XII, стр. 30). Ма-

карьевск. у.: *люблю́, сплю, кормлю́, вожу́, колочу́, прокачу́, прошу́, е́жью, пущу́* (ТМДК, XII, стр. 24), *е́жу, пушъшу́* (стр. 25). Сергачск. у.: *люблю́, сплю, кормлю́, прокачу́, колочу́, вожу́, хажу́, прошу́, е́жу* (ТМДК, XII, стр. 32, 33); *люблю́, сплю, кормлю́, вожу́, хажу́, колочу́, прокачу́, прошу́, е́жью, пушъшу́* (стр. 33, 34); *люблю, кормлю, прошу, ежью, пущу* (стр. 35). Арзамасск. у.: *люблю́, сплю, кормлю́, прокачу́, колочу́, вожу́, прошу, е́жу́, пушъшу́* (ТМДК, XII, стр. 2, 3, 4, 5); *люблю́, кормлю́, прокачу́, пушшу́* (стр. 7); *люблю́, сплю́, кормлю́, вожу́, прокачу́, колочу́, прошу́, е́жу, пущу́* (стр. 9, 8); *люблю, сплю, кормлю, ежжу, пушьчю* (стр. 12); *люблю, сплю, кормлю, колочу́, прокачу, прошу, пущу́* (стр. 14); *люблю́, сплю́, кормлю́, вожу́, прокачу́, колочу́, прошу́, е́жью, пущу́* (стр. 16); *люблю, сплю, кормлю, важу, прашу, ежжу, пушшу* (стр. 17); *люблю́, сплю, кормлю́, важу́, хажу́, колочу́, прокачу́, прошу́, е́жью, пушьчю́* (стр. 18, 19); *люблю́, сплю, кормлю́, колочу́, прокачу́, прошу́, вожу́, пущу́* (стр. 20); *люблю, сплю, кормлю, прошу* (стр. 21); *люблю́, сплю, кормлю́, прокачу́, прошу́, пушьшю́* (стр. 22); *люблю́...* (стр. 197), Лукояновский у.: не *дожу́сь, шущу́* (Покровский, Нижег., стр. 51). Царевококшайск. у.: *люблю́, сплю, кормлю́, вожу́, прокачу́, колочу́, прошу́, е́жжу, пушъшу́* (ТМДК, XI, стр. 140); *люблю́, сплю́, кормлю́, вожу́, прокачу́, прошу́, е́ждю, пушьчю* (стр. 142); *люблю́, сплю́, кормлю́, вожу́, прокачу́, калочу́, прошу́, е́зжу, пущу́* (стр. 144); *люблю́, сплю, кормлю́, вожу́, колочу́, прокачу́, прошу́, е́зжу, пущу́* (стр. 145); *люблю́, сплю, кормлю́, вожу́, колочу́, прокачу́, прошу́, е́жжу, пущу́* (стр. 146); *люблю́, сплю́, кормлю́, вожу́, прокачу́, колочу́, прошу́, е́зжу, пущу́* (стр. 147, 148); *люблю, сплю, кормлю, е́жжу* (стр. 149); *люблю́, сплю, кормлю́, прокачу́, колочу́, прошу́, е́жжу, пушшу́* (стр. 150), *люблю́, сплю́, кормлю́, вожу́, прокачу́, колочу́, прошу́, ежжу, пушъшу́* и *пушьчу́* (стр. 152), *люблю́, сплю, кормлю́, вожу́, прокачу́, колочу́, прошу́, е́зжу, пущу́* (стр. 153), *люблю́, сплю́, кормлю́, вожу́, прокачу́, прошу́, е́жжу, пушъчу́* (стр. 154). Цивильск. у.: *люблю́, зытоплю́, сплю, куплю́, вылочу́съ, прыкачу́, гляжу́, схожу́, сныряжу́, спрошу́, ѣзжу* (и *ѣздію*) (МВГ,

XI, стр. 21, 27, 28). Свияжск. у.: *люблю́, кормлю́, ежжу* (ТМДК, XI, стр. 134). Тетюшск. у.: *люблю́, кормлю́, ежжю, пушъчу* (ТМДК, XI, стр. 137), *люблю́, кормлю́, посяжю́, пушьчю́* (стр. 139). Казанск. губ.: *хожу́, ношу́* (Будде, Заметки, стр. 167). Курмышск. у.: *куплю* (Яштайкин, стр. 127), *вижу* (стр. 135), *рожусь* (стр. 137), *брошу* (стр. 144), *пушшу* (стр. 130). Ардатовск. у.: *люблю́, сплю́, кормлю́, вожу́, прокачу́, прошу́, ѣзжу́*[1] (ТМДК, III, стр. 88), *люблю́...* (ТМДК, XII, стр. 154), *люблю́... хажу́* (стр. 153, 152). Алатырск. у.: *плачу́* (МВГ, IV, стр. 270). Сызранск. у.: *люблю́... е́ждю, пушьчю* (ТМДК, XII, стр. 159, 160). Краснослободск. у.: *люблю́, сплю́, кормлю́, вожу́, прокачу́, прошу́, е́зжу (е́жьжю* и *е́жжу), пущю́* (ТМДК, X, стр. 47), *люблю́...* (ТМДК, XII, стр. 107), *люблю* (стр. 108). Саранск. у.: *люблю́... jэ̄жу* (обычно *jэ̄э̄'дижу*) (ТМДК, XII, стр. 98), *люблю...* (стр. 110, 112). Наровчатовск. у.: *люблю́, кармлю́, важу́, прокачу́, прашу́, е́жьжю, пущю́* (ТМДК, X стр. 50). Инсарск. у.: *си*^{е}*жу* (МВГ, XI, стр. 90), *люблю́...* (ТМДК, XII, стр. 102). Нижнеломовск. у.: *люблю́* (ТМДК, XII, стр. 109). Мокшанск. у.: *пособлю́, сплю, затоплю* и пр., *прокачу, спрошу* (МВГ, XI, стр. 95, 96). Городищенск. у.: *люблю, кормлю, прокачу, прошу, ежьжю, пущю́* (ТМДК, X, стр. 46), *люблю́, сплю́, кормлю́, важу́, калачу́, пракачу́, прашу́, ежжу, пущу́* (ТМДК, XII, стр. 93); *люблю...* (стр. 96); *люблю, сплю, кормлю, прокачу́, прошу́, е́жжу* (стр. 101). Гор. Кузнецк: *люблю, сплю, кормлю, ежджу* (ТМДК, XII, стр. 161). Бузулукск. у.: *люблю, ежжу* (ТМДК, XII, стр. 140). Николаевск. у.: *люблю́...* (ТМДК, XII, стр. 141). Новоузенск. у.: ответ на вопрос 76 о произношении глаголов „люблю" и пр. — „как в литературном языке" (ТМДК, XII, стр. 143). Астраханск. у.: *люблю́, кормлю́, посажю́, е́жьжю* (ТМДК, XI, стр. 32, 33). Порховск. у.: *люблю́, сплю́, кормлю́, вожу́, прокачу́, прошу́, е́зжу* (ТМДК, VIII, стр. 46). Великолуцк. у.: *люблю́...* (ТМДК, XX, стр. 134). Холмск. у.: *люблю́, вожу́... прокачу́, ѣжьжю* (ТМДК, III, стр. 54); *люблю́, сплю́, кормлю́, вожу́, прыкачю́, прошу́, ежжю* (ТМДК, VIII, стр. 44); *люблю́,*

[1] См. ниже.

сплю́, кормлю́, вожу́, прокачу́, прошу́, е́зжу, пушшу́ (ТМДК, VIII, стр. 40); *люблю́, кармлю́, важу́, пръкачу́, прашу́, е́жжу* (ТМДК, VII, стр. 136). Весьегонск. у.: *заплочу́* (Соколовы, ТМДК, II, стр. 158). Бежецк. у.: *люблю́... ежьжю, пушшу́* (ТМДК, XII, стр. 167). Вышневолоцк. у.: *люблю́, сплю́, кормлю́... важу́, хажу́, пракачу́, прашу́, е́жжу* и *ежжю, пущу́* (ТМДК, XII, стр. 169, 170). Осташковск. у.: *люблю, сплю, кормлю, прокачу, прошу, ѣжьжю, пущю* (ТМДК, III, стр. 70). Новоторжск. у.: *люблю́, сплю́, вожу́, прокачу́, прашу́, ѣжьжю, пущю́* (ТМДК, III, стр. 93); *люблю, сплю, кормлю* (ТМДК, VIII, стр. 22). Калязинск. у.: *люблю́* (ТМДК, XII, стр. 175). Тверской у.: *люблю́, сплю́, кормлю́, вожу́, прокачу́, прошу́, е́зжу* (ТМДК, VIII, стр. 30), *utoplu, pàsažu* (К а р и н с к и й, Рус. диалект., стр. 120). Корчевск. у.: *люблю́... пушшу́* (ТМДК, XII, стр. 176). Старицк. у.: *люблю́, сплю́, кармлю, пракачу́, калочу́, прашу́, е́жьжю* (ТМДК, VIII, стр. 28, 29). Ржевск. у.: *люблю́, сплю, кармлю́, вожу́, прокачу́, прошу́, е́зжу* (ТМДК, VIII, стр. 27). Зубцовск. у.: *люблю́, сплю́, кормлю́, прокачу́, вожу́, прошу́, ежьжю, пущю* (ТМДК, X, стр. 2, 3). Бельск. у.: *люблю́, сплю́, кормлю́, вожу́, прокачу́, прошу́, е́зжу, пушшу́* (ТМДК, X, стр. 6). Гор. Вязьма: *сплю, кормлю, вожу́, прошу́, пушшу́, е́жжу* (ТМДК, X, стр. 12), *люблю, сплю, кормлю, вожу, колочу, прокачу, молочу, прошу, езжу, пущу* (ТМДК, X, стр. 129). Смоленск. и Ельнинск. уезды: *сплю* (Д о б р о в о л ь с к и й, Сказания, стр. 205), *постáўлю* (стр. 208), *вижу* (стр. 212), *хажу* (стр. 205), *лячу́* (стр. 212), *калачусь* (стр. 213).[1] Ельнинск. у.: *вытыплю* (Ш а х м а т о в, Ельн. и Мосальск. гов., стр. 19),[2] *люблю́, сплю́, кармлю́, важу́, пракачу́, прашу́, е́жжу, пущу́* (ТМДК, X, стр 59). Клинск. у.: *люблю́, прошу́, пущу́* (ТМДК, XI, стр. 190). Богородицк. у.: *люблю́, кормлю́... еж'жю* (ТМДК, XI, стр. 187, 188), *люблю́, кормлю́, е́ждю* (стр. 189). Рузск. у.: *гра́блю, люблю́, куплю́,*

[1] Язык говора переходный от русского к белорусскому.

[2] Материал взят из Смоленского этнографического сборника Добровольского, стр. 89.

становлю́, ста́влю, кормлю́, вожу́ (2-е л. *во́дит* и *во́зит*), *ви́жу* (Дурново, Парфенки, стр. 167), *ръзбужу́, угажу́* (стр. 84), *хожу́, плачу́, грожу́, кра́щу́, кошу́, ношу́* (стр. 167), *jéж'(д')ж'ю* (стр. 85, но в разделе о глаголах — *„ездию“*), *пригвожжю́, грущю́, пущю́* (стр. 167), *ни прощю* (стр. 82), *либези́ть, -бежу́, -бези́шь* (Оп. Обл. сл., стр. 103). Московск. у.: *глижу́* (Чернышев, Нар. гов., стр. 160). Верейск. у.: *заивлю́* (Чернышев, Нар. гов., стр. 187). Бронницк. у.: *неабро́блю, ваплю́* (Каринский, Бронницк., стр. 380), *пасажу* (стр. 384), *ѣ'жжу* (стр. 372), *кармл'у́о* (Каринский, Яз. рус. кр-н, стр. 98), *гл'а"жу* (стр. 42). Егорьевск. у.: *нахожусь* (МВГ, XI, стр. 123), *е́жжу* (ТМДК, VIII, стр. 48). Касимовск. у.: *люблю, кормлю* (ТМДК, XII, стр. 138). Гор. Спасск: *хажу́* (ТМДК, X, стр. 123). Спасск. у.: *люблю́, сплю́, кармлю́, важу́, прокачу́, прошу́, пущу́* (ТМДК, X, стр. 126). Михайловск. у.: *люблю́, сплю́...*, *кормлю́* (ТМДК, X, стр. 51, 52). Пронск. у.: *люблю́, кормлю́, хажу́, колочу́, прошу́, е́жжу, пушшу́* (ТМДК, X, стр. 113). Скопинск. у.: *люблю́, сплю, кормлю́, вожу́, прокачу́, прошу́, ѣзжу* (ТМДК, III, стр. 86), *куплю* (Будде, Скопинск., стр. 150), *плачю́* (стр. 145). Ряжск. у.: *люблю́, сплю́, кормлю́, вожу́, прошу́, ежжю* (ТМДК, X, стр. 53). Сапожковск. у.: *люблю́, сплю́, кормлю́, хажу́* (ТМДК, X, стр. 117), *ѣзжу* (ТМДК, III, стр. 61). Данковск. у.: *люблю́, вожу́, е́жжу* (ТМДК, X, стр. 57). Боровск. у.: *люблю́, сплю́, кормлю́, вожу́, прокачу́, прошу́, е́жьжю, пущу́* (ТМДК, X, стр. 71). Малоярославецк. у.: *люблю, прокачу, езжу, пущу* (ТМДК, X, стр. 41). Лихвинск. у.: *скоро́жу* (Будде, Тульск. и Калужск., стр. 888). Козельск. у.: *люблю́, сплю, кормлю́, прокачу́, прошу́* (ТМДК, X, стр. 73). Жиздринск. у.: *гляжу* (Добровольский, Жиздринск., стр. 388), *сижу* (стр. 391), *хажу, качу* (стр. 388). Алексинск. у.: *люблю́, сплю́, кормлю́, вожу́, прокачу́, колочу́, прошу́, езжу́, пущу́* (ТМДК, X, стр. 133). Веневск. у.: *сплю, хажу́, спрошу, прашу́* (ТМДК, I, стр. 87), *люблю́, сплю́, кормлю́, вожу́, прокачу́, колочу́, прошу́, е́жу, пущу́* (ТМДК, X, стр. 134). Тульск. у.: *сплю́, прокачу́, спрошу́, сяжу́* (ТМДК, I, стр. 91). Белевск. у.: *пущу́* (ТМДК, X, стр. 64), *люблю́, сплю́, кормлю́, вожу́, прокачу́, прошу́, е́жжу, пушшу́* (стр. 80, 81). Одоевск. у.:

скоро́жу (Будде, Тульск. и Калужск., стр. 888), *куплю́* (Будде, Тульск., стр. 131), *γлижу́* (стр. 1313), *хажу́* (стр. 1311). Крапивенск. у.: *люблю, хожу* (ТМДК, I, стр. 89), *глежу* (Благовещенский, стр. 28), *хажу* (стр. 26). Богородицк. у.: *люблю́, сплю́, кормлю́, вожу́, прокачу́, прошу́, ежжу́, пушшу́* (ТМДК, X, стр. 61), *люблю́, сплю, кормлю́, важу́, пръкачу́, прашу́, пушшу́, е́жжу* (стр. 15). Епифанск. у.: *сплю, спрашу́*... (ТМДК, I, стр. 87). Ефремовск. у.: *люблю, схожу, спрошу*... (ТМДК, I, стр. 89), *люблю́, сплю́, кормлю́, прокачу́, прошу́, е́зжу,* (ТМДК, VIII, стр. 42), *люблю́, сплю́, кормлю́, вожу́, прокачу́, прошу́, е́жжу, пушшу́* (ТМДК, X, стр. 17, 18), *люблю́, сплю, кормлю́, вожу́, прошу́, ежжу* (стр. 67). Новосильск. у.: *сяжу́* (МВГ, VIII, стр. 550), *карьмлю́* (Будде, Тульск. и Орл., стр. 15). Гор. Карачев: *люблю́, сплю́, вожу́, прокачу́, прошу́, е́зжу, пущю́* (ТМДК, X, стр. 4). Орловск. у.: *люблю́, сплю́, кормлю́, прошу́, е́зжу* (ТМДК, X, стр. 45), *люблю́, сплю, кормлю́, прокачу́, прошу́* (стр. 105). Малоархангельск. у.: *люблю́, сплю, кормлю́, вожу́, прокачу́, прошу́, е́жжу, пушшу́* (ТМДК, III, стр. 53), *люблю́, сплю́, кормлю́, вожу́, хажу́, прокачу́, колочу́, прошу́, е́зжу, пущу́* (ТМДК, X, стр. 91). Ливенск. у.: *люблю́, сплю́, кармлю́, прошу́* (ТМДК, X, стр 43). Елецк. у.: *верчуся* (МВГ, XI, стр. 78), *люблю́, сплю, кормлю́, вожу́, прокачу́, прошу́, е́зжу* (ТМДК, X, стр. 11). Дмитриевск. у.: *сажусь, сяжу́, нахожусь* (МВГ, XI, стр. 67, 68). Щигровск. у.: *гляжу́, хажу́* (Халанский, Песни, № 3, стр. 126). Тимск. у.: *протрублю* (Белкин, стр. 523), *топлю* (стр. 527). Путивльск. у.: *люблю, сплью, кормлю, прашу, ежжу* (ТМДК, VIII, стр. 47). Обоянск у.: *люблю, нябъявлю* (Резанов, стр. 139), *снаряжу* (стр. 147, 148), *сижу, хажу* (стр. 127), *лячу́* (стр. 134), *пушшу́* (стр. 113), *люблю* (Резанова, Обоянск., стр. 14, 48), *нябъявлю* (стр. 91), *улавлю* (стр. 47), *вижу* (стр. 18), *дагажу́* (стр. 32), *пасажу́* (стр. 23, 24), *стыжуся* (стр. 76), *хажу́* (стр. 17) (но *расслязю* — стр. 13 — от глагола „слезить“ (?), *повѣшу* (стр. 25), *выпушшу* (стр. 35), *люблю* (Машкин, Обоянск., стр. 49), *вырублю* (стр. 55), *куплю* (стр. 49), *ашшыплю* (стр. 2), *хажу* (стр. 29), *атплачу* (стр. 45), *атпушшу* (стр. 2), *рублю* (Машкин,

Курск., стр. 48), *малачу* (стр. 29). Грайворонск. у.: *раблю, ѣжжу* (МВГ, IX, стр. 149 и 152). Курск. губ.: *люблю́* (Халанский, Курск, стр. 214, 292), *срублю* (стр. 207), *куплю́* (стр. 214), *куплю* (стр. 52), *сломлю* (стр. 207), *збужу́* (стр. 223), *палажу́* (стр. 53), *патхажу́* (стр. 288), *палячу́* (стр. 223), *сьёжжу* (стр. 157), *пушшу́, спушшу́* (стр. 280). Задонск. у.: *кормлю́, ёжжу, пушшу́* (ТМДК, X, стр. 21), *люблю́* (Тростянский, Задонск., стр. 134), *срублю́* (стр. 142), *заплачу́* (стр. 133), *пушшу́* (стр. 134). Задонск. и Землянск. уезды: *люблю́* (Тростянский, Задонск., стр. 42), *праспю́* (стр. 55), *тярплю* (стр. 56), *затравлю́* (стр. 64), *вазбужу́* (стр. 55), *сижу́* (стр. 41), *схажу́* (стр. 57), *заплачу́* (Тростянский, Земл. и Задонск., стр. 31), *атшучу́* (стр. 59), *спрашу́* (стр. 44), *купл'у́* (Гринкова, Задонск. и Земл.), *шумлю́, гляжу́, хажу́* (Тростянский, Воронежск., стр. 19), *сижу* (Прядкин, стр. 17), *прахажу* (стр. 14). Нижнедевицк. у.: *люблю, сплю, кормлю, важу, пракачу, калачу, прашу́, ежжу, пушшу* (ТМДК, X, стр. 29), *аблупи́ть, -плю* (Поликарпов, 1911 г., стр. 313), *грахта́ть,-чу* (стр. 466), *ла́тить,-чу* (стр. 613), *гачу́* (стр. 466), *кисти́ть,-шшу́* (стр. 603), *скаро́дить,-жу* (1912 г., стр. 162), *рассади́ть,-жу́* (стр. 157). Коротоякск. и Воронежск. уезды: *палячу́* (Путинцев, стр. 99). Елатомск. у.: *люблю, кормлю* (ТМДК, III, стр. 91). Спасск. у. (Тамбовск. губ.): *люблю, сплю, кормлю, прокацу́, прошу, ёжжу, пушшу́* (ТМДК, X, стр. 79). Шацк. у.: *люблю́, сплю́, кормлю́, вожу́, колочу́, прокачу́, прошу́, ёзжу, пущу́* (ТМДК, X, стр. 131), *люблю́* (Дурново, Шацк., стр. 950), *качу́* (стр. 944), *ма́лачу́* (там же). Лебедянск. у.: *люблю́, сплю, кормлю́, вожу́, прокачу, прошу́, ёзжу, пушшу́* (ТМДК, X, стр. 7), *люблю, кормлю* (стр. 82). Обл. Войска Донского: *люблю́, сплю́, кормлю́, вожу́, прокачу́, прошу́* (ТМДК, X, стр. 27).

Но подобное чередование конечного согласного в основе наст. вр. у глаголов 2-го спряжения характерно не для всех русских говоров: в некоторых из них оно устраняется благодаря тому, что в 1-е л. ед. ч. проникает из основы прочих личных форм мягкий зубной звук. Спряжение таких глаголов

в настоящем времени уподобляется спряжению глаголов типа *курю, хвалю, гоню* с основой на мягкий звук.

Воздействие остальных форм наст. вр. на 1-е л. ед. ч. чаще всего сказывается в изменении только звукового вида основы. Но известны случаи, когда изменяется и место ударения в 1-м лице ед. ч.

В некоторых говорах в глаголах с подвижным ударением (т. е. глаголах, у которых в 1-м л., как и в инфинитиве, ударение падает на окончание, а в остальных лицах — на основу) по образцу остальных личных форм и в 1-м л. ед. ч. ударение переносится на основу.

Изменение звукового вида основы 1-го л. наст. вр. по образцу остальных личных форм отмечено в следующих говорах:

Шенкурск. у.: *молотю, колотю* (МВГ, IX, стр. 7). Белозерск. у.: *молвью* (Соколовы, стр. 59). Вельск. у.: *л'уб'ý, корм'ý* (Боровин, стр. 14). Орловск. у. (Вятск.): *глядю, шутю, катю, колотю, брошу, свистю, пустю, мстю* (МВГ, IX, стр. 103); *ходю, видю, колотю, брошу, пустю* (МВГ, VI, стр. 280). Халтуринск. у.: *молотю* (Матвеева, стр. 34). Слободск. у.: *колотю* (МВГ, VIII, стр. 335), *колотю, захвачу, брошу, пустю* (МВГ, IX, стр. 116); *колотю, брошу, пустю* (стр. 107). Малмыжск. у.: *посадю, молотю* (МВГ, IX, стр. 100), *колотю, пустю* (там же, стр. 97). Вятск. губ.: *вредю, будю, заворотю, позолотю, брóсю, пустю* (Зеленин, Вятск., стр. 12). Кунгурск. у.: *катю, колотю, молотю, отплачу, платю* (МВГ, IX, стр. 223, 224). Чердынск. у.: „только *колотю*“ (МВГ, IX, стр. 236). Верхотурск. у.: *люблю* (МВГ, IX, стр. 212). Красноуфимск. у.: *покатю, катю, колотю, платю* (МВГ, IX, стр. 218—219). Кокчетавск. у.: *колотю, брошу, пустю* (МВГ, IX, стр. 243). Томск. у.: *шутю, покошу, приношу, спрошу* (Ломанский, стр. 417). А. М. Селищев приводит такие примеры из различных говоров Сибири: «*кошу, приношу, спрошу, брошу, докатю, колотю, шутю, сердюся,-сь, последю — ка, отпущу, рассудю*... Такие образования для 1 л. ед. ч. настоящего времени отмечены в Акмолинской области (ст. Арык-Балык),

в южной части Томской губ., в Иркутск. у. (и — *спю, насыпю...*), на Амуре (у казаков), на Индигирке (Рус. Устье), на Колыме, на Анадыре (с. Марково)... У „семейских" также известны формы: *малат'ý, плат'ý, шскип'ат'ý, прихфат'ý, посад'ý, кас'ý* и *кос'ý* и *каш̀у* (от лица, говорившего *малат'ý*), *карм'ý, куп'ý, сп'ý*» (Селищев, Сибирь, стр. 108) и в дополнительных сведениях о Камчатке — *кипят'ю, вертю, свистю* (стр. 284). Бирск. у.: *прокатю, наколотю* (МВГ, IX, стр. 247). Юхновск. у.: *любю, кормю, прокатю, колотю, ездю* (но *ежжу* — в отд. фонетики), *пустю* (ТМДК, VIII, стр. 37). Касимовск. у.: *любю́, кормю́, спю, ѣ̀здю, пустю́, водю́, прокатю́, колотю́, просю́*, но *пущю* (отд. фонетики — ТМДК, III, стр. 56). Сапожковск. у.: *любю́, кормю́, спю́, водю́, прокатю́, колотю́, просю́, ѣ̀здю* (но *ѣ̀жжу* — отд. фонетики), *пустю́* (но *пущю́* — см. в отделе фонетики — ТМДК, III, стр. 63). Медынск. у.: *кормю́, купю́, спю, затопю́, хрипю́, снарядю́, прокатю́, колотю́сь, спросю́* (МВГ, X, стр. 48, 52); *любю́, спю́, кормю, водю́, прокатю́, колотю́, е́здю, пустю́* (ТМДК, X, стр. 86). Мосальск. у.: *любю́, кормю́, спю, прокатю́, колотю́, водю́, просю́, е́здю* и *е́жжу, пустю́* и *пушшу́* (ТМДК, VIII, стр. 32); *правадю́* (Шахматов, Ельн. и Мосальск., стр. 42); *купю́, усадю́, бро́сю, спрасю́, пустю́* (Дурново, Калужск., стр. 17). Жиздринск. у.: *кормю, подладю, варатюся, заплатю, бросю, угастю, пустю* (Караулов, Жиздрин., стр. 225, 227, 228); *паццабю́, пагубю́, закупю́, купю́, истапю́, сыпю, карьмю́, загрямю́, стыдю́ся, палятю́, напасю́, пусьтю́, атьвятю́* (отвечу) — отдел ударений — здесь сказывается влияние глаголов с подвижным ударением (Никольский, см. РФВ, т. 47, стр. 174 и 179 и т. 49, стр. 328 — 329); *любю́, спю́, кормю́, водю́, прокатю, колотю́, просю́, е́здю* (*е́жжу* — см. фонетику), *пустю́* (ТМДК, VIII, стр. 8); *затапю, спю, купю, лавю, снаридю, прокатю, калатюсь, спрасю́* (МВГ, XI, стр. 56, 57); *купю́, сыпю, затапю́, хрипю́, нра́вюсь, карьмю́, сирьдю́сь, сирьдю́ся, сныридю, пракатю́, калатю́сь* (стр. 61—62). Карачевск. у.: *ни ўступю* (Будде, Тульск. и Орл., стр. 73), *уступю́* (стр. 141), *масьтю́* (стр. 72). Брянск. у.: *любю́, рубю́, нра́вюсь, спю, затапю, тряпю́,*

храпю́, хрип'ю́, кармю́, снарядю́, схадю, возвратю, пракатю́, святю (=свящу), *спрасю́, ѣ́здю* (МВГ, IX, стр. 205 и 208); *любю, спю* (МВГ, X, стр. 19); *атрубю́, пътцабю́, купю́, ньдаспю́, тапю́, пънъкар'мю́* (Голанов, ТМДК, III, стр. 158). Трубчевск. у.: *колотю́, молотю́, просю́, е́здю* (ТМДК, X, стр. 111). Севск. у.: *выкупю, вазюся* (ТМДК, III, стр. 149—150). Кромск. у.: *спю* (Соболевский, стр. 41). Дмитриевск. у.: *любю́, спю́, кормю́, водю́, прокатю́, колотю́, просю́, е́здю, пустю́* (ТМДК, X, стр. 34); *спю* (при „*воны сплять*"); *схадю, косю* (= кошу) (МВГ, IX, стр. 162) Льговск. у.: *любю, купю, спю, затопю, снарядю, сходю, прокатю́, спросю, ѣ́здю* (МВГ, VIII, стр. 547—548). Корочанск. у.: *любю́, спю, кормю́, водю́, прокатю́, колотю́, просю́, пустю́* (но *пущу́, ѣ́жжу* — в отд. фонетики — ТМДК, III, стр. 51). Белгородск. у.: *любю́, спю, кормю́, водю́, прокатю́, просю́, е́здю* (но *е́жжу* — в отд. фонетики), *пустю́* (ТМДК, X, стр. 76). Обл. Войска Донского, Усть Медведицк. ст.: *любю́, спю́, кормю́, водю́, прокатю́, колотю́, просю́, ездю, пустю́* (ТМДК, X, стр. 32). Донск.: *спю, сыпю* (Левочкин, стр. 15), *глядю* (стр. 11), *гадюсь* (стр. 34), *хадю* (стр. 15), *просю* (стр. 14), *пустю* (стр. 4), *ходю, крутю, чистю, просю* (Соловьев, стр. 7). Ростовск. обл.: *рубю, спю, полетю, ляпю, шутю, бросю, выкасю, мясю, пустю* (но в разделе о „*щ*" — *пушшу* — Коньков, стр. 59, 63). Ростовск. Задонск.: *спю, придрямю, хадю, крутю, чистю, прасю* (Полторацкая, стр. 52). Ейск: *хадю, видю, сидю,* но *глиду* [sic!], *варатюсь, крутюсь, привинтю, подбросю, спрасю* (Харламов, стр. 4).

Обобщение согласного основы, сопровождаемое переносом ударения в 1-м л. ед. ч. с окончания на основу, отмечено в следующих говорах Рязанской губ.:

Спасск. у. (Пензенск.): *набáвю, пасóлю, апхóдюсь, хóдю, ни варóтю, прóсю* (Гвоздев, стр. 84). Рязанск. у.: *любю́, спю, кормю́, глядю́, прокатю́, ѣ́здю,* но *брóдю, вóдю, колóтю, вóзю, прóсю, пýстю* (в отделе фонетики — *пущу* — ТМДК, III, стр. 58).

В некоторых городах Сибири, Владимирской и Рязанской губерний такой перенос ударения встречается у глаголов, не

имеющих чередования в основе настоящего времени (т. е. у глаголов с основой на шипящий или мягкий сонорный). Кроме того, и у глаголов с чередованием конечного согласного основы не всегда переносу ударения сопутствует устранение этого чередования:

Енисейск. у.: *ку́плю* (Селищев, Сибирь, стр. 138). Судогодск. у.: „В глагольных формах ударение часто переносится на слог вперед *vụ̀žu (водить, возить), pogª̣žu, pogụ̀di, xụ́žu, pakoľª̣óci, moľª̣óci, zaxváci, pụ́su* (sic!), *nastróci, prụ́su*“ (Бубрих, стр. 346). Меленковск. у.: *схо́жу* (ТМДК, XI, стр. 43). Сердобск. у.: *лю́блю, гля́жу, хо́жу, е́здю* (стр. 149 — *ежьжю*); *пу́щу, про́шу* (ТМДК, XII, стр. 150). Касимовск. у.: *то́щу* (МВГ, XI, стр. 128). Мещовск. у.: *ды́шу* (МВГ, V, стр. 233), при *спю, проспю, утерпю, хрипю, забавю, понравюсь, накормю, прокормюся, испортю, летю, полетю, посвѣтю, вскипятю, воротю, прасю, спрасю* — с необозначенным ударением (стр. 231).

До сих пор мы рассматривали говоры, характеризующиеся каким-либо одним типом произношения глаголов 2-го спряжения: с чередованием конечного согласного основы в парадигме настоящего времени или без него. Но во многих источниках отмечается наличие и тех и других форм. В некоторых говорах, например, отмечено произношение типа *колот'ю* только с чередованием *т* || *ч* в основе настоящего времени; все же другие спрягаются по образцу „люблю“, „вожу“ и т. д. В других говорах наблюдается различие в образовании форм 1-го л. ед. ч. у глаголов с основой на зубные и губные: первые подверглись действию аналогии и утратили чередование в основе настоящего времени, вторые — сохраняют его.

Шенкурский у.: *прокачу* и *прокатю, колочу* и *колотю, ежжу* и *ездю*, но *люблю, сплю, вожу, прошу, пушъшу* (ТМДК, XI, стр. 31). Вельский у.: „за исключением *прокатю́, колотю́*, все остальные произносятся по образцу — *люблю, сплю*, но: *ежду,... пушщу*“ (ТМДК, XI, стр. 70). Сольвычегодск. у.: *прокатю́, колотю́*, но *люблю́, сплю, кормлю́, вожу́, прошу́, е́жжу, пушъшу́* (ТМДК, XI, стр. 111); *прокатю, колотю, колочу*

(стр. 116). Чарозерск. р-н: „При спряжении глаголов наблюдается чередование: *п* || *пл*; *б* || *бл*; *т* || *ч,ц*; *с* || *ш*; *м* || *мл*; *д* || *ж*; *спл'ý*, *л'убл'ý* (*л'уб'ит'*), *колоц'у*, но и *колот'ý* и т. п." (Ягодинский, стр. 89). Орловский у. (Вятск.): *прокатю́*, *колотю́*, но *люблю́*, *сплю́*, *кормлю́*, *вожý*, *прошý*, *ежжу*, *пушъшý* (ТМДК, XI, стр. 124, 125). Вятск. у.: *полетю́* (стр. 334), но *хожý* (стр. 322), *хлопочý* (стр. 311), *налуплю́* (Зеленин. Ск., стр. 412). Слободск. у.: *прокатю́*, *колотю́*, *пушшý* и *пустю́*, *éжжу* и *éзжю*, *люблю́*, *сплю*; *кормлю́*, *прошý* (ТМДК, XI, стр. 17), *колотю́*, но *пушшу* (МВГ, IX, стр. 109), *прокатю́*, *колотю́*, *éжжу* и *éздю*, но *люблю́*, *сплю*, *кормлю́*, *вожý*, *прошý*, *пушшý* (ТМДК, XI, стр. 128, 129). Нолинск. у.: *колотю* (МВГ, XII, стр. 414), *прилетю* (стр. 416), но *куплю* (стр. 417), *плачý* (стр. 421), *пушшý* (стр. 414). Яранск. у.: *колотю* (ТМДК, XII, стр. 481), но *плачý* (стр. 475), *брошу*, *пушшу* (стр. 481). Чердынск. у.: *прокатю́*, *колотю́*, *мстю*, но *люблю́*, *сплю*, *кормлю́*, *вожý*, *прошý*, *éжжу*, *пушшу* (ТМДК, XII, стр. 129). Соликамск. у.: *воротю́*, *молотю́*, *хватю́* (МВГ, IX, стр. 227), *полетю*, *ухвачу*, но *лёблю* (стр. 232), *постюсь*, *свистю* (стр. 233). Оханск. у.: *колочý* и *колотю́*, *прокачý* и *прокатю*, но *хажý*, *éжжу*, *пушшý* (ТМДК, XII, стр. 123, 124). Красноуфимск. у.: *пустю*, но *колоцю*, *брошю* (МВГ, IX, стр. 221). Шадринск. у.: *прокатю*, *шутю*, но *люблю*, *сплю*, *кормлю*, *прошу* (ТМДК, XII, стр. 118, 119). Юрлинск. у.: *прокат'у*, *колот'у*, но *л'юбл'у*, *спл'у*, *кормл'у*, *вожу*, *прошу*, *jежжу*, *пушшу* (ТМДК, XII, стр. 183). Уральск. у.: („Низовая линия"): *прокатю́*, *колотю́*, *пустю́*, но *люблю́*, *сплю́*, *кормлю́*, *прошý* (ТМДК, X, стр. 25).[1] Покровск. у.: *прокатю* и *прокачý*, но *люблю́*, *сплю*, *кормлю́*, *вожý*, *колочý*, *прошý*, *éжьжю* и *éжжу* (ТМДК, XI, стр. 53).

[1] На Колыме отмечены формы *биосю* (Богораз, стр. 210), *попустюся* (стр. 114), но *спущу* (стр. 186), *схвачу* (стр. 182), *качу* (стр. 205), *йублю* (стр. 206), *куплю*, *уступлю* (стр. 42). То же и у Азадовского („Сказки Верхнеленского края"): *куплю* (стр. 20), *блужу* (стр. 15), *гажусь* (стр. 10), *заплачу* (стр. 20), *пушшу* (стр. 3), но *спросю́* (стр. 25, 26). Но здесь, может быть, просто мена шипящих и свистящих.

Кащинск. у.: *ла́стюсь*, но *станавлю́*, *воплю́*, *ищю* (Смирнов, Кашинск. гов., стр. 122, 125, 127), *ро́стюсь* (=крик курицы перед снесением яйца — примеч. автора), *скапустюсь* (Смирнов, Сл., стр. 160), *опростоволо́сюсь* (стр. 120), но *га́чу* (стр. 26), *привѣ́чу* (стр. 140), *пова́жусь* (стр. 131), *пола́жу* (стр. 135), *заколо́жу* (стр. 53), *колабро́жу* (стр. 64), *угощу́* (стр. 3), *моро́жу* (стр. 163), *приголу́блю* (стр. 140), *ндравлюсь* (стр. 109), *рю́млю* (стр. 154). Смоленск. губ., Рославльск. у.: *палетю* (Добровольский, Сл., стр. 651), *бо́зю — вожу* (стр. 76), *носю — ношу* (стр. 490), *прасю — нидапрасюсь* (стр. 736), но *люблю* (стр. 650, 473, 551, 587), *нарублю* (стр. 225). Красновск. у.: *куплю* (стр. 158), *залаплю* (от „лапить“ — стр. 367), *почаплю* (стр. 691), *паступлю* (стр. 684), *тярплю* (стр. 150), *сиджю — сижу* (стр. 829), *ула́джю* (стр. 936). Смоленск. у.: *вылымлю* (стр. 69, 672), *награжю* (стр. 434), *зражу* (от „зрадить“ — стр. 283), *плачу́* (заплатки), *паплачу́* (стр. 110), *грымащу́* (стр. 148), *улажу* (стр. 936). Ельнинск. у.: *сяжу*, *пасижу* (стр. 110), но *сидю́ — сижу*. Богородицк. у.: *платю́ — плачу́* (Будде, Тульск. и Калужск., стр. 877), но *сплю́* (стр. 884), *здоро́влю* (стр. 858), *обихо́жу* (стр. 872), *прешу́* (*пришшу́* = запрещаю) (стр. 883). Суджанск. у.: *памалатю́сь* и *памалачу́сь*, *прокачу́* и *катю́сь*, *калатю́сь*, но *люблю́*, *куплю́*, *сплю́*, *затаплю́*, *хриплю́*, *нара́влюсь*, *кармлю́*, *наряжу́*, *скажу́*, *успрашу́* (Резанова, Суджанск., стр. 255). Терск. об.: *разбудю́*, *снарядю́*, *трудю́сь*, *схадю́*, *пащадю́*, *калатю́сь*, *заплатю́*, *праплатю́*, *прихватю́*, *шутю́*, *загрузю́*, *бро́сю*, *спрасю́*, *прасю́*, *е́здю*, *выиздю́*, *атмстю́*, *пустю́*, но *люблю́*, *куплю́*, *сплю́*, *затаплю́*, *ви́жу* и даже *ви́жутъ* (Караулов, Гребенск. казаки, стр. 29, 30, 87).

Наконец, есть говоры, в которых отмечена утрата чередования только в глаголе „езжу“.

Меленковск. у.: *е́здю*, но *йи́жьжю пушъшу́* (ТМДК, XI, стр. 41, 42). Новоторжск. у.: *е́жу* и *е́здю* (ТМДК, XII, стр. 178), но *люблю́*... (стр. 177). Сапожковск. у.: *е́жу* и *ездю*, но *люблю*, *сплю*, *кормлю*, *вожу́*, *прошу́*, *пушшу́* (ТМДК, X, стр. 55). Усть-Медведицк. ст. Обл. Войска Донского: *е́жу* и *е́здю*, но

люблю́, сплю́, кормлю́, вожу́, прокачу́, прошу́, пущю́ (ТМДК, VIII, стр. 39); см. также приведенные выше материалы по Сердобскому у.

Многочисленные случаи такого рода дают повод предполагать, что выравниванию основы в первую очередь подвергались глаголы с основой на *т* || *ч* и, может быть, на *д* || *ж*, а также глагол *езжу — ездишь*, в котором, очевидно благодаря фонетическим причинам (сильная разобщенность основ 1 л. ед. ч. с остальными личными формами, а также, может быть, и наличие аффрикаты или долгого шипящего звука), тенденция к утрате чередования ощущалась особенно сильно.

В меньшей мере аналогия охватывает глаголы с основой на губной, что, возможно, связано с фонетическими особенностями этих глаголов: сочетания *бю, пю* и т. д. вообще редки в русском языке.

Интересно, что утрата чередования в глаголах на мягкие зубные с сохранением его в глаголах на мягкие губные характерна, главным образом, для северновеликорусских говоров Вологодско-Вятской группы и некоторых владимирских говоров, тогда как в южновеликорусских подобные случаи отмечены только в отдельных говорах. Может быть, это свидетельствует о сравнительно недавнем появлении этой черты в вологодско-вятских и владимирских говорах.

Уже в вышеприведенных примерах мы можем отметить случаи нарушения характерной для того или иного говора системы: так, в говорах, где произносится „колотю", но „люблю", встречается также и „колочу"; наряду с „ездю" произносят и „ежжу" и т. д.

Сосуществование двух типов образования 1-го л. ед. ч. глаголов на мягкой зубной и губной можно обнаружить в ряде говоров.

Холмогорск. у.: *долбю́, пособю́*, очень часто *нра́вюсь*[1] вм. *нра́влюсь, ка́пю* вм. *ка́плю, ко́пю* вм. *коплю́* (с переносом уда-

[1] Курсив мой — *Г. К.*

рения), по *временам спю́, храпю́, кормю́* вм. *кормлю́; ломю́, бре́дю, кадю́, лудю́, снарядю́, у́дю, сходю́*, очень часто *колотю́* вм. *колочу́, косю́, спросю́* (Грандилевский, стр. 28, 29, 54, 177), но *ла́щу*, (стр. 36, 187). Шенкурск. у.: *воротю* (при *вороцю*), *возвратю́, катю́, молотю́, морозю́* (sic!), *испо́ртю, светю́* (=свящу), *храпю́* (Мансикка, Шенкурск., стр. 122). Тулунск. у.: *кармю́, глидю́, сидю́, калатю́, пракатю́, тратю, шутю́, пустю́* (при *пушшу*) (Виноградов и Черных, стр. 14), *ежжу, пушшу* (стр. 9), *хажу* (стр. 6) (последние 3 примера взяты из отдела фонетики — Виноградов и Черных); 1-е л. ед. ч. — мена свистящих и шипящих — *бросу* (Черных, стр. 387), но *паляцу* (стр. 378), *нахажушь* (стр. 380). Аткарск. у.: *любю́, спю́, кормю́, е́здю*, но *прошу́* (ТМДК, XII, стр. 146). Смоленск. у.: *каши*, но *skal'z'и́* (Попов, стр. 267, 268). Касимовск. у.: *с'п'у́, зъта́п'у́, спра́с'у́*, но *л'убл'у́, купл'у́* (МВГ, VIII, стр. 332). Рязанск. у.: *любю́, спю́, кормю́, водю́, прокатю́, колотю́, просю, пустю́, ездю́*[1] (ТМДК, стр. 116), но *хажу́* (стр. 115). Сапожковск. у.: *спю, кормю́, е́зжю* и *е́здю, пущу́* и *пустю́, люблю́, вожу́, хажу, прокачу́, колочу́, прошу* (ТМДК, X, стр. 119). Медынск. у.: *спю́, кормю́, е́здю*, но *пушъшу́* (ТМДК, X, стр. 83), *спю, кормю́, водю́, колотю́, просю́, ездю́, пустю́*, но *люблю́* — *любю* у взрослых нет (стр. 84). Так же на стр. 78 см. примечание: „...наблюдался, главным образом, говор молодого поколения": *люблю, сплю* (*спю* — редко), *кормлю* (*кормю*—редко), *вожу, прокачу, колочу* (иногда *колотю*), *прошу, езжу* (иногда *ездию*)[2] (ТМДК, X, стр. 78). Перемышльск. у.: *спю́, кормю́, прокатю́, просю́*, но *люблю́, хлыпачу́, пустю́*, и *пушъшу́* (ТМДК, X, стр. 87, 88). Мосальск. у.: *просю, ездю*, в фонетике — *ежжу, пустю*, в фонетике — *пушшу*[3] (ТМДК, X,

---

[1] Подобное ударение (см. также *морозю́* — стр. 35, *ѣзжу́* — стр. 91, 93, 94 настоящ. работы) могло возникнуть под влиянием таких форм, как *пустю́* — *пу́стишь, (при)возю́* — *во́зишь* и т. д.

[2] Об этой форме нам придется говорить особо.

[3] Примеры, взятые из фонетики, косвенно могут свидетельствовать о наличии двух типов произношения изучаемых нами форм в говоре.

стр. 39). Козельск. у.: *любю, спю, кормю, водю, прокатю, колотю, просю, ездю* и *ежжю, пустю* и *пушшу́* (ТМДК, X, стр. 35, 37); *спю́, кормю́, прокатю́, колотю́, е́здю* и *е́здию*, но *люблю́, вожу́, прошу́, пушшу́* (ТМДК, VIII, стр. 34). Жиздринск. у.: *любю, спю, кормю, водю, ѣ́здю... колотю, прокатю, стратю* и *страчу, просю, пустю* и *пушшу* (ТМДК, III, стр. 82), ни *астанавю* (Добровольский. Палехи, вып. 2, стр. 5), *застáвлю* (вып. 2, стр. 9), *дакармю* (вып. 1, стр. 5), *падладю* (вып. 2, стр. 10), *заплатю* (вып. 1, стр. 7), *бросю* (вып. 1, стр. 5, 10), *спрасю, пусьтю́* (вып. 1, стр. 18), *гляжу* (вып. 1, стр. 7), *галашу* (вып. 1, стр. 57), *абижу* (вып. 1, стр. 7), *сяжу* (вып. 1, стр. 4), *прихожу* (вып. 1, стр. 6, 9). Мещовск. у.: *любю́, купю́, нрáвюсь, кармю́, сныридю, калатю́сь, прыкатю́, спрасю́, ѣ́здю, затапю́, спю́, хрипю́*, (Чернышев, Мещовск. „Ответы на Программу", стр. 165), но *люблю́* (стр. 89, 93, 144), *куплю́* (стр. 3, 79, 121), *ныгражу́* (стр. 19), мылачу, качу (стр. 33), повыкычу (стр. 35), спрашу (стр. 36, 88), гляжу (стр. 122),* срублю, прарублю (стр. 142), утаплюсь (стр. 84),* проставлю (стр. 142),* ухвачу (стр. 5),* хажу (стр. 36),* скажу (стр. 89),* вижу (стр. 35),* пущщу (стр. 138)* (там же, — тексты),[1] *люблю́, спю́, кормю́, вожу́, провожу́* и *проводю́, прокачу́* и *прокатю́, прошу́, е́жжу* и *е́зьдю, пушшу́* (ТМДК, VIII, стр. 17). Новосильск. у.: *любю*, но *сплю* (ТМДК, I, стр. 89). Брянск. у.: *прилетю, полетю* (ТМДК, X, стр. 223), *хадю́* (стр. 28), *молочу́* (стр. 230), *мощу* (стр. 229). Карачевск. у.: *любю, спю, кормю, водю, прокатю, колотю, просю, пустю, ездю, хажу́* (ТМДК, X, стр. 88, 89). Севск. у.: *любю́, спю́, кормю́, водю́, прокатю́, колотю́, е́здю, прошу́* и *просю́, пустю́, хажу́* (ТМДК, X, стр. 108, 109), *любю́, спю́, кармю́, колотю́, водю́, е́здю, пустю́, просю́* (стр. 96), но *хажу́* (стр. 94). Обл. Войска Донского, Кочетовская ст.: *пособю, отрубю, ловю, отломю, спю* — „дети и женщины". Рядом и правильные формы: *куплю* и т. д. (Калмыков, стр. 270), *спю, зарядю, спросю, затопю* —

[1] Звездочкой отмечены страницы для примеров из записей Косорогова, которые приводятся в той же работе.

„дети, иногда и взрослые“ (стр. 174). Кубанск. ст. Отрадная: *любю́, спю́, кормю́, водю́, прокатю́, колотю́, просю́, е́жжу* и *е́здю* (см. раздел фонетики); *пушшу́* и *пустю́* (ТМДК, X, стр. 23). Ставропольск. у.: *любю* (и *люблю*), *спю, кормю* (и *кормлю*), *видю, калатю, бросю, прасю* и *прашу* (Бондаренко, стр. 236). Обл. Войска Донского, Донск. окр.: *кормю, спю, калатю, возю́, просю́, ездю, пушшу* (ТМДК, VIII, стр. 12, см. фонетику) и *пустю, люблю* (стр. 12).

В ряде случаев подобные колебания отмечены и там, где в глаголах, утративших чередование конечного согласного основы, эта утрата сопровождается переносом ударения в 1-м л. ед. ч. с окончания на основу.

Керенск. у.: *лю́бю, ку́пю, спю, зато́пю, снаря́дю, кало́тюсь, схо́жу* (МВГ, XI, стр. 92). Пензенск. губ.: характеризуя средневеликорусские говоры Пензенской губ., автор приводит примеры — *усту́пю, хо́дю, про́сю* (Гвоздев, стр. 15). Но на стр. 16 читаем: „Особняком стоит говор одной половины (называемой Крукол) с. Канаевки. Перенос ударения в 1-м л. глаголов *ска́жу, хо́жу*“. Царевск. у.: *лю́бю* (Гвоздев, стр. 121, 123), но *люблю* (стр. 125 — в образцах связной речи); *спю́, те́рпю* (Солосин, Ахтуб., стр. 121), но *терплю* (стр. 123), *си́дю, схо́дю, е́здю* (стр. 121), *ку́рю, хлопо́чу* (стр. 123). Егорьевск. у.: (иногда) *прэс'у́, сп'у*, но *л'у́бл'у, ку́пл'у* (Шахматов, Лека, стр. 219), *про́сю* (Грищкин, стр. 102), но *атамщу́* (стр. 103). Рязанск. у.: *любю, купю, вы́терпю, ви́дю, просю*, но *хажу́* (ТМДК, I, стр. 111, 112). Касимовск. у.: *люблю́ кормлю́, прокачу́, ежжю, прошу́* и *про́сю* (ТМДК, VIII, стр. 14) Рязанск. губ.; Касимовск. у. — *лю́бю, ку́пю, гото́вю, спю*, но *хо́жу* и даже *хо́жуть* (Будде, Рязянск. гов., стр. 44, но на стр. 45 — „конечно, есть и форма *ходють*“), *поло́жу* (стр. 61), Скопинск. у. — *схо́жу* (стр. 64), Скопинск. у. — *гляжу* (стр. 99). Скопинск. у. — *сажу, сижу* (стр. 97), Скопинск. у. — *спро́шу* (стр. 64), *ру́бю* (Будде, Касимовск., стр. 336), *во́пю, спю́, про́спю, усту́пю, ко́рьмю, сы́пю* (стр. 174), *ноcю́* — 1-е л. ед. ч. („*sic!* = *ношу́*; остаток мягкого звука“ — стр. 133), *хо́дю* (стр. 52, 366), но *няхо́жу* (стр. 52), *хо́жу* (стр. 151), *е́ждж у* (стр. 135),

пушшу (стр. 138). Спасск. у.: *спю, прокатю́, колотю́*, но *про́сю, е́жжу, е́здю, пушшу́* и *пусту́* (ТМДК, X, стр. 19), *лю́бю, спю, ко́рмю* и *ко́рмлю, во́дю* и *во́жу, колотю́, прокатю́, про́сю* и *про́шу, ѣ́здю* и *ѣ́жжу, пу́стю* и *пушшу́* (ТМДК, III, стр. 66, 69). Воронежской. губ.: *ухадю, посвистю, совѣ́стюсь, ѣ́лядю, јѣ́здю, несю, свѣ́сю* (Филатов, стр. 103), *готовю, ставю* — с примечанием: „редкое явление" (стр. 94, 152), но *брошу* (стр. 205, 206), *пушшу* (стр. 212), *люблю* (стр. 191, 204), *гляжу, сижу* (стр. 202).

В большинстве случаев колебания подобного рода надо отнести за счет влияния литературного языка. Это подтверждается и некоторыми исследованиями (см. ответы на Программу ТМДК, X, стр. 78 и др.), где формы с чередованием указаны как более новые.

Редкие случаи, вроде приведенного выше примера, в Касимов. у.: *хо́жуть* (Будде, Рязанск. гов., стр. 44); в Терск. обл. *ви́жуть* (Караулов, Гребенск. казаки, стр. 30): в Семенов. у.: *виждять* (МВГ, XI, стр. 72), в Меленк. у.: *пущуть* (ТМДК, I, стр. 23) также, вероятно, следует принять за попытку приспособления к литературному языку. Встречаются подобные явления и в глаголах с основой на губной: Богородицк. у.: *ло́млю́ть* — 3-е л. мн. ч. (Будде, Тульск. и Калужск., стр. 865) и Дмитриевск. у. *сплять, люблють* (МВГ, IX, стр. 162), но здесь можно объяснить их возникновение влиянием украинского языка или, может быть, выравниванием по образцу глаголов типа „сыплю", „треплю" и т. д.

Несколько слов о географическом расположении рассматриваемых явлений.

На всем протяжении русских говоров отмечены формы глаголов 2-го спряжения с чередованием конечного согласного в основе настоящего времени (см. карту № 1).

Формы с утратой чередования согласных характерны для северновеликорусских говоров Вологодско-Вятской группы (Вологодск., Вятск., Пермск. и Уфимск. губ.) и очень немногих говоров Владимирской губ., пограничных с переходными рязанскими говорами, а также для некоторых говоров Сибири. Очень

распространены подобные формы в переходных и южновеликорусских говорах, причем формы с изменением звукового вида основ без переноса ударения характерны, главным образом, для Тульской и Орловской групп южновеликорусских говоров и для переходных говоров от белорусских к южновеликорусским; реже эти формы отмечены и в Рязанской группе южновеликорусских говороз и в восточной группе переходных говоров от северновеликорусских к южновеликорусским.

Формы с переносом ударения при изменении звукового вида основы характерны только для Рязанской группы южновеликорусских говоров (Рязанской и Воронежской губ.), а также для восточной группы переходных от северновеликорусских к южновеликорусским говорам Пензенской и Рязанской губ.

Формы с переносом ударения без изменения звукового вида основы отмечены в единичных говорах Владимирской, Рязанской и Саратовской губ. (переходных и пограничных с переходными) и в Сибири.

Несколько подробнее остановимся на глаголе 2-го спряжения *положу́ — поло́жишь*. В литературном языке этот глагол характеризуется в настоящем времени подвижным ударением, в прошедшем — ударением на окончании (*положу́ — поло́жишь — положи́ть*).

К сожалению, мы не располагаем материалом, отражающим настоящее время этого глагола с подвижным ударением по говорам. Формы прошедшего времени, аналогичные литературным, отмечены в следующих уездах.

Олонецк. губ.: *заложи́ть* (Куликовский, стр. 27), *положи́ть* (стр. 87). Слободск. у.: *положи́ть* (ТМДК, XI, стр. 129). Урал: *положи́ть* (Карпов, стр. 55). Низовая линия: *пылажи́ть* (ТМДК, X, стр. 24). Муромск, у.: *пыложи́ть* (ТМДК, XI, стр. 45); *положе́но, положи́ть, предположи́ть* (МВГ, XI, стр. 1); *положи́ть, предположи́ть* (стр. 10). Меленковск. у.: *положи́ть* (МВГ, IX, стр. 36). Казанская губ.: *положи́ть* (Будде, Казанск., стр. 110). Краснослободск. у.: *положи́ть* (ТМДК, X, стр. 46). Наровчатовск. у.: *пылажи́ть* (ТМДК, X, стр. 49). Гор. Холм: *положи́ть, предположи́ть* (МВГ, XI, стр. 118). Осташковск. у.

палажи́ть (ТМДК, III, стр. 69). Зубцовск. у.: *положи́ть* (ТМДК, X, стр. 1). Рузск. у. *п'ир'лажы́т'* (Дурново, Парфенки, стр. 47). Бронницк. у.: *пълажыл* (Каринский, Яз. рус. кр-н, стр. 103). Михайловск. у.: *пыложи́л* (ТМДК, X, стр, 51). Сапожковск. у.: *по*^{ы}*ложить* (ТМДК, III, стр. 61). Боровск. у.; *пыложи́ть* (ТМДК, X, стр. 70). Медынск. у.: *положи́ть, предположи́ть* (МВГ, XI, стр. 38), пов. накл. — *вы́ложь, поло́жь* (стр. 49). Калужск. и Медынск. уезды: *зылажи́ть* (Дурново, Калужск., стр. 8). Козельск. у.: *палажи́ть* (ТМДК, X, стр. 72), *паложи́ть* (стр. 35). Мещовск. у.: *палажи́лъ* (Черныше в, Мещовск. у., стр. 8). Белевск. у.: *положи́ть* (ТМДК, X, стр. 79). Одоевск. у.: *уложи́ть* (в смысле — узаконить; Будде, Тульск., Калужск., стр. 893). Крапивенск. у.: *пълажы́ли* (Будде, Тульск., стр. 1295). Суджанск. у.: *палажи́ть* (Резанова, Суджанск., стр. 221). Шацк. у.: *пăлажы́л* (Дурново, Шацк., стр. 941), *слажы́л* (стр. 942).

В ряде говоров подвижное ударение в настоящем времени этого глагола заменяется постоянным. В одних — устанавливается постоянное ударение на окончании (см. ниже стр. 129 и др.), в других — постоянное ударение на гласном основы — *о*.

Формы 1-го л. ед. ч. с ударением на основе, установившимся под влиянием остальных личных форм, отмечены в следующих говорах:

Вятск. у.: *доло́жу* (Зеленин, Ск., стр. 321). Колыма; *поло́жу* (Богораз, стр. 87, 117). Судогодск. у.: *pol*^{и}*-о́žu* (Бубрих, стр. 346). Козловск. у.: *поло́жу* (ТМДК, III, стр. 40). Нам неоднократно приходилось слышать формы 1-го л. ед. ч. этого глагола с ударением на основе от жителей различных пунктов Урала и Сибири, как сельских, так и городских.

Во многих говорах произошло изменение места ударения не только в формах настоящего времени, но и в формах прошедшего, — ударение передвинулось на слог вперед, на основу. Это явление характерно, главным образом, для северновеликорусских говоров Архангельской, Новгородской, Вологодско-Вятской и Владимиро-Поволжской групп, а также для многих говоров Сибири. В качестве единичных примеров подобные формы

отмечены в переходных говорах Московск. и Егорьевск. уездов и в одном из говоров Воронежской губ.

Онежск. у.: *поло́жить* (МВГ, V, стр. 203). Архангельск. у.: *поло́жить, предполо́жить*, наст. вр. — *ложат* (ТМДК, XI, стр. 7). Холмогорск. у.: *поло́жить, предположить* (МВГ, VIII, стр. 389). Шенкурск. у.: *зало́жить ухом* (= забыть) (Оп. Обл. сл. — стр. 63),[1] *поло́жить* (Мансикка, Шенкурск., стр. 127). Устюжск. у.: *поло́жить* (МВГ, IX, стр. 79). Вологодск. у.: *поло́жить, предполо́жить* (стр. 44). Кадниковск. у.: *поло́жить, предполо́жить* (МВГ, III, стр. 956). Тотемск. у.: *поло́жить* (МВГ, IX, стр. 61). Новгородск. губ.: *поло́жилъ* (Белоз. у. — Колосов, стр. 22). Кирилловск. у.: *поло́жилъ* (Соколовы; стр. 208). Костромск. губ.: *поло́жить, предполо́жить* (Покровский, Костромск. губ., стр. 457). Чухломск. у.: *поло́жить, предполо́жить* (МВГ, IX, стр. 144). Буйск. у.: *предполо́жить* (МВГ, I, стр. 17), *отложьте, положьте* (стр. 19). Гор. Галич: *предполо́жить* (МВГ, IX, стр. 123). Орловск. у.: *поло́жить, предполо́жить* (МВГ, V, стр. 31). Вятск. у.: *поло́жить, изло́жить, нало́жить* (Каринский, Яз. рус. кр-н, стр. 51), *ло́жим, ложь, ложьте* (стр. 57), *поло́жить* (ТМДК, XI, стр. 119). Вятск. и Халтуринск. уезды: *поло́жили* (Матвеева, стр. 35). Слободск. у.: *поло́жить* (МВГ, IX, стр. 106, 109, 112), *поло́жить, предполо́жить* (МВГ, VIII, стр. 335), *поло́жить* (ТМДК, XI, стр. 127). Котельнич. у.: *поло́ж'ит', ло́жит', поло́ш'* (Каринская, ТМДК, IX, стр. 112), *поло́жить, предполо́жить* (МВГ, VIII, стр. 319), *поло́жить* (Зеленин, Ск., стр. 16), *поло́жили* (стр. 17), *доло́жилъ* (стр. 19), *прило́жила* (стр. 32), *доло́жили* (стр. 47), *перенало́жилъ* (стр. 46, 47), *распо́ложился* (стр. 51), *поло́жила* (стр. 65, 86), *поло́жилъ* (стр. 132, 182, 183, 210), *нало́жить* (стр. 207), *разло́жить* (стр. 211), но наст. вр. — *положи́тъ* (стр. 59), пов. накл. — *перенало́жь* (стр. 48), *поло́жь* (стр. 50, 51). Глазовск. у.: *поло́-*

[1] См. также Оп. Обл. сл., стр. 168 — «*поло́жить, поло́жилъ* — Пермск. губ., Тихвинск., Ирбитск. уезды (Новг.), Кинешмовск. у. (Костр.), Шенкурск. у. (в смысле „устроить"); *поло́жить* — Нижегородск. и Архангельск. губ. в смысле „налить"».

жить (ТМДК, XI, стр. 120). Нолинск. у.: *поло́жить, предпо-ло́жить* (МВГ, VIII, стр. 412), но *приложу́* (стр. 417), *поло́жить, предполо́жить* (стр. 535), *доло́жили* (Колосов, стр. 228). Яранск. у.: *поло́жить* (МВГ, IX, стр. 119), *поло́жить, предпо-ло́жить* (МВГ, VII, стр. 479), *отлошь* (стр. 481). Уржумск. у.: *поло́жили, поло́жьте* (Зеленин, Ск., стр. 362). Шадринск. у.: „Упорно держится ударение: *поло́жить, поло́жил, нало́жил* и во всех словах этого корня неизменно" (ТМДК, XII, стр. 119). Тобольск. у.: *поло́жить, предполо́жить* (МВГ, VI, стр. 283 и МВГ, II, стр. 32). Кокчегавск. у.: *поло́жить, предполо́жить* (МВГ, IX, стр. 242). Тулунск. у.: *поло́жыла* (Черных, стр. 366), *сло́жить, пало́жить* (Виноградов и Черных, стр. 10). Сибирь: *поло́жить, поло́жила* — повсюду (стр. 137), *пало́жыть* (стр. 138) — у „семейских" (Селищев, Сибирь). Колыма: *поло́жить, поло́жил* (Чернышев, Юр. Сузд., Вл., стр. 25). Судогодск. у.: *poĺ"óžytĺ, poĺ"óžyła, poĺ"ózu* (Бубрих, стр. 346). Казанск. у.: *поло́жыла* (Будде, Заметки, стр. 171). Егорьевск. у.: *поло́жылă* (Шахматов, Лека, стр. 214), *поло́жить* (МВГ, XI, стр. 126). Коротоякск. у.: *пало́жыл'и* и *посо́д'ил'и* (Гринкова, Коротоякск., стр. 567).

И тот и другой типы ударения отмечены в следующих источниках:

Архангельск. губ.: *заложи́ть* (Подвысоцкий, Сл., стр. 51), *ло́жить, поло́жить, ло́жил, поло́жу, ложь* (стр. 81), *положь* (стр. 16), *поло́жить*, но *положи́ть, наположить, положь, напо-ложь* (стр. 129). Холмогорск. у.: *поло́жь, вложь* (Гриндилевский, стр. 57), *поло́жи́ть, предполо́жи́ть* (стр. 62), *ло́жить, ложь, ложьте*, но *ложи́ть рабо́ту* (стр. 190), *обло́житься* (стр. 213), но наст. вр. „изредка *положи́шься*" (стр. 62). Устюжна: *поло́жить* и *положи́ть* (МВГ, III, стр. 994). Кологривск. у.: *поло́жить*, реже — *положи́ть, предполо́жить* (МВГ, VIII, стр. 504). Кинешмовск. у.: *положи́ть*, но *предполо́жить* (стр. 512), *полош(ж)ь* (стр. 516). Вятск. губ.: *зало́жить* (= отдать под залог), но *заложи́ть* (= запрячь лошадь) (Васнецов, стр. 77). Вятск. у.: *прило́жили* (Зеленин. Ск., стр. 312), *доло́жилъ* (стр. 326), *поло́жилъ* (стр. 333), *доло́жу* (стр. 321),

но *доложи́ть* (стр. 318), *расположи́лся* (стр. 321). Котельническ. у.: *поло́жить* и *положи́ть* (МВГ, V, стр. 14). Нолинск. у.: *поло́жилъ* (Зеленин, Ск., стр. 245, 248), *доло́жили* (стр. 249, 266), *разло́жилъ* (стр. 274), *положь* (стр. 245), но *положи́ли* (стр. 279). Автор считает, что язык этой сказочницы более народный. Смоленск. у.: *обло́жить*, *заобло́жили*, но *обложи́ться* (Добровольский, Сл., стр. 502). Московск. у.: *пало́жить* и *палажы́ть*, иногда *пало́шь*, *дало́шь* (Черныщев, Моск. у., стр. 22).

Глава II

МЕСТО УДАРЕНИЯ У ГЛАГОЛОВ 2-го СПРЯЖЕНИЯ И ЯВЛЕНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С НИМ

В предыдущей главе нам пришлось уже столкнуться с различием по говорам места ударения в глаголах 2-го спряжения, подвижного в одних говорах и в литературном языке и неподвижного на основе в других.

В настоящей главе мы подробнее остановимся на вопросе о месте ударения у некоторых глаголов 2-го спряжения.

Как известно, в парадигме настоящего (или простого будущего) времени могут встретиться три типа ударения: а) постоянное ударение на основе — *ве́рю* — *ве́ришь*, *кра́шу* — *кра́сишь* и т. д.; б) постоянное ударение на окончании — *гляжу́* — *гляди́шь*, *молчу́* — *молчи́шь* и т. д.; в) подвижное ударение, когда в 1-м л. ед. ч. ударение на окончании, а в остальных лицах оно переносится на один слог вперед, на основу — *хожу́* — *хо́дишь*, *колочу́* — *коло́тишь* и т. д.

Различные глаголы 2-го спряжения могут характеризоваться каким-нибудь одним из этих трех типов ударения. Но в литературном языке в ряде глаголов 2-го спряжения с подвижным ударением наблюдаются колебания в месте ударения: глаголы *валить*, *катить*, *клеить* и т. п. могут произноситься с ударением на окончании во всех лицах настоящего времени — *валю́*, *вали́шь*, *вали́т*, *вали́м*, *вали́те*, *валя́т* и т. д., и с ударением на основе во всех лицах (исключая 1-е л. ед. ч. — *валю́*): *ва́лишь*, *ва́лит*, *ва́лим*, *ва́лите*, *ва́лят*.

Грот насчитывает 50 таких глаголов,[1] В двух глаголах — *крестить* и *косить* он отмечает, кроме того, различие в значении, в зависимости от ударения.

Изучение диалектного материала может дать в этой, сравнительно мало изученной, области очень ценные указания: с одной стороны, по говорам в ряде случаев подобное двоякое ударение наблюдается у таких глаголов, которые в литературном языке всегда произносятся только с подвижным ударением.[2] В других случаях — в некоторых глаголах (большей частью в таких, для которых в литературном языке отмечено колебание в произношении, как, например; *валить*, *варить* и т. д.) наблюдается только постоянное ударение на окончании. Не всегда легко решить, является ли такое ударение в говоре исконным для данного глагола или вторичным, возникшим по аналогии (случаи, противоположные рассмотренным в предыдущей главе).

Следует оговориться, что мы отнюдь не претендуем на то, чтобы дать полное представление о характере ударений у подобных глаголов в говорах. Это — тема, нуждающаяся в специальном исследовании и в привлечении очень большого дополнительного материала. В использованных же нами источниках этот вопрос освещен чрезвычайно скудно: большей частью даются отрывочные, иногда произвольно взятые примеры, по которым трудно, а подчас и просто невозможно, судить о характере ударения в интересующих нас формах (не говоря уже о том, что кое-где ударения не обозначены вовсе).

Наша задача — показать существующие диалектные различия в месте ударения глаголов 2-го спряжения, а также явления, связанные с этими различиями и, как следствие их, пере-

---

[1] Я. К. Грот. Филологические разыскания, т. I стр. 321—323; 1) см. также: Boyer. De l'accentuation du verbe russe, стр. 37 — 41. В его списках глаголов „с постоянно подвижным" ударением и с „колеблющимся" ударением (по терминологии Грота) имеются, хотя и небольшие, расхождения со списками Грота.

Грот. Ук. соч., стр. 323, 324; Boyer. Ук. соч.

группировки глаголов внутри глагольных систем отдельных говоров.

В исследованном диалектном материале мы встретили следующие глаголы с ударением на основе во всех лицах (кроме 1-го л. ед. ч.):[1] *блуди́ть, буди́ть, вали́ть, вари́ть, води́ть, вози́ть, ворожи́ть, ворони́ть, вопи́ть, вороти́ть,* (за)*городи́ть, гони́ть (=гнать), дари́ть, долби́ть, звони́ть, кади́ть, кати́ть, колоти́ть, корми́ть, коси́ть, крести́ть, крои́ть, кури́ть, лечи́ть, лови́ть, ложи́ть,* (с)*ломи́ть, лупи́ть, люби́ть, молоти́ть, носи́ть, одолжи́ть, пили́ть, плати́ть, проси́ть, пусти́ть, роби́ть, роди́ть, рони́ть, руби́ть, сади́ть, свети́ть, серди́ть(ся), подсоби́ть, соли́ть, станови́ть*(ся), *суши́ть, таши́ть,* (со)*твори́ть, топи́ть, торопи́ть, трави́ть, труни́ть, хвали́ть(ся), (про)хвати́ть, ходи́ть, хорони́ть, цеди́ть,* (за)*цепи́ть(ся), яви́ть(ся), верте́ть, смотре́ть, терпе́ть, держа́ть,* а также *брани́ть, возврати́ть(ся), грози́ть, кори́ть, пали́ть* (огнем).[2]

Онежск. у.: *ро́дитъ, ро́дится* (МВГ, IX, стр. 2). Архангельск. у.: *вожу́ — во́дитцэ* (=нянчит) (МТДК, XI, стр. 6, 12), *ве́ртитце* (стр. 11), *во́пит, ку́рите* (стр. 7), *лу́пит* (стр. 14), *но́сит, ро́дится, тра́вит* (стр. 7), *тру́нит* (стр. 17). Холмогорск. у.: *ро́дит, ро́дится* (Грандилевский, стр. 62). Повенецк. у.: *ва́лим, ва́ришь* (ТМДК, XII, стр. 90); интересно, что на стр. 91 дана форма инфинитива *ва́лить* — „рубить лес". Вытегорск. у.: *ро́дитсе* (МВГ, II, стр. 40). Грязовецк. у.: *катишь, платишь, посадишь* (МВГ, V, стр. 21). Тотемск. у.: *люблю́ — лю́бишь, лю́битъ, любимъ, лю́бите, любятъ; хожу́, хо́дишь, хо́дитъ, хо́димъ, хо́дите, хо́дятъ* (Едемский,

[1] Для ряда глаголов формы 1-го л. ед. ч. в некоторых источниках не указаны. Кроме того, в части говоров в 1-м л. ед. ч. ударение уподобляется ударению остальных личных форм (см. предыдущую главу). Поэтому мы пока воздержимся от термина „подвижное ударение".

[2] Мы не перечисляем здесь некоторых глаголов, как, например: *божиться, ворожить, турить, клеить, чертить,* и др., которые нам встретились только с постоянным ударением на окончании. О них см. ниже.

стр. 100). Кирилловск. у.: *ва́лим*, *ва́риш* (ТМДК, XII, стр. 62). Тихвинск. у.: *ва́риш*, *ва́лим* (ТМДК, XII, стр. 74). Устюженск. у.: *блу́дит* (Судаков, стр. 449). Пошехоно-Володарск. у.: *ко́сим* (Копорский, стр. 60). Кинешмовск. у.: *взво́пишь* (Оп. Обл. сл., стр. 28). Кологривск. у.: он *ко́ситъ*, *ро́дитъ* (МВГ, IX, стр. 127). Нерехтинск. у.: *носят*, *ходят* (ТМДК, XI, стр. 173). Вятск. губ.: *роскачу*, *роскатишь* (Васнецов, стр. 278). Орловск. у. (Вятск.): *ро́дитъ* (МВГ, IX, стр. 102). Слободск. у.: *ро́дитъ*, *ро́дится* (МВГ, IX, стр. 112 и МВГ, VIII, стр. 335). Котельническ. у.: *уто́пит* (Зеленин, Ск., стр. 84), *ро́дит*, *ро́дится* (МВГ, VIII, стр. 319). Яранск. у.: *ро́дит*, *ро́дится* (МВГ, IX, стр. 119), *плачу́*, *платишь*, *платитъ* (МВГ, VIII, стр. 475). Чердынск. у.: *ро́бим* (ТМДК, XII, стр. 129). Ирбитск. у.: *ро́бишь* (МВГ, IX, стр. 214). Гор. Вязники (и окрестности): *ва́лим* (ТМДК, XI, стр. 37). Покровск. у.: *пла́тишь*, *пла́титъ* (МВГ, I, стр. 5). Судогодск. у.: *ва́лим*, *ва́ришь* (ТМДК, XI, стр. 57). Меленковск. у.: *сотво́риш* (ТМДК, XI, стр. 43). Семеновск. у.: *варишь* (МВГ, XI, стр. 70), *дарит* (стр. 74), *тащит* (стр. 70), *подсо́бит* (Покровский, Нижегор., стр. 45). Арзамасск. у.: *ва́лим*, *ва́риш* (ТМДК, XII, стр. 21, 22). Макарьевск. у.: *во́пить* (Покровский, Нижегор., стр. 47). Казанск. губ.: *роска́тютца* (Будде, Казанск., стр. 83), *зво́нят* (МВГ, I, стр. 2). Царевококшайск. у.: *ва́лим*, *ва́риш* (ТМДК, X, стр. 148). Чебоксарск. у.: *запла́тиш'ь*, *пла́тя́т* (Будде, Заметки, стр. 174). Цивильск. у.: *смо́тришь* (МВГ, XI, стр. 25). Свияжск. у.: *ва́лим*, *ва́ришь* (ТМДК, XI, стр. 136). Казанск. у.: *сва́риш* (Будде, Заметки, стр. 173), *кре́стит* (стр. 177). Оренбургск. у.: *са́дют* (Зеленин, Оренбургск. казаки, стр. 241). Буйск. у.: *ка́тишь*, *ка́тит*, *пла́т'ишь*, *пла́тит* (МВГ, VIII, стр. 456). Астраханск. у.: *ва́лим*, *ва́риш* (ТМДК, XI, стр. 33). Порховск. у.: *ва́лим*, *ва́риш* (ТМДК, VIII, стр. 46). Новоржевск. у.: *пла́тишь* (МВГ, V, стр. 43). Великолуцк. у.: *ва́лим*, *ва́риш* (ТМДК, XII, стр. 134). Холмск. у.: *ва́лим*, *ва́ришь* (ТМДК, VIII, стр. 40, 45; ТМДК, III, стр. 55; ТМДК, XII, стр. 136). Пушкинск. р. (Псковск.): *ко́сют*^{ць} (траву и пр. — Иеропольский, стр. 593). Вышневолоцк. у.: *ва́лим*, *ва́риш* (ТМДК, XII, стр. 170). Осташковск. у.:

ва́лим, ва́ришь (ТМДК, III, стр. 70). Новоторжск. у.: *ва́лим, ва́ришь* (ТМДК, VIII, стр. 22). Ржевск. у.: *мало́т'ут'* (Гринкова, Тудовляне, стр. 314), *ва́лим, ва́ришь* (ТМДК, VIII, стр. 27). Зубцовск. у.: *ва́лим, ва́риш* (ТМДК, X, стр. 3). Бельск. у.: *ва́лим, ва́ришь* (ТМДК, X, стр. 6). Гор. Вязьма: *ва́лим, ва́ришь, хо́дют* (ТМДК, X, стр. 12). Вяземск. у.: *то́пим* (ТМДК, II, стр. 81, Дурново). Юхновск. у.: *ва́лим, ва́ришь* (ТМДК, VIII, стр. 38). Ельнинск. у.: *ва́лим, ва́ришь* (ТМДК, X, стр. 60). Бронницк. у.: *ваплю́, во́пиш* (Каринский, Бронницк. у., стр. 380). Егорьевск. у.: *расхо́дицът* (ТМДК, III, стр. 170, Дурново). Касимовск. и Спасск. уезды; Бычково — *во́пю* (Будде, Касимовск., стр. 174); Шостья — *во́пить* (стр. 345), *завопить* (стр. 346); Котово — *во́пют* (стр. 369); Зубово — *то́пю* (стр. 174); Ерахтур — *то́пим* (стр. 335). Спасск. у.: *ва́лим, ва́ришь* (ТМДК, III, стр. 67). Сапожковск. у.: *ва́лим, ва́ришь* (ТМДК, III, стр. 63), *хажу́, хо́дить* (стр. 117). Перемышльск. у.: *валим, варишь* (ТМДК, X, стр. 88). Мосальск. у.: *ва́лим, ва́ришь* (ТМДК, VIII, стр. 32 и ТМДК, X, стр. 39). Медынск. у.: *ва́лим, ва́ришь* (ТМДК, X, стр. 83), *ва́лим, ва́ришь, хо́дить* (стр. 84), *ва́лим, ва́ришь* (стр. 86). Козельск. у.: *ва́лим, ва́ришь* (ТМДК, X, стр. 73, 37 и ТМДК, VIII, стр. 35). Жиздринск. у.: *ва́лим, ва́ришь* (ТМДК, VIII, стр. 8). Мещовск. у.: *ва́лим, ва́ришь* (ТМДК, VIII, стр. 17), *тарóпицца* (МВГ, XI, стр. 62). Одоевск. у.: *прило́жа* (ТМДК, IX, стр. 53, Каменев). Богородицк. у.: *воро́тит* (Будде, Тульск., стр. 1329). Ефремовск. у.: *ва́лим, ва́ришь* (ТМДК, X, стр. 18). Брянск. у.: *зво́нють* (МВГ, X, стр. 19 и МВГ, IX, стр. 203). Мценск. у.: *ва́рють* (Будде, Тульск. и Орл., стр. 58), *hаро́дють* (стр. 47), *зво́нють, ко́сють* (стр. 30), *аттóпють* (стр. 66). Гор. Карачев: *ва́лим, ва́ришь* (ТМДК, X, стр. 5). Карачевск. у.: *ва́лют* (Будде, Тульск. и Орл., стр. 76), *ва́лим, ва́ришь* (ТМДК, X, стр. 89). Орловск. у.: *ва́лим, ва́ришь* (ТМДК, X, стр. 45 и 105), *ва́рим, ва́рють* (Будде, Тульск. и Орл., стр. 40), *мало́тють* (стр. 41), *пу́стють* (стр. 42). Севск. у.: *ва́лим, ва́ришь* (ТМДК, X, стр. 109). Малоархангельск. у.: *ва́ришь* (ТМДК, III, стр. 53), *ва́лим, ва́ришь, хажу́, хо́дить* (ТМДК, X, стр. 90, 91), *ва́лим,*

ва́ришь (стр. 93). Ливенск. у.: *ва́лим*, *ва́ришь* (ТМДК, X, стр. 44). Дмитриевск. у.: *насу́шишь*, *зая́вишься* (МВГ, XI, стр. 67), *ва́лим*, *ва́ришь* (ТМДК, X, стр. 34). Курск. губ.: *звóнить* (Халанский, Курск., стр. 174), *люблю́*, *лю́бишь* (стр. 292). Путивльск. у.: *ва́рьишь* (ТМДК, VIII, стр. 77). Валуйск. у.: *звóнятъ*, *кóситъ* (МВГ, IX, стр. 90). Спасск. у. (Тамбовск.): *ва́лим*, *ва́ришь* (ТМДК, III, стр. 93), *хóдит* (ТМДК, X, стр. 79). Кубанск., ст. Отрадная: *ва́лим*, *ва́риш* (ТМДК, X, стр. 23).

В очень многих говорах, главным образом, в акающих южновеликорусских и переходных, вследствие совпадения предударных *а* и *о* в формах 1-го л. ед. ч. (ср. *валю́*, *плачу́* и *нашу́*, *ганю́* и т. д.) появляются формы *плóтишь*, *сóдишь*, аналогичные формам *нóсишь*, *гóнишь*. Теми же причинами вызвано появление *о* вм. *е* после *ц*, например: *зацопицца* при 1-м л. ед. ч. *зацаплюсь* (см. приводимый ниже материал, извлеченный из работы Шахматова о ельнинских и мосальских говорах и др.).

Подобные формы отмечены и в северновеликорусских говорах, но обычно это единичные случаи, которые, вероятно, проникли сюда из южных говоров, где они широко распространены.

Белозерский у.: *плочу́* — *плóтишь* (МВГ, IX, стр. 174). Череповецк. у.: *кóтишь* (Герасимов, стр. 10). Новгор. Устюжна: *плáтишь* и *плóтишь* — „*о* только в этом глаголе; *кóтишь* нет“ (МВГ, III, стр. 981). Чухломск. у.: *посодитъ* (МВГ, IX, стр. 142). Вятск. у.: *возврóтитесь* (Зеленин, Ск., стр. 319), *рóдитъ*[1] (стр. 306, 307). Красноуфимск. у.: *вóритъ*; *плóтишь* (МВГ, IX, стр. 222). Тюмень: *плотить*, *посодишь*, *усодишь* (МВГ, III, стр. 973). Змеиногорск. у. (Томск.): *дóрятъ* (Рамзевич, стр. 33). Верхнеленск. у.: *зарóбит* (Азадовский, стр. 26), *рóбят* (стр. 40), *заплачу* (стр. 20) *плóтит* (стр. 27), *сóдит* (стр. 43), но *сáдит* (стр. 57). Юрьевск. у.: *плóтим*

[1] Тут же приводим все примеры подобных глаголов из данного источника, а не только глаголы с основой на *а*.

(Чернышев, Юр., Суздь. Вл., стр. 4), *стонóвим* (стр. 5), но *косúт*, *косúш*, *кося́т* (стр. 4) и *дышúм* (стр. 8, см. дальше). Муромск. у.: *плотишь*, *плотит*, *посодишь*, *посодит*, но *родúт*, *родúтся*, *звоня́т*, *кóсит* (сено), *косúт* (глаза) (МВГ, стр. 1 и 4). Лукояновск. у.: *свóлится*, *мóнишь*, *сóдишь*, *сóдют*, *насóжена* („не так часто" — Чернышев, Нижегород. губ., стр. 70). Алатырск. у.: *кóтишь*, *кóтитъ*, *плачý*, *плóтишь*, *плóтитъ* и т. д.; ты *посóдишь*, *посóдитъ* (МВГ, IV, стр. 270). Краснослободск. у.: *валим* — *вóлим*, *варúш* — *ворúшь* (ТМДК, X, стр. 48). Инсарск. у.: *плотютъ*, *посодютъ*, *тощить* (МВГ, XI, стр. 85, 90). Мокшанск. у.: *побронитъ*, *прокачу*, *котится*, *плóтютъ*, *посóдютъ*, *тóщитъ* (МВГ, XI, стр. 93, 96), *посóдятъ* (стр. 105). Чембарский у.: *котится*, *посóдютъ*, *тóщитъ* (МВГ, XI, стр. 98). г. Самара: *плóтьш*, *посóдьш*, но *вáрьш*, *кáтьш* (МВГ, V, стр. 46). Царевск. у.: *брóнютъ*, *посóдютъ* (Солосин, Ахтуб., стр. 118). Черноярск. у.: *свóрют*, *сóдимъ*, *ни посóдютъ* (Солосин, Черноярск., стр. 125), *схóдя*, *нахóдя*, *хóдютъ* (стр. 128). Псковск.: Голодуша — *плóтит* (Чернышев, Псковск., стр. 173); Изборск — *вáрютъ* (стр. 182); дер. Сабежи — *вóпит* (стр. 163). Холмск. у.: *плачý*, *плóтишь*, *плóтитъ* и т. д.; „так же и глагол *сажу*" (МВГ, VIII, стр. 421), *звóнятъ*, *кóситъ*, *рóдитъ*, *рóдится* (стр. 424), *кóтитъ*, *плóтитъ* (МВГ, XI, стр. 116), *кóситъ*, *рóдитъ*, *родится*, но *звонятъ* (стр. 118). Зубцовск. у.: *кóтится*, *плóтютъ*, *посóдютъ*, *тóщитъ* (МВГ, VIII, стр. 466).

Смоленск. губ.: *бросют* (Добровольский, Сл., стр. 789), *катя́тъ* — *котятъ* (стр. 316), *плóтют* (стр. 93), *сóдить* (стр. 728), *содют* (стр. 983) и *рóбимъ* (стр. 792), *топют* (стр. 987, 756).[1] Ржевск. у. (Смоленск.): *kaču*, *kóťiš*, *kóťiť* — *kaťaťи kóťuťи* (Попов, стр. 267). Клинский у.: *дóрют* (Чернышев, Тв., Клин., Моск., стр. 10). Рузск. у.: *падóрьш*, *посóдьш* (Дурново, Парфенки, стр. 6), *пакóтьт* (стр. 115), *кóтют*

[1] Может быть, под влиянием таких случаев в Смол. губ. Добровольский (Сл., стр. 902) отмечает также наст. вр. *тóйся*, *тóйтися* от глагола *„тайться"*.

(стр. 162), но и *прикати́т*, *катя́т* и *ка́тющу́й* (стр. 115), *плачу́* (стр. 167), *пло́т'ьш* (стр. 6), *тащю́*, *та́щит* или *то́щит (пато́щит)* и *тащи́т*, *та́щют* и *тащя́т* (стр. 162), *вожу́* (2-е л. *во́дит* и *во́зит* — стр. 167), *падло́мют* (стр. 90). Звенигородск. у.: *зако́тять*, *пло́тит* (Чернышев, Нар. Гов., стр. 151), *пло́тим* (стр 156), *со́дим*, *насо́дит*, *паcóдит* (стр. 148), *паcóдить* (стр. 156), *до́лбиш* (стр. 149). Московск. у.: *во́лют*, *або́рют* (=обварят) (Чернышев, Моск., стр. 159), *пло́тим*, *запло́тит* (стр. 159 и 178), *пло́тют* (стр. 175), *со́дют*, *паcóдют* (стр. 159 и 175), *сто́щим* (стр. 159), *запло́тимъ*, *запло́титъ*, *паcóдять* и *паcóдютъ* (ср. также *паcóжена*, *вcóжена*, стр. 6), *пло́тют*, *запло́тиш*, *запло́тит*, *запло́тим*, *заплотют*, *паcóдим*, *паcóдют*, *со́дит* (стр. 32). Гжатск. и Можайск. уезды: *вcóдить*, *то́щуть* (ТМДК, IX, стр. 137) и *во́зют* (стр. 139). Верейск. у.: *зако́тимся* (Чернышев, Нар. гов. — ИОРЯС, XIII, кн. 3, стр. 135), *пло́тють* (стр. 138), *пло́тют*, *пло́тиш* (стр. 135), *паcóдють* (стр. 135), *со́дитца*, *паcóдють*, *паcóдим* (стр. 135), *со́дють*, *паcóдить* (стр. 140) и плотит, плотим, плотит (ИОРЯС, XIII, кн. 1, стр. 287), *пло́тить*, *пло́тим* и *со́дють*, *со́дим* (Чернышев, Шувалики, стр. 366). Егорьевск. у.: *бро́нится*, *ко́тится*, *кро́питъ*, *покро́пываетъ*, *пло́тютъ*, *паcóдютъ*, *то́щитъ* (МВГ, XI, стр. 120), *навѡл'иш* при *навал'и́т*, *свѡр'иш* при *свар'и́ш* и *ва́р'ут* (Шахматов, Лека, стр. 218), *плѡт'иш*, *пасодиш*, *пасод'ут* (стр. 219), *плотитъ* (Гришкин, стр. 87), но *тащутъ* (стр. 79, 89) и *калотитъ* (стр. 87), *со́димъ*, *паcóдитъ* (Чернышев, МВГ, VIII, стр. 305), но ни *сади́тцы* (стр. 307). Зарайск. у.: *со́дит'*, *ко́с'а хо́дить*, *ход'а* (Петровская, стр. 47). Касимовск. у.: *ко́т'итца*, *то́шч'ит'* МВГ, VIII, стр. 328), *бро́нишь*, *бро́нятъ*, *ко́тить*, *ко́тятъ*, *то́щу*,[1] *тощитъ*, *то́щим* (МВГ, XI, стр. 128), *ко́тится*, *пло́тютъ*, *пасодютъ* (там же, стр. 130), Проваторово — *мы ни бро́нимся*

[1] Отметим очень интересную форму 1-го л. ед. ч. *то́щу*, возникшую в результате скрещивания двух процессов взаимодействия форм: с одной стороны, возникновения *о* вм. *а* во всех личных формах, кроме 1-го л.

(Буддe, Касимовск., стр. 99), Астахово — *нибранюсь* (стр. 102), Фомино — *пъбранúмся* (стр. 133), Горы, Зубово — *вóрют*, Агеево — *свóриш* (стр. 99), Акулово, Расторгуево — *варим* (стр. 138), Забелино — *плотиш*, *ни заплóтиш* (стр. 361), Семино — *плóцу* (стр. 126), Ерахтур — *пасóдють* (стр. 336), Урядино — *сóдют* (стр. 66), Анисово — *сóдᵊим* (стр. 140), Праваторово — *стóшшим* (стр. 99), Котово — *крꙗсим* (при инф. красúть) (стр. 99), Бычково — *вóпю* (стр. 174), Шостья — *вóпить* (стр. 345), *завóпить* (стр. 346), Котово — *вóпют* (стр. 369), Агеево — *кóся* — 3-е л. ед. ч. (стр. 67), Волчково — *кóсют* (стр. 103), Зубово — *тóпю* (стр. 174), Ерахтур — *тóпим* (стр. 335). Боровск. у.: *вáришь (воришь)*, *вáлим* (ТМДК, X стр. 71), Кузьминка — *вóрим* (Чернышев, Нар. гов., стр. 281) Митяево — *свáритца* (стр. 278), *сóдим* (стр. 275, 281), *насóдим* (стр. 281). Медынск. у.: *брóнются* (МВГ, XI, стр. 39) *браню*, *брóнить* (стр. 52), *падорить* (стр. 39), *прокатю* (стр. 48), *он кóтить* (стр. 39), *плотишь*, *плóтють*, *пасóдишь*, *пасóдить*, *тóщить* (стр. 39), *звóнить* (стр. 38), *звоню*, *звóнить* (стр. 52), *кóсить*, *пúлить* (стр. 38), *сóлють* (стр. 48), *спросю* (стр. 48, 52), *спрóсить* (стр. 52), *вáлим* или *вóлим*, *вáришь* или *вóришь* (ТМДК, X, стр. 78), Мосальск. у.: *брóницца*, *плóтить* (Шахматов, Ельн. и Мосальск., стр. 61), *плóтишь* (стр. 59), *сóдють* (стр. 59, 61), *тóщить* (стр. 61), *зацаплю́сь*, *зацóпицца* (стр. 61). Жиздринск. у.: *бранюсь*, *брóнитца*, *дарю*, *дóриш*, *дáрють* и *дóрють*, *катю́сь*, *кóтитца*, *плачу́*, *плóтишь*, *сóдишь*, *сóдить* и т. д. (Никольский, т. XLVI, стр. 242), *плóтють* (стр. 238), *кóсють* (т. XLIX, стр. 327), *заплатю* (Добровольский, Палехи, стр. 7), *плотють* (стр. 8), *тóщить* (стр. 12), *дóрють* и *дáрють*, *плóтють*, *тóщить* (Карaулов, Жиздринск., стр. 220), *брóнются*, *вáлим*, *вáриш* (ТМДК, III, стр. 83). Мещовск. у.: *брóнится*, *плóтють*, *пасóдють*, *тóщить* (МВГ, XI, стр. 53 и 57), *брó-*

ед. ч., и с другой — влияния этих форм на 1-е л. ед. ч. в отношении места ударения, что влечет за собой и изменение звукового вида основы 1-го л. ед. ч.

нятъ, бро́нится, подо́рить, подо́рите, подко́тить, ко́тять, проко́тимся, ко́дять (с примечанием: „в церкви"), *припо́лить* (огонь), *пло́титъ, пло́тять, пло́тить, засо́дить, засо́дють, ссо́дють, то́щитъ, сто́щить, уто́щены* (МВГ, V, стр. 211, Чернышев), но *сва́римъ, ва́рють* (стр. 233), *зво́нить, насо́лите* (стр. 233), *торопи́шься, станови́тся, разсерди́тся* (стр. 234) и даже *молвя́тъ* (стр. 238), *бро́ницца* (Чернышев, Мещовск., стр. 150), *даря́цца (до́рюцца), до́рить* (стр. 73), *падо́рить* (стр. 150), *качу́* (стр. 33), *ко́тюцца* (стр. 88), *ко́тицца* (стр. 150), *пло́тить* (стр. 72), *пло́тють* (стр. 150), *засо́дють* (стр. 150), *то́шшить* (стр. 150*)[1] *зацо́пицца* (стр. 150), *варють* (стр. 81), *зво́нють* (стр. 149), *ко́сить* (стр. 149), *пи́лить, ро́дить, ро́дицца* (стр. 149), *хажу́, хо́дитъ* (стр. 36, 96). Алексинск. у.: *ва́лим, во́ришь* (ТМДК, X, стр. 133), Белевск. у.: *ва́ришь, во́ришь, ва́лим* (ТМДК, X, стр. 64), *ва́ришь — во́ришь, ва́лим — во́лим* (стр. 81), *во́рим* (Будде, Тульск. и Калужск., стр. 830), *наво́рим* (стр. 869), *пло́тим* (стр. 838), *цо́дим*. Одоевск. у.: *кро́симъ* (Будде, Тульск. и Калужск., стр. 863); интересно, что форма инф. дается *краси́ть*, т. е. аналогия с *ва́ри́ть, во́рим*; очень жаль, что не приведена форма 1-го л. ед. ч. Крапивенск. у.: *посо́дють* (Будде, Тульск., стр. 1292), *во́литъ, во́ритъ, доритъ* (Благовещенский, стр. 25). Богородицк. у.: *во́риш* и *вали́м* (ТМДК, X, стр. 15), *во́лим, во́ришь* (стр. 62), *нако́титце* (Будде, Тульск. и Калужск., стр. 869). Ефремовск. у.: *во́ришь, во́лим* — наст. вр., но *вали́м* (= идем) — пов. накл., *скоро́дить* (ТМДК, X, стр. 67), *во́лим, во́ришь* (ТМДК, VIII, стр. 42). Новосильск. у.: *во́рють, сво́рють* (Будде, Тульск. и Орловск., стр. 25), *зако́тьтце* (стр. 29), *посо́дють* (стр. 12), *во́дють* (стр. 27), *карьмлю́, ко́рьмиш* (стр. 15), *посо́лиш* (стр. 25), *бро́нится, пово́лют, во́лются, во́ришь, во́рются, ко́тится, ко́тютъ, пло́тютъ, посо́лютъ, то́щить, нато́щутъ* (МВГ, VIII, стр. 549), Брянск. у.: *то́щетъ* (Тиханов, стр. 85), *со́дють* (Будде, Тульск. и Орловск., стр. 86). Мценск, у.: *бро́нится, во́риш, ко́тится,*

[1] См. сноску на стр. 104 наст. статьи.

то́щить, *пасо́дють*, *пло́тють* (МВГ, XI, стр. 79), а также *кро́шить* (стр. 80, 82). Елецк. у.: *во́лим*, *ва́лим*, *ва́риш*, *во́ришь*, он *хо́дя* (ТМДК, X, стр. 10, 11), *бро́нються*, *во́ришь*, *пло́тим*, *то́щишь* (МВГ, XI, стр. 75). Курск. губ.: *сво́литца* (Халанский, Курск., стр. 113). Дмитриевск. у.: *бро́нится*, *ко́тится*, *пло́тить*, *пасо́дють*, *то́щить*, но *ва́ришь* (МВГ, IX, стр. 158). Щигровск. у.: *во́ря*, *до́ря* (Халанский, Гов. Щигр. у., стр. 192), *ко́тютца* (Халанский, Щигр. у., № 3, стр. 122). Льговск. у.: *прокатю́*, *ко́тится*, *бро́нится*, *пло́тють*, *пасо́дють*, *то́шшить*, но: *ва́ришь*, *насу́шишь* (МВГ, VIII, стр. 545 и 547). Суджанск. у.: „В глагольных формах ударение подвигается иногда на один слог к началу“ (Резанова, Суджанск., стр. 221), *бро́нитца*, *падо́рить*, *ко́титца*, *пло́тють* (стр. 223), *пасо́дють*, *пасо́дишь* (стр. 222), *тошшить*, *цуко́дить* (= цедит), *заце́питца* (стр. 223), но *ва́лить*, *ва́рить* (стр. 223, 222), *зво́нють* (стр. 221), *ён ко́сить* (стр. 222), *пи́лить* (стр. 221), *ён рассе́рдитца*, *смо́тришь*, *ёнъ стано́витца* и *онъ ляни́тца* (стр. 222). Обоянск. у.: *бро́нюцца*, *падоришь* (вм. падаришь), *ко́тисьси*, *усо́дишь*, *цопицца* (Резанова, стр. 95), *ро́дишь* (стр. 136), *узбронють* (Резанова, Обоянск., стр. 68), *до́рютца* (стр. 63), *котютца* (Машкин, Обоянь, стр. 22, 50), *аткотитца* (Машкин, Курск., стр. 44), *пакотитца* (стр. 79), *котитца* (стр. 80), *тошшымъ* (стр. 103), *заце́питца* (стр. 49), но *атвалитца* (стр. 37), *валитца* (стр. 61), *сварють* (стр. 108), *кормють* (стр. 15), (сѣна) *ко́сють* (стр. 11) и *становитца* (стр. 61). Воронежск. губ.: *бранюсь* (Филатов, стр. 23), *бро́ня*, *бро́нитца*, *валюсь*, *во́литца*, *пирявóля*, *варю́*, *сво́ря*, *навóря* (стр. 24), *качу́*, *качюсь*, *ко́тить*, *ко́титца* (стр. 23), *котютца* (стр. 210), Задонск. и Землянск. уезды: *пер'евóл'ишса*, *павóл'им*, *завóр'им*, *вóр'ут'*, *свóр'ицца*, *дóр'ит'* (Гринкова, Задонск. и Землянск., стр. 87), *дарю́*, *дӯ́ришь*, *дӯ́ря*, *дӯ́рим*, *дӯ́рють* и *хажу́*, *хӯ́дишь*, *хӯ́дя*, *хӯ́дим*, *хӯ́дитя*, *хӯ́дють* — здесь настолько сильно ощущается сходство в спряжении этих глаголов, что *о* в основе личных форм 2-го и 3-го л. ед. и 1, 2, 3-го мн. ч. произносится по типу *о* в глаголах

с исконным *о*, т. е. *ŭо* (Тростянский, Воронежск., стр. 19). Задонск. у.: *во́ришь* (ТМДК, X, стр. 21). Коротоякский и Воронежск. у. (отчасти): *бро́нитца*, *во́ля*, *во́ря*, *ко́тить*, *пло́тять*, *со́дя* (Путинцев, стр. 98). Коротоякск. у.: *забро́н'имс'а*, *сво́р'ут'*, *стро́м'ут'*, *накро́с'иш* (Гринкова, Коротоякск., стр. 562), *увол'ицца* (= свалится) (стр. 579). Лебедянск. у.: *во́лим*, *во́риш* (ТМДК, XI, стр. 8). Обл. Войска Донского, Кочетовск. ст.: *бро́нитесь*, *пово́лишь*, *во́ришь*, *ко́тимся*, *пло́тять*, *со́дишь*, *то́щишь* (Калмыков, МВГ, V, стр. 261), *зацо́пимся* (стр. 264). Обл. Войска Донского: *во́лим*, *во́ришь* (ТМДК, VIII, стр. 12), *во́лим*, *во́ришь* (ТМДК, X, стр. 27). Терск. обл.: *бро́ница*, *во́лица* (Караулов, Гребенск. казаки, стр. 10), *атво́лица* (стр. 10, 42), *приво́ришь*, *приво́рится*, *до́ритъ*, *до́рите*, *ко́тица* (стр. 10), *пракатю́*, *пакатю́сь* (стр. 29), *кро́ситъ* (стр. 10), *заплатю́* (стр. 29), *пло́титъ* (стр. 10, 58), *пло́тютъ* (стр. 28), *посо́дютъ* (стр. 10, 28, 39), интересная форма — *засо́деный* (стр. 30), *прито́шутъ* (стр. 10), *вароні́ть* — *воро́нютъ* (стр. 54). Цымлянск.: *ворють*, *падорить*, *пасодють* (Коньков, стр. 59). Задонск. (Рост): *бронишь*, *воришь*, *платють* и *плотють*, *содишь* (Полторацкая, стр. 52). Донск.: *бро́нимъ*, *бро́нитесь*, *бро́нитъ*, *во́ришь*, *подо́рены*, *до́ришь*, *до́рит*, *ко́тятъ*, *ко́тятся*, *ко́титъ*, *насо́жены*, *со́дишь*, *со́дитъ* — в 1-м л. наст. вр. и во 2-м л. пов. накл. *а* во всех глоголах этого типа (Соловьев, стр. 15 и 22).

Из вышеприведенного материала видно, что чередование типа *валю́*|*во́лишь* свойственно не всем глаголам с корневым *а*, а только некоторым: *валить*, *варить*, *дарить*, *катить*, *платить*, *садить*, *тащить*. Изредка оно появляется в таких глаголах, как *кадить*, *палить*. Н. Н. Дурново, принимая во внимание тот факт, что подобное чередование не встречается в глаголах *давить*, *травить* и пр., высказывает следующее предположение: „... те глаголы, где имеется *о́* вм. *а́*, имели первоначально, если не все, то в большинстве случаев, неподвижное ударение не на корне и получили *о́* вм. *а* неударенного, конечно не без влияния аналогии со стороны глаголов

с переносным ударением",[1] и дальше: „Если эти глаголы имели переносное ударение искони, то почему при *давлю́*, *травлю́* не получилось *до́вишь*, *тро́вишь*".

Интересно, что в очень многих говорах (см. ниже) указанные глаголы характеризуются постоянным ударением на окончании. В других говорах, как и в литературном языке, они произносятся двояко: с подвижным ударением и с постоянным ударением на окончании (см. Грот, Буайэ, указ. работы. Для глагола *платить*, помещенного в рубрике глаголов с „постоянно-подвижным" ударением, Грот приводит в скобках диалектную форму *плотишь*).

Чередование *а* и *о* в основе характерно в ряде глаголов и для глагола *брани́ть*, обладающего постоянным ударением на окончании и ни разу не встретившегося нам в форме *браню́ — бра́нишь*. Глагол *кра́шу* приобретает формы *кро́сишь* при инфинитиве *краси́ть*. Как увидим ниже, этот глагол вообще встречается во многих диалектах с постоянным ударением на окончании. Перечисленные факты, на наш взгляд, подтверждают вероятность предположения Дурново.

То, что эти формы, как широко распространенные в акающих говорах, нередко встречаются и в северных, окающих (может быть, лексические или морфологические заимствования), указывает, что если подобное чередование и возникло в результате фонетических причин, то в ряде говоров оно ощущается как морфологический признак определенной группы глаголов, и при классификации глаголов в таких говорах глаголы *валить*, *варить*, *платить* и т. д. и *носить*, *молить* следует объединить в одну группу по признаку чередования $а \parallel о$[2] в основе настоящего времени.

Встречаются в говорах и примеры обратного характера, когда вследствие совпадения таких форм, как *лавлю́*, *ламлю́* и *давлю́*, *травлю́* появляются формы *лавлю́ — ла́вишь*,

---

[1] Н. Н. Дурново. „Описание говора деревни Парфенок...", стр. 116, 117.

[2] $а = о$ и *а* в 1-м предударном слоге.

аналогичные *травлю́ — тра́вишь*. Инсарск. у.: *лавят*[1] (МВГ, XI, стр. 5). Чембарск. у: *ла́вить*, *лавютъ* (стр. 98), *ла́вить*, *ла́вють* (стр. 101). Царевск. у.: *ла́вют* (Солосин, Ахтуб., стр. 118). Рузск. у.: *ло́в'ьт*, но и *ла́вют* (Дурново, Парфенки, стр. 6). Егорьевск. у.: „... обратно *а* вм. *о* в *ла́в'ут* вм. *лѡв'ут* под влиянием *лавл'у́*“ (Шахматов, Лека, стр. 219), но *ло́вютъ* (Гришкин, стр. 95), *ла́витъ* (МВГ, XI, стр. 120). Касимовск. у.: Ерхатур — *ла́вить*, *ла́вим* (Будде, Касимовск., стр. 335); Борки — *ла́вють* (стр. 340); Куземкино — *ла́вют* (стр. 341); Шостья — *ло́вят*; Ерхатур — *ла́вим*, *ла́вють*; Забелино — *ла́витца*; Рогачево — *ла́вятца* (стр. 99), *ла́вишь*, *ла́витъ*, *ва́дитъ* (МВГ, XI, стр. 128). Боровск. у.: *повара́тишь* Чернышев, Нар. гов., кн. I, стр. 276).[2] Мосальск. у.: *лавлю́*, *ла́вить*, *ла́вють* (Шахматов, Ельн. и Мосальск., стр. 59, Мещовск. у.: *ла́вимъ*, *ка́ришь*, *ка́рить*, *пока́рить* (МВГ, V, стр. 211, Чернышев), *ла́вить*, *лавютъ* (МВГ, XI, стр. 53), *лавю́* (стр. 56). Белевск. у.: *ла́вють* (Будде, Тульск. и Калужск., стр. 830). Новосильск. у.: *ла́вють* (МВГ, VIII, стр. 549). Мценск. у.: *ла́вить*, *ла́вють* (МВГ, XI, стр. 79). Елецк. у.: *ла́вить*, *ла́вютъ* (МВГ, XI, стр. 75). Дмитриевск. у.: *ла́вить* (МВГ, XI, стр. 64). Льговск. у.: *ла́вишь*, *ла́вить* (МВГ, VIII, стр. 545). Суджанск. у.: *ла́вють* (Резанова, Суджанск. (стр. 223). Обоянск. у.: *улавимъ* вм. *уловимъ* (Резанов, стр. 89), *улавлю* (стр. 127). Терск. обл.: *лавитъ*, *ла́вютъ* (Караулов, Гребенские казаки, стр. 10), *са́лют* (стр. 10, 28). Кочетовск. ст.: *ла́вишь*, *ла́вить*, *ла́вим*, *ла́вите*, *ла́вють*, но рядом и *ло́вишь* (МВГ, V, стр. 261).

Дурново (цит. работа) считает, что „известные в говорах формы *ла́вишь*, *ла́мишь* нельзя объяснять так же, как *во́ришь* и т. д., а следует предполагать влияние со стороны, образо-

[1] Ударение не обозначено. Говор акающий, слово приводится в ряду других слов с корневым *а* вм. *о*.

[2] Этот глагол с *а* в прош. вр. отмечен также Чернышевым в Псковск. губ. *вара́цал* (Чернышев, Псковск., стр. 166), а также в Новгородск. губ. Белозерск. у: *заворацилсы* (Соколовы, стр. 111) и Череповецк. у.: *вора́цаться* (Герасимов, стр. 10).

ваний от тех же глагольных корней в их сильном виде, причем это явление могло быть очень старым. Так, *лавить*, *ламить* с *а* могло явиться еще до появления аканья под влиянием аналогии со стороны *лавля́ти*, *ла́вливати* и пр.,[1] с одной стороны, и *давити*, *травити* и т. п. — с другой... Замена сильного вида корня слабым и обратно могла перейти даже туда, где такого чередования не было. Таким путем можно объяснять некоторые глаголы, где *о* заменило не *а* безударное, а *а́*, как, например — *плотиш*".[2]

Может быть, наличие основ с сильным корнем и играло определенную роль при возникновении форм *ла́вишь*, *са́лишь* и пр., но наличие их исключительно в акающих говорах свидетельствует, как нам кажется, в пользу первого объяснения.[3]

Мы уже отмечали, что часть глаголов 2-го спряжения употребляется в литературном языке и с подвижным и с постоянным ударением на окончании. То же наблюдается и в говорах.

Шенкурск. у.: *пова́литца*, но и *вали́м*, *вари́ш* (ТМДК, XI, стр. 28). Олонецк. у.: он *ко́ситъ* и *коси́тъ*, но *ро́дится* (МВГ, IV, стр. 239). Тотемск. у.: *ро́дитъ* и *роди́тъ* (МВГ, IX, стр. 75). Тихвинск. у.: *ва́риш* и *вари́ш* (ТМДК, XII, стр. 77). Крестецк. у.: *ва́ли́м*, *ва́ри́ш*, *молю́сь (я)*, *моли́стя*, *мо́литца*, *мо́лимся*, *хва́лимся* (ТМДК, XII, стр. 72). Ярославск. у.: *ва́ли́ш* (ТМДК, XII, стр. 189). Чухломск. у.: *ва́ли́м*, *ва́ри́ш* (ТМДК, XI, стр. 167). Кологривск. у.: *ко́ситъ*, реже *он коси́т* (МВГ, VIII, стр. 504), *ка́тишь* и *кати́шь*, *пла́тишь* (стр. 501), *звоня́тъ*, *роди́тъ*, *роди́тся* (стр. 504). Тагильск. у.: *ва́лим*, но *ва́риш* и *вари́ш* (ТМДК, XII, стр. 14). Шуйск. у.: *ва́ли́м*, *вари́ш* (ТМДК, XI, стр. 62). Покровск. у.: *ка́титъ* и *кати́тъ* (= идет, бежит) — начинается дифференциация значения (МВГ, XI, стр. 39); *ва́ри́м*, *ва́ри́ш* (ТМДК, XI, стр. 56). Муромск. у.: *ро́ди́т*,

[1] „Могло быть и старое *лавити* при *ловити*" (сноска-примечание Дурново).

[2] Дурново. Парфенки, стр. 117.

[3] Ср. с описанными формами 1-го л. мн. ч. *намя́лим (=наме́лем)*, *смя́лим* (Будде, Касимовск., стр. 98), возникшие, вероятно, в результате яканья.

ро́ди́тся, *ку́ри́те*, *ко́сит* (сено), но *коси́т* (глаза), *звоня́т* (МВГ, XI, стр. 4). Меленковск. у.: *ва́ли́м*, но *вари́ш* (ТМДК, XI, стр. 45). Ардатовск. у.: *ва́ли́м* и *вари́ш* (ТМДК, III, стр. 91). Алатырск. у.: он *роди́тся* и *ро́дится* (МВГ, IV, стр. 275). Ульяновск. окр. (Алатырск): *ва́ли́м ва́ри́ш* (ТМДК, XII, стр. 153). Саратовск.: *ва́ли́м*, *ва́ри́ш* (ТМДК, XII, стр. 145). Новоузенск. у.: *ва́ли́м* и *вари́ш* (ТМДК, XII, стр. 143). Калязинск, у.: *ва́ри́ш* (ТМДК, XII, стр. 175). Вяземск.: *ва́лим* (иногда *вали́м*), *ва́ришь* (ТМДК, X, стр. 129). Сапожковск. у.: *ва́ришь* и *вари́шь* (ТМДК, X, стр. 55).

Но в очень многих говорах часть глаголов, отмеченных нами выше как глаголы, обладающие подвижным ударением (или двояко произносящиеся), характеризуются только постоянным ударением на окончании:

Онежск. у.: *коси́тъ*, *звоня́тъ*, но *ка́титъ*, *пла́титъ*, *ро́дитъ*, *ро́дится* (МВГ, V, стр. 199 и 205). Архангельск. у.: *вали́м*, *вари́ш* (ТМДК, XI, стр. 3). Холмогорск. у.: *коси́тъ*, *роди́ть*, *роди́тся* (МВГ, VIII, стр. 389). Шенкурск. у.: *вали́м*, *вари́ш* (ТМДК, XI, стр. 29), *коси́т*, *разсерди́тсе*, *сади́т*, *становѝт* (Мансикка, Шенкурск., стр. 127). Мезенск. у.: *вали́м*, *вари́ш* (ТМДК, XI, стр. 20). Печорск. у.: *вали́м*, *вари́ш* (ТМДК, XI, стр. 21). Петрозаводск. у.: *он коси́тъ*, но *ка́тиш*, *поса́дишь*, *ро́дится* (МВГ, I, стр. 9, 11), *он коси́т* (МВГ, IV, стр. 253), *сажу́*, *сади́шь*, *сади́тъ* (стр. 246), *садя́*, но *ко́рмя* (стр. 258), *плачу́*, *пла́тишь*, *пла́тить* (стр. 246), он *ро́дитъ*, *ро́дится* (стр. 253), *хо́дя* (стр. 252), *кати́тъ*, но *пла́тишь* (МВГ, V, стр. 7). Пудожск. у.: *коси́т*, *лови́т*, *плати́т* (Мансикка, Пудожск. у., стр. 163). Вытегорск. у.: *вали́м*, *вари́ш* (ТМДК, XII, стр. 85), *вали́м*, *вари́ш* (стр. 87). Вытегорск. и Каргопольск. уезды: *излови́ш* (Колосов, стр. 124). Каргопольск. у.: *вали́м*, *вари́ш* (ТМДК, XI, стр. 87). Вельск. у.: *вали́м*, *вари́ш* (ТМДК, XI, стр. 71). Устюгск. у.: *роди́тся*, но *ко́ситъ* (МВГ, IX, стр. 84), *вали́м*, *вари́ш* (ТМДК, XI, стр. 97), *вали́м*, *вари́ш* (стр. 98). Сольвычегодск. у.: он *коси́тъ*, *роди́тъ*, *роди́тся* (МВГ, IX, стр. 57), *вари́ш* (стр. 106), *вали́м*, *вари́ш* (стр. 105, 109, 112, 115). Вологодск. у.: *вали́м*, *вари́ш* (ТМДК,

XI, стр. 74, 76, 78, 80). Вологодск. губ. (юго-западная часть): *варúш*, но *вáлим* (ТМДК, XI, стр. 92). Сысольск. у.: *валúм* (ТМДК, XI, стр. 117). Грязовецк. у.: *косúт* (Мансикка, ТМДК, III, стр. 79), *валúм*, *варúш* (ТМДК, XI, стр. 82), *ходúм*, *ходúтъ*, *ходя́тъ* (МВГ, X, стр. 43). Кадниковск. у.: *валúм*, *варúш* (МВГ, X, стр. 84), *катúшь*, *катúтъ*, *косúтъ*, *родúтъ*, *родúтся*, *посадúшь*, *посадúтъ*, но *звóнятъ*, *плáтишь*, *плáтитъ* (МВГ, III, стр. 953 и 956), *варúтъ*, *косúтъ*, но *плáтитъ* (там же, стр. 963 и 983). Тотемск. у.: *родúтъ*, *родúтся* (МВГ, IX, стр. 61), *валúш*, *варúш* (ТМДК, XI, стр. 89). Верхне-тотемск. у.: *варúш* (ТМДК, XII, стр. 163). Никольск. у.: *валúм*, *варúшь* (ТМДК, XI, стр. 101). Никольск. и Ветлужск. уезды: *валúм*, *варúш* (ТМДК, XI, стр. 103). Ветлужск. у.: *валúм*, *варúш* (ТМДК, XI, стр. 180). Шлиссельбургск. у.: *валúм*, *варúш* (ТМДК, XI, стр. 186). Лужск. у.: *валúм*, *варúш* (ТМДК, XI, стр. 185). Белозерск. у.: *валúм*, *варúш* (ТМДК, XII, стр. 38), *становúтся* (Колосов, стр. 22). Кирилловск. у.: *валúм*, *варúш* (ТМДК, XII, стр. 60, 66). Тихвинск. у.: *валúт* (ТМДК, II, стр. 112, Н. Соколов). Череповецк. у.: *варúш* (ТМДК, II, стр. 82), *vaľú*, *vaľít*, *vaľá'*, *v'erc'ú*, *v'erťíš* но *v'értʼat* (Еремин, стр. 44), но *vožús'*, *vóďis'i*, *vóďatc'i* (стр. 45), *doržú* .... *dóržat*, *kac'ú*, *káťiš* (стр. 43)., *lovľú*, *lóiš*, *loíťe*, *ľubľú*, *ľúb'iš* .... *ľub'at* (стр. 43), *sažús' saďis'i*, *saďátc'a* — (стр. 45), *xožú*, *xódiš* ... *xóďat* и *xójat* и *xóiut*, Крестецк. у.: *варúш* (ТМДК, XII, стр. 68, 70). Боровичск. у.: *валúм*, *варúш* (ТМДК, XII, стр. 53). Демянск. у.: *валúм*, но *вáриш* (ТМДК, XII, стр. 58 и 59). Моложск. у.: *кос'úт*, *кос'áт* (Гринкова, Моложск. у., стр. 254) и *посадúм* (Гринкова Сицкари, стр. 244). Тутаевск. у.: *валúм*, *варúш* (ТМДК, XII, стр. 187). Ярославск. у.: *валúм*, *варúш* (ТМДК, XII, стр. 189). Ростовск. у.: *валúм*, *варúш* (ТМДК, XII, стр. 186). Тейковск. у.: *валúм*, *варúш*, но *стонóвится* (ТМДК, XI, стр. 131—132). Чухломск. у.: *валúм*, *варúш* (ТМДК, XI, стр. 170). Кологривск. у.: *валúм*, *варúш* (ТМДК, XI, стр. 158), но *свиэтит* (стр. 157). Буйск. у.: *варю́* — *варúш*, но *качу* — *кáтит*, *плачу́* — *плáтишь*, *посажу* — *посадишь* (МВГ, I, стр. 13). Галичск. у.: *валúм*, *варúш* (ТМДК, XI, стр. 156), *косúт*, *родúт*,

роди́тся (МВГ, IX, стр. 123). Нерехтинск. у.: *вали́м, вари́ш* (ТМДК, XI, стр. 165 и 181). Костромск. у.: *вали́м, вари́ш* (ТМДК, XI, стр. 156, 161), он *коси́т* (МВГ, VI, стр. 285), *коси́м* (Виноградов, стр. 70). Кинешмовск. у.: он *коси́т, роди́т, роди́тся* (МВГ, VIII, стр. 512), но *катит, плачу́, платишь, платит* (стр. 509). Макарьевск. у.: *вали́м, вари́ш* (ТМДК, XI, стр. 172), *звоня́т, коси́т, роди́т, роди́тся* (МВГ, VIII, стр. 438), но *ка́тит* (стр. 427), Костромск. губ.: *звоня́т* (Покровский, Костромск. губ., стр. 457). Орловск. у. (Вятск.): *вали́м, вари́ш* (ТМДК, XI, стр. 125), *вари́т, кати́т* и *ка́тит, плачу́, пла́тишь, пла́тит, поса́дишь, поса́дит* (МВГ, V, стр. 26), *он коси́т* (МВГ, VI, стр. 280). Вятск. у.: *вали́м, вари́ш* (ТМДК, XI, стр. 119). Слободск. у.: *роди́тся* (МВГ, IX, стр. 106), *вали́м, вари́ш* (ТМДК, XI, стр. 127, 129, 130), *коси́т*, но *ро́дит, ро́дится* (МВГ, IX, стр. 109). Котельническ. у.: *валя́т* (Зеленин, Ск., стр. 137), *выворожу, ворожи́т* (стр. 210), *одолжи́шь* (стр. 87), *уташи́т* (стр. 84), но *моло́тят* (стр. 103), *положи́т* (стр. 59), при постоянно встречающемся ударении в прошедшем времени — *доло́жил, поло́жить* (стр. 59) и т. д. Глазовск. у.: *вали́м, вари́ш* (ТМДК, XI, стр. 120). Нолинский у.: *звоня́т*, но *ко́сит, ро́дит, ро́дится* (МВГ, VIII, стр. 412), *вари́т, звоня́т*, но *ка́тишь, ка́тит, ко́сит, плачу́ — пла́тишь, пла́тит, ро́дит, ро́дится, поса́дишь, поса́дит* (стр. 533, 535). Яранск. у.: *звони́т, коси́т, роди́т* и *ро́дится* (МВГ, VIII, стр. 479), *катишь, катит, посадишь* (там же), *светиш* (Зеленин, Вятск., стр. 40), но *околоти́тся* от „околоти́ться“ (=привыкнуть к побоям) (стр. 104). Малмыжск. у.: *вали́ш, вари́ш* (ТМДК, XI, стр. 123). Елабужск. у.: *вали́м, вори́ш* (ТМДК, XI, стр. 122). Пермск. у.: *вали́м, вари́ш* (ТМДК, XII, стр. 122). Шадринск. у.: *вали́м, вари́ш* (ТМДК, XII, стр. 119, 133), *вали́м*, но *ва́риш* (стр. 132). Камышловск. у.: *роди́т* (МВГ, IX, стр. 216). „Низовая линия“ (Урал): *вали́м, вари́шь* (ТМДК, X, стр. 25). Тобольск. у.: *вари́т*, но *ка́тишь, пла́тишь, пла́тят* (МВГ, II, стр. 28). Гор. Тюмень: *вари́ш* (ТМДК, XII, стр. 181). „В формах для многих глаголов произошла передвижка места ударения к на-

чалу формы, на коренной или префиксный слог — *лéчу, лéтиш* (повсюду), *хóчу* (вост. Сиб.)... В других глаголах в формах настоящ. вр. ударение находится на тематическом гласном: *накосúмся, кося́т, терпúт, ловúт, ходя́т...*" (вост. Сибирь; Селищев, Сибирь, стр. 138). Тулунск. у.: *валúм, варúш* (Виноградов и Черных, стр. 10), *турúт*, но *рóбит* (Черных, Тулунск., стр. 366). Колыма: *курúт* (о мятели) (Богораз, стр. 73), *травúт* (стр. 144), но *нахóдит* (стр. 89). Шуя: он *косúт* (МВГ, II, стр. 23). Переславск. у.: *валúм, варúш* (ТМДК, XI, стр. 49). Александровск. у.: *валúм, варúш* (ТМДК, XI, стр. 34, 36). Юрьевск. у.: Губаниха — *косúш, косúм, кося́т* (Чернышев, Юр., Сузд., Вл., стр. 4), Губаниха, Золотуха — *дышúм* (стр. 8). Суздальск. у.: *кося́т, скосúм* (Чернышев, Юр., Сузд., Вл., стр. 21), *косúм* (стр. 18), *кося́т* (стр. 25), *посушúм* (стр. 18), но *привáлитца, кóрмит* (стр. 21), *плáтят, посáдят* (стр. 19). Ковровск. у.: *валúм, варúш* (ТМДК, XI, стр. 38). Покровск. у.: *валúм, варúш* (ТМДК, XI, стр. 51), *валúм*, но *вáриш* (стр. 52). Судогодск. у.: *валúм, варúш* (ТМДК, XI, стр. 59). Муромск. у.: *варúш* (ТМДК, XI, стр. 46), *валúм, варúш* (стр. 47), *звоня́т, кося́т* (траву), *косúт, молотя́т, родúт, родúтся* (МВГ, XI, стр. 10). Маленковск. у.: *родúтца* (МВГ, IX, стр. 36). Семеновск. у.: *валúм, варúш* (ТМДК, XII, стр. 27). Нижегородск. у.: *валúм, варúш* (ТМДК, XII, стр. 30), он *ходúт*, они *ходя́т*, но *нóсит* (стр. 9). Висильсурск. у.: *сушúт, сорúш* (Чернышев, Нижегор., стр. 62). Княгининск. у.: *потащúт* (Чернышев, Нижегор., стр. 66). Сергачск. у.: *валúм, варúш* (ТМДК, XII, стр. 33, 34), *дышáт* (стр. 70), но *стонóвитца* (Чернышев, Нижегор., стр. 66). Арзамасск. у.: *валúм*, но *вáриш* (ТМДК, XII, стр. 4), *валúм, варúш*, но *качусь, прокачý — кáтисся, кáтицца, кáтимся* (стр. 5), *варúш* (стр. 9, 197), *валúм, варúш* (стр. 2, 12, 14, 18, 19). Лукояновск. у.: *дышáт, лечúм* (Чернышев, Нижегор., стр. 76), *норовúтся* (стр. 78), но (см. выше) *свóлится, мóнишь, сóдиш, сóдют, насóжена* (с пометкой „не так часто" — стр. 70), *рóдит* (стр. 84). Лысковск. у.: *валúм, варúш* (ТМДК, XII, стр. 25). Краснобакинск. у.: *валúм,*

варúш (ТМДК, XI, стр. 177). Царевококшайск. у.: *валúм, варúш* (ТМДК, XI, стр. 141, 143, 144, 145, 147, 149, 151, 152, 153), *валúм*, но *вáриш* (стр. 155). Цивильск. у.: *дарúт* (МВГ XI, стр. 28). Свияжск. у.: *валúш, варúш* (ТМДК, XI, стр. 134). Тетюшск. у.: *варúш*, но *вáлим* (ТМДК, XI, стр. 137), *валúм, варúш* (стр. 139). Ардатовск. у.: *валúм, варúш* (ТМДК, XII, стр. 154). Симбирск. и Буйск. уезды: *вопя́т* (Мотовилов, стр. 18), *тащúт, тащáт* (стр. 14). Корсунск. у.: *виртúт* (МВГ, VIII, стр. 518), *родúтся* (стр. 520). Сызранск. у.: *валúм, варíш* (ТМДК, XII, стр. 160). Уфимск. у.: „Два глагола: 1) *косить сено* и 2) *косить глазами* по ударению не различаются; последовательно говорится: *косúшь, кося́т* траву (Зеленин, Усень-Ивановск., стр. 99). Краснослободск. у.: *валúм, варúш* (ТМДК, XII, стр. 107, 108). Саранск. у.: *валúм, варúш* (ТМДК, XII, стр. 110). Наровчатовск. у.: *варúшь*, но *вáлим* (ТМДК, X, стр. 50). Инсарск. у.: *вáлим*, но *варúш* (ТМДК, XII, стр. 103), *валúм, варúш* (стр. 104), *заявúшься* (МВГ, XI, стр. 89). Нижнеломовск. у.: *варúш*, но *вáлим* (ТМДК, XII, стр. 109). Городищенск. у.: *варúш*, но *вáлим* (ТМДК, XII, стр. 93), *валúм, варúш* (стр. 101). Чембарск. у.: *смотрúшь* (МВГ, XI, стр. 103). Гор. Кузнецк: *валúм, варúш* (ТМДК, XII, стр. 161). Сердобск. у.: *валúм* (ТМДК, XII, стр. 149). Аткарск. у.: *валúм, варúш* (ТМДК, XII, стр. 146). Самарск. у.: *варúш* (ТМДК, XII, стр. 144). Гор. Самара: *смотрúт* (МВГ, V, стр. 48), но *вáрьш, кáтьш, плóтьш, посóдьш* (стр. 46), *рóдится* (стр. 47). Бузулукск. у.: *валúм, варúш* (ТМДК, XII, стр. 140). Николаевск. у.: *валúм, варúш* (ТМДК, XII, стр. 141). Псковск. у.: *пазваня́* (Чернышев, Псковск., стр. 164), *трушúтца* (стр. 179). Гор. Холм: *звоня́т* (МВГ, XI, стр. 118). Бежецк. у.: *валúм, варúш* (ТМДК, XII, стр. 167). Вышневолоцк. у.: *валúм, варúш* (ТМДК, XII, стр. 169). Кашинск. у.: *варúть* (=*рю́*, =*úшь*... =*атъ*) (Смирнов, Кашинск. сл., стр. 14), *дарúть* (=*рю́*, =*úшь*... =*ятъ*) (стр. 35), *глушúть* (=*шу́*, =*úшь*... =*áтъ*) (стр. 27), *звонúть* (=*ню́*, =*úшъ*..., =*ятъ* и *я́тъ*) (стр. 57), *зубрúть* (=*рю́*, =*úшь*... =*ятъ*) (стр. 58), *покатúться*

(=*чу́сь*, =*ти́шься*... =*тя́тся*) (стр. 135), *корпѣ́ть* (*корплю́*, =*пи́шь*,... =*пя́ть*) (стр. 76), *мани́ть* (=*ню́*, =*и́шь*... =*нять*) (стр. 93), *луди́ть* (=*жу́*, =*и́шь*... *ять*) (стр. 88), *поживи́ться* (=*влю́сь*, =*ви́шься*... =*вя́тся*) (стр. 134), *пили́ть* (=*лю́*, =*ли́шь*... =*ля́ть*) (стр. 129), *насоли́ть* (=*лю́*, *и́шь*... =*ля́ть*) (стр. 108), *черти́ть* (=*буянить* — *черчу́*, *черти́шь*... *чертя́ть*) (стр. 189), но не *воро́тишь* (стр. 96), *люби́ть* (*люблю́* — *лю́бишь*... *лю́бять*) (стр. 89), *смолоти́ть* (*смолочу́*, =*о́тишь*... =*о́тять*) (стр. 163), *руби́ть* (*рублю́* — *ру́бишь*... *ру́бять*) (стр. 152), *прохвати́ть* (=*ачу́*, =*а́тишь*... =*а́тять*) (стр. 143), *отходи́ть* (*хожу́* — *хо́дишь*... *хо́дять*) (стр. 123), *вопи́ть* (дано без указания на ударение в наст. вр., кроме 1-го л. =*плю́*, =*ишь*... =*ять*) (стр. 19), но на стр. 18 в песне — *взо́пить* (Смирнов, Кашинск. сл.). Новоторжск. у.: *вали́м*, *вари́шь* (ТМДК, III, стр. 93), *вали́м*, *вари́шь* (ТМДК, XII, стр. 177). Тверск. у.: *вали́м*, *вари́ш* (ТМДК, VIII, стр. 30). Корчевск. у.: *вали́м*, *вари́ш* (ТМДК, XII, стр. 176). Старицк. у.: *вали́м*, *вари́ш* (ТМДК, VIII, стр. 29). Клинск. у.: *скося́т* (Чернышев, Тв., Кл., Моск., стр. 15). Богородск. у.: *вали́м*, *вари́ш* (ТМДК, XI, стр. 188). Московск. у.: *вали́т* (Чернышев, Тв., Кл., Моск., стр. 45), *бажи́тца* (Чернышев, Моск., стр. 55), *павирти́т* (стр. 6) и даже *дыши́т*, *дыши́м* (стр. 22), *линя́тца* (стр. 54), но *со́лют* (стр. 22), *род'и́т* (Каринский, Яз. рус. кр-н, стр. 97). Воскресенск. и Можайск. уезды: *купи́м* (ТМДК, XI, стр. 134, В. Н. Сидоров). Егорьевск. у.: *вали́м*, *вари́шь* (ТМДК, VIII, стр. 48). Касимовск. у.: *вали́м*, *вари́ш* (ТМДК, XII, стр. 138), *вали́м*, *вари́шь* (ТМДК, VIII, стр. 14), *вари́шь*, но *ва́лим* (ТМДК, III, стр. 57). Рязанск. у.: *вали́м*, *вари́шь* (ТМДК, III, стр. 58), *вали́м*, *вари́шь* (ТМДК, X, стр. 116). Спасск. у. (Ряз.): *вали́м*, *вари́шь* (ТМДК, X, стр. 19, 124, 126). Михайловск. у.: *вали́м*, *вари́шь* (ТМДК, X, стр. 52). Пронск. у.: *вали́м*, *вари́шь* (ТМДК, X, стр. 113). Скопинск. у.: *вали́м*, *вари́шь* (ТМДК, III, стр. 65, 86). Ряжск. у.: *вали́м*, *вари́ш* (ТМДК, X, стр. 54). Сапожковск. у.: *вали́м*, *вари́шь* (ТМДК, X, стр. 119). Данковск. у.: *вали́м*, но *ва́ришь* (ТМДК, X,

стр. 57). Веневск. у.: *вали́м, вари́шь* (ТМДК, X, стр. 134). Одоевск. у.: *асвитя́т'* (ТМДК, IX, стр. 50, Каменев). Малоярославск. у.: *вали́м*, но *ва́ришь* (ТМДК, X, стр. 41), *крыши́ть* (Дурново, Калужск., стр. 14). Мещовск. у.: *разсерди́тся, останови́тся, торопи́шься* (МВГ, V, стр. 234) (см. ниже *молвя́т* — стр. 238, запись Чернышева). Мценск. у.: *смотри́шь, насуши́шь* и даже *удари́шь* (см. ниже — МВГ, XI, стр. 82). Малоархангельск. у.: *вали́м*, но *ва́ришь* (ТМДК, X, стр. 96). Дмитриевск. у.: *заяви́шься* (МВГ, IX, стр. 162), *смотри́шь* (МВГ, XI, стр. 67). Суджанск. у.: он *ляни́тца* (Резанова, Суджанск., стр. 222), Обоянск. у.: *сматри́ть* — 3-е л. ед. ч., из песни (Машкин, Обоянь, стр. 48), но *сломитца* (стр. 63), *станови́тца* (Машкин, Курск., стр. 61). Корочанск. у.: *вари́шь*, но *ва́лим* (ТМДК, III, стр. 51). Белгородск. у.: *вали́м, вари́шь* (ТМДК, X, стр. 76). Задонск. и Землянск. уезды: *вал'и́т* (Гринкова, Задонск. и Землянск., стр. 103), *лажи́тца* (Тростянский, Землянск. и Задонск., стр. 32), *рани́ть* — *рани́шь* (стр. 37, 42). Шацк. у.: *вали́м, вари́шь* (ТМДК, X, стр. 151). Обл. Войска Донского, Усть-Медведицкая ст.: *вали́м*, но *ва́ришь* (ТМДК, X, стр. 52), *вали́м, вари́шь* (ТМДК, VIII, стр. 59).

Таким образом, некоторые из глаголов, характеризующиеся в ряде говоров подвижным ударением, а именно: *валить, варить, вопить, дарить, звонить, катить, косить, крошить, купить, курить, лудить, ловить, (по)ложить, манить, молиться, молотить, пилить, платить, рассердиться, родить, садить, светить, солить, становить(ся), сушить, тащить, торопиться, травить, ходить, (за)явиться; вертеть, смотреть* — встречаются в другой части говоров с постоянным ударением на окончании. Так, глагол *валить* с подвижным ударением отмечен 95 раз (из них с *о* вместо *а* в основе — 22 раза), с постоянным — 99 раз, с „колеблющимся" (т. е. на основе и на окончании, безразлично) — 10 раз.

Характеристику ударения в остальных глаголах даем в виде таблицы.

Глагол	Ударение			Примечание
	подвижное	постоянное	колебающееся	
Варить	95 раз	101 раз	10 раз	с *о* в основе — 27 раз
Вертеть	1	2	1	—
Вопить	9	2	—	—
Дарить	16	3	—	с *о* в основе — 14 раз
Звонить	11	14	4	—
Катить	47	5	2	с *о* в основе — 31 раз
Косить	16	27	4	—
Крошить	1	1	—	—
Курить	1	1	1	—
Ловить	28	3	—	с *а* в основе — 23 раза
Ложить	1	2	—	—
Манить	1	1	—	с *о* в основе — 1 раз
Молиться	—	—	1	—
Молотить	6	1	—	—
Пилить	3	1	—	—
Платить	60	1	—	с *о* в основе — 41 раз
Родить	20	15	5	—
Садить	52	5	—	с *о* в основе — 42 раза
Светить	2	2	—	—
Сердиться	1	2	—	—
Смотреть	2	4	—	—
Солить	4	1	—	с *о* в основе — 1 раз
Становиться	4	5	—	—
Сушить	1	3	—	—
Тащить	29	4	—	—
Торопиться	1	4	—	—
Травить	1	4	—	—
Ходить	16	3	—	—
(За)явиться	1	2	—	—

Глаголы — *валить*, *варить*, *звонить*, *косить*, *родить* отмечены во многих говорах с постоянным ударением на окончании, поэтому, может быть, правильно считать именно такое ударение исконным для этих глаголов[1] (а также, может быть, и для глаголов *вертеть*, *вопить*, *становить*, *дарить*, *катить*. В последних двух большинство случаев с подвижным ударением приходится на южновеликорусские говоры, так как зафиксировано *о* в основе. В северновеликорусских говорах они в ряде случаев отмечены с ударением на окончании).

Напротив, глаголы *ловить*, *молотить*, *платить*, *ходить* и др. с постоянным ударением на окончании зафиксированы только в качестве единичных примеров. Такое ударение в этих глаголах является, видимо, вторичным и появилось по аналогии.

Окончательно решить этот вопрос можно, конечно, только с привлечением дополнительного материала из других славянских (а может быть, и индоевропейских) языков, но это не входит в задачи настоящей работы.

Только с постоянным ударением на окончании встретились глаголы: *божи́ться*, *ворожи́ть*, *глуши́ть*, *дыша́ть*, *зубри́ть*, *лени́ться*, *одолжи́ть*, *рони́ть*, *сори́ть*, *терпе́ть*, *тури́ть*, *черти́ть*. Из них *ворожи́ть*, *зубри́ть*, *одолжи́ть* и *сори́ть* не отмечены ни у Грота, ни у Буайэ в списках глаголов с подвижным ударением; глаголы: *божи́ться*, *лени́ться*, *тури́ть*, *черти́ть* — находим в обоих исследованиях в списках глаголов с двояким ударением. Глагол *глуши́ть* у Грота также отнесен к этой группе, в отличие от Буайэ, который помещает его в списках глаголов с постоянно-подвижным ударением. Глагол *дыша́ть* Грот относит к глаголам с подвижным ударением. Буайэ считает, что этот глагол заимствовал подвижное ударение у родственного глагола 1-го спряжения — *дыха́ть* — *дышешь*. Нам этот глагол встречался 5 раз, и всюду отмечено постоянное ударение на окончании.

---

[1] См. приводимое выше высказывание Дурново из „Описания говора деревни Парфенок".

Только с подвижным ударением нам встретились следующие глаголы:[1] *блуди́ть*, *буди́ть*, *води́ть*, *вороти́ть*, *ворони́ть*, *городи́ть*, долби́ть, кади́ть, клеить,[2] колоти́ть, корми́ть, кресте́ть, ломи́ть, лупи́ть, носи́ть, пали́ть, пусти́ть, роби́ть, руби́ть, (под)собы́ть, (со)твори́ть, топи́ть, труни́ть, хвали́ть, хвати́ть, хорони́ть, цеди́ть, (за)цепи́ть(ся), (за)яви́ть(ся); держа́ть.[3]

Подобная разнородность в отношении места ударения глаголов, входящих в состав описываемой группы, очень затрудняет определение географического распространения всей общности этих глаголов с тем или иным ударением. При общей системе спряжения типа *валю́—ва́лишь*, *варю́—ва́ришь* в говоре могут встретиться слова *пло́тишь*, *со́дишь*, *ко́тишь*. В одном и том же говоре может встретиться *вари́шь*, но *ва́лишь* и т. д. Поэтому в данном случае приходится картографировать каждое отдельное слово (см. карту № 2, на которой картографируются глаголы *плачу* || *платишь* и *валю* || *валишь*). Но все же на основании приведенного материала (учитывая главным образом глаголы с наиболее „колеблющимся“ местом ударения) можно установить, что, хотя эти глаголы встречаются и с подвижным и с неподвижным ударением на всей территории русских говоров, в южновеликорусских говорах они чаще характеризуются подвижным ударением, в северновеликорусских — постоянным ударением на окончании. Формы типа *пло́тишь* с меной корневого *а* на *о* отмечены в качестве единичных образований в очень редких северновеликорусских говорах

[1] Обычно глаголы „вози́ть“ и „проси́ть“ также характеризуются только подвижным ударением, но в работе „О языке современной деревни“ А. М. Селищев на стр. 103 приводит, наряду с формами *налови́ш*, *коси́ш*, *коси́т* и *проси́т*, *возя́т* (Городецк. р-н).

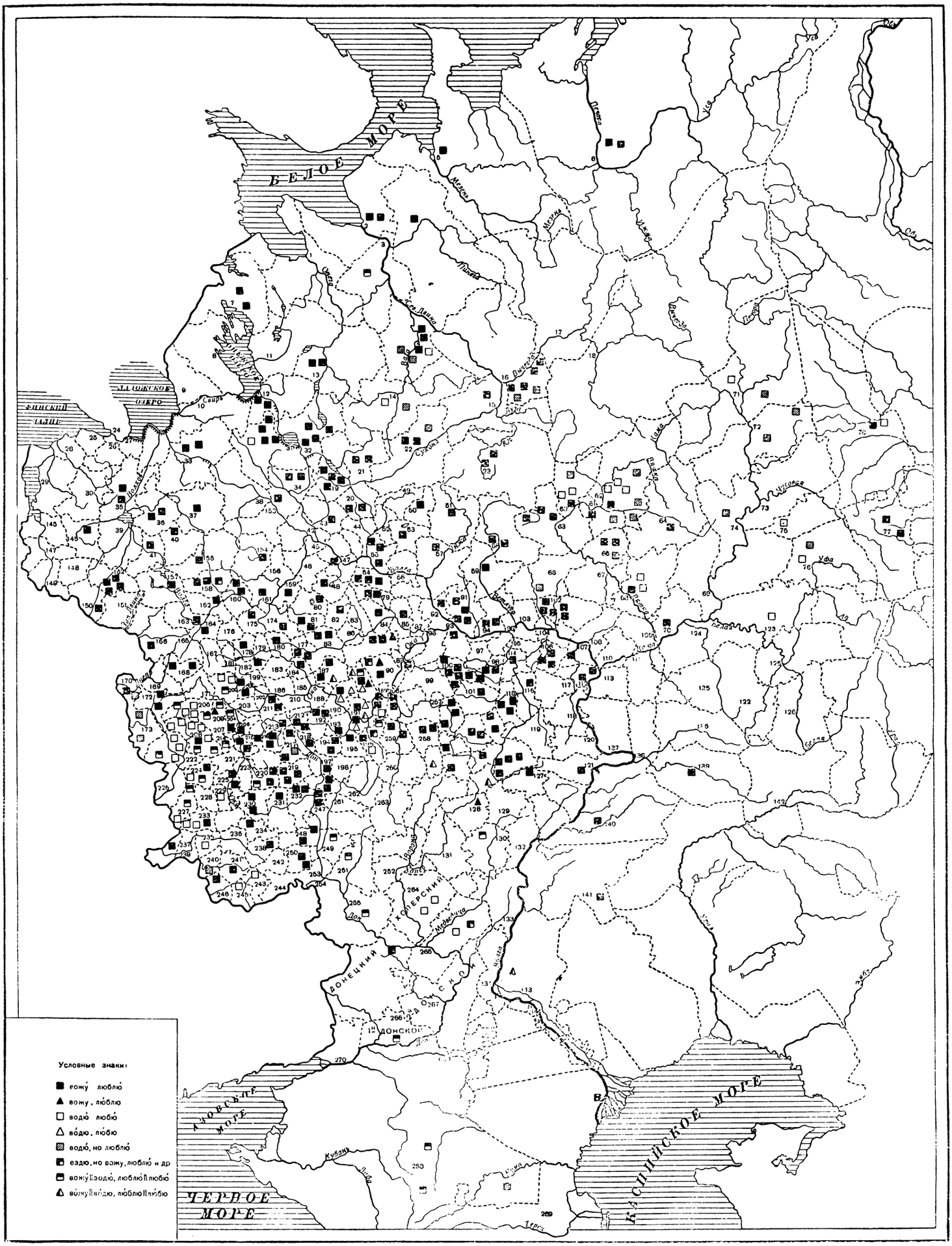
[2] Ср. Холмогорск. у.: *оклея́т* (Грандилевский, стр. 62). Кашинск. у.: *наклея́ить* (=*ею*, =*еешь* ... =*еют*. Смирнов, Сл., стр. 107). Медынск. у.: *оклеют* (МВГ, V, стр. 233, Чернышев). Суджанск. у.: *аклеют* (Резанова, Суджанск., стр. 221).

[3] Интересная форма отмечена в Суздальском у.: 3-е л. мн. ч. *расшовелят* (Чернышев, Юр., Суз., Вл., стр. 21). Здесь глагол 2-го спряжения с подвижным ударением на окончании подпал под влияние глаголов с неподвижным ударением.

Новгородской и Владимиро-Поволжской групп и в одном из говоров Вятского у., но, как и формы типа *ла́вишь* (не отмеченные ни разу в северновеликорусских говорах), они чрезвычайно распространены в акающих переходных и южновеликорусских говорах.

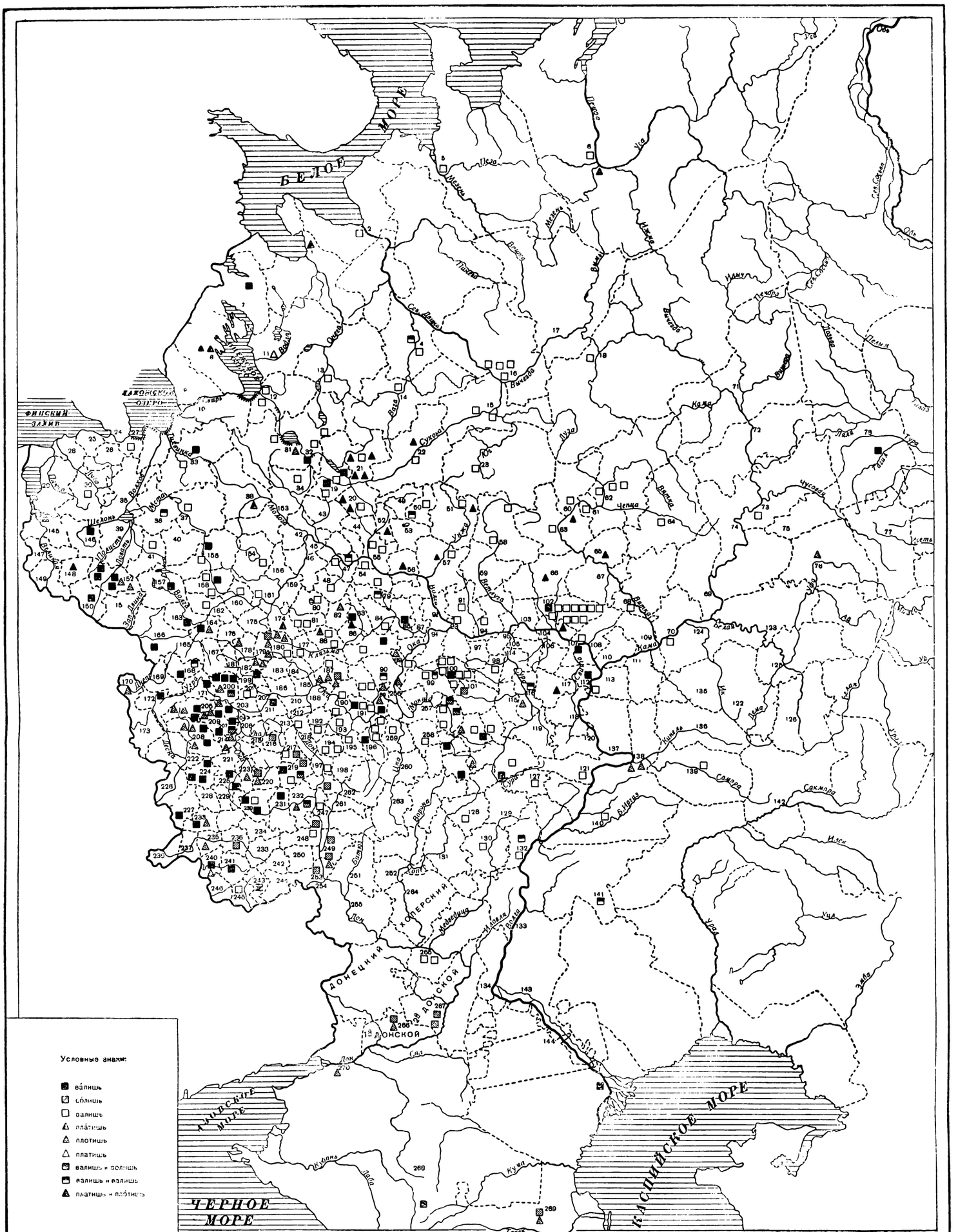
Дублетные формы (т. е. формы глагола, характеризующиеся в одном и том же говоре и тем и другим ударением) отмечены в северновеликорусских говорах Олонецкой, Новгородской и Владимиро-Поволжской групп, а также в некоторых говорах Вятской и Костромской губерниях. Из южновеликорусских и переходных говороз подобное явление отмечено только в Вяземском и Сапожковском уездах и в Чухломском у.

Мы уже отмечали случаи типа *молвя́т* (Мещовск. у. — МВГ, стр. 238, Чернышев), *удари́шь* (Мценск у. — МВГ, XI, стр. 82; ср. *уда́ришь* — Дмитриевского у. — там же, стр. 67 и др.), когда в глаголах 2-го спряжения с постоянным ударением на основе появляется ударение на окончании. Отдельные факты подобного рода следовало бы рассматривать в работе, посвященной взаимовлиянию глаголов различных классов, но на одном из глаголов нам представляется уместным остановиться сейчас; это — глагол *краси́л — крася́т*, отмеченный в большинстве говоров с ударением на основе: *кра́сиш* — Архангельск. у. (ТМДК, XI, стр. 3) Шенкурск. у. (там же, стр. 29), Печорск. у. (там же, стр. 21), Вытегорск. у. (ТМДК, XII, стр. 85), Каргопольск. у. (ТМДК, XI, стр. 87), Вельск. у. (там же, стр. 71), Устюгск. у. (там же, стр. 97, 98); Сольвычегодск. у. (там же, стр. 106, 112, 115), юго-западная часть Вологодск. губ. (там же, стр. 92), Вологодск. у. (там же, стр. 74, 76, 80); Грязовецк. у. (там же, стр. 82), Кадниковск. у. (там же, стр. 84); Верхнетотемск. у. (ТМДК, XII, стр. 163), Никольск. у. (ТМДК, XI, стр. 101), Белозерск. у. (ТМДК, XII, стр. 33), Кирилловск. у. (там же, стр. 60, 62, 66), Тихвинск. у. (там же, стр. 74), Крестецк. у. (там же, стр. 68, 70, 72), Демянск. у. (там же, стр. 58, 59), Чухломск. у. (ТМДК, XI, стр. 167), Кологривск. у. (там же, стр. 158), Галичск. у. (там же, стр. 156), Нерехтинск. у. (там же, стр. 165, 181), Костромск. у. (там же, стр. 161),

КАРТА № 1

1-е л. ед. ч. наст. вр. глаголов типа: *вожу, водишь*

КАРТА № 2

2-е и 3-е л. ед. ч. и 1, 2, 3-е л. мн. ч. наст. вр. глаголов: *валю — вáлишь* и *плáчу — плотишь*

Орловск. у. (Вятск.) (там же, стр. 125), Мамлыжск. у. (там же, стр. 123), Шадринск. у. (ТМДК, XII, стр. 119, 132), Тагильск. у. (там же, стр. 114), Тейковск. у. (ТМДК, XI, стр. 132); Шуйск. у. (там же, стр. 62), Переславск. у. (там же, стр. 49), Александр. у. (там же, стр. 34 и 36), Ковровск. у. (там же, стр. 38), гор. Вязники (там же, стр. 37), Покровск. у. (там же, стр. 52); Судогодск. у. (там же, стр. 57, 59), Меленковск. у. (там же, стр. 45), Семеновск. у. (ТМДК, XII, стр. 27), Ветлужск. у. (ТМДК, XI, стр. 180), Нижегородск. у. (ТМДК, XII, стр. 30), Сергачск. у. (там же, стр. 33, 34), Арзамасск. у. (там же, стр. 4, 5, 12, 14, 18, 19, 21, 22), Лысковск. у. (там же, стр. 25), Краснобакинск. у. (ТМДК, XI, стр. 177), Царевококшайск. у. (там же, стр. 141, 143, 144, 145, 147, 151, 152, 153), Свияжск. у. (там же, стр. 134); Тетюшск. у. (там же, стр. 137), Краснослободск. у. (ТМДК, XII, стр. 107, 108), Саранск. у. (там же, стр. 110, 112), Инсарск. у. (там же, стр. 103), НижнеЛомовск. у. (там же, стр. 109), Городищенск. у. (там же, стр. 93, 96), Новоузенск. у. (там же, стр. 143); Великолуцк. у. (там же, стр. 134), Холмск. у. (там же, стр. 136), Вышневолоцк. у. (там же, стр. 169), гор. Вязьма (ТМДК, X, стр. 129), Богородск. у. (ТМДК, XI, стр. 188), Рязанск. у. (ТМДК, X, стр. 116), гор. Спасск (там же стр. 124), Спасск. у. (там же, стр, 126), Пронск. у. (там же, стр. 113), Медынск. у. (там же, стр. 83, 84, 86), Перемышльск у. (там же стр. 88), Алексинск. у. (там же, стр. 133), Карачевск. у. (там же, стр. 89), Орловск. у. (там же, стр. 105), Севск. у. (там же, стр. 109), Мало-Архангельск. у. (там же, стр. 91, 93, 96); Щацк. у. (там же, стр. 131).

Ср. также *крáсють* Брянск. у. (Будде, Тульск. и Орл., стр. 89) и *покрáс'иш*, *крáс'ит'*, *крáс'ат* — Моложск. у. (Гринкова, Моложск., стр. 254).

Но встречаются говоры, в которых этот глагол отмечен и с постоянным ударением на окончании: *красúш* — Сольвычегодск. у. (ТМДК, XI, стр. 105), Тотемск. у. (там же, стр. 89), Шлиссельбургск. у. (там же, стр. 186), Костромск. (там же, стр. 159), Городецк. р-н: *красúт'*, *красúла* (Селищев,

Яз. совр. дер., стр. 103), Арзамасск. у.: *краси́ш* (ТМДК, XII, стр. 2 и 9). То же в Царевококшайск. у. (ТМДК, XI, стр. 149), Саранск. у. (ТМДК, XII, стр. 98), Сапожковск. у. (ТМДК, X, стр. 117), Веневск. у. (там же, стр. 134).

Ср. также *подкрася́т* — Васильсурск. у., с. Фокино (Чернышев, Нижегор. губ., стр. 62) и двойственность в ударении — *кра́си́л, кра́си́ш* в говоре гор. Кузнецка (ТМДК, XII, стр. 161).

Эти формы, вообще не очень распространенные, характерны, главным образом, для северновеликорусских говоров Новгородской, Вологодско-Вятской и Владимиро-Поволжской групп и для переходных говоров от северновеликорусских к южновеликорусским, но отмечены они и в двух южновеликорусских говорах. Если сравнить эти формы с отмеченными выше формами типа *кро́сит* с *о* в основе, характерными для акающих говоров (*кро́сим*, при инфинитиве *красить* — Касимовский у. — Будде, Касимов., стр. 99; Одоевск. у. — Будде, Тульск. и Калужск., стр. 865; *накро́с'иш* — Коротоякский у. — Гринкова, Коротоякск., стр. 562; *кросит* — Терск. обл. — Караулов, Гребенск. казаки, стр. 10), то можно с вероятностью предположить, что глагол *красить* с ударением на окончании для ряда русских говоров является либо исконным, либо, во всяком случае, очень древним. К сожалению, формы 1-го л. ед. ч. в изученных нами источниках не приведены.

УКАЗАТЕЛЬ СОКРАЩЕНИЙ, ПРИНЯТЫХ В ТЕКСТЕ

Азадовский — М. К. Азадовский. Сказки Верхнеленского края. „Сибирская живая старина", вып. 2. Иркутск, 1924.

Белкин — Ф. Белкин. Сказки, записанные в Тимском уезде. „Труды Курского губ. статистич. комитета", вып. I, 1863.

Благовещенский — В. И. Благовещенский. Черты народного говора в Тульском и Крапивенском уездах, Тульской губернии. „Русский филолог. вестник", т. X, № 3—4, 1883.

Богораз — В. Г. Богораз. Областной словарь Колымского русского наречия. Сб. ОРЯС, т. LXVIII, № 4, 1901.

Бондаренко — Г. П. Бондаренко. О говорах Ставрополя. „Труды Ворошиловского гос. пед. института", т. II, 1940.

Боровин — В. Ф. Боровин. Характерные признаки народных говоров Вельского района (Архангельской обл.). „Диалектологический сборник", вып. I. Вологда, 1941.

Бубрих — Д. В. Бубрих. Фонетические особенности села Пустошей Ягодинской вол., Судогодского у., Владимирской губ. „Изв. ОРЯС", т. XVIII, кн. 4, 1913.

Будде, Казанск. — Е. Ф. Будде. Главнейшие черты народного русского говора в Казанской губернии. „Русский филолог. вестник", т. XXXII, № 3, 1894.

Будде, Заметки — Е. Ф. Будде. Диалектологические заметки. „Русский филолог. вестник", т. XLVIII, № 3—4, 1902.

Будде, Рязанск. гов. — Е. Ф. Будде. К диалектологии великорусских наречий. Исследование особенностей рязанского говора, ч. II. „Русский филолог. вестник", т. XXVIII, № 3. Варшава, 1892.

Будде, Касимовск. — Е. Ф. Будде. К истории великорусских говоров. Опыт историко-сравнительного исследования народного говора в Касимовском уезде Рязанской губернии. Казань, 1896.

Будде, Вятск. — Е. Ф. Будде. Краткий отчет о командировке в Вятскую губ. в летние месяцы 1896 г. „Ученые записки Казанского ун-та , кн. X, 1896.

Будде, Скопинск. — Е. Ф. Будде. Материалы по русской диалектологии. Образцы народного говора Скопинского уезда Рязанской губернии. „Этногр. обозр.", 1894, № 2.

Будде, Тульск. и Орловск. — Е. Ф. Будде. О говорах Тульской и Орловской губерний. Сб. ОРЯС, т. LXXVI, № 3, 1904.

Будде, Тульск. губ. — Е. Ф. Будде. О народных говорах в Тульской губернии. „Изв. ОРЯС", т. III, кн. 4, 1898.

Будде, Тульск. и Калужск. — Е. Ф. Будде. О некоторых народных говорах в Тульской и Калужской губерниях. „Изв. ОРЯС", т. III, кн. 3, 1898.

Васнецов — Н. М. Васнецов. Материалы для объяснительного областного словаря Вятского говора. Изд. Губ. статистич. комитета, Вятка, 1908.

Виноградов — Н. Н. Виноградов. О народном говоре Шунгенской волости Костромского уезда. Сб. ОРЯС, т. LXXVII, № 8, 1904.

Виноградов и Черных — Г. Виноградов и П. Черных. Русские говоры центральной части Тулунского уезда Иркутской губернии. Оттиски из „Записок Иркутск. научн. музея". Иркутск, 1924.

Волков — И. В. Волков. Свадебные причеты, записанные крестьянином Вологодской губ. Грязовецк. у., часто бывшим сватом. „Живая старина", т. XIV, вып. 1—2, 1905.

Гвоздев — А. Н. Гвоздев. Типы великорусских говоров Пензенской губернии. „Труды Пензенск. общ. любителей естествозн. и краевед.", вып. VI. Пенза, 1925.

Герасимов — М. К. Герасимов. Словарь уездного Череповецкого говора. Сб. ОРЯС, т. LXXXVII, № 3, 1910.

Голанов — И. Г. Голанов и С. А. Копорский. Дополнения к материалам для словаря народного языка в Ярославской губ. Ярославль, 1926.

Грандилевский — А. Грандилевский. Родина Михаила Васильевича Ломоносова. Сб. ОРЯС, т. LXXXIII, № 5, 1807.

Гринкова, Сицкари — Н. П. Гринкова. Очерки по русской диалектологии. I. К вопросу о сицкарях. „Изв. ОРЯС", т. XXX, 1925.

Гринкова, Моложск. — Н. П. Гринкова. II. О говорах северо-восточной части Моложского у. Ярославской губ. „Изв. ОРЯС", т. XXX 1925.

Гринкова, Ленингр. — Н. П. Гринкова. К диалектологии Ленинградской губ. „Изв. ОРЯС", т. XXX, 1925.

Гринкова, Тудовляне — Н. П. Гринкова. IV. Говор тудовлян Ржевского уезда. „Изв. ОРЯС", т. XXXI, 1926.

Гринкова, Задонск. и Землянск. — Н. П. Гринкова. V. О некоторых говорах б. Задонского и Землянского уездов Воронежской губ. „Изв. по русск. яз. и слов.", т. II, кн. 1. Л., 1929.

Гринкова, Коротоякск. — Н. П. Гринкова. VII. О русских говорах б. Коротоякского уезда Воронежской губ. „Изв. по русск. яз. и слов.", т. III. Л., 1930.

Гришкин — Образцы говора села Леки Егорьевского уезда Рязанской губернии. Записки И. С. Гришкина, изд. А. А. Шахматовым. Сб. ОРЯС, т. XCV, № 1.

Дмитриев — А. Дмитриев. Говор Велико-Устюжского уезда Вологодской губ. „Живая старина", III, вып. 3, 1893.

Добровольский, Сказания — В. Н. Добровольский. Народные сказания о самоубийцах. „Живая старина", т. IV, вып. 2, 1894.

Добровольский, Жиздринск. — В. Н. Добровольский. Образцы говора Жиздринского уезда Калужской губ. „Живая старина", т. VIII, вып. 3, 4, 1898.

Добровольский, Палехи — В. Н. Добровольский. Рассказы о жизни палех Жиздринского Полесья. „Живая старина", т. IX, вып. 1, 2, 1899.

Добровольский, Сл. — В. Н. Добровольсий. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.

Дурново, Калужск. — Н. Н. Дурново. Диалектологическая карта Калужской губ. Сб. ОРЯС, т. LXXVI, № 1, 1903.

Дурново, Шацк. — Н. Н. Дурново. Заметка о говоре Шацкого уезда Тамбовской губ. „Изв. ОРЯС", т. V, кн. 3, 1900.

Дурново, Парфенки — Н. Н. Дурново. Описание говора деревни Парфенок Рузского у. Моск. губ. Варшава, 1903.

Едемский — М. В. Едемский. Говор жителей Кокшеньги Тотемского у. Вологодской губ. „Живая старина", т. XIV, вып. 1—2, 1905.

Еремин — С. А. Еремин. Описание уломского и ваучского говоров Череповецкого уезда, Новгородской губернии. Сб. ОРЯС, т. XCIX, № 5, 1923.

Зеленин, Ск. — Д. К. Зеленин. Великорусские сказки Вятской губ. Пг., 1915.

Зеленин, Оренбургск. казаки — Д. К. Зеленин. О говоре Оренбургских казаков. „Русский филолог. вестник", т. LVI, № 3—4, 1906.

Зеленин, Вятск. — Д. К. Зеленин. Отчет о диалектологической поездке в Вятскую губ. „Сб. ОРЯС," т. LXXVI, № 2, СПб., 1903.

Зеленин, Усень-Ивановск. — Д. К. Зеленин. Усень-Ивановский говор. „Изв. ОРЯС", т. X, кн. 2, 1905.

Иеропольский — К. Иеропольский. Говор деревни Савкино Пушкинского района Псковского округа. „Изв. по русск. яз. и слов.", т. III, вып. 2. Л., 1930.

ИОРЯС — „Известия Отд. рус. яз. и слов. имп. Академии Наук" или „Известия II Отд. имп. Академии Наук".

Каменев — М. С. Каменев. Материалы по шуйскому народному говору. „Труды Иваново-Вознесенского губ. научн. общ. краеведения", вып. 3, 1925.

Караулов, Жиздринск. — М. А. Караулов. Говор палех Жиздринского уезда Калужской губ. Оттиск из „Русского филолог. вестника", т. XLIII, № 1—2, 1900.

Караулов, Гребенск. казаки — М. А. Караулов. Говор гребенских казаков. Материалы для этнографии Терской обл. Сб. ОРЯС, т. LXXI, № 7, СПб., 1902.

Каринский, Костр. — Н. М. Каринский. Заметки об одном из говоров Костромской губернии. „Живая старина", вып. 3, 4, 1895.

Каринский, Бронницк. — Н. М. Каринский. О говорах восточной половины Бронницкого уезда. „Изв. ОРЯС", т. VIII, кн. 1, 1903.

Каринский, Луга и Оредеж — Н. М. Каринский. О некоторых говорах по течению рек Луги и Оредежа. „Русский филолог. вестник", т. XL, № 3—4, 1898.

Каринский, Рус. диалект. — Н. М. Каринский. Очерки из области русской диалектологии. „Ученые записки Ин-та языка и литературы", т. IV, 1931.

Каринский, Яз. рус. кр-н — Н. М. Каринский. Очерки языка русских крестьян. М. — Л., 1936.

Каринский, Вятка — Н. М. Каринский. Язык образованной части населения города Вятки и народные говоры. Ученые записки Ин-та языка и литературы, т. III, 1929.

Карпов — А. Б. Карпов. Сборник слов и выражений, употребляемых уральскими казаками. Уральск, 1913.

Кислицына — Т. С. Кислицына. Описание говора д. Выставки Котлас, д. Тупачеловской, д. Антоново и Котласской Слободы Котласского района Северо-Двинской губ. „Труды Вятского пед. ин-та", т. III, вып. 2, 1928.

Колосов — М. А. Колосов. Заметки о языке и народной поэзии в области северновеликорусского наречия. Сб. ОРЯС, т. XVII, № 3, 1877.

Коньков — Р. А. Коньков. О цымлянском говоре Ростовской области. „Труды I Диалектолог. конференции". Ростов н/Д, 1939.

Копорский — С. А. Копорский. О говоре севера Пошехоно-Володарского уезда Ярославской губ. „Труды Ярославск. пед. ин-та", т. II, вып. 3. Ярославль, 1929.

Куликовский — Г. И. Куликовский. Словарь областного Олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.

Левочкин — П. А. Левочкин. Материалы по русской диалектологии. „Варшавские универс. изв.", т. VII, 1914.

Ломанский — В. Ломанский. Говор южной части Томского округа Томской губ. „Живая старина", вып. 3, 4, 1895.

Мансикка, Пудожск. — В. К. Мансикка. О говоре северо-восточной части Пудожского уезда. „Изв. ОРЯС", т. XIX, кн. 4, 1914.

Мансикка, Шенкурск. — В. К. Мансикка. О говоре Шенкурского уезда Архангельской губ. „Изв. ОРЯС", т. XVII, кн. 2, 1912.

Матвеева — Е. В. Матвеева. Заметки о говоре населения восточной части Коршинской волости Халтуринского уезда Вятской губ. и западной части Якимовагинской вол. Вятского уезда (по нижнему течению р. Ивкина). „Труды Вятского пед. ин-та", т. III, вып. 2, 1923.

Машкин, Обоянь — А. С. Машкин. Песни, собранные в городе Обояни и его уезде. „Курский сборник", вып. 3, Курск. 1902.

Машкин, Курск. — Сборники А. С. Машкина. Материалы по этнографии Курской губ. Подгот. к печати В. И. Резанов. „Курский сборник", вып. , Курск, 1903.

МВГ — „Материалы для изучения великорусских говоров", вып. I, — XI.
Вып. I, II, VI, VII — по сборнику А. А. Шахматова.
Вып. III — „Изв. ОРЯС", т. I, кн. 4, 1896.
Вып. IV — „Изв. ОРЯС", т. II, кн. I, 1897.
Вып. V — „Изв. ОРЯС", т. III, кн. I, 1393 прилож.
Вып. VIII — Сб. ОРЯС, т. XXIII, № 5, 1903.
Вып. IX — Сб. ОРЯС, т. XXXVII, № 5, 1910.
Вып. X — Сб. ОРЯС, т. XCIX, № 2, 1921.
Вып. XI — Сб. ОРЯС, т. XCIX, № 3, 1922.

Мильчакова-Ивакина — А. Г. Мильчакова-Ивакина. Описание говора д. Ивакино, д. Содом, д. Ерши Юмской вол. Котельнического у. Вятской губ. „Труды Вятского гор. пед. ин-та", т. III, вып. 2, 1928.

Мотовилов — А. Мотовилов. Симбирская молвь. Сб. ОРЯС, т. XL, IV, № 4, 1888.

Никольский — А. А. Никольский. Народные говоры Жиздринского уезда Калужской губ. „Русский филолог. вестник", т. XLV, вып. 1—2, 1901; т. XLVI, вып. 3—4, 1901; т. XLVII, вып. 1—2, 1902; т. XLIX, вып. 1—2, 1903.

Обр. гов. Орл. и Котельнич. — Образец говора Орловского и Котельнического уездов Вятской губ. Изд. А. А. Шахматовым. Сб. ОРЯС, т. XCV, № 1, 1920.

Ончуков — Н. Е. Ончуков. Печорские былины. „Изв. ОРЯС", т. VII, кн. 3, 1902.

Оп. Обл. Сл. — Опыт Областного великорусского словаря. СПб., 1852.

Петровская — Ю. В. Петровская. К диалектологии рязанских говоров. Говор села Матырь Зарайского уезда. Сб. ОРЯС, т. XCIX, № 6, 1922.

Пилашевский — П. О. Пилашевский. Материалы по изучению говоров Нижегородской губ. „Изв. Нижегородск. гос. ун-та," т. II, Н.-Новгород, 1928.

Подвысоцкий — А. Подвысоцкий. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.

Покровский, Костромск. — Ф. Покровский. О народных говорах северо-западной части Костромской губ. „Живая старина", т. VII, вып. 3—4, 1897.

Покровский, Нижегор. — Ф. Покровский. Образцы народного говора Нижегородской губ. „Живая старина", т. XX, вып. 1, 1911.

Поликарпов — Ф. Поликарпов. Материалы для изучения южновеликорусских говоров — Нижнедевицкий словарь. „Филолог. записки", вып. II, III, IV, V, 1911; вып. I, III, 1912.

Полторацкая — М. А. Полторацкая. О задонских говорах Ростовской обл. „Труды I Диалектолог. конференции". Ростов н/Дону, 1939.

Попов — В. М. Попов. Замечания о северносмоленских и ржевских говорах. „Изв. ОРЯС", т. XVIII, кн. 3, 1913.

Прядкин — С. Прядкин. Краткий очерк говора села Сергеевки (Бобровского уезда, Воронежской губ.). „Филолог записки", вып. 3, 1835.

Путинцев — А. Путинцев. О говоре в местности „Хворостань" Воронежской губ. „Живая старина", т. XV, вып. I, 1906.

Рамзевич — Н. К. Рамзевич. К изучению народной речи в Сибири. „Русский филолог. вестник", т. LXXI, кн. I, 1912.

Резанов — В. И. Резанов. К диалектологии великорусских наречий, Особенности живого народного говора Обоянского уезда Курской губ. „Русский филолог. вестник", т. XXXVIII, № 3—4, 1897.

Резанова, Суджанск. — Е. И. Резанова. Наблюдения над говором крестьян деревень Масловки и Хитровки Суджанского уезда Курской губ. „Изв. ОРЯС", т. XVI, кн. I, 1912.

Резанова, Обоянск. — Е. И. Резанова. Этнографические материалы, собранные в дер. Саломыковой Обоянского уезда. „Курский сборник", т. III, Курск, 1902.

Р. Ф. В. — „Русский филолог. вестник".

Сб. ОРЯС — „Сборник Отд. рус. яз. и слов. имп. Академии Наук" или „Сборник II Отд. имп. Академии Наук".

Селищев, Сибирь — А. М. Селищев. Диалектологический очерк Сибири. Иркутск, 1921.

Селищев, Яз. совр. дер. — А. М. Селищев. О языке современной деревни. „Труды Моск. ин-та истории, философии и литературы", т. V, 1939.

Симони — П. К. Симони. Два старинных областных словаря XVIII века. „Живая старина", т. VIII, вып. 3, 1898.

Смирнов, Кашинск. гов. — И. Т. Смирнов. Кашинский говор. Сб. ОРЯС, т. LXXVII, № 9, 1904.

Смирнов, Кашинск. сл. — И. Т. Смирнов. Кашинский словарь. Сб. ОРЯС, т. LXX, № 5. СПб., 1902.

Соболевский — А. И. Соболевский. Заметки о северских говорах. „Русский филолог. вестник", т. LIV, № 3, 1905.

Соколовы — Б. М. и Ю. М. Соколовы. Сказки и песни Беловерского края, т. II, 1915.[1]

Соловьев — В. Ф. Соловьев. Особенности говора донских казаков. Сб. ОРЯС, т. LXVIII, № 2, 1901.

Солосин, Черноярск. — И. И. Солосин. Краткие сведения о говоре Черноярского уезда Астраханской губ. „Русский филолог. вестник", т. LXX, № 3, 1913.

Солосин, Ахтуб. — И. И. Солосин. Материалы для этнографии Астраханского края. Краткие сведения о говоре Ахтубинских сел Царевского уезда. „Русский филолог. вестник", т. LXIII, № 1, 1910.

Судаков — И. Судаков. Несколько замечаний об особенностях говора в Устюженском уезде Новгородской губ. „Живая старина", т. XIII, вып. 4, 1903.

[1] Взяты только сказки и словарь.

Тиханов — П. Н. Тиханов. Брянский говор. Заметки из области русской этнологии. Сб. ОРЯС, т. LXXVI, № 4, 1904.

Тростянский, Воронежск. — В. И. Тростянский. К изучению местных говоров в Воронежской губ. Сб. ОРЯС, т. XCV, № 2, 1920.

Тростянский, Задонск. и Землянск. — В. И. Тростянский. Народные песни, собранные в северо-западном углу Землянского и отчасти Задонского уездов Воронежской губ. Сб. ОРЯС, т. XCV, № 1, 1916.

Тростянский, Задонск. — В. И. Тростянский. Этнографические материалы, собранные в Задонском уезде Воронежской губ. по поручению имп. Ак. Наук. Сб. ОРЯС, т. XCV, № 1, 1916.

ТМДК — „Труды Моск. диалектол. комиссии", вып. I—XII.

Филатов — К. Филатов. Очерк народных говоров Воронежской губ. Варшава, 1898.

Ф. З. — „Филологические записки".

Халанский, Курск. губ. — М. Г. Халанский. Народные говоры Курской губ. Сб. ОРЯС, т. LXXVI, № 5, 1904.

Халанский, Песни Щигр. — М. Г. Халанский. Русские народные песни, записанные в Щигровском уезде Курской области. „Русский филолог. вестник", т. III, № 3—4, 1880.

Халанский, Гов. Щигр. — М. Г. Халанский. Черты народного говора Щигровского уезда Курской губ. „Русский филолог. вестник", т. I, № 2, 1879.

Харламов — М. Харламов. Некоторые особенности живого говора города Ейска Кубанской области. „Филолог. записки", вып. 5, 1898.

Черных — П. Я. Черных. Русские говоры Мамырской волости Тулунского уезда Иркутской губ. „Сборник трудов Иркутск. гос. ун-та", вып. 5. Иркутск, 1923.

Чернышев, Нижегор. — В. И. Чернышев. Говоры южной части бывшей Нижегородской губернии. „Lud slawian'ski", III, 1, Краков, 1933.

Чернышев, Мещовск. у. — В. И. Чернышев. Материалы для изучения говора и быта Мещовского уезда. Сб. ОРЯС, т. LXX, № 7, 1901.

Чернышев, Нар. гов. — В. И. Чернышев. Народные говоры селений, расположенных от Боровска до Москвы по старому Московскому тракту. „Изв. ОРЯС", т. XIII, кн. 1, 3, 1908.

Чернышев, Шуваликн — В. И. Чернышев. Несколько сведений о быте и говоре „Шуваликов" Верейского уезда. „Изв. ОРЯС", т. X кн. 2, 1905.

Чернышев, Псковск. — В. И. Чернышев. Псковское наречие (наблюдения над говорами б. Псковского уезда в 1917 году). „Труды Комиссии по рус. яз.", т. I. Л., 1931.

Чернышев, Юр., Суздал., Вл. — В. И. Чернышев. Сведения о говорах Юрьевского, Суздальского и Владимирского уездов. Сб. ОРЯС, т. LXXI, № 5, 1902.

Чернышев, Моск. — В. И. Чернышев. Сведения о народных говорах некоторых селений Московского уезда. Сб. ОРЯС, т. LXVIII, № 3, 1901.

Чернышев, Тв., Клин., Моск. — В. И. Чернышев. Сведения о некоторых говорах Тверского, Клинского, Московского у. у. Сб. ОРЯС т. LXXV, № 2, 1903.

Шайжин — Н. С. Шайжин. Говор крестьян Негижемской волости Пудожского уезда. „Олонецкие губ. ведомости", № 126—128, 130—136, 1903.

Шайтанов — Шайтанов. Особенности говора Кадниковского уезда Вологодской губ. „Живая старина", т. V, вып. 3, 4, 1895.

Шахматов, Ельн. и Мос. — А. А. Шахматов. Звуковые особенности Ельнинских и Мосальских говоров. Варшава, 1903.

Шахматов, Лека — А. А. Шахматов. Описание Лекинского говора Егорьевского уезда Рязанской губ. „Изв. ОРЯС", т. XVIII, кн. 4, 1913.

Ягодинский — А. С. Ягодинский. Народные говоры Чарозерского района Вологодской области. Диалектологический сборник, т. I. Вологда, 1941.

Яштайкин — И. Н. Яштайкин. Материалы, собранные И. Н. Яштайкиным летом 1912 г. Песни и рассказы, записанные в д. Алексеевской слободе (Ямской) Курмышского уезда Симбирской губ. Под ред. и с предисл. проф. Е. Ф. Карского. „Варшавские универс. изв.", т. IX, 1914.

При ссылках на монографические описания, напечатанные в „Материалах для изучения великорусских говоров" и в „Трудах Московской диалектологической комиссии", указывается также, кроме выпуска „Материалов" или „Трудов", фамилия автора описания. Например: ТМДК, вып. III, стр..., Мансикка (=Мансикка. Говор Грязовецкого у. Вологодской губ. „Труды Московской диалектологической комиссии", вып. III), или: МВГ, V, стр..., Чернышев (=В. И. Чернышев. Сведения о Мещовском говоре. „Материалы для изучения великорусских говоров", т. V) и т. д.

ПОЯСНЕНИЯ К КАРТАМ

На карте № 1 показано, как в различных говорах произносится 1-е л. ед. ч. глаголов 2-го спряжения с основой на мягкий зубной и губной звук. На карте № 2, ввиду высказанных выше соображений (см. стр. 136), картографируются формы 2-го и 3-го л. ед. ч. и 1, 2, 3-е л. мн. ч. двух глаголов: глагола *плати́ть* || *плачу́* и *вали́ть* || *валю́*.

Каждый условный знак внутри уезда соответствует материалу, взятому из одного источника (т. е. если в каком-нибудь уезде пять условных знаков, значит по этому уезду взяты сведения из пяти источников).

Если в говоре отмечено сосуществование двух форм, например, если могут сказать *водю́* и *вожу́*, то дается „комбинированный" условный знак, составленный из двух знаков. Например, *водю* изображается белым квадратом, *вожу* — черным. В данном говоре мы поставим квадрат, одна половина которого будет черной, другая — белой и т. д.

Так как в большинстве случаев точных ориентиров населенного пункта нет (если не считать указаний на название обследованных населенных пунктов, которых на взятой нами за образец карте, по причине малого масштаба, быть не может), мы размещаем условные знаки внутри уезда, так сказать, произвольно, поближе, насколько возможно, к названию города. Это значит, что местонахождение говора указано приблизительно, большей частью с точностью до уезда (района), а иногда и губернии (области).

ЦИФРОВОЙ УКАЗАТЕЛЬ К КАРТАМ[1]

. Архангельская губ.

1. Онежский у.
2. Архангельский у.
3. Холмогорский у.
4. Шенкурский у.
5. Мезенский у.
6. Печорский у.

II. Олонецкая губ.

7. Повенецкий у.
8. Петрозаводский у.
9. Олонецкий у.
10. Лодейнопольский у.
11. Пудожский у.
12. Вытегорский у.
13. Каргопольский у.

III. Вологодская губ.

14. Вельский у.
15. Великоустюжский у.
16. Сольвычегодский у.
17. Яренский у.
18. Устьсысольский у.
19. Вологодский у.
20. Грязовецкий у.
21. Кадниковский у.
22. Тотемский у.
23. Никольский у.

IV. Петроградская губ.

24. Петроградский у.
25. Петергофский у.
26. Царскосельский у.
27. Шлиссельбургский у.
28. Ямбургский у.
29. Гдовский у.
30. Лужский у.

[1] Указания к картам составлены по губерниям и уездам, так как большая часть использованных материалов относится к тому периоду, когда еще не было введено административное деление на области и районы. Примеры, характеризующие говоры населенных пунктов, данных по новому административному делению, на карту не нанесены.

V. Новгородская губ.

31. Белозерский у.
32. Кирилловский у.
33. Тихвинский у.
34. Череповецкий у.
35. Новгородский у.
36. Крестецкий у.
37. Боровичский у.
8. Устюженский у.
39. Старорусский у.
40. Валдайский у.
41. Демянский у.

VI. Ярославская губ.

42. Моложский у.
43. Пошехонский у.
44. Любимский у.
45. Рыбинский у.
46. Мышкинский у.
47. Ярославский у.
48. Ростовский у.

VII. Костромская губ.

49. Солигаличский у.
50. Чухломский у.
51. Кологривский у.
52. Буйский у.
53. Галичский у.
54. Нерехтский у.
55. Костромской у.
56. Кинешмовский у.
57. Макарьевский у.
58. Ветлужский у.
59. Варнавинский у.

VIII. Вятская губ.

60. Орловский у.
61. Вятский у.
62. Слободской у.
63. Котельнический у.
64. Глазовский у.
65. Нолинский у.
66. Яранский у.
67. Уржумский у.
68. Малмыжский у.
69. Сарапульский у.
70. Елабужский у.

IX. Пермская губ.

71. Чердынский у.
72. Соликамский у.
73. Пермский у.
74. Оханский у.
75. Кунгурский у.
76. Красноуфимский у.
77. Екатеринбургский у.
78. Верхотурский у.

X. Владимирская губ.

79. Шуйский у.
80. Переяславский у.
81. Александровский у.
82. Юрьевский у.
83. Суздальский у.
84. Ковровский у.
85. Вязниковский у.
86. Владимирский у.
87. Гороховецкий у.
88. Покровский у.
89. Муромский у.
90. Меленковский у.

XI. Нижегородская губ.

91. Семеновский у.
92. Балахнинский у.
93. Нижегородский у.
94. Макарьевский у.
95. Васильсурский у.
96. Горбатовский у.
97. Княгинский у.
98. Сергачский у.
99. Ардатовский у.
100. Арзамасский у.
101. Лукояновский у.

XII. Казанская губ.

102. Царевококшайский у.
103. Козьмодемьянский у.

104. Чебоксарский у.
105. Ядринский у.
106. Цивильский у.
107. Свияжский у.
108. Казанский у.
109. Мамадышский у.
110. Лаишевский у.
111. Чистопольский у.
112. Тетюшский у.
113. Спасский у.

XIII. Симбирская губ.

114. Курмышский у.
115. Ардатовский у.
116. Алатырский у.
117. Буинский у.
118. Симбирский у.
119. Карсунский у.
120. Сенгилейский у.
121. Сызранский у.

XIV. Уфимская губ.

122. Белебейский у.
123. Бирский у.
124. Мензелинский у.
125. Уфимский у.
126. Стерлитамакский у.

XV. Саратовская губ.

127. Кузнецкий у.
128. Сердобский у.
129. Петровский у.
130. Аткарский у.
131. Балашевский у.
132. Саратовский у.
133. Камышинский у.
134. Царицынский у.

XVI. Самарская губ.

135. Бугульминский у.
136. Бугурусланский у.
137. Ставропольский у.
138. Самарский у.
139. Бузулукский у.
140. Николаевский у.
141. Новоузенский у.

XVII. Оренбургская губ.

142. Оренбургский у.

XVIII. Астраханская губ.

143. Царевский у.
144. Черноярский у.

XIX. Псковская губ.

145. Псковский у.
146. Порховский у.
147. Островский у.
148. Новоржевский у.
149. Опочецкий у.
150. Великолуцкий у.
151. Торопецкий у.
152. Холмский у.

XX. Тверская губ.

153. Весьегонский у.
154. Бежецкий у.
155. Вышневолоцкий у.
156. Кашинский у.
157. Осташковский у.
158. Новоторжский у.
159. Калязинский у.
160. Тверской у.
161. Корчевский у.
162. Старицкий у.
163. Ржевский у.
164. Зубцовский у.

XXI. Смоленская губ.

165. Сычевский у.
166. Бельский у.
167. Гжатский у.
168. Вяземский у.
169. Дорогобужский у.
170. Смоленский у.
171. Юхновский у.
172. Ельнинский у.
173. Рославльский у.

XXII. Московская губ.

174. Дмитровский у.
175. Клинский у.
176. Волоколамский у.
177. Богородский у.
178. Рузский у.
179. Звенигородский у.
180. Московский у.
181. Можайский у.
182. Верейский у.
183. Подольский у.
184. Бронницкий у.
185. Коломенский у.
186. Серпуховской у.

XXIII. Рязанская губ.

187. Егорьевский у.
188. Зарайский у.
189. Касимовский у.
190. Рязанский у.
191. Спасский у.
192. Михайловский у.
193. Пронский у.
194. Скопинский у.
195. Ряжский у.
196. Сапожковский у.
197. Данковский у.
198. Раненбургский у.

XXIV. Калужская губ.

199. Боровский у.
200. Медынский у.
201. Малоярославецкий у.
202. Тарусский у.
203. Калужский у.
204. Перемышльский у.
205. Мосальский у.
206. Лихвинский у.
207. Козельский у.
208. Жиздринский у.
209. Мещовский у.

XXV. Тульская губ.

210. Каширский у.
211. Алексинский у.
212. Веневский у.
213. Тульский у.
214. Белевский у.
215. Одоевский у.
216. Крапивенский у.
217. Богородицкий у.
218. Епифанский у.
219. Ефремовский у.
220. Новосильский у.

XXVI. Орловская губ.

221. Болховский у.
222. Брянский у.
223. Мценский у.
224. Карачаевский у.
225. Орловский у.
226. Трубчевский у.
227. Севский у.
228. Дмитровский у.
229. Кромской у.
230. Малоархангельский у.
231. Ливенский у.
232. Елецкий у.

XXVII. Курская губ.

233. Дмитриевский у.
234. Щигровский у.
235. Льговский у.
236. Курский у.
237. Рыльский у.
238. Тимский у.
239. Путивльский у.
240. Суджанский у.
241. Обоянский у.
242. Старооскольский у.
243. Корочанский у.
244. Новооскольский у.
245. Белгородский у.
246. Грайворонский у.

XXVIII. Воронежская губ.

247. Задонский у.
248. Землянский у.
249. Воронежский у.

250. Нижнедевицкий у.
251. Бобровский у.
252. Новохоперский у.
253. Коротоякский у.
254. Острогожский у.
255. Павловский у.

XXIX. Тамбовская губ.

256. Елатомский у.
257. Темниковский у.
258. Спасский у.
259. Шацкий у.
260. Моршанский у.
261. Лебедянский у.
262. Козловский у.
263. Тамбовский у.

XXX. Донские области и Кавказ

264. Хоперский округ
265. Усть-Медведицкая ст.
266. 1-й Донской округ
267. 2-й Донской округ
268. Ставропольская ст.
269. Терская ст.

С. А. КОПОРСКИЙ

ЦОКАНЬЕ В КАЛИНИНСКОЙ ОБЛАСТИ

I

Цоканье — одна из наиболее характерных особенностей севернорусского наречия. Границы и площадь его распространения привлекают к себе внимание диалектологов, историков русского языка и историков русского народа. Цоканье кладется в основу классификации говоров, с ним связана история наречий древнерусского языка; цоканье интересует историка при определении этнического состава русского народа, при установленни сфер влияния тех или иных политических и культурных центров Древней Руси.

Предлагаемая статья является попыткой представить картину распространения цоканья на территории Калининской обл. в конце XIX и начале XX вв. Пределы области в начале работы брались в границах, включающих выделенную впоследствии Великолукскую обл. Но Великая Отечественная война, оккупация западной половины области прервали начатую работу; в результате сведения, относящиеся к Великолукской обл., оказались крайне недостаточными. Все же они включены в статью и нанесены на карту в надежде, что и в таком виде они будут полезны для дальнейшего изучения цоканья на данной территории.

Собирание материалов производилось, главным образом, силами студентов и заочников Калининского Педагогического

института им. М. И. Калинина[1] по программе, составленной Институтом языка и мышления АН СССР, и по анкете, специально составленной для цоканья.

Кроме того, были использованы рукописные материалы Ленинградского отделения Института русского языка АН СССР.[2] К сожалению, по условиям работы, автор не мог воспользоваться рукописными и печатными материалами по Витебской и Псковской губерниям, части которых входили в состав Калининской обл., а теперь вошли в состав Великолукской обл.

Цоканье в его современном состоянии сохраняется в немногих местах Калининской обл.; чаще оно встречается в виде пережитков. Собранный материал, повторяем, характеризует не современные говоры, а говоры второй половины XIX и начала XX вв. Настоящая статья и карта, приложенная к ней, говорят о цоканье именно этого периода.

На карту нанесено свыше 1000 пунктов. Но произведенное обследование даже и в таком объеме страдает неполностью — на карте остаются „белые места". К сожалению, с этим пришлось мириться: не было возможности направить студентов в наиболее глухие места и пункты, удаленные от путей сообщений.

Недостает сведений по Горицкому р-ну (33), северо-западной части Кимрского (36), восточной части Кушалинского (38), западной части Кашинского (32), Сонковского (14), Молоковского (12), южной части Краснохолмского (13) и некоторым другим районам. Есть основания утверждать, что в этих пунктах цоканья нет. Если бы оно там хорошо сохранилось, то это было бы известно. Но в указанных местах могут наблюдаться остатки цоканья. В Теблешском и Горицком районах в недавнее время, несомненно, цокали. Однако поиски следов цоканья требуют подготовленных лиц. Студентам такое поручение было не под силу.

---

[1] В обработке материалов принимала большое участие ст. лаборант кафедры языкознания и русского языка С. Б. Бетхер.

[2] В статье ссылки на этот источник даются в сокращенном виде: „Собр. ИРЯЗ".

И все же карта, несмотря на неполноту сведений, дает достаточно яркую картину цоканья в Калининской обл. Пройдет десяток лет, исчезнут последние носители его, и мы будем лишены возможности иметь и такие, хотя бы неполные, материалы. Цоканье так быстро исчезает, в особенности после Великой Отечественной войны, что бывает трудно отыскать его следы и свидетелей, помнящих его существование.

О том, как трудно искать следы цоканья, говорит следующий факт: было известно, по материалам экспедиции 1931 г. проф. Н. М. Каринского, что в дер. Никулине (42, *48*)[1] есть цоканье. Студенческие свидетельства отрицали его, пока уроженка данного селения студентка А. Гуляева не подтвердила существование его и не сообщила имена лиц, до сих пор цокающих.

Точно так же отрицали цоканье в прошлом в Емельяновском р-не, пока ст. преподаватель кафедры А. С. Моляков, уроженец этой местности, не подтвердил его существование в недавнее время.

В анкету по собиранию материалов для цоканья были внесены пункты, предлагавшие записать песни, частушки, присловья, в которых высмеивалось или вообще осуждалось цоканье. Такого рода материалы косвенным образом могли указывать на существование в данном пункте цоканья и на его своеобразия.

Известно, что цоканье в XVIII—XIX и XX вв. вызвало большой общественный интерес. Оно подвергалось отрицательной оценке в художественной литературе. Еще в большей степени оно осуждалось представителями районов, граничащих с цоканьем. Цоканье становилось признаком „аномалии" русского языка, культурной отсталости его носителей.

История цоканья показывает, с каким трудом развивались в разговорнонародном языке северной и отчасти средней полосы нашей страны фонемы литературного языка *ц* и *ч*. Различные песни и частушки, высмеивающие цоканье, показывают, в какой

[1] Первое число обозначает номер района на карте, второе — номер селения.

степени развитие аффрикат русского языка было связано с культурным ростом народа, было процессом осознанным.

В анкету были включены слова: *подсека* (произносимые по русским говорам или как *поцце́ка* или как *потчи́ка*), *чо́лыжень (цо́ло́жень* — целина), *чиж (цеж)*, *пришотцы* (= пришедши) и др., наличие их в говоре могло указывать на существование цоканья в прошлом.

Анкета, которою пользовались студенты, не дифференцировала явлений, обозначаемых термином „цоканье": опыт показал, что недостаточно опытные наблюдатели с трудом различают в наших смешанных говорах такие звуки, как *ц* и *ц'* (мягкое), не всегда улавливают шепелявый оттенок в *ц*". Здесь было бы допущено много ошибок.

На карте применяются следующие знаки: черный кружок указывает на цоканье в данном пункте; белый — на отсутствие цоканья; кружок, половина которого закрашена черным цветом, говорит о наличии цоканья в прошлом с указаниями на беспорядочное употребление аффрикат в говоре, так как последнее также свидетельствует о бывшем цоканье; черный треугольник указывает на твердое *ч*, при различении аффрикат.

II

Карта подтверждает когда-то существовавшее присловье: „Тверитяне — цуканы". Тверской край в прошлом был краем едва ли не сплошного цоканья. Свыше 450 пунктов, разбросанных по разным районам области, говорят о существовании на ее территории этой особенности севернорусского наречия.

На севере цоканье сохраняется в Овинищенском р-не (1), составлявшем б. Весьегонский у. Эта цокающая группа зарегистрирована Б. М. и Ю. М. Соколовыми.

Цоканье уходит на север, в Уломский край, описанный С. А. Ереминым.

Сандовский р-н (2) сохраняет цоканье в центре, в так называемой „Пушка́рщине", выделявшейся в недавнее время среди соседей и особенностями быта.

В прошлом цоканье, вероятно, было распространено в Овинищенском и Сандовском районах повсюду, на что указывает и сейчас существующий *с'* и *с* дорсального образования, чуть шепелявый призвук в *ц*, местами *ч* твердый.

Лесной р-н (3) характеризуется аканьем, сейчас он свободен от цоканья. Жители утверждают, что его нет на территории всего района. Здесь мы встречаемся с полосой нецокающих говоров, которая простирается на север Удомельского р-на (4), на северо-запад Максатихинского (11) и на восточную часть Брусовского (10). Но наличие на этой территории *ч* твердого (его многие не замечают; он, как утверждают ленинградские обследователи, не достигает твердости *ч* украинского и белорусского языков) говорит о возможном цоканье здесь в прошлом. Об этом же говорит и распространенное здесь *ушотцы*.

Что касается Брусовского и Удомельского р-нов, то цоканье там сохранялось в восточной части и занимало большую территорию. В этих районах можно встретить ясные следы бывшего дзеканья, цеканья и шепелявости. Они заметны даже в языке учащихся.

В Бологовском р-не (5) цоканье отмечено только в одном пункте (14), но распространены *ч* твердый и форма *ушотцы*.

В соседнем Вышневолоцком р-не (9) цоканье встречается на юге, где, вероятно, в недавнем прошлом оно сливалось с цоканьем Спировского (17) и Новоторжского (18) районов. Здесь для выявления следов цоканья необходимо, как и во многих других районах на юге и юго-востоке, специальное обследование.

Фировский р-н (6) недостаточно обследован. В недавнее время в районе было распространено хуторское хозяйство; здесь много переселенцев из Эстонской ССР. Коренное население, как показывает карта в двух пунктах, в прошлом могло иметь цоканье.

Осташковский р-н (7) обследован относительно полнее. Цоканье хорошо сохраняется в Сосницах (*5*) и в селениях, окружающих его; остатки цоканья зарегистрированы на острове Хачине (*7*), в Заозерье (*9*), Межниках (*2*), Терехов-

щине (*1*) и в других пунктах. Жители района Березовской луки (западного отрога озера) решительно отрицали у себя цоканье в прошлом, совершенно не замечая его в языке стариков острова Хачина.

Западная окраина области — районы частично Есеновичский (8), Кировский (20), Молодотудский (21) и Оленинский (22) — имеют большие территории цоканья. Можно думать, что в недавнем прошлом цоканье было распространено на территории всех этих районов. В Есеновичском р-не цоканье сейчас встречается в западной и юго-восточной частях. В большинстве селений района оно отсутствует, и жители противопоставляют свою речь цокающей речи соседей — жителей Кировского р-на. В последнем цоканье распространено почти повсеместно, за исключением северо-западной части. По этому району мы имеем подробные замечания заочника А. И. Белозеровой с указанием, где́ цоканье сохраняется или исчезло и где́ оно появилось вновь, в связи с приливом населения из западных районов, вызванным эвакуацией.

О характере цоканья в Молодотудском р-не см. работу проф. Н. П. Гринковой.[1] Там же указана литература, относящаяся к характеристике этих говоров. Цокают „тудовляне". К ним примыкают в этом и жители северо-запада Оленинского р-на, составлявшие в прошлом одно этнографическое целое с тудовлянами.

Цоканье в Оленинском районе отмечено также в селениях, лежащих на юго-восток от железной дороги (*21, 22, 23*).

Самый юг области — Зубцовский (45), Старицкий (44) и Погорельский (46) районы — цоканья не имеет. Только на северо-западе Старицкого р-на, на левом берегу Волги, оно отмечено в пунктах *1, 3, 4, 5*. Старинное присловье о зубцовцах: „Ты чей молодеч? — Зубцовский купеч. — А где был? — В Москве по миру ходил", — высмеивающее чоканье, не нашло подтверждения в наших материалах. Наиболее чист от следов

[1] Н. П. Гринкова. Очерки по русской диалектологии. „Изв. ОРЯС", т. XXXI, стр. 308.

цоканья Погорельский р-н. На юго-запад от него лежит Карма новский р-н Смоленской обл., резко отличающийся особенностями смоленских говоров; на юго-востоке — Шаховской р-н Московской обл., который составляет одно целое с говором Погорельского р-на. Южная часть Старицкого имеет язык, общий с Погорельским.

Ржевский р-н (23) сохраняет цоканье на севере. Остается мало обследованной юго-западная часть его. Студенческие корреспонденции из Каменского р-на (*19*) в один голос отрицают наличие в нем цоканья. Но его остатки нашел В. И. Чернышев в селениях, окружающих Кувшиново (*16, 17, 18, 19, 12* и др.).

Новоторжский (18), Луковниковский (24), Высоковский (25), Медновский (26), Лихославльский (27), Калининский (42) и Емельяновский (43) районы наиболее полно обследованы; обследования дают обильный материал, характеризующий цоканье. Пережитки цоканья и воспоминания о нем хранятся, например, даже в Торжке. Цокающие деревни расположены в 3—10 км от городов (42, *14, 48*) — факт, заставляющий критически смотреть на „теорию волн".

Районы Лихославльский (27), Спировский (17), Рамешковский (29), Новокарельский (28), Козловский (16), Максатихинский (11) населены карелами. Известно, что в карельском языке имеется одна фонема *ч*. Можно было бы здесь ожидать при переходе с карельского языка на русский явлений, связанных с цоканьем. Но, как правило, карелы, переходя на русский язык, легко осваивают обе фонемы *ц* и *ч*, в то время когда русские слова, попадая в карельский язык, меняют *ц* на *ч*: *у́личча* (= улица), *тря́пиччä* (=тряпица), *ко́льча* (=кольцо), *ви́ччä* (= вица) и т. д. (Козловский р-н, сообщение студ. А. П. Ежова). См. также в Ветчине Новокарельского р-на (28, *3*): *са́харнича, блю́чче;* в дер. Горохове Назарьевского с/с: „у нас развито чоканье": *се́рча, па́льча, о́гурча, бо́льничча, пе́рчу* (= перец), *чи́рпи* (= серп), *ку́пча, ко́мсомольча, ме́льничча, я́йча, чи́гана* (студентка Гречишникова, 1946 г.).

Русское население этих районов местами сохраняет цоканье — Лихославльский (27) и Спировский (17) районы (см. деревни

Шелехово и Гришутино Новокарельского р-на (28, *2*, *8*), окруженные карельским населением).

Районы, лежащие на востоке и юго-востоке области, полны также остатков цоканья. См. Завидовский (40), Оршинский (37). Кушалинский (38). В некоторых из них цоканье сейчас отмечено в небольшом количестве пунктов, например, в Завидовском, на юго-восток от „Московского моря". Но некоторые селения этого района, сохранявшие цоканье, в связи с образованием „Московского моря", перенесены в другую зону. В Оршинском р-не (37) цоканье сейчас сохранилось только в двух деревнях, (*1*, *2*). Правда, недостаточно обследован северо-восток района.

Можно предполагать широкое распространение цоканья в в прошлом в Теблешском р-не (30). В Бежецком (15) выделяются два участка цоканья: на северо-западе и на юге. Цоканье сохраняется в наиболее древних селениях Бежецкого р-на. См. об этом диссертационную работу В. К. Ростовановой (Ленинградский Педагогический институт им. Герцена).

Что касается восточных районов нашей области — Краснохолмского (13), Кесовогорского (31), Кашинского (32), Калязинского (34), Нерльского (35), Кимрского (36), Конаковского (39), то здесь цоканье встречается на небольших участках (быв. Зайцевская вол. Нерльского р-на — 35, *3*, *4*, *5*, *10*); Калыжино, Елисеево, Желдыбино, Пунцово Кесовогорского р-на (31, *1*, *6*, *12*, *14* и др.). По другим признакам говоры этих районов сливаются с говорами западной части Ярославской обл.

Обследование Великолукской обл., как мы говорили, в отношении цоканья находится в начальной стадии. Дополняя имеющиеся материалы устными свидетельствами, можно говорить о широком распространении здесь цоканья в прошлом. Его остатки имеются в Пеновском р-не (I)[1] (большой остров „рандашёй"), Серёжинском (II), Ленинском (XIV). В последнем цоканье служит продолжением цоканья Кировского р-на (20). По свидетельству жителей Кировского р-на, цоканье здесь сильнее. В Холмском р-не (III) цоканье встречается у „островнй" —

[1] Римской нумерацией обозначены районы Великолукской обл.

так называют здесь переселенцев из быв. Островского у. Цоканья, повидимому, нет в Торопецком (XIII), Плоскошском (XII), Нелидовском (XV), Октябрьском (XVI), Куньинском (XVII) районах.

В северо-западных районах — Локнянском (XI), Ашевском (IV), Бежаницком (X), Новоржевском (V), Пушкинском (VI), Красногородском (VII) — цоканье встречается иногда на больших участках. Здесь много остатков цоканья (см. работы В. И. Чернышева по Пушкинскому р-ну). Цоканье занимает большую территорию в районе Опочки (VIII).

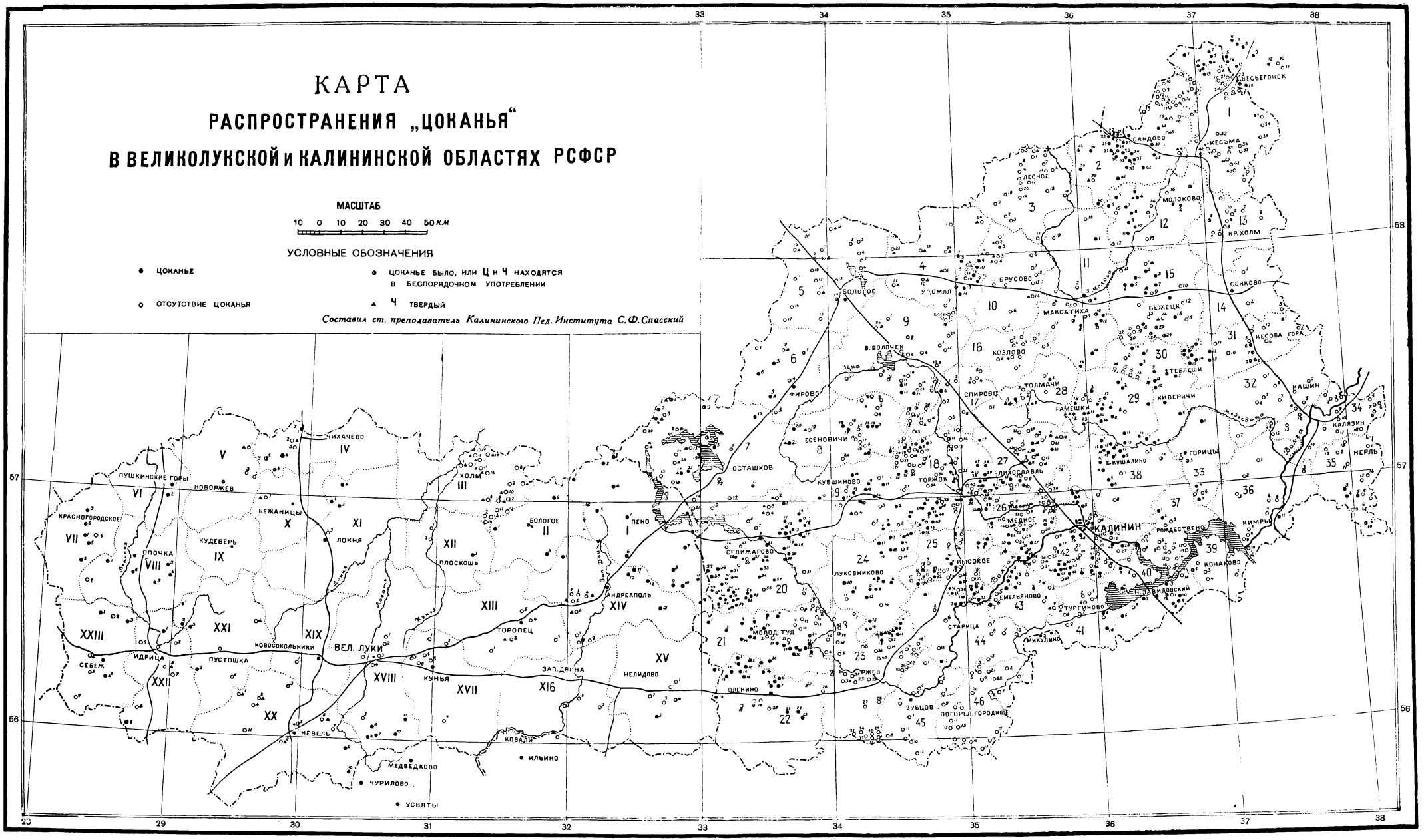
Что касается юго-западных районов этой области, то наши материалы еще меньше нового вносят в сведения о цоканье.

Цоканье играло большую роль в полемике о происхождении невельских говоров (XX).[1] Так, Н. И. Зорин, отмечая по Невельскому у. распространение в цокающей огласовке слов: *чарьство, водицка, Цупрово*, проходит мимо цоканья, указывая лишь на существование его в деревнях Дубокрайского р-на, пограничных с Белорусской ССР (там же, стр. 41). Вероятно, приведенные выше примеры являются остатками бывшего цоканья. Здесь также необходимо подробное обследование всей территории.

III

Цоканье в пределах Калининской обл. распространено главным образом в виде совпадения *ц* и *ч* в одном звуке *ц* твердом, что роднит его с новгородским цоканьем. Звук *ц'* мягкий отмечают в немногих местах: в Овинищенском р-не (1, *6*, *19*), Осташковском (7, *25*), Новоторжском (18, *62*), Рамешковском (29, *3*) и других районах. Но широкого распространения *ц'* не имеет. Значительную часть свидетельств *ц* мягкого приходится брать под сомнение, так как сообщающие приводят противоречивые факты: *доц'*, *ноц'*, но *пецка, цашка*. В мягком *ц* в Овинищенском р-не (1, *19*) не приходится сомневаться. Мягкое *ц*

[1] Н. Зорин. Вопрос об этнографическом составе населения Невельского р-на в связи с диалектическими особенностями местного говора, с данными истории края и экономическими центрами его тяготения. „Познай свой край", вып. III, Псков, 1927.

КАРТА № 3

Распространение „цоканья" в Великолукской и Калининской областях РСФСР. (Составил ст. преподаватель Калининского Педагогического ин-та С. Ф. Спасский)

употребляется непоследовательно в Калининском р-не (42, *2*), как это свидетельствует В. И. Чернышев.

Смешение *ч* и *ц* встречается в наших говорах относительно редко. Оно отмечено в Овинищенском р-не (1, *22*), Сандовском (2, *27*) Удомельском (4, *2*), Фировском (6, *4*), Максатихинском (11, *9*), Новоторжском (18, *28, 34, 37, 53, 62*), Кировском (20), Молодотудском (21, *4, 9*), Ржевском (23, *7*), Луковниковском (24, *12*), Лихославльском (27, *10*), Теблешском (30), Кушалинском (38, *1*), Калининском (42, *30, 33, 35, 42*), в Храневе (Хранилове) и Микулине Городище Московской обл. в середине прошлого века, в Опочском р-не Великолукской обл. (VIII, *4*), Локнянском (XI, 2), Великолукском (XVIII, *11*). Чоканье редко отмечается в Великолукской обл. Относительно Торжка и Новоторжского р-на В. И. Чернышев замечает, что оно типично только для деревни. А. М. Алексеева (Удомельский р-н) отмечает, что чоканье встречается только у лиц, приехавших из города. О чоканье у карел уже говорилось. Некоторые корреспонденты неточно пользуются термином „чоканье", относя к нему лишь *ч*, соответствующее этимологическому *ч* (*часто, чистый*).

О чоканье можно говорить как о явлении сравнительно позднего происхождения, возникшем в стремлении овладеть *ч* литературного языка. Чоканье в точном значении термина, т. е. существования *ч* как единой фонемы на месте этимологических *ц* и *ч*, в Калининской и Великолукской областях не отмечено. И этот факт подтверждает мысль что *ч*, смешиваемое с *ц*, в наших говорах — лишь переходная ступень к различению фонем *ц* и *ч*.

IV

Рассматривая цоканье в Калининской обл., мы отмечаем его распространение „островами", а не сплошной территорией.

В этих „островах" цоканье последовательно сохраняется в языке старшего поколения. Нередко его можно услышать в языке среднего поколения, в особенности в языке женщин. „Острова" занимают не одинаковую площадь. Иногда они ограничиваются двумя-тремя деревнями: Оршинский р-н, деревни

Анашкино, Бортниково (37, *1*, *2*); Новокарельский, деревни Шелехово и Гришутино (28, *2*, *8*) и т. д. Иногда „остров" охватывает несколько деревень, объединенных в прошлом принадлежностью одному поместью, монастырю или составлявших один приход. См., например, группу деревень около Васильевского р-на Калининской обл. (42, *1*, *2*, *3* и др.), Петровский приход того же района (42, *45* и др.) и т. д.

Наречие этих „островов" настолько отличается от соседних селений, что жители селений, окружающих этот остров, высмеивают цокальщиков, давая им прозвища: „бóртниковские цацáи" (37, *2*); „рядовские цавóкалы" (4, *10*); „алáбузские цавокалки" (15, *7*); „замыцкие цаёвники" (29, *13*); „цирки", „чирки", „цирухи" (35, *3*); „цвокалы" (15, *2*); „чокальщики" (18, *53*).

Реже цоканье распространяется на широкой территории, как, например, в Опочском р-не Великолукской обл.

Бóльшая часть таких цокающих „островов" и отдельных обособленных от соседей селений в прошлом принадлежала монастырям, преимущественно Троице-Сергиеву. Вот их перечень: 1, *1*, *13*; 7, *17*, 9, *21*; 11, *3*; 15, *15*, *16*; 18, *38*, *40*, *53*, *54*; 20, *15*, *21*; 24, *6*; 25, *9*, *27*, *35*; 26, *10*; 27, *10*, *17*; 29, *5*, *7*, *12*, *13*, *18*; 30, *2*, *6*, *7*; 31, *1*, *6*, *12*; 42, *10*, *30*, *35*; 43, *10*; 44, *3*, *4*, *5*, *8*; XXI, 1. В меньшем количестве такие „острова" принадлежали помещикам. К сожалению, корреспонденты не указывают, кому в прошлом принадлежало данное селение.

Список бывш. барских деревень, цокающих и сейчас, значительно меньший, хотя и он, конечно, неполный: 9, *7*; 10, *9*; 12, *2*; 13, *29*, *34*; 21, *7*; 24, *13*; 25, *23*, *24*, *30*; 31, *14*; 33, *3*; 38, *9*; 40, *2*, *8*, *45*; 8, *7*.

В некоторых районах деление цокающих и нецокающих на монастырские и барские проводится последовательно. См., например, Калининский, Высоковский и другие районы. Цокающие деревни, окружающие Калинин, все были, повидимому, монастырскими. В некоторых случаях различие здесь усиливается еще одним признаком: цокающие окают, нецокающие — акают. Это различие прослеживается на юго-восток и восток от г. Калинина.

На юг от г. Калинина расположен Щербинский с. с. На территории этого сельсовета наблюдается аканье; в прошлом селения его — барские. С ним граничат монастырские селения — Спас-Погост, Бакшеево и др. Селения в этом районе принадлежали крупным монастырям, некоторые из них были патриаршими.

Что касается помещичьих деревень, сохраняющих цоканье, то нередко среди них мы находим такие, которые в прошлом принадлежали родовым и знатным фамилиям с крупным поместным хозяйством. См. „пушкарей" (2, *20* и др.), принадлежавших Мусиным-Пушкиным, „урусовщину" (18, *4* и др.), „голованщину" (18, *34*), „троекуровщину" (23, *22*)[1], „орловщину" (15, *9*).

Естественно предполагать, что монастырские и старые барские вотчинные владения — наиболее древние поселения нашего края. О других нецокающих селениях этих районов можно говорить как о пунктах, население которых позднее проникало в пределы Тверского края. Оно могло появиться здесь после падения Тверского княжества, когда новые владельцы, верные московскому царю и надежный его оплот, переводили на тверские земли население других районов. Большие изменения в составе населения Тверского края произошли в период польско-шведской интервенции. Край был опустошен и обезлюден. Именно с этого времени в Тверской край начинается прилив карел с севера, заселивших большую площадь к северу от г. Калинина.

В ряде мест различие в языке барских и монастырских крестьян могло создаться в более позднее время, во вторую половину XVIII и первую XIX вв. в соответствии с дифференциацией экономического и культурного уклада монастырской и барской вотчин.

Монастырская вотчина дольше сохраняла старый средневековый облик. Барские же поместья б. Тверской губ.,

[1] В „троекуровщине" цоканья не отмечено, но появление *ш'* вместо *ч'* (ш'йстый) говорит о цоканье в прошлом.

расположенной между двумя столицами, легче поддавались их влиянию.

Но особое действие на язык крестьянина, принадлежавшего помещику, оказывало отходничество, в котором был заинтересован мелкопоместный дворянин. Попадая в город, крестьянин оказывался в иной языковой среде и, естественно, испытывал на себе ее влияние.

Учитель русского языка Я. П. Козлов, уроженец Высоковского р-на, хорошо изучивший его историю, указывает на раннее развитие отходничества именно в барских поместьях.

Новое в положении говоров было внесено реформой 1861 г. Отходничество получило еще большее распространение, усиливаясь там, где земля и местные промыслы не могли обеспечить крестьянам прожиточного минимума. С середины XIX в. развивается текстильная промышленность в Твери, привлекая к себе рабочую силу из районов, наименее обеспеченных землей. В это время могли стираться языковые различия между барскими и монастырскими крестьянами. Так, например, на текстильные фабрики г. Калинина шли крестьяне главным образом селений, лежащих на юго-запад и на запад от города, причем крестьяне не порывали связей с хозяйством, получая возможность летом отлучаться с фабрики на неделю-две, чтобы участвовать в сенокосе и других сельскохозяйственных работах. Родственные отношения с деревней поддерживали даже „потомственные текстильщики“ — второе и третье поколения рабочих. В деревнях, так тесно связанных с городом, цоканье исчезло.

Иное мы видим, например, в селах Фёдове, Черной Грязи, Ниве и др. Вышневолоцкого р-на, где, вследствие развития горшечного промысла, не было отходничества. Это обстоятельство сказалось на сохранности цоканья. В с. Васильевском и деревнях, окружающих его, в первую половину XIX в., до проведения Октябрьской жел. дороги, был сильно развит, как и в некоторых районах г. Калинина, кузнечный промысел, обеспечивавший кузнечными поделками транспорт Вышневолоцкой водной системы. Проведение железной дороги Москва — Петербург сильно подорвало кузнечное дело. Развился допол-

нительный промысел — торговля „клочка́ми“ — остатками тканей текстильных фабрик. Но большого влияния на культуру деревни этот промысел не имел, и в Васильевске во второй половине XIX в. сохранялось цоканье, дзеканье и шепелявость. То же самое можно наблюдать в говоре деревень, расположенных у самого г. Калинина. Там, где развивалось огородничество и земледелие оставалось попрежнему главным занятием, там сохранялось цоканье (дер. Никулино, в 5 км от г. Калинина).

На языковые изменения мог оказывать влияние и характер отходничества. Так, жители Емельянова сначала ходили „капо́рками“ на огородные работы в Москву. Цоканье утрачивалось медленно. Но оно быстро исчезло, когда развилось отходничество в Петербург в качестве печников и вообще строителей.

Отходники принесли в деревню и отрицательное отношение к цоканью; если же такое отношение к нему уже было в соседних нецокающих селениях, они могли его усилить. Бросается в глаза однообразие и повторяемость с небольшими вариантами одних и тех же частушек и присловий. См. примеры: 18, *8*; 21, *7*; IX, *4*; XVIII, *8*. Иногда они приурочиваются к определенному селению: Карамышево (2, *35*), Скорынево (15, *18*), Сувидово (20, *44*), Холмец, Рогалёво (22, *2*), Цевло (XI, *4*). Но и в данном случае название деревни помещается в общераспространенный текст.

Интересно, что частушки и присловья, высмеивающие цоканье, могли распространяться далеко за пределы цоканья, там, где о цоканье имелись смутные представления. Так, в брошюре „Частушка-эхо“ (Весьегонск, 1924) приводятся подобного рода частушки Весьегонского у.:

Милый мой, часы у их,
Погляди, который час.
Дорогая, не часы:
Одна цепоцка для красы
(стр. 14).

При этом автор брошюры замечает, что частушки высмеивают „намеренное цоканье“, т. е. цоканье в них „для усиления юмора“. По словам автора, в Весьегонском у. цоканья

нет, частушками же „поддразнивают молодцов Череповецкого у., доныне цокающих".

Таким образом, современное распределение цоканья на карте Калининской обл. отражает весьма сложный исторический процесс. Оно отразило древнейшие особенности феодальной эпохи, в образовании „островов" сказалась дифференциация между монастырским и барским владениями; еще бóльшую роль здесь сыграло развитие отходничества после реформы 1861 г.

V

Наряду с цоканьем в виде „островов", лежащих на территории Калининской обл., мы находим остатки былого цоканья чуть ли не на всей территории области. Местным жителям они не заметны, да и посторонним наблюдателем не сразу воспринимаются на слух. Эти остатки проявляются в отдельных словах, чаще диалектного происхождения, или в особенностях звуков переднеязычного (нёбнозубного) образования.

К таким отражениям прежде всего следует отнести *ч* твердый. В литературе установилось обыкновение считать его именно остатком цоканья. Впрочем для Калининской обл. это положение приходится принимать с оговоркой. Великолукская обл. в своей южной половине и самый юго-запад Калининской обл. имеют *ч* твердое, однотипное *ч* смоленского говора, белорусского и украинского языков. Его происхождение иное.

Ч твердый, связанный с бывшим цоканьем, отмечается в районах: Овинищенском (1, *13*), Сандовском (2, *39*, *46*), Лесном (3, *3*), Удомельском (4, *8*, *10*, *22*, *23*, *24*, *25*, *26*), Бологовском (5, *18*), Брусовском (10, *2*, *4*, *14*). Основываясь на непосредственных наблюдениях, можно утверждать, что *ч* твердый в этих районах широко распространен. *Ч* твердый отмечен в Фировском р-не (6, *2*, *6*), Осташковском (7, *1*, *4*), Есеновском (8, *8*, *27*), Вышневолоцком (9, *10*, *26*), Максатихинском (11, *18*), Бежецком (15, *1*), Спировском (17, *11*), Новоторжском (18, *15*, *36*), Каменском (19, *12*), Ржевском (23, *7*), Медновском (26, *29*), Рамешковском (29, *12*, *15*), Кали-

нинском (42, *20*). В Великолукской обл. укажем, не называя районы, следующие пункты: — III, *4*, *5*, *6*, *7*, *8*, *9*, *10*, *11*, *12*, *13*, *14*, *15*, *16*, *17*, *18*, *19*, *20*; IV, *3*; X, *1*; XIII, *1*, *2*, *4*; XIV, *2*, *4*; XV, *2*; XVI, 2; XVIII, *11*; XX, *1*, *2*, *5*, *6*, *8*; XXII, *3*, *7*; XXIII, *4*; XXIV, *1*.

Наблюдать *ч* твердый трудно. Он в некоторых местах не всегда устойчив. Так, например, в Терехóвщине Осташковского р-на (*7*, *1*) *ч* твердый наблюдается главным образом в речи старух. Твердость его не постоянна: в устах одного лица она заметнее перед гласными заднего ряда, на конце слов и перед твердыми согласными. Некоторое влияние на твердость *ч* мог оказывать и предшествующий *ч* согласный, например — губной (*стапчý*).

Ч может иметь различную степень твердости в отдельных селениях. Так, двигаясь от Торопца к Холму, на север, все легче улавливаешь твердость этого звука.

Упомянем ленинградских обследователей, настойчиво подчеркивающих, что твердость *ч* в обследуемых ими селениях не достигает твердости *ч* украинского и белорусского языков (4, *8*, *22*, *23*, *24*, *26*; 5, *18*, *19*, *20*; 6, *5*, *7*).

Развитие твердого *ч* ведет к некоторому усилению в нем фрикативного элемента (*ш*). Преподаватель кафедры языкознания и русского языка Калининского Педагогического института А. А. Белова, обследуя дер. Филино и другие деревни Каменского с. с. Холмского р-на, обозначает такой *ч* буквами *тш*: *тшаго*, *натшáли*, *фтшара*, *тшасы́*, *тшайник*, *катшыны́*, *пятшýрка* и т. д. Заочница С. Л. Дружинина его же обозначает буквам *чш*: *чшугýн*, *вочшáн* (37, *2*).

Другим рефлексом былого цоканья является разложение аффрикат. Оно может сводиться к утрате одного из элементов: взрывного или фрикативного. В наших говорах наблюдается утрата фрикативного: *атéт* (Осташковский р-н), *клют'* (Новоторжский р-н), *катя̀н* (кочан) (Осташковский р-н), *лисúтка* (Ржевский р-н), *немет* (Новоторжский р-н), *брáтит ты мой* (около Селижарова, Тр. МДК, вып. III, стр. 139), *натнёт* (Застолбье, Кушалинский р-н). См. подобное в Пушкин-

ском р-не: *атет* (=отец), *братет*, *царевит*, *пет* (=печь), *бет* (бечь), *дот* и *доть*, *жилет* (= жилец), *красавит* (= красавец), *натнут* (=начнут), *кирпить*, *датники* и т. д.[1]

Лица, отмечающие такое *т*, обычно не останавливаются на его характеристике. По непосредственным наблюдениям, оно отличается от литературного *т* ослабленным взрывом.

Появление *т* на месте *ч* распространено на широкой площади. Если оно мало известно, то это объясняется недостаточной наблюдательностью и опытностью корреспондентов.

Реже мы наблюдаем утрату взрывного элемента аффриката *ч*,—на его месте развивается *ш'*, иногда слышен ослабленный элемент *т — тш*; *фш'ерáс'*, *паш'и́нкъ* (= починка), *свéш'ка* (= свечка), *дáш'ники* — Осташковский р-н, *уш'éние* (= ученье) — Калининский р-н, *знатш'ене* (= значение) — Невельский р-н: „*необыш'áйное приклюш'éние, на дáш'е, наш'áли*“ (дер. Суходол Сандовского р-на, 1947); *ч* заменяется чуть ли не во всех случаях *ш'*: *ши́стый*, *шисло́*“ (Б. Карпово Ржевского р-на — 23, *22*); *ш'орт*, в таких *слушáях* (Молодотудский р-н — 21, *7*). Последовательнее это явление наблюдается в Нелидовском р-не Великолукской области и Оленинском р-не Калининской обл. Впрочем, сами жители этих районов, в том числе и наблюдатели, этой особенности в своем языке не замечают.

VI

Косвенным указанием на бывшее цоканье являются своеобразия в произношении некоторых слов.

В пределах Калининской обл. распространено образование *ушóдцы* вместо ожидаемого *ушедчи*. Оно встречается в Сандовском, Бежецком, Горицком, Рамешковском, Калининском, Ржевском, Оленинском, Высоковском, Лихославльском, Новоторжском, Каменском, Есеновичском, Осташковском, Фировском, Бологовском, Вышневолоцком, Спировском, Козловском, Максатихинском, Брусовском, Лесном, Удомельском районах. В Великолукской обл. это образование отмечается в северных районах: Пеновском, Ленинском, Пушкинском. Таким образом,

[1] В. И. Чернышев. Сб. „Язык и мышление“, вып. VI — VII, стр. 112.

ушотцы встречается в центре и на севере обеих областей, где цоканье сохранилось с наибольшей полнотой и сейчас.

Появление *ц* в форме *ушотцы* иногда объясняют влиянием форм *смеятца* (= смеяться) и *смеётца* (= смеется). Едва ли это так. *Ушотцы* распространено в таких районах, где аффикс *-ся* сохраняет мягкость: *смеюсь, смеялся, смеялси.* Что касается сходства *ушотцы* с формой 3-го лица *смеётца*, то между ними все же имеется различие: аффикс *са* здесь часто сохраняет конечный *а*. Большое различие между этими формами в грамматическом отношении: *ушотцы* имеет формы управления, в то время как *смеётца* = непереходный глагол; *ушотцы* обозначает прошедшее время. Наконец, как мы уже говорили, *ушотцы* распространено в районах, где и сейчас сохраняется цоканье или где оно, как можно предполагать, имело место.

На юго-востоке области распространено *он ушел*; на западе может встретиться — *он ушолшы*. На север от Калинина распространение *он ушотцы* ограничивает образование — *он ушовшы*.

Из слов, в той или иной степени отражающих цоканье, обращают на себя внимание — *чело́, целыжень, цеж.*

В них мы часто не находим этимологических *ц* и *ч*. К сожалению, сведения о распространении этих слов оказались неполными, и вынести их на карту не представлялось возможным. Все же они вызывают некоторые замечания.

Слово *очеп* (= шест, на котором качается люлька; коромысло у колодезного журавля) в восточных районах области может встретиться со звуком *ц*: *оцеп* (3, *3*; 4, *5*; 9, *21* и т. д.). Слово распространено не повсеместно, на западе оно ограничено в распространении. В Холмском и Торопецком районах в этом значении употребляется слово *зыбка* (на ней колеблется люлька). „Зыбка" может быть в виде шеста или в виде пружины.

Слово *целыжень* (*-целина*), соответствующее древнерусскому *целизна́* („Яко цѣлизною и тръниемь будет вся земля")[1]

[1] Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка.

и современному — *целина*, в ряде районов распространено со звуком *ч*: *чёложень*, *челыжень* — Брусовский (10), Новоторжский (18), Луковниковский (24) районы.

Древнерусское *цеж* — раствор муки для киселя („И повеле женам створити цежь, в нем же варят кисель, и веле ископати колодязь, и встави тамо кадь, и нальяти цежа кадь". Пов. врем. лет. 6505 г.) — со звуком *ц* отмечено на юге области, но чаще оно встречается с *ч* — *чиж*: Новоторжский р-н — (18, *1*); Ржевский *23*, *29*; Луковниковский 24, *6*; Зубцовский (Каргашино), Калининский (Пречисто-Каменское, Завражье), Старицкий (Красное Красновского с. с. — 44, *1*) и др. Ср. у карел — *киж* (Горохово Новокарельского р-на).

Чело у печи иногда назовут *цело* (5, *5*, *8*). Такое произношение зарегистрировано на востоке области, но большего распространения оно, вероятно, достигает на севере Ярославской области. Не восходит ли *цыркун* (кузнечик) к первоначальному *чиркун*. В таком звучании оно отмечено в Новоторжском р-не (18, *24*) и Емельяновском. У Даля оно значится — „южн. и запад.", тогда как с *ч* отмечено как тверское и новгородское.

Широкое распространение следов цоканья говорит о том, что под „островами" цоканья, образовавшимися в сравнительно позднее время, лежит более древний пласт цоканья. В литературе настойчиво утверждается, что цоканье когда-то было распространено по всей территории Калининской обл. Оно заходило на территорию Смоленской обл. и Белорусской ССР. На востоке оно проникало на территорию древней Суздальщины, в Ярославскую, Костромскую, Владимирскую и другие области. Остатки цоканья и сейчас там отмечаются. См. велижское цоканье в Смоленской обл.; цоканье в Клинском р-не Московской обл., на восток от ст. Решетниково, в Листвянах около Мамонтовки Ярославской ж. д., под Москвой. В пределах Ярославской обл., цоканье встречается у восточной границы Кашинского р-на. Может быть, эти „острова" давнего происхождения и в этом отношении тождественны с архаическим типом цоканья Калининской обл.

VII

Цоканье Калининской обл. по своему характеру относится к западному типу, отличаясь от восточного *ц* твердым. Восточный тип характеризуется *ц* мягким (вологодско-архангельский тип) или *ч* на месте этимологических *ц* и *ч* („чоканьем"). Разложение аффрикаты, насколько известно встречающееся также на востоке, проявляется в утрате взрывного элемента у *ц* (*сарай*, *сарь* и т. д.). Это явление объясняют иноязычным влиянием, что, вероятно, не всегда правильно. См., например, возможность подобного рода образований в слове *цвет* в Ярославской и других областях; при западном: *цветы цветут* (Калининская и др. области), на востоке распространено: *светы светут*.

Одной из особенностей западного цоканья является его связь с цеканьем. В ряде пунктов в архаических говорах цоканье существовало наряду с дзеканьем и цеканьем. Последние отмечены в таких пунктах: в Ведном Кушалинского р-на (38, *2*) в 40-х годах XIX в., в Кушалине (38, *10*) в 1848 г.; в Васильевском Калининского р-на (42, *2*), Н.-Семеновском Калининского р-на (42, *28*), в Кошелеве Кашинского у. (1855), у теблешан,[1] у тудовлян,[2] в селениях на восток от г. Калинина.[3] По непосредственным наблюдениям дзеканье и цеканье, сопровождаемые цоканьем, отмечены в ряде мест Медновского р-на, в южной его части. Эту особенность можно заметить в языке стариков Удомельского р-на. Цеканье когда-то проникало и в пределы Ярославской обл.: „сицкари" на Мологе, „пошехонцы" на севере Пошехонского у.[4]

Цоканье и цеканье на слух не всегда различимы, в особенности когда *ц* мягкое. В говорах в прошлом *т'* и *ц'* могли

---

[1] С. А. Еремин. О теблешанах. „Изв. Гос. рус. геогр. общ.", т. LIX, вып. 1, 1917, стр. 30.

[2] „Этнографический сборник", вып. 1, стр. 238, статья Разумихина.

[3] Там же, стр. 183, статья Лебедева.

[4] А. И. Соболевский ссылается на Даля, утверждавшего, что дзеканье слышится в Череповецком у. А. И. Соболевский. Очерк русской диалектологии. „Жив. старина", 1892, вып. II, стр. 18.

совпадать в одном звуке *ц'*. Наблюдатели нередко обозначают $т^{с'}$ буквой *ц*: *оцец* (=отец) (XXIII, *б*); *цяцинка* (42, *2*), *мерцвец·*$т^{с'}$, отождествившись с *ц'*, подвергся, как и *ц*, отвердению. Так, студент Луньков в с. Васильевском Калининского р-на (42, *2*) отмечает *сцако́лышко* (=стеколышко). Этот пример говорит о давнем сочетании цеканья и цоканья, до отвердения *ц*.

При развитии чоканья, *ч* могло появиться и на месте $т^{с'}$. Такие образования мы находим в нескольких записях: по Осташковскому р-ну — *слечи* (=слезти), *чво́рдый*, *по́рточут*, *пусч'а́к* (Тереховщина, Машугина гора, Межники); по Калининскому р-ну — в с. Васильевском: с *чич'ками* (с титьками); по Новоторжскому р-ну (в с. Будове (18, *11*): *тчетче* (=тете), *Авдотче*, *поставче*, *мостчину*. Такие факты см. у Березайского в „Анекдотах. . . старых пошехонцев" (Изд. 1863 г., стр. 96), *робячи* (стр. 137).

Таким образом, цоканье и цеканье в отдельных западных говорах были связаны между собою. Утрата их приводила к одним результатам: $т^{с'}$ переходил в *т*; *ц'* и *ч'*, утрачивая фрикативный элемент, переходили также в *т*: *не́мет*, *клют'* и т. д.

Появление *ч* на месте *т* (*Авдотче*), недостаточное развитие взрывного элемента в *ч* (*ш'асто*) отражают сложный процесс освоения этого звука и убеждают в том, что в движении от одной фонемы *ц'* к двум — *ц* и *ч*, *ц'* и *т* — в ряде западных говоров отождествлялись.

Развитие аффрикат *ц* и *ч* и, с другой стороны, — распад $т^{с'}$ и $д^{з'}$ захватывали ряд сродных звуковых сочетаний: *ст'* и *зд'*, и в них мог утрачиваться взрывной компонент. Примеры утраты взрывного элемента в этих сочетаниях обильны, и встречается это явление в говорах, где есть или можно предполагать в прошлом цеканье, дзеканье и цоканье. См. примеры в материалах Холмской экспедиции 1946 г.: *На́сся* (=Настя), *Ко́сся* (=Костя), *дь амни́ссии* (=до амнистии), *атпусси́ли* (=отпустили), *ссяко́л* (=стекол), с *кисся́м* (=кистями) и т. д. См. также: *зэ́ълъл* (=сделал) — Филино, Каменского с. с., Холмского р-на. В этих районах отмечается *ч* твердый и следы дзеканья и цеканья.

Подобное отмечено и в других местах: *вез̇з̇е́* (=везде), *вы́расс̇я* (=вырастет) — Высоково Опочского р-на, где и сейчас цоканье (сообщил заочник М. И. Калинин); *распуссила* (Идрицкий р-н), *з'з'елъла* (=сделала) — Медновский р-н, *лъдажжи'* (=подожди) — Емельяновский р-н. Непосредственные наблюдения говорят, что это явление широко и последовательно распространено в пределах Великолукской обл.

Воспоминанием об аффрикатах *дз'*, *тс'* является сочетание *с'т'*, *з'д'*, развившиеся на месте этих аффрикат в таких словах, как: *под бурздину* (=под бурди́ну) — Осташковский р-н, дер. Межники; *голыздьба* — Калининский р-н, Васильевское; и, может быть, *жерс'т'* — *же́рзди* — во многих районах, примыкающих к г. Калинину.

VIII

Возникновение цоканья предполагает общий звук, в котором не различаются *ц'* и *ч'* — *ц'* шепелявое.[1] Однако этому звуку естественнее появиться в говорах, имеющих шепелявость. Шепелявость действительно существует в современных цокающих говорах. Наблюдатели не всегда обращают на нее достаточное внимание. Так, она есть в говорах Вологодско-Кировской группы: шепелявы не только *з'* и *с'* мягкие, но и *з* и *с* твердые.

Существует теория возникновения цоканья, по которой цоканье развилось в результате скрещения севернорусских говоров с финскими языками, в последних отсутствует фонема *ц*. Но финские языки имеют шепелявые звуки: представители коми, карелы, говоря по-русски, сильно шепелявят.

О связи цокающих говоров с западными шепелявыми и о возникновении цоканья под действием ляшских говоров см. у Шахматова.[2] Шепелявость сильно развита в белорусском языке, в смоленских говорах. В псковских она была, сохраняется и сейчас, всё же заметно исчезая.

---

[1] А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка, 1905, стр. 317.

[2] Там же, стр. 318 и сл.

Можно думать, что шепелявость в прошлом имела распространение в Калининской обл. Остатки ее автор наблюдал в архаических говорах Осташковского и Удомельского районов. Его отмечали у тудовлян,[1] у теблешан,[2] у Васильевских кузнецов (Калининский р-н).

Шепелявость не только способствовала развитию цоканья, но и обусловливала позднее связь дзеканья с цоканьем. Отражение шепелявости на аффрикате *дз* видно в примерах, записанных студентом Луньковым в с. Васильевском Калининского р-на: *дживи́зия* (= дивизия), *дже́ла* (= дело).

Что же касается связи цеканья с цоканьем, то мы видели ее в появлении *ч* не только на месте *ц*, но и $т^{с'}$: *тчетче* (= тете) и др.

Связь цеканья и цоканья с шепелявостью видна в процессах, рассмотренных выше, в том, например, что при разложении сочетаний *ст* может получиться $\overline{ш}'$: *мош' ш' и́на* (= мостина) — Медновский р-н, дер. Шернево (26, *28*), *ш' ш' е́р'ва* (= стерва). Около г. Калинина формой 2-го л. ед. ч. с аффиксом *-ся* является образование *-стя*: *смеёстя*, на юго-западе Калининского р-на и на севере Тургиновского из этого образования развивается *ш'ш'*: *смијо́ш'ш'а*, *д'ир'о́ш'ш'а* и т. д.

Таким образом, цоканье в Калининской и Великолукской областях, будучи тесно связано с цоканьем новгородского типа, имело в отдельных говорах своеобразие, порожденное его близостью к переднеязычным $т^{с'}$, $д^{з'}$, $с^{ш'}$ и $з^{ж'}$.

К сожалению, анкетное обследование цоканья не дает достаточных материалов для изучения этих особенностей. Требуется специальное изучение их. Все, что по этому поводу здесь говорится, носит характер постановки вопроса. Одно несомненно: история развития цоканья на территории Калининской обл. может быть изучена только в связи со всей системой переднеязычных согласных.

---

[1] Н. П. Гринкова. Ук. соч., стр. 310.

[2] С. А. Еремин. Ук. соч., стр. 34.

IX

В заключение необходимо еще раз указать на те особенности цоканья Калининской обл., которые объясняют картину его на прилагаемой карте.

1. Цоканье в нашей области неустойчиво в своих частных признаках. Самые признаки, оставшиеся в языке в виде пережитков, очень разнообразны и колеблются в пределах одного и того же говора. Они никак не сравнимы с *ц* мягким вологодско-кировского типа и „чоканьем" тех же районов. Выносить на карту эти неустойчивые черты цоканья не следует, о них можно говорить лишь в примечаниях.

2. Цоканье в Калининской обл. развивалось под различными влияниями, в нем отслоились особенности разных эпох. Таким образом, то, что мы обычно называем цоканьем, является крайне сложным образованием. Карта лишь регистрирует самый факт цоканья, качественной же характеристики цоканья на территории области она не может дать.

3. Когда-то цоканье полагалось в основу деления севернорусских говоров на цокающие и нецокающие. Попытку провести границу между этими говорами см., например, в I томе „России" под ред. Семенова (СПб., 1899) на карте № 5. Говоры Калининской обл. в своей большей части на этой карте отнесены к цокающей группе. Исторически это верно, но для XIX и XX вв. это было уже ошибкой. Калининские говоры на своей территории имели или остатки цоканья на широкой площади, или только „острова" цоканья. Почти вся территория области составляла южную границу цоканья. Если бы ее можно было представить изоглоссой, то она имела бы своеобразный характер. Это не узкая линия, разделяющая разнородные явления, но широкая полоса различных языковых фактов, связанных с развитием нёбнозубных согласных, в том числе с развитием звуков *ц* и *ч*, — фактов, нередко не поддающихся территориальному приурочению или требующих особых обозначений, не согласующихся с нашими обычными представлениями изоглоссы.

ПРИЛОЖЕНИЕ[1]

ПЕРЕЧЕНЬ ОБСЛЕДОВАННЫХ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ

I. КАЛИНИНСКАЯ ОБЛ.

1. Овинищенский р-н

1. Пореево — цоканье у стариков: *На пе́цке, на пецке, на жёрдоцке, я ударила котёноцка по мордоцке.* У молодежи появляется звук ч. Монастырские. Студ. З. А. Романова, 1944.

2. Никулино (Ники́лово) — цокают; чоканья нет; см. 1.[2] Б. и Ю. Соколовы, 1909 (Тр. МДК, вып. II, стр. 150).

3. Лекма́ — цоканье у старых; см. 1, 2.

4. Слуды — цоканье у старых; см. 1.

5. Бор — цоканье; см. 22.

6. Игнатьево — цоканье: *„Овецка, овця вывела на волю молодця. Есть коровушка да ку́роцка, состряпает и дуроцка. Не скажу, цово не надо, не скажу, цово к цому. Я любила ягодиноцку, и он меня любил, фотографицескую картоцку на память подарил.“* „Цавокают“. Студ. З. Н. Федорова, 1939.[3]

7. Николо-Раменье — цоканье; см. 6.

8. Сковятино (за р. Мологой) — „цавокают“. Студ. З. Н. Федорова, 1937.

9. Чуди — цоканье; см. 6.

10. Петряево — нет; см. 2.

11. Б. Двор — нет; см. 2.

12. Ягницы — цоканье; см. 6, 8.

13. Пленишник Уломского с. с. — „цавокают“; см. 8; *овца, кольцо, чыстый, чысло; он ушёдцы.* Экономические. Студ. А. Князева, 1941.

14. Ваучи (Вауч) — цоканье; см. 6.

---

[1] Терминами — „барские“, „монастырские“, „экономические“, „государственные“, „вольные“, „свободные“ — корреспонденты отмечают социальное положение крестьян до реформы 1861 г.

[2] Ссылка на другой § (напр.: „см. 1“) указывает на дополнительные сведения, относящиеся к данному пункту: на автора, дату обследования и пр.

[3] Транскрипция в сообщениях корреспондентов часто нарушается орфографической записью.

15. Перемут-Мышкино — *ч* твердый. Б. и Ю. Соколовы, 1909 (Тр. МДК, вып. II, стр. 159).

16. Федотово — цоканье; см. 1.

17. Раменье — цоканье; см. 2.

18. Стрелицы — цоканье; см. 2.

19. Шарицы — цоканье; *ц*-мягкий (*цясы*). На северо-западе от Весьегонска цокающие деревни встречаются уже в Устюжском крае.

Полный перечень цокающих и нецокающих селений см.: Б. и Ю. Соколовы. Отчет о поездке в Весьегонский у. Тверской губ. летом 1909 г. (Тр. МДК, вып. II, стр. 149—151).

20. Самуйлово — *ц* и *ч*. Заочн. М. В. Караганов, 1945. «Цоканья нет. Говорят одну фразу и то иронически: „цашку цаю с огурцом". Так у нас не говорят». Студ. Н. П. Максина, 1937.

21. Дели — *ц* и *ч*. Заочн. М. В. Караганов, 1945.

22. Весьегонск — „мена мягкого *ц* и *ч* *(швечю, франчюз)*". (См. „Живая старина", 1893, II; Соболевский. Опыт русской диалектологии. СПб., 1897, стр. 46). „Цоканья нет. Встречается у приехавших из Вологодской губ. и из других мест к востоку и северу. Цоканье на севере начинается с дер. Бор, в 10 км от Весьегонска. Чокают деревни: Орлец, Харламовское, Мининское, Грязливец. За этими деревнями начинается цоканье в деревнях: Часово, Воротихово Уломского р-на Вологодской губ. Скажут: *он ушёдцы, он ушёдца.*" Студ. Н. П. Стрелкова и Башарова, 1944.

23. Кремнево — *ц* и *ч*. Студ. З. А. Романова, 1944.

24. Новинки — *ц* и *ч*.

25. Бараново — *ц* и *ч*; см. 23.

26. Живни — *ц* и *ч*; см. 20.

27. Горка — *ц* и *ч*; см. 23.

28. Глинское — цавокают; см. 6.

29. Раменское — цоканье; см. 1.

30. Михалёво — „Остатки цоканья в речи стариков: *цас, пецка*". Заочн. Т. Н. Громова, 1940.

31. Пашково — *ц* и *ч*. Учит. М. А. Садовникова. 1945.

32. Чернецкое — *ц* и *ч*; см. 31.

33. Противье — *ц* и *ч*; см. 31.

34. Ещево-Иван — Погосского с. с. — *ц* и *ч*. Барские. Заочн. Т. В. Матина, 1946.

35. Ильинское — *ц* и *ч*; см. 31.

36. Губачево — *ц* и *ч*; см. 31. Студ. Д. Вознесенская, 1939 (Собр. ИРЯЗ).

37. Остолпово — *ц* и *ч*; см. 31.

38. Петряево — *ц* и *ч*; см. 31.

39. Лабазниково — *ц* и *ч*; см. 31.

40. Миньево — ц и ч; см. 31.
41. Новоселки — ц и ч; см. 31.
42. Осташково — ц и ч; см. 31.
43. Поповка — ц и ч; см. 31.
44. Васильки — указаний на цоканье в Васильковском с. с. нет. Заочн. В. С. Воинов, 1935.
45. Михалевский с. с. — ц и ч; см. 44.
46. Пнёво — ц и ч. М. Д. Ворошилова, 1938 (Собр. ИРЯЗ).
47. Кесьма — ц и ч. М. Садовникова.

2. Сандовский р-н

1. Старое (Старово) — ц и ч; ч—твердый. Б. и Ю. Соколовы, 1909 (Тр. МДК, вып. II, стр. 149—150).
2. Стрекачево — ц и ч; см. 1.
3. Григорово — ц и ч; см. 1.
4. Кишкино́, Никулино — ц и ч; см. 1.
5. Нико́ло-Рени — ц и ч; см. 1.
6. Морочиха — ц и ч; см. 1.
7. Попо́во — ц и ч; см. 1.
7а. Бате́евка (Ботеево) — ц и ч; см. 1.
8. Щ е́кино — ц и ч; см. 1.
9. Зва́но — ц и ч; см. 1.
10. Воскресенье — ц и ч; см. 1.
11. Большой Дор — ц и ч; см. 1.
12. Козлы́ — ц и ч; см. 1.
13. Обла́зино — ц и ч; см. 1.
14. Бородино, Вольницыно — ц и ч; см. 1.
15. По́дберечь — ц и ч; см. 1.
16. Любе́гощь — ц и ч; см. 1.
17. Не́стерово — ц и ч; см. 1.
18. Алфе́рово — ц и ч; см. 1.
19. Ескино́ — ц и ч; ч — твердый; см. 1. Б. и Ю. Соколовы, 1909 (Тр. МДК, вып. II, стр. 157).
20. Глебени — цоканье. *Цайницок, цашоцка, ложецка, кружоцка, овецка, водицка, сыноцык, пецка.* Одна из старух вспоминала старую песню: *„Эй, цайницки, рукомойницки, это наши идут полюбовницки“.* Здесь была вотчина Мусина-Пушкина. Жителей называют „пушкарями“. Учит. А. Бойков (Тр. МДК, вып. III, стр. 136). „Цоканье в речи старшего поколения“. Учит. А. И. Пантелеева, 1945.
21. Березницы — женщины цокают редко: *цай, цотыре, зацем, вцора.* Учит. А. Бойков (Тр. МДК, вып. III, стр. 135).

22. Хоровичи — цоканье; см. 21.

23. Горка — цоканье; см. 21.

24. Савино — цоканье; см. 21.

25. Кресты — цоканье; см. 20.

26. Куликово — *цуланцык, цайку, цашецку*, 1945.

27. Карпово — *цай, уцытель; черковь, чарь, чиплята.* Учит. Н. Иконников (Тр. МДК, вып. III, стр. 135).

28. Рекуши — цоканье; см. 27. *Воробьевские-то девушки чево, чево, чево. А Рекушеские девушки красные дочево, ч* — твердый. Е. И. Козлова, 1945.

29. Нивицы — цоканье. *„Как Орудово деревенька цево, цево, цево, а как Нивицы деревенька не стоит ницево“.* „Пушкáрщина“. Заочн. Е. И. Козлова, 1945.

30. Сушигорицы — цоканье у стариков — *цугун, пецка, цайник*; см. 27. Барские.

31. Мантурьево — цоканье; см. 27.

32. Давыдово — цоканье; см. 27.

33. Сулоиха — цоканье; см. 20.

34. Дубровка — цоканье; см. 20.

35. Карамышево — см. 20. *Катится боцка, в ней нет суцóцка* (яйцо) крицала, платоцком.

Не ходите, девки, замуж
В Карамышево село,
Там ребята — пушкарята
Говорят „цево“, „цево“.

36. Лысцóво — цоканье, 1945.

37. Раменец — цоканье, 1945.

38. Нефедьево — цоканье; см. 37.

39. Топáлки — *ц* и *ч; ч* — твердый: *чыстый, чысло.* Барские. Родной язык — карельский. Заочн. М. И. Белякова, 1945.

40. Зобочки — цоканье.

41. Летково — цоканье.

42. Детково — цоканье; 1945.

43. Орудово — цоканье; см. 20.

44. Мухино — *ц* и *ч*. И. М. Богданов, 1939.

45. Матвейцево, Б.-Никитского с. с. — цоканья и чоканья нет. Студ. Вознесенская, 1939.

46. Ладожское, Ладожского с. с. — „Цоканье наблюдается очень редко, оно уже отмирает и встречается главным образом у стариков. В произношении звука *ч* можно встретить некоторую разницу: в одном селении произносится твердо — *чово*, в другом мягко — *чево*“. Заочн. Михайловская, 1946.

3. Лесной р-н

1. Никольское — *ц* и *ч; ушёдцы, ушёдши.* Барские. Заочн. М. М. Бежецкая, 1945.

2. Алексейково — *ц* и *ч; ушёдцы; ч* — мягкий. Студ. Ларионова.

3. Федотково — *ц* и *ч; ч* — твердый: *чыжик, чыстый; ушотцы, пришотцы; оцеп.* Студ. Щукина, 1941.

4. Мордассы — *ц* и *ч.* Студ. А. И. Апостолова, 1945.

5. Бродыгино — *ц* и *ч*; см. 4.

6. Коречкино — *ц* и *ч*; см. 4.

7. Шакшино — *ц* и *ч*; см. 4.

8. Михайловское — *ц* и *ч*; см. 4.

9. Пруды — *ц* и *ч*; см. 4.

10. Полонское — *ц* и *ч*; см. 4.

11. Телятники — *ц* и *ч*; см. 4.

12. Федяевка — *ц* и *ч*; см. 4.

13. Лесное (быв. Смердынь) — *ц* и *ч*; см. 4.

14. Спирово — *ц* и *ч*; см. 4.

15. Лубеник — *ц* и *ч*; см. 4.

16. Монахово — *ц* и *ч*; см. 4.

17. Пороги — *ц* и *ч*; см. 4.

18. Медведково — *ц* и *ч*; см. 4.

19. Виглино — *ц* и *ч*; см. 4.

20. Городок, Гагино, Дуброво, Зубцово, Пестово, Бохтово, Мощанское, Плоское, Подережка, Дворищи, Чернятка, Среднее, Богуславль. — Авт. утверждает, что в Лесном р-не цоканья нет. Заочн. А. И. Апостолова, 1945.

4. Удомельский р-н

1. Ледины — *ц* и *ч; ушодчи, ушовши.* Заочн. З. И. Маркова, 1939.

2. Баскаки — цавоканье: „*Цаво, цашка, цужой, цыстый; Што это за хозейка, пы чужы́м избам шлэ́ицы, а в избы́ нц убра́ты; Дэ́тка пре́ников и кылацэ́й привёз с я́рмынки; Пыясоцык с трёх дасоцык по́ пылу валэ́итцы; Хто маэ́й наги не сто́ит, тот и пыхвалэ́ицы; Я ня зна́ю, пыцаму́ и пы какому слу́цыю, аннаво тибя люблю, а самары́х я муцыю.* Цавокают старики, но не все; больше женщины. Некоторые переходят на правильное произношение, но у них звук *ч* произносится или как *цч*, например: *цчашки, цчай, цчаво́*, или мягко, как *тч: тчиво, тчяй, тчяшка.* Встречается и смешение звуков *ц* и *ч* у тех жителей, которые переехали в город. Они — скажут: *овча́, че́рковь, танчует.* Остатки цавоканья сохраняются в речи молодежи: *ушо́тцы, пришо́тцы*, но *уехатчи, приехатчи, стритцы* (= стричься), *обжетцы* (= обжечься). Старики скажут: *питацок, петь капе́ик, пятнатцыть капеик.*“ Заочн. А. М. Алексеева, 1945.

3. К о с к и н о — цоканье.

4. Я к о в л е в о — „не было цавоканья, звук *ч* — твердый: *чы, чыво. Хырышо и вéсило вы, крóвычка, играити. Только тем ни хырышо, что ни сы мной гуляити*". Заочн. А. М. Алексеева, 1945.

5. А г и б и н а — *ц* и *ч; ушотцы, пришотцы; цело, оцеп.* Заочн. Ю. С. Блюдина, 1945.

6. В е р е с к у н о в о Учениковского с. с. — *ц* и *ч; ч* — твердый: *чыстый, чысло.* Заочн. А. С. Иванова, 1941.

7. М и ш у т и н о — *ц* и *ч.*

8. М у́ ш и н о — цоканье: *цай, строцка, вцера, зацем, цысто.* Н. И. Богоявленский (Тр. МДК, вып. III, стр. 137). *Цело, тряпоцка, крыноцка, цяйка, цуточку, чифра, чюжой.* 1944. Студ. Н. Крылова, 1945; А. М. Алексеева, 1945.

Характеристику цоканья дают В. В. Тимофеева и К. А. Немировская: у Денисовой (обследованной авторами) преобладает *ц* над *ч*, но есть отклонения. По словам учительницы Антоновой, это встречается у всех стариков. „Мы также наблюдали в речи ряда колхозников, но не у молодежи: *ц'виты, ц'витут*". — В. В. Тимофеева. „*ц'* мягкое только у стариков. У К. (обследованного автором) исключительно употребление *ц* на месте *ч*. На месте литературного *ц* употребляется также твердый *ц*. У молодежи и среднего поколения звук *ч* звуком *ц* не заменяется. Разыграева (55 лет) сохраняет *ц'* на месте *ч* только в сказках и песнях. В разговорной речи у нее *ч*". К. А. Немировская (Собр. ИРЯЗ).

9. З о р ь к о в о — цоканье. „*Зорковские девцоноцки цаво, цаво, цаво. Прицавокали забавочек и больше ницаво*". *Пришотцы, ушотцы*, но *чело, печка.* Н. Крылова, 1945; см. 10.

10. Р я д Сухаревского с. с. — цоканье: *цас, цорный, ноц, пецка, доцка, цайник, циво; ц* вм. *ч* произносят только женщины от 40 л. и старше. Мужчины в таком возрасте не цокают; цокают старики лет 60. Молодежь не цокает. Такое произношение называют „цавоканьем". Жители соседних деревень пренебрежительно относятся к „цавоканью". Скажут: „Вот, пришли радовские цавокалы". Говорят: *чыстый, чысло.* „*Доцынка, зацым-та к нам присидатиль-та прийхал, ня будит ли собранье сыбирать, а цом* (= о чем) *жа он будит нам гыварить-та? Уж ня так он к нам приихал. Ня концылась ли вайна?*" Заочн. Ю. С. Блюдина, 1945; Антонова Т. А., 1945. Цоканье особенно развито в д. Ряд. Заочн. Н. Крылова. В деревнях — Ряд, Ва́корино, Зо́рьково (одной барщины) — цувóкали: „*Мишка, пустой! Цувo бежишь, што шульной, зацым? Цувo-ж ты дéлышь, подлиц ты и́тынький*". Дед с бабкой: „*Пришли мы с дидкый из байны, ды тавó тáмыцка угари́ли. Ля́жым ны пасти́ли—ня мóць встáть, пить хóцыцы. Ди́дка, — говорю, — встань, рызагрий сумавáр. — Не, пить хоцу, а встать ниту мóцы. И мни ка ня моць. Пыляжала, пыляжала, атляжáлась*

малéницка, встала, рызагри́ла сумава́р, си́ла и пью цай. Дидка варо́цылсы, вароцылсы ны пасти́ли и говорит: „Бабка, цуво ж ты миня́ ка ня кликаишь цай пить? Иди́, миня ка ня хто ня кли́кал. Зва́ныму го́стю мно́га це́сти". — Уко́шки аткры́ты — и цай пьют; У нас в Ряду, што в гуруду́; И по́миру ды по́ ρ$\frac{ю}{е}$ду. Заочн. А. М. Алексеева, 1945.

11. Ва́корино — цоканье; см. 10.

12. Грибля́нка — деревни, окружающие станцию, имеют ч твердый. 1944.

13. Самине́ц — цоканье; см. 10.

14. Лайко́во — цоканье, в отличие от Ряда, Вакорино, Зорьково; в дер. Саминец, Бачурино и Лайково „цавокают"; см. 10.

15. Никулино — ц и ч. Павлов (Тр. МДК, вып. III, стр. 136).

16. Погорелец — ц и ч; см. 15.

17. Хвалово — ц и ч; см. 15.

18. Дубинки — ц и ч; см. 15.

19. Браково — ц и ч; см. 15.

20. Удино — ц и ч; см. 15.

21. Мотыли — ц и ч; см. 16.

22. Остриково Липенского с. с. — ц и ч; ч тверже литературного, но есть мягкий ч в сочетании с согласным. Жители называют себя „московскими" в отличие от „ленинградских" и „ярославских". А. П. Евгеньева, М. Д. Переходкина (Собр. ИРЯЗ, № 448).

23. Загорье — ц и ч. „Звук ч твердый, вернее занимает среднее положение между обычным литературным ч и твердым ч. Но рядом с этим твердым есть и мягкий ч в сочетании с согласными и *и: хочит* (ч перед *и* здесь твердый, но не настолько, чтобы читать *чы*). По словам окрестных колхозников, в Загорье цокали и окали. Сами загоряне говорят: *матеря́ на́ши говори́ли цаво́, зацым трогаим.* До сих пор загорян дразнят цоканьем. Н. Г. Сахарова рассказывает, что когда она весной пришла в соседнюю деревню, ей сказали: *„а̄ цо́кафка пришла́, фси вы цыкуны".* „Говорят, что отцы и деды говорили на *о*, но оканья уже и у стариков почти нет. Следует сказать, у большинства безударное *о* отличается от предударного *а* большей закрытостью". А. П. Евгеньева, К. А. Немировская, М. Д. Прееходкина, 1940 (Собр. ИРЯЗ).

24. Белавино Хмелевского с. с. — ц и ч. „Звук ч в большинстве случаев средней твердости: *мычы́т, рычы́т, мяу́чыт*"; см 23 (Собр. ИРЯЗ, № 444).

25. Млёво Млёвского с. с. — ц и ч; „ч более твердое, чем в литературном: *шчыката́ть, ча́шка, же́нчына*"; см. 23 (Собр. ИРЯЗ, № 445).

26. Сидорово Старорядского с. с. — ц и ч; ч тверже литературного: *чорный, час.* А. П. Евгеньева, 1940 (Собр. ИРЯЗ, № 444).

5. Бологовский р-н

1. Мартыново — ц и ч; *пришотца, ушóтццэ, прошóццэ, вы́шоццэ зáмуж, былá зашóццэ.* Заочн. А. Я. Вересова, 1940.

2. Проказово Немецкого с. с. „В Бологовском районе цоканья нет". Студ. В. Н. Ермолаева, 1945.

3. Немцы — ц и ч; см. 2.

4. Котлованово — ц и ч; см. 2.

5. Чешово Чешовского с. с. — ц и ч; см. 2.

6. Селилово — ц и ч; *ушóтца.* Студ. Л. П. Цветкова, 1945.

7. Балакирево Березайского с. с. — ц и ч; см. 1.

8. Дубровка — ц и ч; см. 1.

9. Угреево — ц и ч; см. 1.

10. Мошóнка — ц и ч. Студ. Николаева, 1945.

11. Молчаново — ц и ч; см. 1.

12. Гузятино — ц и ч. Студ. Перевозчикова, 1945.

13. Огрызково — ц и ч; см. 2.

14. Подлипное: *цайник, чиплёнок.* Студ. Л. Севастьянова, 1945.

15. Куженкино — ц и ч; *ушёдцы.* Заочн. А. Г. Рожкова, 1943.

16. Ильятино — ц и ч; *ушёдцы.* Заочн. Кузнецова, 1941.

17. Базарово — ц и ч; *ушёдцы, пришёдцы.* Студ. В. Павлова, 1944.

18. Рютино — ц и ч; ч — средний между мягким и твердым. „Характерно, что твердое ч свойственно не только старшему, но и среднему поколению. Молодое поколение значительно смягчает его, однако не совсем". К. А. Немировская и М. Д. Переходкина, 1940 (Собр. ИРЯЗ, № 450).

19. Корыхлово — ц и ч; преобладает ч твердый (*чыстый*), но встречается и ч средний по мягкости и реже совсем мягкий (перед следующим мягким согласным: *запла́точ'к'и*). В. В. Тимофеева. „Иногда ч звучит немного тверже литературного, но это очень непоследовательно, так как в одном и том же слове оно произносится по-разному, например: *чaj* и *ч'aj; чыстоj* и *чистоj*". А. П. Евгеньева, 1940 (Собр. ИРЯЗ, 1940, № 446).

20. Городок Нарочинского с. с. — ц и ч. „Звук ч в архангельском говоре произносится тверже, чем в литературном языке, но мягче, чем в украинском и белорусском (ч полутвердое)". А. Л. Гуральник, Н. И. Сомов, Ф. П. Филин, 1940 (Собр. ИРЯЗ).

6. Фировский р-н

1. Мортюшино — ц и ч. Барские. Заочн. М. С. Мильская, 1945.

2. Городок — ц и ч: *мама ушёдцы в поле на работу; он ушёвши; чысло, чыстый.* В прошлом — свободные. Заочн. М. С. Мильская, 1945.

3. Бухолово — цоканье. Заочн. М. А. Арсеньева, 1945.

4. Горшково — ц и ч; *ушотцы, ушотца, пришотцы, пришотца; чело, челина.* Заочн. Н. Ф. Гирс, 1945. „Цоканье есть у нескольких человек; оно занесено из Бухалова" (см. 3). М. А. Арсеньева, 1945.

5. Савёлово Доминикинского с. с. — „цоканье проявляется в речи многих жителей: *фц'ера́, цаво́ш, цаво́, ницаво́*. Часто слышится звук средний между *ц* и *ч*: *уцчылся*. Иногда слышится *ч*: *ны́нчи* — полумягкий *ч*." Н. И. Сомов (Собр. ИРЯЗ).

6. Ходуново — „*ц* у представителей архаического говора отличается от литературного *ц* и напоминает собою сочетание *ц* и *ч*: *ц*^{ч} (*ц* — шепелявое) *ц*^{ч}*ово*, *ц*^{ч} твердое. У молодежи *ц* почти чистое, но с каким-то оттенком твердости: *чужыми*. Чоканья не отмечено." Препод. Тамбовск. Пед. ин-та, 1940 (Собр. ИРЯЗ).

7. Рождество — „цоканье отмечено только у предмета обследования; проводится оно непоследовательно: *афцыны* и т. д. Чоканье не отмечено. Звук *ч* в архаическом говоре является менее палатальным, чем в литературном, но нельзя его определить как твердый (полутвердый)". Ф. П. Филин, А. Л. Гуральник, Н. И. Сомов, 1940 (Собр. ИРЯЗ).

7. Осташковский р-н

1. Терехо́вщина Заозерского с. с. Остатки цоканья у нескольких лиц. У них же *ч* — твердый. Экспедиция 1936 г.

2. Межники́ Заозерского с. с. — остатки цоканья в речи старух, см. 1.

3. Бородино — *ц* и *ч*; см. 1.

4. Воздухи Новгородской обл. — цоканье, *ч* — твердый; см. 1.

5. Сосницы — цоканье. Студ. Безобразова, 1945.

6. Павлиха — *ц* и *ч*; встречается твердый *ч*; см. 1.

7. Хретень (на остр. Хачине, оз. Селигер). Наблюдалось цоканье у двух стариков; см. 1.

8. Дор — *ц* и *ч*. Учит. М. Никитин (Тр. МДК, вып. 3, стр. 70).

9. Заозерье (За́озерье) — „цоканье почти исчезло"; см. 1.

10. Щучье — „у стариков: *цас, цёрный, ноць, доць*. Одна женщина произносит — *овча, ку́рича, яйчо́, ушо́ццы*. Студ. В. Вараксин, 1940.

11. Крапивня — цоканье.

12. Спицыно Красноармейского с. с. — *ц* и *ч*; *ушёвши*. Барские. Студ. Е. Пыпкина.

13. Вязовая Ясенского с. с. — *ц* и *ч*. Заочн. А. Г. Суслова.

14. Сигово (колхоз им. Ленина) — *ц* и *ч*; см. 1. Студ. З. М. Цыбина, 1944.

15. Коковкино Бельковского с. с. — *ц* и *ч*; *ч* — твердый. Студ. Нилова, 1945.

16. Н. Ельцы Аврорского с. с. — *ц* и *ч*, см. 1. Студ. Жукова, 1945.

17. Доброе Ореховского с. с. — *цас, цорный, ноц, пецка; чыстый, чысло*; иногда скажут: *пришоццы, ушоццы*. Государственные. Заочн. Е. И. Орлова, 1941.

18. Пихтень — *ц* и *ч*.

19. Кравотынь — „цоканье встречается только у пожилых женщин: *ниц'авó, дяфц'óнку; малацка, горшецек, нецева*". (Собр. ИРЯЗ).

20. Ровеницы Урицкого с. с. — ц и ч. (Собр. ИРЯЗ).

21. Ляханово Жуковского с. с. — ц и ч. Студ. Ф. М. Матвеев. (Собр. ИРЯЗ).

22. Замошье Ёмшинского с. с. — ц и ч, за исключением слова *под гóрницку*. Ф. П. Филин, М. Д. Мальцев. 1940 (Собр. ИРЯЗ).

23. Дудкино Ждановского с. с. — ц и ч, встречается ч — твердый: *чыстый, час, чысло*. А. Л. Гуральник, 1940 (Собр. ИРЯЗ).

24. Липовец Ждановского с. с. — ц и ч. У одной 64-летней старухи — *цавó*. А. Л. Гуральник, 1940 (Собр. ИРЯЗ).

25. Анушино Святославского с. с. — „Цоканье встречается несистематически, но довольно часто... Звук ц двоякого рода: то мягкий шепелявый ц', то твердый ц... Твердый ц, несомненно, позднего происхождения...: *фц'арáс', цирника, нинац'ом, н'úц'им* и т. д. Чоканья нет. Звук ч — мягкий, но иногда и твердый: *час, чыстый*. Звук ц иногда произносится как ц: *афца*, са̄цóм." А. Л. Гуральник и Ф. П. Филин, 1940 (Собр. ИРЯЗ).

8. Есеновичский р-н

1. Подберезье. Елоховского с. с. — ц и ч; *ушёдцы*. Население смешанное: русские и карелы. Заочн. А. А. Бормотова, 1945.

2. Межуиха — ц и ч; см. 1.

3. Кузнечиха — ц и ч.

4. Елохово — ц и ч.

5. Федоров Двор — ц и ч. Заочн. С. В. Некрасов, 1940. *Он ушёдчи*. Про селижаровских: «*Ни хадити, дефки, зáмуж ф Селижáръвъ силó, пыгавóрка там ни нáша гъварят „цаво, цаво"*». Студ. А. Н. Ракова, 1945.

6. Заборовье — ц и ч.

7. Хотимирицы — цоканье. *Цаво ж ты не пришёл? Сонче светит; ушодчи и ушодцы*. Заочн. С. В. Некрасов, 1940; ц и ч. (Тр. МДК, 1912, № 62).

8. Бор Ваучского с. с. — цоканье было раньше; ч — твердый: *чысло, чыстый*.

9. Жуково — ц и ч. Студ. Е. Жукопцова, 1940.

10. Глебово — ц и ч; см. 2.

11. Павлово — ц и ч; см. 1.

12. Матвеево — ц и ч; см. 1.

13. Кузлово: *цяй, часто, доцка, цыстый; чарица, улича*. С. В. Прудовская, 1912 (Тр. МДК, вып. XII, стр. 171).

14. Кожино — цоканье. Заочн. С. В. Некрасов. 1940.

15. Артюхино — ц и ч; см. 9.

16. Андреево — ц и ч; см. 9.

17. Макаркино — цоканье; см. 14.

18. Фешино — „Встретилось у 67-летней старухи: *подруцку, свецка*". Заочн. А. М. Дубровка, 1946.

19. Старое — *ц* и *ч; ч* — твердый; *ушотцы, пришотцы*. Заочн. Н. И. Кондрашкина, 1936.

20. Дерево — цоканье: *пецка, цело, цево*, 1945.

21. Колхоз им. Калинина — *ц* и *ч*; твердый *ч: чыстый, чысло; ушодцы, приехадчи*. Барские. Заочн. П. П. Дорофеев, 1941.

22. Горка — *ц* и *ч*.

23. Ям Островецкого с. с. — *ц* и *ч: час, ноч, цапля, курица*. Нет чоканья, но у А. М. Манашкиной (в возрасте 102 л.) встречается: *курича, авча*, хотя и не систематически. П. А. Варзин, 1940 (Собр. ИРЯЗ).

24. Ильятино Иловецкого с. с. — цоканья и чоканья нет; см. 23.

9. Вышневолоцкий р-н

1. Комари́ха, впоследствии Подол — *ц* и *ч*. Барские. Студ. М. Гречина, 1937.

2. Гряды — *ц* и *ч; ушёдши*. Студ. М. М. Смирнова.

3. Лукино Границкого с. с. — *ц* и *ч; ушёдцы, пришёдцы*. Барские. Студ. З. А. Никитина, 1945.

4. Горка — *ц* и *ч*.

5. Терелесово — *ц* и *ч; ушёдцы, ушёдчи*. Студ. О. Быкова и Л. Ильин, 1938.

6. Долгих — *ц* и *ч; ушо́дцы, пришодцы, ушодши*. В прошлом экономические. Студ. Слепнева и Сорокин, 1938.

7. Никифорово — *ц* и *ч*. Заочн. А. Вьюрова, 1938.

8. Перерва — *ц* и *ч*.

9. Квеницы — *ц* и *ч*.

10. Старое — *ц* и *ч; ч* — твердый.

11. Теплое — *ц* и *ч; ушёдцы, пришёдцы* Заочн. З. И. Короткова, 1944.

12. Фёдово — см. 11. По свидетельству Л. Ф. Загорского — цоканье; см. 21.

13. Прямик — цоканье; см. 21.

14. Холохоленка — *ц* и *ч; ушёдцы*. Барские. Студ. А. А. Горюнова, 1940.

15. Холохольня — *ц* и *ч; ушёдцы* и *ушёдчи*. Барские; см. 14.

16. Левцово — *ц* и *ч; ушодцы*.

17. Починок — „По словам старожилов, лет 50 тому назад были единичные случаи цоканья. *Тулуп новый, с иголоцки*". Учит. Л. Ф. Загорский, 1939.

18. Ильинское — *ц* и *ч; ушотцы*; см. 17.

19. Бурмино́ — *ц* и *ч; ушотцы*; см. 17.

20. Еляково — *ц и ч; ушотцы*; см. 17.

21. Нива — по сообщению Л. Ф. Загорского „сильно распространено цоканье в селениях Федóво, Черная Грязь, Прямúк, Нива. Цокают поголовно все. В нашей местности (Еляковский и Ильинский с. с.) жителей перечисленных деревень Федовского с. с. называют „цавокалками". Жители цокающих селений с давних пор занимаются горшечным промыслом. На этом основании „цавокалы" высмеиваются поговоркой: *С руцкой горшоцек — пятацок, без руцки — три копейки*, 1939. В селениях Еляковского с. с. — Павлово, Черенцóво, Еляково, Сухохлéбово, Шитóвичи, Никифорово; Ильинского с. с. — Óлохово, Бурминó, Ильинское, Рыскино, Починок, Свининово, Рóскопань, Ножкино, Гирино отмечено цоканье. В прошлом крестьяне деревень Еляково, Сухохлебово, Шитовичи, Починок, Свининово, Рóскопань принадлежали Вознесенскому женскому монастырю (Москва); до сих пор их называют „вознесенщиной". По преданию, в с. Шитовичи был этот монастырь, перенесенный в Москву во время Литовского нашествия. До сих пор на речке Шегрине сохраняются особые названия: „Пивовар" (место, где находилась монастырская квасоварня — пивоварня), „Девичий брод" (место купанья монахинь). Население других перечисленных деревень — барские крестьяне. У стариков: *чóлыжень* (= целина), *оцеп*, 1939.

22. Беньково — *ц и ч*. Барские. Студ. Н. Ф. Горюнова, 1943.

23. Осеченка — *ц и ч; ушотцы, пришотцы*. Студ. А. П. Сарычев, 1946.

24. Белавина — *ц и ч*. Студ. Якубова (Собр. ИРЯЗ).

25. Культино Границкого с. с. — *ц и ч*. Студ. Глускина, 1938 (Собр. ИРЯЗ).

26. Коломно Коломенского с. с. — *ч* — твердый: *щчы, возчык, разношчык, щчытать, чысто, доч, ноч, уличу*. На цоканье определенных указаний нет. Заочн. А. Н. Федорова, 1946.

27. Великий Двор — *ц и ч*. Заочн. К. А. Панов, 1946.

10. Брусовский р-н

1. Пономарево — *ц и ч*. Студ. Бурчатова, 1938.

2. Каменец (Каменцево) — *ц и ч; ч* — твердый: *чысло, чыво, он ушёдцы*. Студ. Бурчатова, 1938.

3. Колодино — цоканье.

4. Язвиха — *ц и ч;* произносят *чаво*, даже *чаобо, пычамý, зачэ́м*. Студ. А. М. Алексеева, 1945.

5. Шишелово — *ц и ч*; см. 4.

6. Слободка — *ц и ч*.

7. Лощемля — *ц и ч; ушотцы; чéложень* (ср. целожень). Заочн. Ф. Ф. Снежницкий.

8. Сытино — *ц и ч*.

9. Коровиха — цоканье. *„Доцка, цим овецку-то лицить — опять занедюжила“.* Барские. Заочн. Т. А. Антонова, 1945.

10. Анкудиниха — цоканье; см. 9; „цокали пожилые, но сейчас *ч* — твердый (*тчаво́, тчай, чына́*).“ Заочн. А. М. Алексеева, 1945.

11. Ерёмково и деревни около этого селения: „Не было и нет цавоканья. Говорят: *чиво* („чивокают“), *чашка, ушо́тцы*“. Барские. Заочн. А. М. Алексеева, 1945; студ. Н. Крылова, 1945.

12. Порхово Раевского с. с. — *ц* и *ч; ушотцы.* Барские. А. И. Сергеева, 1945.

13. Асташиха — *ц* и *ч; чистый, число, церп* (= серп); *ушёдца* и *ушёдчи.* „Весь сельсовет говорит на карельском языке“. В. А. Борисова, 1941.

14. Малышево — *ц* и *ч; ч* — твердый: *шчи, шчавель, вешчи; ушотцы, ушетчи.* Заочн. Е. А. Афонская, 1945.

15. Печинок Мушинского с. с. — *ц* и *ч.* Глускина, 1938 (Собр. ИРЯЗ).

16. Шенево — *ц* и *ч.* Глускина, 1938 (Собр. ИРЯЗ).

11. Максатихинский р-н

1. Замошье — цоканье.

2. Заручье — *ц* и *ч; ушотцы.* Барские. Заочн. Н. Л. Орлова, 1944.

3. Рыбинское — цоканье и оканье. Цокают пожилые. Монастырские; см. 2.

4. Княжевский с. с. — „цокает старшее поколение“. Заочн. В. Н. Пименова, см. 9.

5. Хмелевая — *ц* и *ч; ушёдши, ушёвши.* Студ. Л. Соколова, 1946; В. Н. Пименова, 1941.

6. Горка — *ц* и *ч.*

7. Поповка — встречается цоканье.

8. Липовка — Кирилловского прихода; см. 4. Цоканье у старых: *цово, цай, мцельник* (= пчельник); *рукавича, овця.* Студ. Н. И. Григорьева, 1944.

9. Пальчиха Пальчихинского с. с., дер. Амосино, Плотники, Пальчиха, Бурачиха; Княжевский с. с., Максатихинский с. с. — цоканье: *ницово, пальциха, пецка, цертовка, молцишь, Бурацика, цаловек, цасы, мальцонка, огурцык, платоцык, песоцик; черковь, чепочка, чена, чарь, чиплёнок, чиган.* В начале прошлого века жители перечисленных деревень переселились из Теблешского р-на, из Ильгощ. Заочн. Л. Баличева, 1944.

10. Плотники — см. 9.

11. Амосино — см. 8, 9.

12. Малиновка — „цокает старшее поколение в Кирилловском приходе: Амосино, Плотники, Мамоновка, Липовка, Ульяновка, Широково, Бурачиха, Пальчиха, Трусово, Львово“. Заочн. В. Н. Пименова.

13. Ульяново (Ульяновка) — см. 12.

14. Кáндушка Ривицкого с. с. — „Говорят в некоторых случаях: *царь, овчя*. Жители — карелы". Заочн. И. Т. Пекин, 1941.

15. Тарасова — ц и ч.

16. Трестна — цоканье у отдельных лиц. Студ. Куртина, 1945.

17. Красуха — ц и ч; 1938 (Собр. ИРЯЗ).

18. Пятницкое Столоповского с. с. — ц и ч; ч — твердый. Заочн. А. И. Потапова, 1945.

19. Лебедево Дымцевского с. с. — ц и ч. Население всего Дымцевского с. с. — карелы. Заочн. Т. В. Орлова, 1946.

12. Молоковский р-н

1. Деледино — „цоканье сейчас исчезло, несколько стариков цокает: *Я тебе принесла огурцыков солёненьких*". Студ. С. Матусяк и Н. Осипова, 1941.

2. Лутовино — „Цоканье встречается только у стариков и старух. Эта черта говора стирается; *ушёдцы*" Барские. Студ. А. М. Веселова и Е. А. Картошкина, 1941.

3. Чисти — цоканье.

4. Ахматово, Косово, Ляпино, Перевертка — цоканье: *цас, ноц, пецка; ч* — твердый: *чыстый, чысло, час; он ушёдцы*. Случаи цоканья встречаются редко, главным образом, среди стариков 60—80 лет. Основная масса населения к цокающим относится иронически: „Ты послушай, как ляпают на Косове и в Перевертке". Однако и среди нецокающих прорывается, правда, очень редко, цоканье: *„Стокан цаю выпил и ницово не сказал!" „А цово теперица делать-то; пецку истопила, даве в суп картовок нацыстила; Тепло тебе на пецке-то?"* Заочн. С. Н. Ушаков, 1941.

5. Перевертка — см. 4.

6. М. Дымцево, Дымцево, Введеньё — цоканье: *цашка, цайник, цигун, цокнула* (= прыгнула), *цузой* (= чужой), *Манецка, Полецка*. Цоканье у стариков. Цокающих называют „цовокалами". Курсантки Бежецких курсов — А. Алексеева, Е. И. Ратникова, 1945.

7. Дымцево — см. 6.

8. Введеньё — „отмечено цоканье". Студ. Квасова, 1945.

9. Заужанье — цоканье у старух. Заочн. А. И. Экбиндер, 1946.

10. Сабель — см. 9.

11. Карельский городок — см. 9.

12. Поречье — „Старики часто, но не всегда чокают: *ф черквы, ф конче села́*. Называется это чваканье". Студ. Глускина, Якубова (Собр. ИРЯЗ).

13. Доры Афанасовского с. с. — цоканья и чоканья нет. 1939. Студ. Якубова (Собр. ИРЯЗ).

14. Богдаево Косаревского с. с. — цоканья и чоканья нет. 1938 (Собр. ИРЯЗ).

15. Новоселки Черемисского с. с. — „у нас нет, а в других деревнях бывают цвоканье и чоканье". Глускина, 1939 (Собр. ИРЯЗ).

16. Репища Залужанского с. с. — *ц* и *ч*. Заочн. Е. С. Зорина, 1946.

17. Михайлово Герасимовского с. с. — *ц* и *ч*. Заочн. П. Ф. Морозова, 1946.

13. Краснохолмский р-н

1. Василёво — *ц* и *ч*. Студ. Хватова, 1945.

2. Утехово — цоканья нет во всем сельсовете. 1945.

3. Глебени — *ц* и *ч*. Монастырские. Студ. О. А. Карелина, 1945.

4. Коробово — *ц* и *ч; ушёдшы*. Монастырские. Студ. С. Перова.

5. Слобода — *ц* и *ч*. Монастырские. Заочн. А. А. Купцова, 1945.

6. Красный Холм — цоканья нет. „Об этом говорят все приезжающие из Красного Холма". Студ. Чистякова.

7. Гаврилово Прудского с. с. — *ц* и *ч*. Студ. А. К. Белякова, З. А. Кирсанова, М. И. Подьячева.

8. Красново Хобоцкого с. с. — „Савельева говорит, что старики смешивали *ч* и *ц*, *ж* и *з*: *которыш самыш говорят: пецка, доцка; овча, польчо, музык, нозык, жнаю; цвакали старики*". Студ. Глускина, 1939 (Собр. ИРЯЗ).

9. Рачево — *ц* и *ч*. Д. Вознесенская, 1939 (Собр. ИРЯЗ).

10. Кукарёкино Утеховского с. с. — *ц* и *ч*. Заочн. Е. Т. Иванова, 1946.

14. Сонковский р-н

1. Высочки Литвиновского с. с. — *ц* и *ч; он ушовши*. Студ. Н. А. Смирнова.

2. Широкуша — *ц* и *ч*. Студ. Маслобойникова.

3. Корино Койского с. с. — *ц* и *ч; он ушёл*. Заочн. Г. А. Майорова, 1944.

15. Бежецкий р-н

1. Хмельницы Боровского с. с. — *ц* и *ч; чыстый, чысло; ушедши*. Барские. Студ. Е. К. Рябкова.

2. Стогово — цоканье. „Конец к погосту Узмень не знает цоканья, а другой — к дер. Потёсы — все цокают. Над цоканьем стариков подсмеиваются: *Ну, зацевокали, вы цвокалы; цупун; цуцыльница-то, слышно, не воротивши*. Посмеиваются над такими: *цок, цок, на боцок*". Препод. В. К. Ростованова, 1945.

3. Потёсы — цоканье; см. 2.

4. Закрупье, Чирцово, Нивищи, а особенно Никифорцево и Ромачёво — цоканье у стариков. Учит. П. А. Москвин, 1945.

5. Чижово — цоканье.

6. Нивищи — цоканье; см. 4.

7. Алáбузино (Алáбузово) — „цовокают"; „алабузские цовокалки"; см. 2.

8. Филиппово — „цоканье не так бросается в слух, как в Закрупском с. с." Учит. П. А. Москвин, 1945.

9. М. Каменка — *ц* и *ч*. Заочн. Н. С. Степанов, 1940. Цоканье слабой степени отмечает П. А. Москвин; см. 8.

10. Крутец — цоканье было. „Сейчас на 7—10 километров вокруг Бежецка различий в говоре не встречается". Студ. М. Гурьева, 1944.

11. Кононово, Шишково Дубровского с. с. — *ц* и *ч*. Барские. Т. В. Полякова, 1940.

12. Узуново — *ц* и *ч*. «Крестьяне назывались „барщина"». Заочн. В. С. Брызгалова, 1944.

13. Рословка — „В 1929 г. автор знал крестьянку, местную уроженку, которая цокала: *„цово, цяшка"*. Студ. Ефремова.

14. Присеки (Присек) — *ц* и *ч*. Заочн. М. А. Троицкий, 1936. В отдельных словах говорят: *чысто*. Заочн. Д. И. Никольский, 1933.

15. Лазарево Ивашковского с. с. — «цокают старики: *цас, ноц*, — но таких очень мало. Монастырские, принадлежали Троице-Сергиеву монастырю; называют „троицкими"». Студ. Т. М. Ильина и Серова, 1944.

16. Сукромен (Сукромны) — *ц* и *ч; ушёдши*. Монастырские. Студ. Р. А. Громова, 1944.

17. Белое — цоканье.

18. Скорынево — цоканье: *цово́, цы́сто*. «*Эх, Скорынево деревня, не деревня, а село, говорят там не по-нашему — „цово, цово, цово"*». Степанов, 1945.

19. Дрюцково — *ц* и *ч; ушóдши, ушóвши*. Барские. Заочн. М. С. Волкова, 1945.

20. Б. Бережа — *ц* и *ч; ушотцы*.

21. Лядины Скорыневского с. с. — *ц* и *ч*. Монастырские (троицкие). Студ. А. П. Ксенофонтова, 1946.

22. Ильицыно — *ц* и *ч*. Д. Вознесенская, 1938 (Собр. ИРЯЗ).

23. Бóртово — цоканье и чоканье: *цайку́, чарь*. А. А. Патрёнкова, 1946.

24. Высóково — цоканье и чоканье; см. 23.

25. Новúнки, Суховéрхово, Скорúнево — цоканье и чоканье; см. 23.

16. Кóзловский р-н

1. Борисково Петровского с. с. — *ц* и *ч; ушёдце, ушёдши*. Барские. Студ. А. С. Веселов, 1941.

2. Медведково — см. 1.

3. Петровское — *ц* и *ч; ушедши*. Студ. А. А. Беляева, 1943.

4. Костыгово — см. 1.

5. Орешково Орешковского с. с. — ц и ч; *ушодцы*. Экономические. Студ. А. Сураегина, 1945.

6. М. Козлово Козловского с. с. — ц и ч; ч — твердый; *ушёдше*. В большинстве карелы. Студ. А. Сухичева, 1943; Е. М. Галкина, 1946.

7. Космыниха Нагорненского с. с. — ц и ч; *ушотцы, пришотцы*. Студ. К. М. Матвеева, 1944.

8. Нестериха Еремеевского с. с. — ц и ч. Население — карелы. Заочн. В. А. Кудряшова, 1946.

17. Спировский р-н

1. Слобода — ц и ч; *ушёдца*. Студ. В. Васильева, 1943. То же отмечается в соседней дер. Любинка.

2. Зыбуново Краснознаменского с. с. — ц и ч; *ушотца, ушоццы, ушоччи*. Экономические. Студ. Е. Шувалова, 1943.

3. Казиха Городецкого с. с. — ц и ч; ч — твердый: *чыстый, чысло; он ушодце*. Студ. Н. В. Сорокина.

4. Городок — ц и ч; *ушодчи*. Студ. А. М. Романова, 1944.

5. Песчаница — ц и ч. Студ. Фенютина, 1938.

6. Евцево, Колокольня́, Ло́ктево — цоканье; *цас, цорный, ноць, овца, кольчо, яйчо*. Только в этих деревнях. Студ. З. Кузьмина, 1944.

7. Цырыбушево — ц и ч; *ушедчи*. Студ. З. Кузьмина, 1944.

8. Обудово — ц и ч; *ушёдчи*. Студ. Г. А. Богоявленская.

9. Скоморохово — ц и ч. Заочн. О. Н. Дрюкина, 1943.

10. Черенцово — ц и ч, 1939.

11. Дубровка — ц и ч; ч — твердый: *„Ча́хну и ча́хну, а смярёдушки все нет; Чэм спасуду-та вытирать?“* „Опрошенная мною Маслова говорила, что припоминает о бывшем когда-то цоканьи. Цокал её дед, давно умерший. Как в Волочке, так и здесь говорят: *пришотцы, ушотцы*. Встречаются даже у учеников старших классов“. Заочн. Т. Н. Вейсс, 1940.

12. Стройково, Пень, Борлино, Горки Дубровского с. с. — ц и ч; *ушотчи*. Заочн. А. И. Меденикова, 1944.

13. Пень — см. 12.

18. Новоторжский р-н

Г. Торжок. В „Ручном дорожнике“ Н. Ф. Глушкова (1801) новоторжское наречие характеризуется примерами: *„Нашей рицы цици в свици кит“*; разговором девушек Елеши и Паши, в записи разговора встретился ч твердый (*чым*) (С. К. Булич. Очерки ист. языкозн., СПб., 1904, 1106); *цырей, цихотка* (Иовлев. Арх. Русск. геогр. общ., 1849, XLI, 30). „Цоканье было раньше. *Ты цово́ цорто́фка и́такая би́чашь?* — сказала старушка 80 лет. Так говорили старики; коренные новоторы окают и сейчас“. Автор ссылается на отца, старожила Торжка, хорошо знавшего старый город. Студ. Вавулина, 1939. Из статьи чл.-корр. АН СССР В. И. Чернышева: „Л. А. Соколова, пожилая преподавательница, сообщает, что прежде у ста-

рух и старых мещан можно было услышать здесь цоканье: *пецка, сицас, цаво* или *цово, цай, цас*, но без полной уверенности, что это старое местное население, а не пришлое из деревни. В. И. Смирнов показывает: *цай, цорный, ноц* (у стариков); его показания относятся к Ямской слободе, части города на левом берегу. Чоканье: *офчя́, кольчо́* отмечается только для деревни и тоже редко" (Собр. ИРЯЗ, № 433).

По утверждению уроженки Торжка — О. А. Воиновой, в городе цокало мещанское коренное население Торжка, на Дворцовой улице (рядом с Ямской), 1947.

1. Ефремцово Будовского с. с., Будово, Василёво, Каменка, Дорище, Костырево — *ц* и *ч; челожень* (= целина), *чиж — чи́жем* (= цеж); *ушётцы*. Заочн. М. Г. Орлова, 1946.

2. Василево — см. 1.

3. Шеметово Раменского с. с. — „старые люди говорят: *цорный, ноц, пец; овчя, кольчо; курица снясла яйчо*". Студ. П. Захаров, 1937.

4. Александрово Раменского с. с. — «Цокают местные жители; раньше цокали все, а сейчас старшее поколение. Житель Александрова М. А. Ершов рассказывал, как его в Петербурге один портной учил говорить слово „пятачок", которое он произносил „питацок". Говорят: *свирцок, Волоцок, цубик, грац, цтобы, цыж*. Селение принадлежало помещику, потом продано монастырю. Деревни Александрово, Замутье, Скрылево того же сельсовета называют „Урусовщиной"». Заочн. А. Б. Богоявленский, 1939.

5. Замутье — см. 4.

6. Еремкино, Трубино, Язвы Поведского с. с. — „Есть цоканье; наиболее распространено в Язвах чоканье". Авт.; см. 4.

7. Еремкино — см. 6.

8. Поведь — *ц* и *ч*; см. 6. *Чоложень, ушёдши*. Сохранилась частушка:

У моего у милого
Поговорочка на „цо".
Он „цаво, цаво, цаво",
Брошу я любить его.

Заочн. К. А. Шмелева, 1946.

9. Клин — см. 8.

10. Трубино — см. 6.

11. Будово Будовского с. с. — *ц* и *ч*. Заочн. В. Дегтяревская, 1945; см. 1; „цоканье, цеканье, дзеканье: *закрицы, вецером, свицка; рукавичи, курица; падзи, гдзи* (= где); *т* произносится в слиянии с *ч*, и оно почти не слышно: *батчьшка, тчетче, Авдотче. Поставтче мостчику, тчи* (= тебе)". Ф. М. Виноградский (Арх. Геогр. общ., XLI, 34).

12. Каменка Будовского с. с.; см. 1.

13. Дорище — *ц* и *ч*; см. 1.

14. Костырево — ц и ч; см. 1.

15. Толстиково — ц и ч; ч — твердый.

16. Баранове Б. Святцевского с. с. — ц и ч; *ушотчи*. Барские. Заочн. З. Н. Баринова, 1935.

17. Симоново — ц и ч; см. 8.

18. Соколино — ц и ч; см. 8.

19. Казицыно — ц и ч; см. 8.

20. Коробово Яконовского с. с. — ц и ч; *он ушовши*. А. Козлова, 1945.

21. Новое Малиново Яконовского с. с. — ц и ч; *он ушофшы*. Студ. Е. Нефедова, 1945.

22. Яконово Яконовского с. с., Житниковский, Соколинский, Головорезовский с. с. — ц и ч. Е. Я. Абашкина, 1936.

23. Б. Вишенье — ц и ч; см. 8.

24. Осипово Б. Вишенского с. с. — ц и ч; *он ушёччы, ушофши; цыркýн* (= чиркун-кузнечик). А. Нарышкина, Серговская, 1940.

25. Осипово — цоканье. „Сохранилось до сих пор у старух (в Таложне 1—2 старухи на 40 семейств). Например, бабка Замариха говорит: *Цавó ты́, кармúл'ьч, мнé гъварúш-тъ, старá' я' стáла, ницевó ня вúжу, пéчку истапúт' сама ни магý. Дóцку-тъ* (= корову) *лю́ди добрыи даят, знáт' цáс пъмирáт' пришóл*". По словам местных жителей, цоканье у старых было нередким явлением лет 20—30 тому назад; *ушóфши*.

26. Таложня — см. 25.

27. Волосово Мануйловского с. с. — ц и ч; ч — твердый; *он ушотчи*. Барские. Заочн. В. И. Павлова, 1945.

28. Харлово б. Прямухинской в. — *„цай..., челый, чарь, чарство*. Лет 10 тому назад большинство произносило ц вм. ч, а теперь только старухи; ч вм. ц раньше встречалось очень редко, теперь совершенно не употребляется". Слушат. Москов. учит. ин-та И. М. Тетерин, 1912 (Тр. МДК, вып. XII, стр. 178).

29. Кисляково Печенского с. с., Захаркино, Дубки, Тупиково, Пальцово — „У небольшого числа лиц сохраняется цоканье: *цаво, цало, церпать, цай*". Барские. Студ. В. Розова, 1945.

30. Тупиково — цоканье; см. 29.

31. Захаркино — цоканье; см. 29.

32. Дубки — цоканье; см. 29.

33. Ляхово, Сывороткино Головиногорского с. с. — ц и ч. До коллективизации считалось для девушки позорным выйти замуж за парня из Головиногорского сельсовета. Соседи высмеивали: *„Сидит детел на бярёзе, примяцаит города!.. Сапоги-то ласнуцие, шапка-то тарцлывая*". Теперь эта грань стирается. Студ. А. Г. Лотков, 1938.

34. Костешино Головиногорского с. с. — цоканье. „Цокают только старухи: *цас, цорный, пецка, авча, яйчо и яйцо; цыстый* и *чистый, цысло*

и *число*. „*Избы у некоторых были построены по-цорному, топились по-ба́нному* (*пецы* без труб), *пола не было. Жыли бедно, цасто ели мох, так как поись было не́цево ... кто цым* (= чем) *горазд; ушодчи* и *ушодцы*." Барские, „Голованщина". Студ. А. И. Воскресенская, 1940.

35. Коляково, Голтово, Домославль — ц и ч. Студ. Александрова и Виноградова, 1937.

36. Климово Климовского с. с. — ц и ч; *ч* тверже обыкновенного: *чынить, чахнуть*. Барские. Студ. Воронова и Молвина, 1938.

37. Осташково Поведского с. с. В деревнях Поведского с. с. цоканье сохранилось в речи стариков, которые происходят из Раменского и Поведского сельсоветов. 70-летний И. П. Гармонов рассказывает, что в 90-х годах прошлого века цоканье было распространено во всех селениях и „цевокало" большинство населения: *грац, ноц, цас, пятацок, руцка; черковь, царь, овца, цеп, бореч*. От него же записана частушка, распевавшаяся в 90-х годах:

Вы, ребята, пойдёмте за граничу,
Где мы турочек побьем ...

Заочн. А. Б. Богоявленский, 1939.

38. Погорельцово, Паршево, Осташково Климовского с. с. — цоканье. Монастырские. Воронова, Молвина, 1938.

39. Паршево — цоканье; см. 38.

40. Глядины, Погорелово, Свининково, Витково — цоканье. Монастырские. Студ. Александрова и Виноградова, 1937.

41. Пятниха — цоканье.

42. Юрьевцо Погорельского с. с. — цоканье: *цасы́, ца́шка*; чоканье: *черковь, овча, яйчо*. Монастырские; см. 40.

43. Домославль — ц и ч; см. 35.

44. Погорельцы — цоканье; см. 42.

45. Гольково — ц и ч; см. 35.

46. Дубровка б. Марьинской в. — „Старухи говорят: *цай, цашка, цорт, промцадси, дочь, бочька*". Н. И. Хохлов, 1909 (Тр. МДК, вып. III, стр. 93).

47. Сывороткино — ц и ч; см. 33.

48. Галки — цоканье; см. 53.

49. Алексеевка — цоканье; см. 53.

50. Новинки — цоканье; см. 53.

51. Блошки — цоканье; см. 53.

52. Непоровье — цоканье; см. 53.

53. Сокромля (Сукромля) — цоканье. „Для стариков 60—70 лет звука *ч* совершенно не существует, *ч* везде заменяется *ц*, кроме таких слов *тьветы тьветут*. Корова *мыцыт* и *рыцыт*. *Ты плохо у́цисси*. Крестьяне — монастырские. „Мы — вольная гуща, а они — барская шерсть", — говорили

они о соседях (деревни Новинки, Алексеевка, Непоровье). Из с. Сукромли выделились деревни Захарки, Галки, Блошки, где цокают меньше".

Мимо дядина крыльча
Пробежала овча,
Как вёрнитьча, да перевёрнитьча,
Да как припу́штитча.

Таким четверостишием высмеивают жители Сукромли „чокальщиков". Студ. Апушкинская, 1936.

54. Савинское — „цоканье у стариков: *ноц, доц, пецка, цашка, ца́йная, бу́льцки хо́тцъ. За Сери́днюю ри́цку на синоко́е йи́з'дили*, — так говорят люди не моложе 65 лет. Молодежь говорит совсем иначе: оканья, ёканья, иканья (*сино, лито*) нет. Цоканье утрачено". Монастырские. Дальше за дер. Внуково (см. 57) на восток пойдут деревни барские, и говор их несколько отличается. Студ. Крикунова, 1943.

55. Савинские Горки, Внуково, Брячково, Паника, Бородниково — цоканье: *сицас иду...*, см. 54. Из образцов живой речи: *„Цово́ тибе́? Ну, я сецас иду. Поспишь, дай корову-то загнат. Сичас загоню и приду. Где-то обрът', сецас обратно и поведу. — Матика, хлибца-то дай. — Ну, и сецас дам, да поишь ты молоцка — то хот' при́снен'ково, хоть топлёноцки! — Не, не хоцу, мамушка! — Ну, живи ни и́вши! — Цово́ тиби́-ка, тётушка? Поиш, поиш. Я тиби, Кацка, яицко сварила! — А тиби-ка-та привёс сын цово? — И-и, сударик, ни цорта не привёс!.. Овиц, овиц-та-а у тиби, милоцы-то! Целый маник! У ёго матика была хоро́ша! Цуво орёш-то!"* Наряду с цоканьем в говоре отмечаются: ёканье *(Ёгор, ни цорта́)*, оканье *(коро́ву, обра́тно, здоро́во)*. Основное занятие жителей — земледелие. Было развито отходничество (сапожники, подбойщики). Заочн. Г. Волужков, 1935.

56. Брячково — см. 55.

57. Внуково, Погореловского с. с. — цоканье: *цас, цорный, он ушо́вши. „А их у мине́ во́сем цылаве́к и вси живы. До́цки за́мужем, у всих ди́ти — мои́ внуца́ты; Са васточнай старо́нушки захади́ли ту́цы гро́зныи, ту́цы гро́зныи, нипрано́сныи, са таки́м са ца́стым до́жжикам, са бу́йным ви́трам* (начало „свадебной протяжной"); см. 55. Студ. Пед. института, 1937.

58. Владычня Думановского с. с. — *ц* и *ч; он ушёл*. Барские. Студ. Т. Ракова, 1943.

59. Свининкино — цоканье; см. 40.

60. Пудышево Б. — Вишенского с. с. — *ц* и *ч*. Студ. В. Гусева, 1946.

61. Прутёнка Сочинского с. с. — цоканье у стариков: *цас, ноц, доцка, пецка*. В. И. Чернышев, 1939 (Собр. ИРЯЗ, № 404).

62. Дальная Троица — „Молодая девица отрицает чоканье. Другое показывают многие примеры с цоканьем у стариков, притом с мягкостью ц у более старых и менее культурных: *куриця, цево, коцью*, но таких осталось немного. К цоканью изредка присоединяется чоканье: *офчя́, цово* (редко), обычно *чёво*. Старые говорят на *о*". В. И. Чернышев, 1939 (Собр. ИРЯЗ).

63. Семёновское Дубровского с. с. — у стариков: *цас, цатыри, цо́рный, коц, доц, пецка*. Авт. — В. И. Чернышев.

64. Б. Вишенье — ц и ч. П. А. Варзин. 1940 (Собр. ИРЯЗ).

65. Жа́бкино, Погорелое, Я́коново — к востоку от Торжка — цоканье. О. А. Воинова, 1947.

19. Каменский р-н

1. Кашуево б. Бараньегорской в. — ц и ч; ч' — мягкий. Учит. И. И. Терентьев, 1912 (Тр. МДК, вып. XII, стр. 177).

2. Благовещенское на Осуге — цоканье: *цорт, поцва, целка* (=челка), *цека; дочь, бочка; ч* — мягкий. Е. Сабинин, 1909 (Тр. МДК, вып. VIII, стр. 22).

3. Данково — ц и ч; *он ушодча*. Барские. Студ. М. И. Морозова, 1944.

4. Дядино — ц и ч; ч — твердый: *чыстый, чо́ложень, оцеп*. 1945.

5. Завражье — ц и ч. Барские. Студ. З. Власова, 1946.

6. Бабино — цоканье.

7. Прусово — цоканье.

8. Федорово Первомайского с. с. — ц и ч. Студ. М. Н. Антонова, 1948.

9. Пречистое, Каменка — ц и ч. Студ. А. В. Дурнева, 1946.

10. Катушкино — цоканье. Студ. А. В. Дурнева, 1946.

11. Васильково — ц и ч. Студ. Е. Л. Чижова, 1946.

12. Страхини Тысяцкого с. с. — „цоканье сохранилось ясно: *моци не будет, цайку кормилет (ц), сецас*. Старики: *цас, цорный, доц, коц, пецка* (вообще редко), *цаво*", ч с некоторой твердостью у стариков. В. И. Чернышев, 1939 (Собр. ИРЯЗ).

13. Кувшиново — „Около города однообразное наречие, сходно с городом, в д. д. Страхини, Хво́шня, Моглашо́во, Тысяцкое, Рапу́гино, Кача́ново, Пень, Обло́га, Ма́рково, Каменное, Софо́ньево (цоканье единично — было у одной старухи, уже умершей). Сёла и деревни некогда принадлежали монастырям, еще недавно говорили, отчасти говорят и теперь новгородским наречием. Сёла и деревни, некогда барские, говорят акающим наречием Московского типа". В. И. Чернышев (Собр. ИРЯЗ).

14. Каменное — цоканье у стариков; см. 13.

15. Сафо́ньево — цоканье у стариков; см. 13.

16. Пень — цоканье у стариков; см. 13.

17. Марково — цоканье у стариков; см. 13.
18. Рапугино — цоканье у стариков; см. 13.
19. Тысяцкое — цоканье у стариков; см. 13.

20. Кировский р-н

Из статьи студентки-заочницы 4-го курса А. И. Белозеровой: „Цоканье встречается в некоторых сельсоветах нашего района. Особенно устойчиво цоканье держится в Тверском сельсовете, в говоре „шепляков" и „ранчешей". Объясняется это, во-первых, отдаленностью от районного центра, во-вторых, — влиянием соседних деревень Молодотудского р-на. Цоканье в Тверском сельсовете распространено даже в языке среднего поколения и молодежи.

Из разговора колхозников: — *Дáл јóн тилéшку ти? Я имý зъплацý зъ јэ̀тъ — Идé тилéнъ? — Двинáццат' мишéцкъф пълъжы́. Мáлъ мишкóф тъ! — Да јонá хлéп пълуцы́лъ, а мишки́ н'ь аддалá и уъ'охвáстылъ: „Хът'рáс хрéснѣнъ дъ абјéхълъ!"* (дер. Провалённая, май, 1945). Из речи колхозницы: *„Ницавó ня нáдо б! И корóвушку отдала б, только б хозя́ин вярнýлся! Вцарá вéцером принялú бумáжку. Таперь на ум ницаво няйдёть. Сердце моё цýвствовало: концылась война, как что в голову ударило. Болить и болить усё. Бяда теперя до гробовой доски!" „Товарищи, часто мы говорим, что надо выполнять все порученные нам задания. А поэтому нам надо за порученное дело сейцас взяться обеими руками".*

Из частушек:

А цаво ж ты призадумалась,
Подруженька моя,
Не одна ты расставалась,
Расставалася и я.

Цово, милый, рассердился,
Косо смотришь на меня!
Взгляни, миленькой, с улыбоцкой,
Обрадуй девоцку меня.

Я на рецке была,
Бело мылася.
Сердце болит,
Простудилася.

Цоканье высмеивается:

Не ходите, девки, замуж
Во Сувидово село:
Поговорка там худая,
Говорят „цаво, цаво".

В других селениях перечисленных ниже сельсоветов цоканье осталось только в речи стариков.

В Дягилевском с. с.: Суто́ках (см. 34), Кирилкове, Горе́мушках, Чащёвке, Мясково́ве, Дягилеве, Ни́вах. В Рыжковском с. с.: Новосёлках, Сорокоушове, Лукине, Гори́цах, Большако́ве, Высо́ком, Про́нице, Заре́чье, Пестуко́вке, Бугра́х, О́стрых.

В Талицком с. с.: Славо́тине, Во́ронове, Тере́нтьеве, Голобове, Пы́хори, Палехове, Медведеве, Бетелине, Сушкове, И́вкове, Вальцове.

В Ларионовском с. с.: Черни́цыне, Филиппове.

В Будаевском с. с.: Верхних Го́рках, Нижних Го́рках, Куту́лове, Пла́ксине, Машу́хине, Го́гине.

В Выжлятниковском с. с.: Фалько́ве, Кусти́хе, Моча́лище, Куку́шкине, Пусто́шках, Холзуеве, Белошкине, Холме́, Крутце́, Гора́х, Выжля́тниках, Гли́нках, Ива́новском. В Глинках цоканье встречается и в языке молодежи под влиянием соседних деревень Пеновского р-на: Давы́дково, Хаду́лино, Ма́льцево, в которых цоканье особенно устойчиво держится.

В Ольховском с. с.: Ермо́лине и Алексе́евском.

В Красновском с. с.: Быко́ве, Си́нкинском, Кра́сках, Бу́чкове, Мошка́х, Чижа́х, Малы́шке, Б. Ива́нове, М. Ива́нове.

В Соколовском с. с.: Кудря́вцеве, Маку́ровке, То́лстикове.

В Хатецком с. с.: Пруда́х, Кадище, Горова́тке, Близко́ве, Пулине.

В Селижаровском с. с.: Па́нине, Фили́ппове, Мику́лине.

В Березугском с. с.: Козло́ве, Крестце́, Красных Горках.

В Великую Отечественную войну, в связи с временной оккупацией района немцами, выжжены многие деревни Талицкого, Рыжовского, Соколовского, Будаевского, Молотовского, Оковецкого сельсоветов. После войны процесс вымирания цоканья стал интенсивнее.

В годы войны цоканье вымерло в деревнях Рыжовского с. с.: Дрысоме, Рытке, Выставке, Чернорытых, Попо́вке, Кра́сицах. В некоторых деревнях Талицкого с. с.: Тальцах, Ворожине́, Аристове, До́ре, Княжухе, Хомяко́ве; в Соколове, Вышгороде, Тростине́ Соколовского с. с.; в Ха́рине, Соловьёве, Старой Будаевского с. с.; в Дубках, Дерютине, Смолька́х, Забега́лове Красновского с. с.; в Клочках, Захоря́тах, Лы́ткине, Зеле́нине, Горняка́х Выжлятниковского с. с.; в Хи́лове, Валу́шине, Шела́хине Селижаровского с. с.

С другой стороны, во время реэвакуации населения Молодотудского и Пеновского районов часть семей осела в деревнях нашего района. Появилось цоканье там, где его раньше не было: в Колтако́ве, М. Волге Сухотинского совета, Михалёве Дмитровского с. с.; Сыродоме Хотошинского с. с.; в поселке Селище, в Кило́шине, Кубы́шкине Ларионовского с. с.

Чоканье встречалось реже и только в речи стариков. В дер. Ананьине Дягилевского с. с. в речи одной старухи *(чяты)*; в двух деревнях

Рыжовского с. с. — Новоселках, Большако́ве, в дер. И́вкове Талицкого с. с. *(курича, молодеч)*; в речи одного старика деревни Рубцы Захаровского с. с. *(овчи)*; в двух деревнях Селижаровского с. с. — Струга́х, Хиловце́ (*ичо* — яйцо); в дер. Толочине Выжлятинковского с. с.; в Ка́дище Хитицкого с. с.; в деревнях Суви́дове *(чепь)*, Ра́нцеве *(„прямо в челик* (= в целину) *заехала, че́лые сапоги снегу")* Тверского с. с."

1. Ананино Березугского с. с. — цоканье.

2. Зеленино, Бураково, Березуг Березугского с. с. — ц и ч; ч — твердый. Заочн. М. П. Голубева, 1945.

3. Бураково — ц и ч; см. 2.

4. Березуг — ц и ч; см. 2.

5. Мамоново — ц и ч. Студ. Талингер, 1945.

6. Селище Хотошинского с. с. — ц и ч. Студ. А. Синькова, 1944.

7. Хиловец — цоканье исчезает.

8. Селижарово — ц и ч.

9. Нижние Горки Селижаровского с. с. — ц и ч. Студ. Е. Забелкина, М. Михеева, 1943. Ср. у А. И. Белозёровой: „цоканье исчезает".

10. Славитино — цоканье исчезает.

11. Выставка — цоканье исчезло. А. И. Белозёрова.

12. Горлицы — цоканье исчезает.

13. Острое — цоканье у стариков; исчезает.

14. Лукино, Новосёлки, Бугры, Пронино, Пестуновка — цоканье. Цокают старики. Заочн. А. И. Ромашова, 1945.

15. Новосёлки, Большаково Рыжовского с. с. «Сохранилось цоканье, но скорее распространено чоканье. Говорят, что прежде цаканье было более распространенным. Чоканье высмеивают словами: *„чарь, чарича, рукавича"*. Люди, которые особенно цокают и чокают, разговаривают среди своей семьи с большей выразительностью звуков ц и ч, а разговаривая с другими, произносят ч и ц неясно, хотя это не мешает уловить особенности цоканья и чоканья. Одни произносят ч вм. ц и ц вм. ч; другие ч вм. ц, а ц не заменяют ч; третьи произносят ц вм. ч, а ч не заменяют звуком ц. Селения были свободными». Н. М. Лебедев, 1939.

16. Новосёлки — цоканье исчезает. А. И. Белозёрова.

17. Заречье — цоканье исчезает. А. И. Белозёрова.

18. Красницы — цоканье исчезло. А. И. Белозёрова.

19. Сушково — цоканье исчезает. А. И. Белозёрова.

20. Толстики — цоканье исчезает. А. И. Белозёрова.

21. Тальцы — цоканье исчезло. А. И. Белозёрова. „Среди деревень Талицкого прихода (Дор, Ворожино, Хомяково, Медведево, Соколово, Палихово) цоканье отмечено только в дер. Палихове: *пецка, чарь, челый, чарича"*. Учит. М. Никитин, 1909 (Тр. МДК, вып. III, стр. 69—70).

22. Безумничино — *цяло, овця, польцё, ицо; число, ушодцы*. Монастырские. Студ. Голышева, Морозова, 1941.

23. Сухошины — ц и ч. Экономические. Заочн. Н. Грешищев, 1944.

24. Дубровки — ц и ч.

25. Тверское — цоканье.

26. Березуг — ц и ч.

26а. Куричино Дмитровского с. с. — ц и ч. Барские. Г. И. Яковлев, 1941.

27а. Смольки
28. Краски
29. Соколово
30. Вышгород

} см. у А. И. Белозёровой.

31. Митино Молотовского с. с. — ц и ч. Студ. А. Симакова, 1940.

32. Пустошки — ц и ч. „В Пустошкинском с. с. цоканья нет". Зам. ред. газ. „Пролет. правда" С. В. Вернов.

33. Б. Иванково Красновского с. с. — цоканье исчезает.

33а. М. Иваново — цоканье исчезает; см. 32.

34. Сутоки Дягилевского с. с. — цоканье. А. И. Белозёрова.

35. Выжлятинково — цоканье исчезает.

36. Холм Выжлятинковского с. с. — цоканье исчезает.

37. Кр. Глинки — цоканье.

38. Фальково Выжлятинковского с. с. — цоканье исчезает.

39. Кукушкино — цоканье исчезает.

40. Горлово — цоканье.

41. Толочино Выжлятинковского с. с. — цоканье исчезает.

42. Прутки — цоканье. Цокальщиков называют „шепляками". Заочн. В. Г. Корольков, 1940.

43. Гороватка — цоканье исчезает.

44. Сувидово — цоканье; см. 42.

45. Могилицы Тверского с. с. — цоканье.

46. Дубовка Тверского с. с. — цоканье.

47. Морочи Тверского с. с. — цоканье.

48. Б. Кашино — цоканье.

49. М. Мошки — цоканье.

50. Тверское — цоканье.

51. Болотниково — цоканье.

52. Пырошня — цоканье.

53. Б. Пруды — цоканье исчезает; см. 42.

54. Хотицы — цоканье; см. 42. А. И. Белозёрова не отмечает.

55. Блазно — цоканье исчезает; см. 42. А. И. Белозёрова.

56. Оковцы — ц и ч. Студ. Г. В. Рожкова, 1940.

57. Большаково — цоканье исчезает. А. И. Белозёрова.

21. Молодотудский р-н

1. Хмелёвка — цоканье.

2. Черемушница — цоканье. Зам. ред. газ. „Пролет. правда" С. В. Вернов, 1945.

3. Азоново — цоканье.

4. Белогубцево — цоканье. Проф. Н. П. Гринкова (Изв. ОРЯС, т. XXXI, 1926, стр. 308).

5. Гнездино — цоканье; см. 4.

6. Приездово — один случай — *мы́ч'ч'а*; см. 4.

7. Болотники — цоканья нет. У старых — *ч* твердый. «Был старик, которому и прозвище дали „в таких слушáях" (= случаях). Он любил повторять эту фразу и *ч* произносил очень твердо. Некоторые произносят *„шорт"*. Старшие говорят *пшела* (= пчела), *пшёлы*. *„Штó нам, штó не гулять, што нам не бахвáлична, у атча анна авча, пы наге дастáнична"*. — Так дразнят соседей яγунов-тудовлян». Барские. Заочн. Е. В. Суворова, 1946.

8. Зуёво Верхневолжского с. с. — цоканья нет. Заочн. Громова, 1946.

9. Смолёво — см. 8.

10. Колокольцóво — см. 8.

11. Жаднево — *ц* и *ч*; см. 8.

12. Сухая Орча — *ц* и *ч*. Барские. Студ. В. Иванова, 1939.

13. Овчинники — *ц* и *ч*, см. 8.

14. Ерино — *ц* и *ч*; см. 8.

15. Лебедино — *ц* и *ч*; см. 8.

16. Морщиково — цоканье. „Цоканье ярко выражено в архаическом типе говора. Обычным является произношение *ц*, отвердевшего на месте этимологического *ч*: *па плицáм, ницаво* ... В новом типе говора (молодежи) цоканье уже изжитое явление"; см. 4.

17. Пыжи — см. 16.

18. Двойни — см. 16.

19. Зáгвоздье — см. 16.

20. Минкино — см. 4.

21. Фролово — *ц* и *ч*.

22. Васильевское — см. 4.

23. Пронино — *ц* и *ч*.

24. Дмитровское — см. 4.

25. Большаково — цоканье.

26. Зубово — см. 29. Цокают в деревнях Ивановского, Новосибирского, Зубовского сельсоветов.

27. Слобода, Урдолев, Брюхáново и др. — цоканье: *цугун, царвонец, цоботы, куца, цардак, цчас;* цаγоканье (говорят *„цаγо"*). Встречается у пожилых, у них слышится смешанный звук *цч*; шутка:

„Цайник цыстый, цай душистый, кипяцоная вода“. Заочн. Н. И. Громова, 1945.

28. Брюханово — см. 27.

29. Лапино — цоканье. Заочн. Громова, 1946.

30. Урдонь — см. 27.

22. Оленинский р-н

1. Московка Московского с. с. — „промежуточный звук“, который автор обозначает *цч*; см. 2 (Холмец).

2. Холмец, Истопки, Плоскуша, Гончарово, Семирня Холмецкого с. с.; Московка — цоканье: *цай, цылавек*. Если спросить кого-нибудь из людей возраста 30—35 лет и старше: „А где ваш сын? — ответят: „На клюц ушотцы“. В связи с таким произношением сложились частушки, высмеивающие выговор:

Цо́рно, цо́рно мое́ се́рдце
Черне́й цо́рного целя́,
Не вида́ла я мило́го
Ни сегодня, ни вцера́.

Наряду с цоканьем в этих селениях наблюдается и чоканье. Это объясняется тем, что люди, стараясь перейти в речи на правильное произношение, употребляют *ч* не там, где нужно. Нередко можно услышать, даже от девушек, не посещающих школу: *У меня загорело личо; наша курича снесла яйчо; сегодня мать варила клёчки*.

Сохранилась шутливая поговорка, высмеивающая эту особенность произношения: *„Овча подошла к крильчу и просит хлебча“*. Но часто также можно слышать от населения любого возраста нечто промежуточное между *ц* и *ч*: *клюцч, цчашка, цчеловек, цчисло, цчасто* и т. д. Некоторые ученики нашей школы отвечают урок: *„все цчыловецчество; цчеловек в футляре“*. Передавая отрывок из „В людях“ Горького, ученик отвечает: *„Старуха действовала пуцчком лущчины“*. Наиболее резкое цоканье наблюдается в деревнях Холмецкого с. с. Барские. Заочница Вороненкова цоканья в перечисленных выше селениях не заметила. 1939.

3. Рассказово, Двойни, Мерложки, Холмец, Хмелёвка — цоканье: *цайку́ на зава́роцку, цо́рный стол*. Заочн. П. С. Молчалин, 1946.

4. Селишня и приход — цоканье: *цасто, доцка; чярь, черковь, челый*. А. Рязанцев (Тр. МДК, вып. VIII, стр. 26).

5. Хмельники (Хмелёвка) — см. 3.

6. Мерложки — см. 3.

7. Пустошки, Козлы, Косаки, Карелки, Замо́шница Беликовского с. с. Старушки говорят: *„Доценка, выпей цайку цашецку“*. Студ. З. Чуракова, 1946.

8. Кашино Кашинского с. с. — цоканья нет; *ушёдцы*. Барские. Заочн. П. С. Мальченко, 1946.

9. Бобровки — цоканье: *цасы, цаловек, цаго, ноць, проць, яблоцко* и т. д.; *черьков* и т. д. С. Разумихин („Этногр. сборник", вып. 1. СПб., 1853, стр. 239).

10. Семерня — см. 2.

11. Замошницы — см. 7.

12. Мошенники, Новая деревня, Никитино Знаменского с. с. — см. 2.

13. Карелки — см. 7.

14. Плоскуша — см. 2.

15. Истопки — см. 2.

16. Мостовая — см. 2.

17. Сидорово, Талица, Воронино, Пустошка, Сидорово, Бобыльщина, Боярщина — *ц* и *ч*; *ушóфши*. Заочн. В. И. Крылова, 1946.

18. Бобыльщина — см. 17.

19. Талица — см. 17.

20. Ворошино — см. 17.

21. Полдёнка Медведицкого с. с. — цоканье. Студ. М. А. Потапова, 1946.

22. Снегирй Медведицкого с. с. — цоканье; см. 22.

23. Желтáвицы Завидовского с. с. — *овча, крыльчó*.

23. Ржевский р-н

1. Сытьково — *ц* и *ч*; *ушёдчи*. Барские. Заочн. О. С. Раевская, 1941.

2. Путилово — *ц* и *ч*. Барские. Студ. П. Воронцова, 1940.

3. Итомля, Овсянки — *ц* и *ч*; *он ушёдчи*. Барские. Заочн. И. В. Пашин, 1941.

4. Мясцовский с. с. — *ц* и *ч*. Заочн. Н. И. Громова, 1945.

5. Бахмутовский с. с. — *ц* и *ч*. Н. И. Громова, 1945.

6. Осипово Росконинского с. с. — *ц* и *ч*; *он ушёдчи*. Студ. А. А. Базарова, 1943.

7. Колупаево, Кокошилово, Озерю́тино, Горова́тка, Моле́чино, Мали́новка, Палёво, Фроло́во, Родюкино — цоканье; *ч* — твердый. *Пецурка, птыца, перца́тки, моца́лка, коце́рга, паша́ничка, чеп, овчя, ццо (яйцо); чыстый, чашка; ушёдцы*. Барские. Заочн. О. С. Раевская, 1941.

8. Кокошилово — см. 7.

9. Малиновка — см. 7.

10. Муравлиха — цоканье. Заочн. А. Нестерова, М. Шерстина, 1945.

11. Гороватка — см. 7.

12. Федюхина — ц и ч.

13. Рудницы, Макошно, Кресты́, Балаши́, Ру́дницы, Горбыки — цоканье, см. 7.

14. Ченцово — ц и ч; *ушёдчи*. Заочн. Е. Н. Смирнова, 1939.

15. Маслово — ц и ч; см. 22.

16. Слеткино — ц и ч; см. 22.

17. Гридино — ц и ч; см. 22.

18. Чайниково — см. 22.

19. Малахо́во — ц и ч; см. 22.

20. Ненаедово — ц и ч; см. 22.

21. Мануйлово — ц и ч; см. 22.

22. Б. Карпово — ц и ч. Звук ч заменяется чуть ли не во всех случаях *щ*: *щистый*, *щисло́*. В прошлом деревня входила в „троекуровщину", которая объединяла деревни: Ману́йлово, Ненае́дово, Плешково, Батюко́во, Ма́слово, Сла́нькино, Малахо́во, Гри́дино, Чайниково, Кружа, Рани́ца, Ворони́чино. Студ. М. Конфеткина, 1940.

23. Шопорово — ц и ч. Заочн. Д. М. Колоколов, 1939.

24. Петуново — ц и ч.

25. Становский с. с. — ц и ч. Заочн. Н. И. Громова, 1945.

26. Чертолинский с. с. — ц и ч. Заочн. Н. И. Громова, 1945.

27. Мясоедово — ц и ч; *ушёдчи*. Студ. М. А. Смирнова, 1945.

28. Папино — ц и ч; *ушёдчи*. Студ. Г. И. Соловьева, 1944.

29. Осуга, Мясищево, Федяйково, Котеленка, Затино, Хвостово, Двойнево, Васютино Замятинского с. с. — ц и ч; *челыжня́*, *чиж-чижем* (цеж — настой из овсяной муки); *ушёдши*. Заочн. Е. А. Корчагина, 1945.

30. Хвостово — см. 29.

31. Мясищево — см. 29.

32. Замятино — см. 29.

33. Федяйково — см. 29.

34. Васютино — см. 29.

35. Двойнево — см. 29.

36. Васюково-Камено Глебовского с. с. — ц и ч. Студ. Ю. Ц. Дунаевская, 1946.

37. Бугрово Тростинского с. с. — ц и ч. Студ. З. М. Чуракова, 1946.

38. Васино Мясоедовского с. с. — ц и ч. Заочн. Н. И. Громова, 1946.

39. Бочáрово б. Гришинской в., от Ржева 35 км на запад, по Волге, 6 км. к югу от Сытькова было цоканье лет 40 тому назад. Барские. О. Т. Тройникова и А. П. Зеленева, 1946.

40. Кривцо́во б. Гришинской в. — ц и ч. Барские; см. 39.

41. Нестерово — ц и ч; см. 39.

42. Тихменево — ц и ч; см. 39.

43. Макарово Ченцовского с. с. — ц и ч. Студ. А. А. Кузнецова, 1946.

24. Луковниковский р-н

1. Чернигово — цоканье: *цай, цайку́, цатыре, зацим, вцира́, сцас.* А. П. Резвяков (Тр. МДК, вып. III, стр. 139).

2. Абакумово — цоканье; см. 1.

3. Лужково — цоканье; см. 1.

4. Михайлово — цоканье; см. 1.

5. Шепетово — ц и ч.

6. Вардугино, Семотино, Красноселье, Луковниково Луковниковского с. с. — ц и ч. Лет 35 назад некоторые из старых цокали; *челыжня́, чиж* (цеж) — *чи́жем; ушо́вши.* Монастырские. Заочн. Н. Г. Федотова, 1946.

7. Илейкино Б. Капковского с. с. — *цас, клюцик;* ч — твердый: *чы́стый, чысло́; ушодчи.* Т. Тихомирова. *Цас, цорный, ноц, пецка* — говорят старики.

Не ходите, девки, замуж
В Луховлянское село:
Там поговорочка худая,
Говорят: „цаво, цаво".

Ч — твердый отрицается. Н. Голубева, 1944; студ. Н. Ф. Горюнова, 1946.

8. Семотино — см. 6.

9. Красноселье — ц и ч; см. 6.

10. Городище, Байгорово Байгоровского с. с. — цокают старики. *„На таре́лоцке две ви́лоцки, кусо́цек пирожка́, полбуты́лоцки нали́воцки, угощу́ свако́ дружка́". Челыжень, чиж* (цеж) — *чи́жем; ушовши.* В дер. Семетрове — *хо́цца.* Заочн. А. М. Нестерова, 1946.

11. Рылово — ц и ч; *щчу́ка, щчавель, ещчё, ве́щчи, ушо́тчи.* Студ. А. В. Куликова.

12. Байгорово — см. 10; „цокают старики: *цело́, ца́йник, ро́моцка, оцеп* — говорят все; *чо́ложень, овча́, кольчо́* — в речи одной старухи. В прошлом — барские, но на барина не работали." Студ. К. С. Волкова, 1945.

13. Коробово, Байгорово, Мологино Мологинского с. с. — цоканье. *„Люблю́ пота́ть хоро́шенького цайку́ из ци́стенькой ца́шечки"; ч* — твердый: *босичко́м, ле́течком, боти́ночки. „Куп пять иголоцек, цо́стую була́воцку, сяду шить на ла́воцку".* Барские. Заочн. М. Шерстина, 1945. *Цаво́, цасто* М. Трисветов (Тр. МДК, вып. VIII, стр. 29).

14. Малиновка Денежновского с. с. — ц и ч. Студ. Л. Солдатова, 1946.

15. Ру́дницы — цоканье; *пецка; „что судúться, что лецúться“*. Н. П. Павлов, 1934.

16. Озерютино — цоканье.

17. Страше́вичи, Чернигово, Михайлово, Абаконово (Абакумово?), Лужково, Бабино, Прусово — цоканье: *цай, цайку, цатыре, зацим, вцира, сицас*. А. П. Резвяков (Тр. МДК, вып. III, стр. 139).

18. Бабино — цоканье; см. 17.

19. Прусово — цоканье; см. 17.

25. Высоковский р-н

1. Помазкино — *ц* и *ч; ушёдчи*. Барские. Заочн. М. А. Базанова, 1941.

2. Чуриково — *ц* и *ч*; см. 1.

3. Пожитово — *ц* и *ч;* см. 1.

4. Мартыново — *ц* и *ч;* см. 1.

5. Булатниково — *ц* и *ч;* см. 1.

6. Еремкино Стружинского с. с. — цоканье.

7. Стружия — цоканье.

8. Матюко́во — указанная деревня и др. (см. 24, 29, 33) — южная граница цоканья. Студ. В. Н. Павлова и В. Вяткина, 1945.

9. Великоселье Кожевниковского с. с. — *ц* и *ч*. Вольные. Студ. А. П. Петрова, 1940.

10. Вольное Кожевниково — цоканье. Экономические. Учит. русск. яз. Я. П. Козлов, 1946.

11. Верни́шево — цоканье. Барские; см. 10.

12. Высокое Кунга́ново — цоканье. Барские. Аспир. Т. В. Куликова, 1945.

13. Кожевниково Берновского с. с. — *ц* и *ч*. Барские. Заочн. Е. С. Семенова, 1941.

14. Бога́тьково — *ц* и *ч*. Барские; см. 10.

15. Глинкино — *ц* и *ч*. Барские; см. 10.

16. Подсосонье — *ц* и *ч*; см. 13.

17. Малинники — *ц* и *ч*. Барские; см. 10.

18. Климово — *ц* и *ч*. Барские; см. 13.

19. Сенчуриково — *ц* и *ч*. Барские; см. 13.

20. Щелкачёво — *ц* и *ч*. Барские; см. 10 и 13.

21. Берно́во — *ц* и *ч*. Барские; см. 10, 13.

22. Воропу́ни — *ц* и *ч*. Барские; см. 10.

23. Васько́во — цоканье. Барские; см. 10.

24. Ермаково — цоканье; см. 8.

25. Дары — *ц* и *ч*; см. 10 и 12.

26. Ладьино Дарского с. с. — *ц* и *ч*. Барские

27. Дары — цоканье. Монастырские; см. 10 и 12

28. Барыково — ц и ч. Барские; см. 10.
29. Чадово — цоканье; см. 9.
30. Игнáтьево — цоканье. Барские; см. 10.
31. Костромино́ — цоканье. Монастырские; см. 10.
32. Ванéево — цоканье. Монастырские; см. 10.
33. Филино — цоканье; см. 8.
34. Нéстерово, Иовлево, Щелкачёво, Малúнники — ц и ч. Барские; см. 10.
35. Колосово, Кунгáново, Пентýрово, Холохольня́, Дубро́вка — цоканье. Монастырские; см. 10.
36. Кýшниково — цоканье лет 40 тому назад. О. Т. Тройникова, А. П. Зеленева, 1945.
37. Щупалиха — ц и ч; см. 36.
38. Русо́бино — ц и ч; см. 36.
39. Пентýрово — цоканье; см. 35.
40. Холохольня́ — цоканье; см. 35.
41. Дубро́вка — цоканье; см. 35.

Селения № 37—41 на карте не отмечены.

26. Медновский р-н

1. Иваново — ц и ч.
2. Чо́прово — ц и ч. П. М. Михайлов (Тр. МДК, вып. III, стр. 142). Во всех окружающих Чопрово деревнях: Пречистый Бор, Рáгодино, Андреяново, Кобя́чево, Слобóдка, Нездúлово — следов цоканья не найдено. Авт., 1945.
3. Рáгодино — см. 2.
4. Нездúлово — ц и ч; см. 2.
5. Пречистый, теперь Красный Бор — ц и ч, см. 2.
6. Кобя́чево — ц и ч; см. 2.
7. Слобóдка — ц и ч; см. 2.
8. Глинки — ц и ч; см. 2.
9. Кадúно́ Поддубовского с. с. — ц и ч. Студ. З. И. Прокофьева, 1944.
10. Полустово — ц и ч; *ушёдшы*. Заочн. В. Колобкова, 1944.
11. Дубровка — ц и ч.
12. Бродниково — цоканье.
13. Перехожая — ц и ч.
14. Иванцово Волынцевского с. с. — ц и ч. Заочн. В. П. Коробова, 1946.
15. Семёновское Волынцевского с. с. — ц и ч. Студ. З. В. Егорова, 1944.; В. П. Коробова, 1946. Студентка А. П. Михайлова, 1938: «От стариков 80 лет можно услышать цоканье. Напр., дядя Филипп Царьков говорит: *„Выпью цашечку цайку да и на пецку“*; ч — мягкий».
16. Волúнцево — ц и ч; см. 14.

17. Спирково Новинского с. с. — *ц* и *ч*; ушёдши. Студ. З. Фролова, 1943.

18. Саввино Новинского с. с. — *ц* и *ч*. Студ. Л. Ф. Синицына, 1944.

19. Сухой Ру́чей. — „Некоторые старухи цокают: *цасы, пец, пецка*, но *чистый, чинить*". Студ. Н. Лукьянов, 1937. Цоканье распространено в соседних на запад деревнях. 1938.

20. Степаньково — *ц* и *ч*.

21. Тухáнь — „Некоторые старики говорят: *цас, цорный, цыстый, цысло, цаво, ушёдчи, ушёчи*". Студ. А. Шалыгина, 1935. Но студ. В. Коробова (1946) отрицает цоканье.

22. Тутань Кумординского с. с. — цоканья нет. Заочн. В. Коробова, 1946.

23. Шепелёво — *ц* и *ч*; см. 22.

24. Кумордино — *ц* и *ч*; см. 22.

25. Рождество — „Во всех деревнях, в радиусе 4—5 километров — *ч* мягкий: *дочь, чисто; ц* — твердый. Старые женщины (70—80 лет) говорят: *цаво, цай, цасы*." Заочн. Е. Прилуцкая, 1936.

26. Заборовье — цоканье. Заочн. А. Севастьянова, 1946.

27. Змеёво — цоканье; *цы́стое, цылавёк, ф цом* (= в чем); цокают женщины в возрасте 45—50 лет последовательно; см. 26.

28. Ше́рнево — „В прошлом цокали. У стариков лет 60-ти — следы цоканья; *мощи́на* (= мостина)". 1945.

29. Избри́жье (Большое Избрижье). Цокают старики; *цорный, ноц, пецка; ч* — твердый: *чыстый, чысло*. Студ. Красненькова и Семенова, 1944; *цыловек и чырьква, цорна*. Д. М. Виноградов, 1849 (Арх. Геогр. общ., т. XLI, стр. 26).

30. Поддубки — цоканья нет. Монастырские. Студ. Н. Данилина, 1943; Н. П. Петрова, В. И. Кротова, 1941.

31. Н. Мермери́ны — *ц* и *ч*. Экономические. Студ. Иванова, Краснобаева, Кругликова, 1933.

32. Медное — *ц* и *ч*. Государственные (ямские): *ушедчи*. Студ. Т. Лазарева, 1944; З. И. Шубина, 1945.

33. Берглёзово Заборовского с. с. — цоканье. Студ. А. Севастьянова, 1946.

34. Романово Колхозного с. с. — *ц* и *ч; ушёдши*. Монастырские. Студ. Т. Павлова и Н. Селезнёва, 1941.

27. Лихославльский р-н

1. Трубино Трубинского с. с. — „цоканья и чоканья нет; нет их и в округе; *ушотцы* и *ушовши*". Е. Белякова.

2. Микшино — цоканья и чоканья нет совсем. Студ. Е. М. Черняева, 1945.

3. Золотиха — ц и ч.

4. Затулки (4 км от ж.-д. ст. Барановка) — ц и ч; *ушодше*. Барские. Основное население — карелы. Заочн. О. И. Ефимова, 1941, М. Г. Корсакова, 1944.

5. Сосновицы б. Кузовинской в. — „ч и ц, повидимому, не смешиваются: *собачка*; ч — мягкий". Сообщил Н. Н. Дурново (Тр. МДК, вып. III, стр. 138).

6. Чашково — ц и ч; *он ушёдши*. Население — карелы. К. Кутузова, 1944.

7. Кротоусово Кавского с. с. — „цоканья нет в данном сельсовете и в окрестности". Население — карелы, свободно говорящие по-русски. А. В. Смирнова, В. А. Смирнова и Е. Таранова, 1945.

8. Кава́, Пока́вье — цоканье: *цетыре*, *овецка*, *зацем*, *вцера*. П. М. Михайлов (Тр. МДК, вып. III, стр. 142). „Казенные" цокали; барские, отличавшиеся бо́льшей грамотностью, не цокали в 1910—1914 гг. С. Ф. Спасский.

9. Хмельники Хмельниковского с. с. — ц и ч; *ушёдши*. Студ. 1944.

10. Ива́нцево Вёскинского с. с. — „цоканье было давно: *цашка*, *цало*, *целове́к*. Старики помнят, что было цоканье в дд. Вёски, Иванцево, Губки, Утренясь, Пятниха, Букарёво, Гнездцы — цокали: *цаво*, *цово*, *цардак*, *цашнок* (=чеснок); *чапля*, *овча́*. Селения были монастырские". Студ. З. Н. Федорова.

11. Вёски — по воспоминаниям, было цоканье: „*А всем-то гостям по делу дадим: кривоногим у нас в пеци загребать, черноусому сметану лизать, а белоусому цело целовать, маленьким у нас заборы подпирать*". Студ. З. Н. Федорова.

12. Олино Вёскинского с. с. — ц и ч. Студ. З. Н. Федорова.

13. Утренясь — см. 10.

14. Пятниха — см. 10. Старуха 82 лет цокает: *цево*.

15. Петрушино Вёскинского с. с. — ц и ч. Студ. Новожилова, 1945.

16. Доманиха Октябрьского с. с. — ч — твердый: *чыстый*, *чобот*; *уехаччы*. Студ. М. Кашкина, 1937.

17. Сели́ще-Хво́шня (Хвошне-Селище) — „Старики и старухи лет 50—60 цокают: *цово*, *цай*, *крицать*, *остыли сцы* (= щи). У молодежи цоканья нет, но — *цыркы́н* (= кузнечик). В прошлом — монастырские, государственные, — „вольные" — говорят с гордостью о себе крестьяне. Заочн. М. А. Михайловская, 1934. То же подтверждает Т. Панова (1943) и чл.-корр. АН СССР В. И. Чернышев (1939). — Собр. ИРЯЗ.

18. Мудро́во — ц и ч. Казенные. С. Ф. Спасский, 1946.

19. Де́ли — ц и ч. Казенные; см. 18.

20. Ме́ленки — цоканье; см. 18.

21. Соро́кино — ц и ч; см. 18.

22. Вы́шково — цоканье; см. 18.

23. Станки́ — ц и ч; см. 18.

24. Пнёво — ц и ч; см. 18.

25. Кузо́вино — ц и ч; см. 18.

26. Звягино — ц и ч; см. 18.

27. Сутоки Дубихинского с. с. — ц и ч. Население — карелы. Заочн. М. И. Грибова, 1945.

28. Лужки — цоканье; см. 27.

28. Новокарельски р-н

1. Сосновка — ц и ч; *он ушёдши*. Студ. А. Бредина, 1943.

2. Шелехово Колмодворского с. с., Гришутино Заболотского с. с. — „Две русские деревни среди карельских цокают, преимущественно — старики"; *ушотцы*. Заочн. М. С. Виноградова, 1946.

3. Ветчино Гнездовского с. с. — ц и ч. Население — карелы; чокают: *чцари, чцела, блю́нче* (= блюдце), *са́харнича*. Заочн. А. Я. Петухова, 1946.

4. Лисицыно — см. 3.

5. Гнездово — см. 3.

6. Обухово — цоканье.

7. Павлово — см. 3.

8. Гришутино — см. 2.

29. Рамешковский р-н

1. За́клинье Заклинского с. с. „Остатки цоканья сохранились у стариков (*цас*) и то редко". Заочн. В. М. Федоров, 1939. „*Дочч, фцоръ цай* (старухи). Цокают человек пять". Препод. кафедры — А. Д. Баранцев, 1940.

2. Вильяшево — цоканье. „*Нашъ* (наречие) *сафсе́м ина́чи былъ (ис-пат Ка́шына); гъварили: ба́ит, цово́. К на́шъму наре́чйу ни адной дире́вни не́ту. Прямъ гърадско́а, то́къ свысока́*". Барские. А. Д. Баранцев, 1940.

3. Гоголиха Ровновского с. с. — „Старики цокают: *верцъньйа ру́ч'ка, ц'ервйвъй, це́рис* (= через)". А. Д. Баранцев, 1940. „*Все цово, цово, цово, прицово́кали милёноцка и бо́льше ницово́*". Студ. В. Уткина, 1946.

4. Сидорово Высоковского с. с. — ц и ч, но ч твердый: *чыстый*. Монастырские. Сидорово и Борутино называют троицкими, а окружающие их — барскими; *ушодше, ушовши*. Студ. В. Буткевич и В. Попова, 1941.

5. Хромцево Далековского с. с. — „цокают старики: *цас, доц, пецка, цо́рный, пецка; овца, конец, ицо́* (= яйцо). Хромчо́во — произносят некоторые; ч — мягкий; *он ушовши*". Государственные. Студ. П. С. Жирнова, 1940.

6. Волково — цоканье.

7. Коростелёво — цоканье; *цово, цашка, блюдецка, цупун. „У милёноцка мово поговороцка на о. Как за эту поговороцку любила я ёво“.* Монастырские. Студ. Е. И. Боева, 1945.

8. Матренино Пусто-Раменского с. с. — *ц* и *ч*. „Южнее нашей деревни, около Застолбья, говорят протяжно и цокают: *цово́, учениця́. Он ушёвши“.* Студ. Н. Г. Торбина.

9. Пусто-Раменка — см. 7; „цокают старики: *пецка, цашка, цулáн, цово́, овця́, яйцо, ку́рица; ушёдши, ушовши“.* Студ. Е. И. Боева.

10. Ильино — „цоканье у стариков: *ноц, ключь, цас; ушовши, ушодчи“.* Студ. М. Бычкова, 1943.

11. Косково (Коскова Горка) — цокают пожилые: *цаво, доцка. пецка.* Студ. Куртина, 1945. *Ч — ключ.* Студ. Н. Цырлин, 1941.

12. Могилки Комсомольского с. с. — цокают: *цас, цорный, пецка, ч* — твердый только у мужчин; *он ушедцы, он ушёвши.* Монастырские. Студ. А. А. Козлова, 1943.

13. Замостье — цоканье. «Прежде в Замостье было шесть или семь трактиров. Целыми днями чай пили и прозвали: „замы́цкие цаёвники“». Удельные. Студ. Н. С. Морозов, 1946.

14. Высоково — цоканье: *цас, цорный, овца, кольцо, курица.* Старики цокают, молодежь цоканье утратила; *ушёдши, ушёвши.* Студ. Павлова, 1944; Лаврова и Софронова, 1941.

15. Александрово — *цас* и *час*; *черный* и *цёрный, доцка* и *дочка; чыстый, чысло; час — цас, цово — чово.* Рядом дер. Шуя — карелы. Студ. Балакова и Образцова, 1941.

16. Ше́нское Медведихинского с. с. — цоканье: *цас, проц* и т. д. Студ. В. Селезнева, 1946.

17. Лядины Январского с. с. — цоканье: *цас, ноц, пе́цка, овця́, кольцо́* и т. д. Студ. В. Пономарева, 1946.

18. Леоново Большевистского с. с. — цоканье: *ноц, пецка* говорят только старые люди. Монастырские „троицкие“ (Троицкого монастыря). Студ. В. С. Уткина, 1946.

19. Бе́рег, 3 км от Застолбья, Кушалинского р-на, на север — цоканье, сохранившееся в речи трех стариков. Препод. Пед. ин-та А. И. Иванов, 1946.

30. Теблешский р-н

1. Намесково — цоканье. Студ. Лисицына, 1946.

1а. Домацково — цоканье.

2. Моркино Городище („Те́плеш“) — цоканья нет. Но статья „О теблешанах“ („Изв. Гос. русск. геогр. общ.“, т. LVIII, вып. II, 1926; т. LIX, вып. I, 1927) утверждает цоканье, см. 30. Можно предполагать, что студ. Лисицына как местная жительница не обратила на эту черту достаточного внимания. Монастырские.

3. Шульгино — цоканье; см. 1.

4. Теблеши — см. 2.

5. Борки Давыдковского с. с. — цоканье: *девцóнка, цаёк. „Посиди, цай устала бегать-то! кирпицыны-то какие грузные“.* Студ. Петухова, 1946.

6. Ивановское — „Цоканье расположено в деревнях за 12 км от Ивановского на север, но и в нашем селе есть слова, отражающие цоканье: *челыжня́* (= целина), *чулóк* (= целик), *Киврицы* (= Киверичи). Цоканье высмеивают: *Мимо нашева крыльца пробежала вот овча, как ля́пницча, перевéрницча. Эх, овча, овча, мисовеннича* (от слова „мясоед“). *На́ тебе, овча́, хлéпча“.* Экономические. Студ. М. А. Бушмарина, 1945.

7. Старово — цоканье у стариков: *цас, цорный, ноц, пец, цай, цыстый, офцы, кольцо, ицо* (= яйцо), *курица. Цово ты говоришь? Ушодшы.* Монастырские (Белозерского монастыря). Студ. П. Прусова, 1940.

8. Ильгóщи — „Язык прост и груб: *цаво, цорнай“.* Арх. Геогр. общ. (т. XLI, вып. 16, 1849). Цоканье отмечает М. В. Ушаков в 1930 г. (Тр. МДК, вып. XII, стр. 190).

9. Рýиново — цоканье. Монастырские деревни относятся к „Теплеши“. З. П. Келейникова, 1946.

10. Зáклинье — цоканье; см. 9.

11. Великое село — цоканье; см. 9.

12. Пáршино — цоканье; см. 9.

13. Рай — ц и ч; см. 9.

14. Бóртники — ц и ч; см. 9.

15. Дóлгуша — ц и ч; см. 9.

16. Клеймúхи — ц и ч; см. 9.

31. Кесовогорский р-н

1. Колыжино Лемеховского с. с. — *цаво, курица,* 1945.

2. Васильково Васильковского с. с. — ц и ч; *ушёдчи.* Барские. Заочн. П. Колобаева, 1945.

3. Василисово Кесовогорского с. с. — ц и ч; *ушёдши.* Студ. С. Матусяк и Н. Осипова, 1942.

4. Лемишино — ц и ч.

5. Кесова Гора — ц и ч.

6. Елисеево — цоканье: *цугун, цово, чип-чип* (подзывают цыплят), *чапля.* Сохраняется у старух. Местность называется „Монастырщиной“. Заочн. М. Г. Тихонова. „Скажут: *цас, пецка, клюц, доц*; в остальных случаях не встречается. *Он ушотцы.* В отдаленные времена говорили: *цашка, цайку, цело.* Сейчас колхозники 60—70 л. так не говорят“. Студ. В. И. Жукова, 1941. Студ. А. М. Кочурина (1941) — цоканье отрицает.

7. Звездúно — см. 6.

8. Страхúново — см. 6.

9. Коченково — см. 6.

10. Апалиха Лисовского с. с. — *ц* и *ч*; *ушётчи*. Барские. Студ. Е. А. Демидова, 1941.

11. Лаварьково Лисовского с. с. — *ц* и *ч*: *час*, *чёрный*, *овцá*. Заочн. М. Г. Тихонова.

12. Желдыбино — цоканье: *цово тебе надо; цаёк-от цай есть у цебя?* Монастырские. Студ. М. И. Петухова, 1946; студ. В. И. Абалихина и В. Н. Старицкая, 1943.

13. Сутоки — цоканье.

14. Пунцово, Борисковского с. с. — „Есть цоканье: *сундуцóк*, *яúцко*, *лóжецка*, *блю́децко; цай*, *боцка*". Барские. Заочн. К. М. Осипова, 1945. „Цокают древние старики", 1939.

15. Хозинцы — см. 14.

16. Польцо — см. 14.

17. Новгородское — см. 14.

18. Мартыново — см. 14. Но студ. М. И. Петухова отрицает цоканье, 1946.

19. Дягилево Поповского с. с. — *ц* и *ч*. Заочн. О. А. Честная, 1946.

32. Кашинский р-н

Общая характеристика Кашинского у., относящаяся к середине XIX в.: „Говорят на *о* и вм. *ч* и *т* произносят *ц*: *цётка Ографена поико сюды*". *Цее* (= тебе) или *тее*. *Сердзешной*, *цай мать-та больно плацот! А жона-то без памяци слов плоха лежит*" и т. д. Шубин (Арх. Русск. геогр. общ., т. XLI, 12, 1848). „Язык очень правильный, очень редко встречается; в нескольких селениях вм. *ч* говорят *ц* (*цево*)". Арх. Геогр. общ., XLI, 48 (1855).

1. Кожино — *ц* и *ч*; *ч* — мягкий; *ушёдши*. Студ. Т. А. Бурова, 1943.

2. Лобково — *ц* и *ч*; *ч* — мягкий; *ушёдши*. А. А. Лаврова, 1941.

3. Колхоз „Красный маяк" Больше-Крутецкого с. с. — „Ни цоканья, ни чоканья нет"; *уехатчи*, *накладчи*. Студ. С. Лосева, 1935.

4. Бараново — *ц* и *ч*.

5. Сташино — *ц* и *ч*; *ч* — мягкий. Барские. Заочн. Е. И. Маслаков, 1939.

6. Проскурницы (Проскурницыно) Постельниковского с. с. — *ц* и *ч*; *ушёдши*. Студ. К. М. Шлюева, 1945.

7. Эскино — *ц* и *ч*. Студ. Ончурова, 1946.

8. Борихино Введенского с. с. — *ц* и *ч*. Заочн. Е. В. Воронова, 1946.

33. Горицкий р-н

1. Горицы и селения, расположенные на 20 км в окружности цокают: *цясто*. А. Павлов (Тр. МДК, вып. XII, стр. 176); *ушотцы*, 1944.

2. Фёдорово — *ц* и *ч*. Студ. А. Емельянова, 1943.

3. Соловьево Киселевского с. с. — цокают старики: *цас, пецка, овца, кольцо, яцо* (= яйцо); *ч* — мягкий; *ушёдши*. Барские. А. А. Докучаева, 1940.

4. Стоянцы — *цай*. Заочн. А. Ю. Хорунжев, 1939. „Цоканья нет". Студ. Толокнова, 1946. „Двадцать лет тому назад было цоканье". Учит. русск. яз., местный уроженец, 1946.

5. Вербилково — *ц* и *ч*. Местный уроженец, учит. русск. яз., 1946.

6. Носково — *ц* и *ч*; см. 5.

7. Хавроньино — *ц* и *ч*; см. 5.

34. Калязинский р-н

1. Фролово — *ц* и *ч*. Заочн. Е. С. Бархатова, 1946.

2. Степаньково Ушаковского с. с. — *ц* и *ч*. Студ. А. Абаляева, 1939.

. Ушаково — *ц* и *ч*; см. 1.

4. Каданово — *ц* и *ч*; см. 1.

5. Семендяево — *ц* и *ч*. Новоспасский, 1848 (Арх. Геогр. общ., XLI, 44).

6. Стрелка — *ц* и *ч*; см. 1.

7. Раменье — *ц* и *ч*; см. 1.

8. Никифорцево — *ц* и *ч*; см. 1.

9. Башмаково (Бачмаково) — *ц* и *ч*; *ушедчи*. Барские. Заочн. О. П. Степанова, 1941.

10. Печищи Мышкинского с. с. — *ц* и *ч*. Студ. Дозорова, 1939.

11. Николаевка — *ц* и *ч*. Студ. Н. Демьянова, 1939.

12. Бормосово — *ц* и *ч*; см. 1.

13. Бакшеево Тиволинского с. с. — *ц* и *ч*; см. 1.

14. Ченцы — *ц* и *ч*; см. 1.

15. Апарниково — *ц* и *ч*; см. 1.

16. Н. Устиново — *ц* и *ч*; см. 1.

17. Инальцево — *ц* и *ч*; *ушёдши*. Студ. А. И. Федоров, 1941.

18. Гнилуха — *ц* и *ч*; см. 1.

35. Нерльский р-н

1. Старобислово — *ц* и *ч*, 1930.

2. Поречье — *ц* и *ч*, 1930.

3. Сорокино б. Зайцевской в. — *ц* вм. *ч* и наоборот. «Жители слывут под именем „цирков"; под влиянием школы и отхожего промысла эта особенность отпадает, она осталась только у стариков». Тр. МДК, вып. XII, стр. 175, 1930. «Жители с. Троицы Нерль, отрицая цоканье в округе, указывали, как на исключение, на наличие его в Зайцевской в.: *цас, цёрный, цай, ноць, доць, овца, кольцо*. Жителей называют „чирками", „цирухами"». Заочн. О. Д. Магницкая, 1940.

4. Зайцево — см. 3.
5. Альфимьево (Ольфимьево) — цоканье, см. 3. Учит. Норов, 1912.
6. Хализово — *ц и ч.*
7. Воскресенское — *ц и ч.*
8. Садки — *ц и ч.*
9. Ворынино — *ц и ч.*
10. Михайловское — см. 3 и 5.
11. Троица Нерль — *ц и ч.* Заочн. О. Д. Магницкая, 1940.
12. Большое Плутково Спасского с. с. — *ц и ч; ушедши.* Студ. Е. Рагузина, 1938.
13. Васильево — *ц и ч.* Студ. Ветрова, 1940.
14. Губино Вёсковского с. с. — *ц и ч.* И. Д. Баранова, 1946.
15. Плутково — *ц и ч.* Студ. Е. Рагузина.

36. Кимрский р-н

1. Устиново — *ц и ч.*
2. Макарово Кучинского с. с. — *ц и ч; он ушёл.* Студ. Е. Орлова 1940.
3. Крюково Мазловского с. с. — *ц и ч; ушедчи.* Студ. Т. А. Коптева, 1945.
4. Шилёво — *ц и ч; он ушёл.* Заочн. Е. Г. Ечеистова, 1941.
5. Губин Угол — *ц и ч.* Барские. Заочн. А. Ю. Хорунжев, 1939.
6. Самойловка Подорвановского с. с. — *ц и ч; пришодчи.* Заочн. П. Г. Вишнякова, 1945.
7. Кимры — *ц и ч; он ушёл.* Студ. А. Ф. Козлова; Куликова, 1945, и др.
8. Подберези — *ц и ч.* 1946.
9. Крева — *ц и ч.* 1946.
10. Ивáньково — *ц и ч.* 1941.
11. Цыгáново — остатки цоканья. Экспедиция Пед. института, 1948.

37. Оршинский р-н

1. Анашкино — цоканье. У стариков иногда — *цай, циво.* Кроме того *цеперь.* Студ. Т. Носова, 1935. „Цоканье можно встретить и сейчас у очень старых людей. Молодые люди и люди среднего возраста уже не цокают. Есть предположение, что родиной цоканья в нашем районе были д. д. Анашкино и Бортниково. В остальные деревни цоканье проникло отсюда. Из этих деревень выходили замуж в другие деревни". Барские. Заочн. С. Л. Дружинина, 1946.

2. Бортниково — цоканье. Т. Носова, 1935. „Как у вас раньше говорили, цокали? — *Што говорить, смиялись сё* (= все) *над нами, над бортнинскими. Так и звали цацáи* (старуха 82 лет). Цоканье в этой деревне было развито сильнее, чем в других деревнях. Доказательством этому служит детская шуточная песенка: *„Бóртински цацáи приижжáли*

к нам на цай. Мы налили помои, оне уехали домой". Раньше говорили — *цайник, цугун, цаска, цасы*. Остатки цоканья можно встретить у старых людей и то теперь редко. Цоканье стало смягчаться: *чшугун, чшан* (= чан). Студ. С. Л. Дружинина, 1945.

3. Борзнево Рождественского с. с. — *ц* и *ч*; *он ушёл*. Студ. Л. Смородова, 1943.

4. Мишнево Лисицкого с. с. — *ц* и *ч*. Заочн. С. Л. Дружинина, 1946.

5. Лисицы — *ц* и *ч*; см. 4. Заочн. Р. В. Крылова, 1946.

6. Сущево Нестеровского с. с. — *ц* и *ч*; см. 4.

7. Старенькое Нестеровского с. с. — *ц* и *ч*; см. 4.

8. Нестерово — *ц* и *ч*; см. 4.

9. Судимирки Лисицкого с. с. — *ц* и *ч*; см. 4.

10. Ременницы (Раменницы) — *ц* и *ч*; см. 4.

11. Кудрявцево Юрье-Девического с. с. — *ц* и *ч*; см. 4. Государственные. Учит. П. Дубкова, 1946.

12. Иваньково — *ц* и *ч*; *он ушёл*. Студ. Ю. Рожкова, 1944.

13. Кузьминское — *ц* и *ч*; см. 4.

14. Юрье-Девичье — *ц* и *ч*; см. 4.

15. Орешково — *ц* и *ч*; см. 4.

16. Осиновка — *ц* и *ч*; см. 4.

17. Юрятино — *ц* и *ч*; см. 4.

38. Кушалинский р-н

1. Застолбье, Улитино, Селютино — цоканье. Студ. Н. В. Трусова, 1944. *Никцому, доцка*, 1946. „В сильной степени развито цоканье. Часто ученики V—VII классов не только произносят вместо *ч* звук *ц*, но и пишут: *цай, тцать-тцу, тцала; цясы, уцыцца, цы́ркалки; ц* всегда твердый. Некоторые совершенно не различают *ц* и *ч*, смешивают их: *пшеница* и *пшеница, отцовский* и *отчовский*, но *цы́ркалки, цасы*. Кроме того, *мерцве́ц* (= мертвец), *натнёт* (= начнет), *нацина́ть*". Заочн. Г. Волужков, 1935.

2. Ве́дное — ведновцы в начале 40-х годов прошлого столетия говорили: «*Мы к цее Михайло Иваныц: я баю, у нея попросце*... Народ видный, здоровый (польские ли выходцы или карелы — хорошо не знаю). Разговор их был такой: „*Я баю, ты баешь, а ты глядитко*". Если что хорошее говорил один, другой отвечал: „*Ты бай, сколько на свете не худенько ли*!"» (И. М. Малеин. Мои воспоминания. Тверь, 1910, стр. 32). Сейчас у ве́дновцев цоканье сохранилось только у старух. Ведное окружено деревнями с более отсталыми говорами. Сохранилась частушка:

У залёточки маво
Пыговорычка на *о*.
Глупо сделала дивчо́ночка,
Влюби́лася в няво́.

Соседка, приехавшая из Застолбья, скажет: *„Нету ли у вас циркашки, заквашецки, уголёцка — пецку растопить“*. Ведному подражают, туда стремятся: *„За бедныва ды на Ведныва“*; *ушёдцы*. Студ. Н. В. Трусова, 1944.

3. Новая Рязанчиха Афатовского с. с. — *ц* и *ч*. Барские. 1946.

4. Бухлово — „Старики цокают: *цево, цорт, хоцца*“. 1941.

5. Давыдово — цоканье.

6. По́чеп — цоканье; см. 4.

7. Славное Славновского с. с. — *ц* и *ч*. Барские. Студ. М. М. Круглова, 1941.

8. Романово — *ц* и *ч*.

9. Дьяково — цоканье: *цас, цо́рный, ноц, доц, пецка; овцá, кольцó, яцó* (= яйцо), *кýрица, ци́стый, цисло, цас*. Барские, 1940.

10. Кушалино — *хоцу, сцытать; дзело, цее* (= тебе). Судаков, 1848 (Арх. Геогр. общ., XL, 71). Сейчас цоканье сохранилось в речи нескольких престарелых (А. А. Патренкова, 1946). Аспирант Г. П. Уханов, 1948.

11. Марьино Амачкинского с. с. — *ц* и *ч*. Студ. Крюкова, 1946.

12. Улитино Застолбского с. с. — цоканье: *цетверг, цы́рий, цай* (= чай), *цас, пецка*. „Во всем Застолбском с. с. — цоканье: Лукьяново, Морозово, Ручьи, Минино, Колупаново, Новиково, Летнево, Моляково, Н. Застолбье“. Студ. Лукьянова, 1945.

13. Селютино — цоканье; см. 1, 12.

14. Колупаново — цоканье; см. 12.

15. Морозово — цоканье; см. 12.

16. Минино — цоканье; см. 12.

17. Ручьи — цоканье; см. 12. Но А. И. Иванов отрицает цоканье.

18. Сутоки — цоканье. Член МДК М. В. Ушаков, 1930 (Тр. МДК, вып. XII, стр. 195). Студ. Лукьянова отрицает цоканье, 1946.

39. Конаковский р-н

1. г. Конаково — *ц* и *ч; он ушел*. Заочн. М. А. Васильева, 1946.

2. Уразово Чернышевского с. с. — *ц* и *ч; он ушёл*. Студ. Л. Буланова, 1940.

3. Сучки — *ц* и *ч*. С. Ф. Спасский, 1946.

4. Марьино — *ц* и *ч*. Заочн. Н. И. Дмитриева, 1946.

5. Ручьи — в 1890—1900-х годах было цоканье. Монастырские. Учитель, местн. уроженец, 1946.

40. Завидовский р-н

1. Метево Метевского с. с. — *ц* и *ч*. Студ. М. Б. Волович, 1938.

2. Перкурово — цоканье.

3. Турыгино — *ц* и *ч*; см. 1.

4. Власово Мутня — цоканье: *цай, цервяк, пецка, цево.* Учит. М. Колосова (Тр. МДК, вып. III, стр. 142).

5. Юрьево — „От стариков можно услышать — *цево*". Студ. Андреев и Толстых, 1938.

6. Ко[з]лово — ц и ч. Монастырские. В селении фабрика. Студ. Н. С. Земчиков и И. В. Шевелев, 1938.

7. Гаврилково — цоканье.

8. Жóхово — цоканье: *цугун, цашка, цай, доцка, девоцка.* В связи с проведением канала им. Москвы и появлением Московского моря, жители этой и других соседних деревень переселились в другие деревни. Барские. Заочн. Н. Т. Травникова, 1945.

9. Óбразово — цоканье; см. 8.

11. Павлюково — ц и ч. Экономические. Студ. Соловьева и Черепенина, 1938.

12. Чегрáево — цоканье; см. 8. Учит. М. Колосова (Тр. МДК, вып. III, стр. 141).

13. Жуково — цоканье; см. 8.

14. Сведдово — „Цоканья нет, но ц отличается мягкостью: *кольцё, жонця, сердци*". Барские. Студ. Федоров и Хомченко, 1938.

41. Тургиновский р-н

1. Ильи[н]ское — ц и ч. А. Соколов (Тр. МДК, вып. VIII, стр. 30).

2. Якимцево — ц и ч; см. 1.

3. Троицкое — ц и ч; см. 1.

4. Панино — ц и ч; см. 1.

5. Быково — ц и ч; см. 1.

6. Акимово — ц и ч; см. 1.

7. Большое Селище — ц и ч; *он ушел.* Монастырские. Студ. А. Петухова, 1940.

8. Рязаново — цоканье: *цас, цорный, ноц, пецка; овца, кольцо, конец, курица* (в языке старых); *он ушёдцы, ушёвшы.* Барские. В. И. Шведова, 1939.

9. Ферязкино — ц и ч; *он ушёдшы.* Крестьяне, мраморщики по облицовке стен, уходили на-сторону. Студ. А. М. Баранова, 1941.

10. Сенцово — цоканье.

42. Калининский р-н

1. Орудово — „Цокание у старшего поколения ярко; особенно последовательно у некоторых старух, местных уроженок: *пяточик, подарочки, считалисе* и т. д.". Экспед. Калининского Пед. ин-та под руководством проф. Н. М. Каринского, 1927—1928 гг. „Уч. зап. РАНИОН" (лингвист. секция), т. IV, 1931, стр. 83.

2. Васильевское — „Цокают не только бабы, но и мужики: *цово́, до цысле́*... *ц* твердый, но можно услышать и мягкое произношение. Цоканье непоследовательно, чоканье редко (*челковый*). Бабы... только цокают, но не чокают; *ч* произносится иногда с оттенком твердости" В. И. Чернышев. 1900. Сб. ОРЯС, т. LXX, № 2, стр. 8; см. 1.

Цоканье: *„цумицка, цортово, цаво, спилецки* (шпилечки), *цитать, не хочет отвецать, внуцка, колоцо́шники* (клочошники — торговцы клочками).[1] Цоканье сохранилось у стариков лет 60—70-ти. Но теперь они умеют вести речь иначе: они с вами будут говорить, а вам цоканья не заметить". Студ. Викторов и Луньков, 1937.

„Есть цоканье в речи старожилов: *Моя доцка в ноцку родила сыноцка, Отец-то все на цугунке работает?; Коль у тя пецка-та горяца, сколь ража, тёпло и свётло*". Студ. М. Г. Кашкина, 1940; Трубина, 1945.

3. Михайловское — среди пожилых цоканье: *часто, цисто, пецка, прицасье, свецка; цело, оцелье, оцелок, оцеп, челыжня* и *цилыжня* (целина). Названы двое стариков, в речи которых сохранилось цоканье. Учит. Б. В. Ермолаева, 1945.

4. Стре́льниково — цоканье: *моцка, крицит*. См. 2. Студ. Викторов и Луньков.

5. Жо́рновка — цоканье (*пе́ци, цово*) ярко только у старых женщин, взятых из других деревень: *цоловек, проц', цай, ницаво́, доцери*. Студ. Викторов и Луньков, 1937.

6. Аркатово — *ц* и *ч*. Барские. Студ. Завьялова, Рогатых, 1938.

7. Андреевское Горютинского с. с. — *ц* и *ч*. Студ. Иванова и Травина, 1936.

8. Горютино — *ц* и *ч, он ушовши*. Студ. Зюзина, 1941.

9. Старое Константиново — *ц* и *ч*. Студ. Д. С. Диманштейн, 1937.

10. Каблуково — по воспоминаниям глубоких стариков, цоканье было. Монастырские. В Калининском р-не „каблук" произносят *калбук*, старое название „Клобуково". Препод. кафедры А. А. Белова, 1946.

11. Крупышево (Крутаево?) — *ц* и *ч*. Свободные. Учит. Оршинской школы, 1945.

12. Орша — *ц* и *ч*, 1945.

13. Пасынково Эммаусского с. с. — *ц* и *ч*. Студ. А. Александрова, М. Булатова, Л. Левтеева, В. Стогова, 1937.

14. Кривцово — цокают старые. Студ. А. Гуляева, 1945. Студ. А. Н. Моторова цоканья не отмечает, 1946.

15. Мигалово — *ц* и *ч*.

16. Борихино — *ц* и *ч*. Студ. А. Н. Моторова, 1946.

---

[1] Клочки — лоскутки, остатки от кусков ткани, забракованной на текстильных фабриках.

17. Даниловское — см. 14. „Встретилось несколько цокающих стариков: *цаво́, доцка, цай, мациха, цверника*". Вольные. Студ. Кочеткова, Ляховецкая, Пирогова, Фабрикант, 1940.

18. Андрейково — см. 14. Экономические. Студ. С. И. Дьяконова цоканья не заметила, 1938.

19. Моркино Городище — „В речи старых в отдельных случаях: *оцеп, чолжень*". Барские. Заочн. В. Гусева, 1945. Студ. Н. Савельев — ц и ч, 1940.

20. Дубровка (Дубровки) — *чыстый, чашка, часы;* ч — твердый. Барские.

21. Борисково — ц и ч; *он ушёдши, ушовшы.* Барские. Студ. Л. И. Ратникова, 1943; студ. А. Вольская, Т. Зверкова, Л. Немилова, 1937.

22. Максимовское — ц и ч; *он ушёл.* Студ. А. З. Рывкин, 1940.

23. Аксинкино (Аксиньино) Бурашевского с. с. — ц и ч. Студ. З. Калугина, 1943.

24. Бурашево — ц и ч. „На территории Бурашевского с. с. цоканье". С. М. Иванова, 1945.

25. Чуприяново — ц и ч. Студ. Р. Казанская, 1945; Голикова и Травина, 1937.

26. Щербинино — ц и ч; см. 25.

27. Городище — ц и ч. Препод. А. Д. Баранцев, 1938. Он ушел. Экономические. Студ. Завиткова, 1943.

28. Н.-Семеновское, Кошелево, Кузьминское, Старый Погост, Эммаус с их деревнями — цоканье: *цоловек, цыгун, черковь, чепоцка*; дзеканье и цеканье: *дзелам* (= сделаем), *цесць, цяцинка.*

29. Отроковичи и приход — цоканье редко: *цай, цей, цур меня.* И. Березкин (Тр. МДК, вып. III, стр. 140).

30. Труново — „Старики сказали, что раньше говорили: *куричя, овчя*". Монастырские. Студ. Т. Телепина, 1937.

31. Перкурово — ц и ч; см. 25.

32. Масловр — ц и ч; см. 25.

33. Старый Погост — сейчас цоканья не находят. Студ. Р. Казанская, 1945. В прошлом было: „Иногда замечается мена ц и ч: *поцерьпнет* (почти мягко), *чиа́н, подлечу́* (= подлецу); иногда слышится звук средний между ц и ч". В. И. Чернышев, 1900 (Сб. ОРЯС, т. LXXV, № 2, стр. 2). „У стариков проскальзывает: *хо́цецца, цово, доцери, сцитать, човош (ж);* ч — твердый; *он ушёдши.* Экономические. Студ. Забелин, 1937.

34. Чудово — ц и ч; см. 25.

35. Лукьяново — цоканье: *цаво, чипляты, чер'кьф; пец, царным, царно,* но *чорный.* Экономические. Студ. Р. Казанская, 1945.

36. Жилкино — цоканье; см. 35.

37. Измайлово — цоканье; см. 35.

38. Петрушино — *ц* и *ч; он ушёл*. Студ. Н. И. Агапова, 1944, Л. Верхопетровская, 1943.

39. Рязаново — остатки цоканья: *зацем, доцка, на цетыре, цитвяртная, пецка; кусоцык, плацет*. Студ. Ф. М., Квитман, Кочеткова, Пирогова, 1937 и 1940.

40. Котово Негодинского с. с. — цоканье. Экспедиция студентов, 1937. В 1945 г. студ. Цыганова находит лишь твердый *ч*.

41. Кашино — „В некоторых словах старики произносят: *цас, цорный, цашка, ноц, пец; овча, сонче, курича*". Барские. Студ. С. Воронов, 1938.

42. Калошино — цоканье; см. 40. Волуево Городище, Колошино, Матвеево, Быково, Якимово, Пономарьково: „*ц* и *ч* смешивают немногие старухи: *чарь, черков, овча, цай, цей, цухой*". Учит. с. Валуева Городища (Тр. МДК, вып. III, стр. 140).

43. Башмаково — см. 40.

44. Курово — см. 40.

45. Петровское — жители Рязанова утверждают, что вся Петровская округа цокает. Сюда входят деревни: Башмаково (см. 40), Курово (см. 44), Львово, Горки, Красное, Петровки, Кашино (см. 41), Крюково, Завратье, Анисимово, Филиппцово, Павшино. Барские; см. 39. А. С. Маркова.

46. Эммаус — *ц* и *ч*. Студ. Сметанников. Цоканье исчезло; см. 28.

47. Заозерье — твердое *ц*. Тр. МДК, вып. III, стр. 142.

48. Никулино — цокают старики: *ноц-то черным черна, цайку на завароцку*. Цокают: М. Жиркова — 60 л., А. Майоров — 80 л., Т. Гуляева — 90 л., М. Марусева — 83 л., П. Клочкова — 70 л., М. Горчакова — 60 л. Студ. А. Гуляева, 1945. Цоканье отметила экспедиция 1931 г. под руководством проф. Н. М. Каринского, 1931.

43. Емельяновский р-н

1. Зуево — *ц* и *ч*.

2. Гнилицы (Хилицы?) — „Цоканье массовое". В. Гусева, 1945.

3. Хомутово — *ц* и *ч; он ушёдчи*. Студ. К. К. Булыгина, 1944.

4. Курово — цоканье.

5. Ивáниши — не отмечено; *он был ушёдши*. Монастырские. Студ. А. Антонова, 1940.

6. Иванишские Горки — *ц* и *ч*.

7. Матюково — цоканье.

8. Калистово — *ц* и *ч*. Барские. Студ. Е. Ф. Гоголева, 1946.

9. Быково — *ц* и *ч*. Звук *ч* тверже обыкновенного, но произносят *чистый*, а не *чыстый*. Студ. А. Антонова, 1938.

10. Емельяново — В начале XX в., по воспоминаниям ст. препод. кафедры А. С. Молякова, „цавокали" старухи. Был старик, которого за цоканье прозвали „цацáка". Потом появились „капóрки" — огородники, отходники в Москву. После развилось отходничество в Ленинград. Сейчас цоканья совсем нет. Наблюдатели его решительно отрицают. См. также отрицание цоканья М. Трисветовым (Тр. МДК, вып. VIII, стр. 28). Сохранилось слово — *цыркýн* (кузнечик). В прошлом — монастырские, „троицкие".

11. Сотчина — когда-то было цоканье; см. 10.

12. Тарутино — „У старух: *луцы́на, пецка, цýни* (чуни)." Студ. Дудиков, Павлова, Терсинских, 1937.

13. Афанасьево — цоканье. Учит. Приклонский, 1946.

14. Заборье — цоканье. Учит. Приклонский, 1946.

44. Старицкий р-н

В Старицком у. А. А. Тютчев отмечал чоканье: *чарь, отечь*; цоканье у женщин (См. Соболевский. Опыт русск. диалект. СПб., 1897, стр. 103). Точно селения не указываются.

1. Красное Красновского с. с. — *ц* и *ч*. Но одна женщина 72 л. цокает (*цай* и т. д.) „Одна из жительниц утверждает, что цокала ее бабушка. Сама она говорит *ушотчи, пришотчи*". Барские. Заочн. А. А. Жукова, 1946.

2. Малое Коптево — *ц* и *ч*. Барские. Заочн. Ф. Устинков, 1941.

3. Дубровка — цоканье. Монастырские. Учит. П. Я. Козлов, 1946.

4. Холохольня́ — цоканье. Монастырские; см. 3.

5. Пентурово — цоканье. Монастырские; см. 3.

6. Коньково — *ц* и *ч; ушёдши*. Студ. М. Аркадова, 1946.

7. Коконягино Благинского с. с. — *ц* и *ч; ушёдши*. Студ. В. Вяткина и В. Н. Павлова, 1943.

8. Бабынино Бабынинского с. с. — *ц* и *ч; ушёвши, уéхаччи*. Монастырские. Лаборант кафедры, 1939.

9. Мичкино — *ц* и *ч*.

10. Сидорово Сидоровского с. с. — *ц* и *ч; ушёччы*. Студ. Лисатова, 1943.

11. Каледино Богоявленского с. с. — *ц* и *ч*. Барские; см. 8.

12. Селиваново — *ц* и *ч; ушёдчи*. Студ. А. Комиссарова, 1943.

13. Первитино Романовского с. с. — *ц* и *ч*. Заочн. Н. К. Борисова, 1946.

45. Зубцовский р-н

„В Зубцовском районе никаких следов цоканья нет", *ц* и *ч*. Студ. Носова, 1938.

1. Мутягино Асутинского с. с. — *ц* и *ч*. Студ. В. Образцова, 1940.

2. Мозгово Никифоровского с. с. — ц и ч. Барские. Студ. библ. техн. Белякова, 1945.

3. Курьково — ц и ч. Студ. библ. техн. Дудина, 1946.

4. Богослово Пищагинского с. с. — ц и ч. Монастырские. Студ. библ. техн. Филиппова, 1945.

5. Брычево Брычевского с. с. — ц и ч. Студ. библ. техн., 1946.

6. Аполево Первомайского с. с. — ц и ч. Заочн. Л. Образцова, 1946.

7. Нефедово Коробинского с. с. — ц и ч. Студ. библ. техн. А. Д. Долгова, 1945.

8. Котеленка — ц и ч.

9. Луковниково Карамзинского с. с. — ц и ч; *ушёдчи, ушовши.* Студ. П. В. Крылова, 1945.

10. Карамзино — ц и ч; см. 9.

11. Аносово Марковского с. с. — ц и ч. Студ. библ. техн. А. Кузнецова, 1945.

12. Васютники Коротовского с. с. — ц и ч. Студ. библ. техн. Л. А. Кудряшова, 1945.

46. Погорельский р-н

1. Дорожаево Хлопогородищенского с. с. — ц и ч. Студ. Л. Морошкина, Курятова, аспир. Т. В. Куликова, 1945.

2. Ошурково — ц и ч. Студ. М. Образцова, 1945.

3. Ступино Салинского с. с. — ц и ч; см. 1.

4. Салино́ — ц и ч; см. 1.

5. Мишино — ц и ч; см. 1.

6. Микшино Николо-Пустынского с. с. — ц и ч. Студ. А. Н. Мирославская и Ю. Чайкина, 1946.

7. Максимово Ульяновского с. с. — ц и ч; см. 1.

8. Ульяновское — ц и ч; см. 1.

9. Старое — ц и ч. Монастырские.

10. Носово — ц и ч. Экспедиция 1945 г.

11. Раково — ц и ч. Студ. Зяблицкая и Цыбульская, 1945.

12. Прасолово — ц и ч; см. 11.

13. Денежное — ц и ч; см. 11.

14. Ст. Устиново — ц и ч; см. 11.

15. Артюхино — ц и ч; см. 11.

16. Воскресенское — ц и ч; см. 11.

17. Петропавловское — ц и ч; см. 6.

18. Кучино — ц и ч; см. 6.

19. Житново — ц и ч; см. 6.

20. Ульяново — ц и ч. Заочн. Г. А. Ахматова, 1945

21. Белавино — ц и ч. Заочн. А. М. Александрова.

22. Ягодино — ц и ч; см. 21.

47. Московская область. Лотошинский район

1. Хранево (с. Хранилово и другие приходские деревни). Мена ц и ч. 1849 (Арх. Геогр. общ., XLI, 29). Уроженец села доц. А. Н. Лавровский отрицает цоканье во всей округе, 1946.

2. Микулино Городище — „Вообще замечается цавоканье, кроме отходников в Петербург и Москву, которые, стараясь отстать от этой черты, путают ч и ц и говорят *церковь*". Другой автор из Хранилова (Хранева?) отмечает в Микулине оканье. Первов, 1849 (Арх. Геогр. общ., XLI, 18). По наблюдениям доц. А. Н. Лавровского, следов оканья и цоканья нет. Село отличается высокой культурой сравнительно с другими селениями; сильно развито отходничество. Есть предание, что здесь когда-то жили карелы.

II. ВЕЛИКОЛУКСКАЯ ОБЛАСТЬ

(Территория бывш. Калининской области)

I. Пеновский р-н

1. Пено — цоканье. С. В. Вернов, 1945.
2. Верхмарево — цоканье; 1 см. 1.
3. Мéглино — цоканье; см. 1.
4. Слаýтино — цоканье; его отрицает Ф. М. Матвеева; *чыстый, чысло*. 1940 (Собр. ИРЯЗ, 414).
5. Ворошилово — цоканье; см. 1.
6. Охвáт пос. — цоканье; см. 1.
7. Мизиново — цоканье; см. 1.
8. Митино Грылевского с. с. — цоканье „*Отцево и поцему, д' по какому случаю, аднавó тибé люблю, а другова муцыю. Цур тибé; цай пить*". Заочн. М. Харитонов и его ученики X класса Н. Кораблев, В. Дюшков. Б. Терпигорев, Н. Груднев, 1941.
9. Грылёво — цоканье; см. 1. „В Грылеве мягкий ц почти не сохранился; *курича*.; Особенно так говорит один старик в д. Горка Булыган; *ушóвши*". М. Харитонов.
10. Горка, Кузнечки — см. 9. Заочн. Е. И. Воробьева, 1945.
11. Рáнцево — цоканье; см. 1.
12. Дуново — цоканье; см. 1.
13. Теплень — цоканья и чоканья нет. Заочн. А. Ф. Фетисова, 1945.
14. Давы́дково — цоканье. Заочн. А. И. Белозёрова.
15. Ходулино — цоканье; см. 14.

II. Серёжинский р-н

1. Сопки — цоканье. С. В. Вернов.
2. Скудино — цоканье; см. 1.

3. Торопаца — цоканье. В произношении ч и ц так смешиваются, что трудно отличить, когда произносится *ночь*, а когда *ноць*, *чашя*, *чюдо*. Учит. В. Покровский (МВГ, т. VIII, 1903, стр. 107).

4. Серёжино — „Иногда встречается цоканье — *цавó*, *цáйник*, *дóца*. Иногда встречается *чыстый*, *чысловой*". Заочн. А. А. Грибанова, 1946.

III. Холмский р-н

1. Холм — цоканья не отмечается. И. Орехов, 1898; П. Жемчужников, 1910 (Тр. МДК, вып. VIII, стр. 41).

2. Сопки Медовского с. с. — ц и ч; ч — твердый; *ушодчы*. Студ. А. А. Томилина, 1938.

3. Островня — ц и ч; ч — твердый.

4. Тухóмичи — цоканье: *цавo*, *дóца*, *кудá ты идóс, цыць*. Барские. Заочн. А. А. Грибанова, 1946. Экспедиция лета 1946 г. цоканья не отмечает; ч — твердый.

5. Малашóво Мóрховского с. с. — ц и ч; ч — твердый. Барские. Аспиранты Ин-та Т. В. Куликова, Ю. И. Чайкина, 1946.

6. Потяпáлово — см. 5.

7. Лисово — см. 5.

8. Ивáньково Медовского с. с. — ц и ч; ч — твердый. А. А. Томилина, 1946.

9. Смёхново Медовского с. с. — ц и ч; ч — твердый; см. 8.

10. Óсцы Морховского с. с. — ц и ч; ч — твердый. Аспиранты Пед. ин-та Т. В. Куликова и Ю. И. Чайкина, 1946.

11. Гри́шечкино Ельнинского с. с. — ц и ч; ч — твердый; см. 10.

12. Дощáново Ельнинского с. с. — ц и ч; ч — твердый; см. 10.

13. Кайдалово Ельнинского с. с. — ц и ч; ч — твердый; см. 10.

14. Хутор Лезгá Ельнинского с. с. — ц и ч; ч — твердый; см. 10.

15. Бабино Сопкинского с. с. — ц и ч; ч — твердый; *тшасто*, *тшысто*, *полутшил* и т. д. Учит. Л. Д. Дмитриева, 1946.

16. Стрецово Сопкинского с. с. — ц и ч; ч — твердый; см. 15.

17. Пустыньки Сопкинского с. с. — ц и ч; ч — твердый; см. 15.

18. Стёпаново Сопкинского с. с. — ц и ч; ч — твердый; см. 15.

19. Стрежино Сопкинского с. с. — см. 15.

20. Траховщина Сопкинского с. с. — см. 15.

IV. Ашевский р-н

1. Ст. Чихачёво — цоканье: *цас*, *цóрный*, *ноц*, *пец*, *овца*, *кольцо*, *пришотцы*. Заочн. А. В. Лабудина, 1938.

2. Добрывичи — ц и ч, но *чыстый*, *чысло*. Барские. Заочн. Я. В. Марьенков, 1941.

3. Заполье — ц и ч, но *чыстый, чысль*; см. 2.

4. Уда — цоканье; см. 3.

5. Плессье — цоканье: *чай, чапля; ушотцы*. Я. В. Марьенков, 1941.

V. Новоржевский р-н

1. Заречье — ц и ч.

2. Охлово — ц и ч.

3. Красное Глинино — ц и ч.

VI. Пушкинский р-н

„Часто можно встретить цоканье и чоканье". Е. И. Иванов, 1941.

1. Пушкинские горы, хутор Озерки, Навдыши — „Цоканье хорошо еще сохранилось в говоре. Совершенно свободны от него более культурные обыватели. Они смеются над цокальщиками, в семьях учат детей не говорить: *цаво, пецка* и под. Чоканье почти не наблюдается". Чл.-корр. АН СССР В. И. Чернышев. Говор Пушкинского района („Язык и мышление", т. VI—VII, стр. 112).

2. Дер. Савкино — „Вместо *ч* последовательно слышится *ц*: *цашка, цорный, сцытать* и т. д." К. Иеропольский (Изв. по русск. яз. и слов., ч. III, стр. 588).

VII. Красногородский р-н

1. Зуево Ильинского с. с. — цоканье наблюдается только в некоторых словах: „*цаво ты гавóришь мне; цаво ш яму ня вчúтца, ця́сацка* (= чашечка) *дацýшка*". Заочн. А. Дегелева, 1940.

2. Покровское Покровского с. с. — „В речи 75-летнего старика: *Нóйма погóда ницавó; цáсто бывают помáцки. Во, было лéтом потéхи, забрáли барáна и в моцúло, а он шерчúт* (кричит)". *„Моя́ пря́лоцка слиня́ла, я её позолоцý, сдали ягодку в солдáты, я об ём похлопоцý*". Барские. Заочн. А. И. Ловчакова, 1941.

3. Гостены Сошихинского с. с. — цоканье: *цас, цóрный, пéцка, чúстый, числó; ушоччи*. Барские. А. И. Иванова, 1944.

4. Б. и М. Язовицы Мозульского с. с. — ц и ч; ч̀оканье (?): ч часто произносится вместо ц: *подчапил, челится*. Заочн. И. С. Степанов, 1939.

5. Подшляпье Горшановского с. с. — цоканье. Заочн. Т. Т. Евдокимов, 1939.

6. Пригород Красный — „цокают, но не все, т. е. в одной деревне говорят: *цорный, цайник*, а в другой не говорят". П. М. Павлов (ИРЯЗ).

VIII. Опочский р-н

1. Макушино — цоканье наблюдается только у старых, у молодых исчезло. *„Кирпицы́ну под боцы́ну. И песóцыну в карман*". Барские. И. Ф. Прутковский, 1939.

2. Бальтино Новосельского с. с. — ц и ч; но „где-то в соседних деревнях встречается у стариков цоканье". Барские. Заочн. И. Д. Андреев, 1937.

3. Рясино Рясинского с. с. — цоканье: *цас, цорный, цатыре, цаво, цулун; ушёдчи;* „цоканье у старых и у людей средних лет". Заочн. Н. П. Касаткин, 1938.

4. Козино Любимовского с. с. — цокают старики. *„Как нацали, как зацали с пистулетины палить". „Если б юпоцка не в ёлоцку, не стала бы носить. Если б дролецка не Колецка, не стала бы любить". Овча, кольчо, конвчь, яйчо, курича.* Такое произношение только у отдельных лиц. Высмеивают его: *„Бежала овча мимо дяднныва крыльча; да как стукнича, да как перевернича; овча, овча, на хлепча". Ушёдчи* и *ушедцы.* Барские. Заочн. С. Е. Ефимов, 1939.

5. Разумовщина Глубокое — сильное распространение цоканья (Н. Н. Соколов. Говоры Псковской губ. Тр. МДК, вып. VIII, стр. 6).

6. Высокое Высоковского с. с. — цоконье: *цыстый, коцан, плецо, поута, тацка, птицка, овца, кольцом* и т. д. Заочн. М. И. Калинин, 1946.

IX. Бежаницкий р-н

1. Туровский с. с., колхозы „Искра", „Серп и молот", „Ударник" и „Борец" — ц и ч; ч — твердый. *„Цашка, цайник, ноц* — говорят старики в возрасте от 50 лет и старше, приехавшие из Опочского р-на." Студ. М. И. Алексеева, 1941.

X. Локнянский р-н

1. Сударово, Муравья — цоканье. Заочн. В. Н. Алфеев, 1939.

2. Зачистье — цоканье. «Мне, как сейчас, помнится мой квартирный хозяин Федор Спиридонович, крепкий, без единого седого волоса, семидесятилетний старик, занимавшийся бондарным ремеслом, изготовив замечательно прочную посудину, щёлкнув ее по дну, самодовольно говаривал: *„Ну, Николаиц, горох не посыплетца, а воды и чарь не удержит".* Слыхал: *чарь, чарича, курича, яйчо* и т. д. Из причета: *„И расступись мать — сыра земелюшка, да и распахни свои белые руцушки"*». Заочн. В. Н. Алфеев, 1939.

3. Рысино Локнянского с. с. — ц и ч: *ушёдчи.* Студ. Ф. З. Ершин, 1938.

4. Цевло и б. Цевловская вол. „Цоканье в части волости". Другая часть этой волости относится к Псковской группе. Н. Н. Соколов. Говоры Псковской губ. (Тр. МДК, вып. VIII, стр. 10). „Произносят звук средний между ц и ч". Учит. В. Соловьева (Тр. МДК, вып. III, стр. 54).

«*„Моя милая подружка, не ходи замуж в Цевло; поговорка там худая, говорят „цаво", цаво*». Н. Балакин, 1939.

XI. Плоскошский р-н

1. Качута — ц и ч. Тр. МДК, вып. III, стр. 54.

2. Ширино — ц и ч. Учит. В. Соловьев (Тр. МДК, вып. III, стр. 54).

3. Плоскощь — цоканье. С. В. Вернов. Но экспедиция Пед. ин-та 1936 г. цоканья не отмечает.

XII. Торопецкий р-н

1. Пятницкое — ц и ч; ч — твердый: *чыстый, чысло; ушодчи* Заочн. А. Н. Кузьмина, 1945.

2. Михайловское, Крест — ц и ч; ч — твердый. Барские. Заочн. К. С. Конькова, 1945.

3. Завражье — ц и ч; *ушедчи*. Студ. Е. П. Самарина, 1941. Пословица: *„Торопцане те же англичане, только нарецие не то“*.

4. Харино — ц и ч; ч — несколько более твердый, чем ч литературный. Экспедиция 1946 г.

5. Колдино — ц и ч; ч иногда тверже ч литературного. Экспедиция 1946 г.

XIII. Ленинский р-н

1. Жу́ково — цоканье. С. В. Вернов, 1946.

2. Полибино, Воронино, Прудитенка, Бобы́нино Новогорского с. с. — ц и ч; ч — твердый. Заочн. Р. И. Денисова, 1940.

3. Бобынино — ц и ч; см. 2.

4. Гуса́ры, Чернецово, Потураево Кожуховского с. с. — ц и ч; ч — твердый, см. 2.

5. Чернецово — ц и ч; см. 4.

6. Потураево — ц и ч; см. 4.

7. Покровское — ц и ч.

8. Воронино — ц и ч, см. 2.

9. Курякино — ц и ч.

10. Лу́ги — цоканье; см. 1.

11. Величково — цоканье. Заочн. Е. А. Деднева, 1945.

12. Голенищево — цоканье; см. 1.

13. Жукопа́ — цоканье; см. 1. „Цоканье почти во всех селениях: *пецка, спицки*; чоканья нет; *„цок, цок, пятацок, ещё гривенницек“*. Заочн. Е. А. Деднева, 1945.

XIV. Нелидовский р-н

1. Кривоносовка — ц и ч; *ушёдчи*. Барские. Заочн. Е. К. Остроухова, 1941.

2. Нивицы — ц и ч; ч — твердый; *ушóвши*.

3. Н. Богданово — ц и ч. Заочн. В. П. Новикова, 1945.

4. Стройново — ц и ч; см. 3.

5. Н. Деревня — цоканье; см. Оленинский р-н Калининской обл. Заочн. Т. Я. Свитченкова, 1945.

XV. Октябрьский р-н

1. Скрабы Скрабовского с. с. — „В районе нашей школы цоканья нет". Заочн. Е. Урстынь, 1939.

2. Заиловье Никопольского с. с. — ц и ч; ч — твердый: *чыстый, чысло; ушёдчи.* Заочн. Л. И. Карпенкова, 1945.

3. Лопатино Заборовского с. с. — ц и ч.

XVI. Куньинский р-н

1. Иванцево, Михайлово, Сопки, Великополье, Ворок — ц и ч. Студ. Ф. Израилович, 1939.

2. Назимово Назимовского с. с. — ц и ч; ч — мягкий. Студ. Е. В. Травина, 1940.

3. Великополье — ц и ч; см. 1.

4. Борок — ц и ч; см. 1.

5. Федорцево Тимофеевского с. с. — ц и ч. Заочн. И. А. Давыденко, 1940.

6. Стишково Жилинского с. с. — ц и ч. Студ. В. Д. Цветкова, 1945.

7. Морозы Морозовского с. с. — ц и ч. „Цоканье на юге, в Велижском р. Граница его — 12 километров южнее". Заочн. А. Г. Гуков, 1941.

XVII. Великолукский р-н

1. Бесе́дино, Зимари, Овечкино, Медвёдково, Дрожжино, Кленовка, Демидово, Малахи Камаевского с. с. — ц и ч; *ушёдши.* Заочн. В. В. Гаузина, 1945.

2. Камаево — ц и ч; см. 1.

3. Черновище, Глинки — ц и ч. Студ. Н. Ефремов, 1936.

4. Глинки — см. 3.

5. Поречье Поречьевского с. с. — „цоканья нет и не было". Заочн. В. Н. Алфеев, 1939.

6. Нюсо, Усово — цоканье. Заочн. В. Н. Алфеев, 1939.

7. Усово — см. 6.

8. Ладна, Староселье, Усово, Большое, Нюсо — „Женщины немилосердно цокали". Припев к пляске:

„Хо́цу ско́цу, хо́цу не́, бутылоцка в карма́не. Цыстый соценёк вторнуть, коноплям удёрнуть". Припев служил предметом насмешек и острот пореченских (см. 7), где не было цоканья. Смеялись над часто употребляемыми словами *„цорт", „ницо".* Заочн. В. Н. Алфеев, 1939.

9. Еремеево Золотниковского с. с. — ц и ч; *ушедчи.* Монастырские. Р. Б. Певзнер, 1941.

10. Новосёлки, Дубоцкое, Зеленьково Жарковского с. с. — цоканье. „Старики, а нередко и молодежь, цокают: *пецка, спицки, руцка.* Цоканье распространяется на Ильинский и Велижский районы. На запад от Жарковского р-на цоканья нет". Заочн. А. И. Пенченкова, 1946.

11. Погост Лукин — „Шипящие *ж, ч, ш, щ, ц*... произносят очень твердо, мягкие гласные после них употребляются очень редко... обыкновенно слышится: *чыстый, цыплёнок*. Главной отличительной черты псковского говора — „цоканья", в большинстве уездов теперь не сохраняется В нашей местности оно явление редкое; но зато, где эта особенность замечается, ее едва ли можно ограничивать несколькими словами и примерами; скорее замена простирается на все аналогичные звуки — чаще *ч* заменяют *ц; цорный, ноц, цаво, цай, пцолка, пец;* реже *ц* заменяют *ч: чарь, черьков, сонча, божнича, горнича, яйчо, палич, малич*". Ф. Беляевский (МВГ, 1903, вып. VI—VII, стр. 290).

XVIII. Новосокольнический р-н

1. Назимовская школа — „В деревнях, окружающих Назимовскую школу, цоканья нет". Заочн. Ф. Федоров, 1939.

XIX. Невельский р-н

1. Черницово, Канашево, Таланкино, Русаново, Пименово, Сахарово, Горка, Бучиха, Сельцы 1-е и 2-е, Червоеды, Старое, Лисихино, Залавочье и др. — *ц* и *ч*; *ч* — твердый: *ключ, доч, ноч, квохчыть* и т. д. Студ. В. А. Сморыго, 1940.

2. Акулино Емецкого с. с. — *ц* и *ч*; *ч* — твердый: *чыстый, чысло*. З. И. Павлюченко, 1945.

3. Горы — *ц* и *ч*.

4. Усть-Долыссы Усть-Долысского с. с. — *ц* и *ч* во всем сельсовете. М. Руднев, 1939.

5. Павлючи Пучковского с. с. — *ц* и *ч*; *ч*—твердый: *чысло ,чыстый;* он *увайшóвши*. Заочн. Е. Н. Черенкова, 1941.

6. Опухлики, Берёзово и Ефи́мцево Березовского с. с. — *ц* и *ч*; *чыстый, чысло*. Заочн. В. П. Юринова, 1940.

7. Галузино Комшанского с. с. — *ц* и *ч*; *ушёвши*.

8. Поздноево — *ц* и *ч*; *ч* — твердый: *чыстый, чысло*. Студ. Е. Т. Иванова, 1941.

9. Старицы — цоканье.

10. Лехово, Чурилово и др. Дубокрайского р-на (б. Невельского у.), пограничные с Белоруссией — „Здесь цоканье охватывает весь ряд однотипных слов, но для говоров всего уезда это явление не характерно, поскольку оно охватывает не более 3—4 слов (*чарство, водицка, Цупрова, зачапить*), а во всех остальных словах такого смешения звуков *ч* и *ц* не отмечено". Н. Зорин. „Вопрос об этнографическом составе населения Невельского у. в связи с диалектическими особенностями местного говора" („Познай свой край", вып. III, Псков, 1927, стр. 41).

11. Журавы́ Федковского с. с. — *ц* и *ч*; *ч* — твердый. Барские. Заочн. М. П. Карабанова, 1945.

XX. Пустошкинский р-н

1. Фомкино, Вербилово, Гаврильцево, Кисели, Загорье, Серпуниха, Ночлегово и др. — „Цокают старики, хотя цоканье встречается и у молодежи: *цыстая, цай, пацку, спицык, цорт, цей; пришотцы*". Монастырские. Заочн. С. Г. Жгун, 1939.

2. Вербилово — см. 1.

3. Алоль — цоканье.

4. Копнино — *ц* и *ч*.

5. Березно — „Встречается цоканье". Студ. Болдышева, 1939.

6. Гультяевский с. с. — „В окрестных деревнях цоканья не наблюдается". П. А. Иванов, 1941.

7. Пустошка — *ц* и *ч*. Студ. Воронькова, 1939.

XXI. Идрицкий р-н

1. Речки — „Старуха 70-ти лет, живущая в Идрице, но приехавшая из Речки, говорит: *цасто, тоцно, внуцок*". О. С. Грубинова, 1939.

2. Альшаник Луначарского с. с. — *ц* и *ч*; *йон ушёдши*. В прошлом — „вольные казаки, охранявшие границы". К. Е. Шипилин, 1941.

3. Ходатово, Гринево, Поддубье, Лужки, Самино — *ц* и *ч*; *ч* — твердый; *ушёдчы*. Заочн. Н. И. Баранов, 1940.

4. Идрица — *ц* и *ч*. „Цоканье встречается лишь у приезжих". О. С. Грубинова, 1939.

5. Владовичи Максютинского с. с. — цоканье у стариков: *цай, цорный*. Кроме того: *типлятница* (= цыплятница); *ушёвши, ушёдши*. Заочн. Т. Никонёнок, 1941.

6. Долосчанский с. с. — „В окрестных деревнях встречается цоканье". Заочн. Ф. Ануфриев, 1939.

7. Самино — *ц* и *ч*; *ч* — твердый; см. 3.

XXII. Себежский р-н

1. Афанасьевская слобода — цоканье. Заочн. М. Г. Смирнов, 1940.

2. Тóмсино — *ц* и *ч*; см. 1.

3. Прихабская, Томсинская волости — цоканье. Акад. Е. Ф. Карский. „Матер. для изуч. белор. гов.", IV, 1903, стр. 60.

4. Белькино Советского с. с. — *ц* и *ч*; *ч* — твердый; см. 1.

5. Стеймаки — *ц* и *ч*. „Белорусское влияние — трапка, рады"; см. 1.

6. Черново (Чернец) — *цына, цыфра, оцец, купец; ч* — твердый; см. 3.

7. Ормея — *ц* и *ч*. „Белорусское влияние"; см. 1.

С. И. КОТКОВ

УСЛОВНЫЙ ЯЗЫК ОРЛОВСКИХ ШОРНИКОВ[1]

В двадцати пяти километрах к югу от Орла расположены селения Голохвастово и Верхний Путимец. Предки голохвастовцев, по преданию, выведены барином Ляпуновым из-под Москвы и были оброчными крестьянами. Устная традиция передает, что они назывались „ахвенями" и занимались мелкой торговлей: продавали ситец, ленты, бусы и т. п. Конечно, офенями могли быть лишь состоятельные крестьяне.

Заинтересованный в увеличении доходов, Ляпунов отдавал лучших крепостных в обучение московским шорникам. Когда крестьяне постигали ремесло, помещик облагал их большим оброком и отпускал на заработки по специальности. Наиболее предприимчивые и ловкие шорники богатели, подчиняли себе остальных. Последние терпели гнет помещичий и гнет кулаков-односельчан.

Верхний Путимец принадлежал другим владельцам. Неизвестно, когда и при каких обстоятельствах крестьяне Путимца

---

[1] Условные профессиональные языки складываются преимущественно в условиях феодальных отношений и отражают цеховую замкнутость и разобщенность, характерные для этой эпохи. Сохраняясь частично при капитализме, в наши дни при полной ликвидации антагонизма классов особенности этих языков представляют собой явление отживающее. Изучение их представляет известный интерес для социальной диалектологии прошлых этапов развития нашего языка, так как в основе условных языков всегда лежат элементы определенных реальных языков. Между тем условные языки, сложившиеся на базе русского языка, изучены очень мало. Исходя из этих соображений, мы помещаем здесь работу С. И. Коткова, посвященную одному из условных языков. — *Ред.*

овладели шорным делом, а зажиточные из них стали коробейниками — торговали иконами, крестами и букварями. Товар покупали в Орле и Москве.

В условиях интенсивного развития капитализма в 60—70-х гг. XIX века коробейная торговля сошла постепенно на-нет, шорное же ремесло держалось: острое крестьянское малоземелье поддерживало его существование. Отходничеством — главным образом по этой специальности — занималось почти все взрослое мужское население Голохвастова и Путимца.

Район странствований орловских шорников в поисках заработка простирался к северу на Калужскую, Тульскую и Московскую (до Серпухова) губернии; к востоку — на Рязанскую; к юго-востоку и югу — на Воронежскую, Курскую губернии и Украину; порой отходники достигали побережья Черного и Азовского морей; на запад далее Брянска не проникали. Постоянных маршрутов не существовало, однако каждый отходник имел свои облюбованные места: одни работали исключительно в Курской и Воронежской губерниях, другие предпочитали Калужскую, Тульскую и Московскую, третьи — Украину. Отходники стремились заводить круг постоянных заказчиков, к которым ходили работать из году в год. Некоторые шорники подолгу жили на Украине. Большинство проводило на заработках 4—6 месяцев в году.

Покинув родные края осенью, после окончания полевых работ, шорники находились в отлучке до рождества. Этот выход был менее выгоден, чем следующие: деревня в эти месяцы принимала дубильщиков и шерстобитов (дубить кожи, валять потники); шорники пользовались меньшим вниманием. В лучшем случае за выход зарабатывали 20—30 рублей.

После рождества начинался настоящий шорный сезон. Голохвастово и Путимец пустели. Кое-кто из отходников отправлялся на промысел с лошадью, чтобы дома на лошадь даром корма не переводить. Действовал и другой расчет: если у заказчика нет денег, лучше получить за работу натурой (зерном и пр.), чем упустить заказ. Второй выход продолжался до половодья. Шорник приносил домой 50—60 рублей.

Покончив с весенней пахотой и севом, шорники уходили в третий раз, но уже налегке: лошади на подножном корму, да и нужны дома. В последний выход добывали по 20—25 рублей.

Утаивание кожи, выдаваемой заказчиком на пошивку сбруи, составляло существенную статью дохода шорников. Изделия, сшитые из краденой кожи, сбывались на рынок. Жестокая конкуренция учила шорников изворотливости.

Дореформенные и пореформенные отношения между орловскими шорниками напоминают отношения, отмеченные Владимиром Ильичем Лениным у калужских овчинников:

«Калужские овчинники ходят в другие губернии для выделки овчин; промысел падает после отмены крепостного права; помещики, отпуская „в овчины“ за большой оброк, зорко следили за тем, чтобы овчинники знали свое „определенное место“ и не позволяли другим овчинникам вторгаться в чужой район. Организованный таким образом промысел был до того выгоден, что „станы“ передавались за 500 и 1000 руб., и приход ремесленника в чужой район приводил иногда к кровавым столкновениям. Отмена крепостного права подорвала это средневековое благополучие...»[1]

Здесь же Владимир Ильич приводит выдержку из „Трудов куст. ком.“: „Удобство передвижения по железным дорогам тоже помогает в этом случае конкуренции“.

Далее Владимир Ильич пишет: «К явлениям того же рода относится констатированное для целого ряда промыслов и имеющее положительно характер общего правила стремление мелких промышленников скрывать технические изобретения и улучшения, прятать от других выгодное занятие, чтобы не допустить „пагубной конкуренции“. Основатели нового промысла или лица, введшие в старый промысел какие-либо усовершенствования, всеми силами скрывают выгодные занятия от односельчан, употребляют для этого разные хитрости (напр., для отвода глаз сохраняют старые устройства в заведении), не пускают никого в свои мастерские, работают на подволоке, не сообщают о производстве даже родным детям.»[2]

[1] В. И. Ленин. Соч., изд. 4-е, т. III, стр. 289.

[2] Там же, стр. 290.

Ту же тенденцию в иной форме наблюдаем и у орловских шорников. Они таили, например, секреты производства „фасонных" изделий; на заработки уходили по-двое, тайком от соседей, чтобы никто не знал, куда они путь держат, и не отбивал заказов; если не удавалось уйти тайком, указывали ложное направление.

От деревни к деревне шли они с немудреным снаряжением за плечами. В котомке — нож, молоток, шило, несколько фунтов бляшек и планочек для украшения сбруи. По 60 верст отмахивали в день, стремясь опередить конкурентов и захватить заказы.

„Шлеи работать, хомуты вязать!" — раздавалось по деревням.

Бродячая жизнь на чужой стороне; полицейские притеснения; столкновения с другими „проходимцами", как называли отходников крестьяне без оттенка осуждения; ночевки у случайных знакомых, а чаще у незнакомых; встречи с лихими людьми на дорогах и постоялых дворах — все это вырабатывало у шорников подозрительность, настороженность, умение „секретничать" при посторонних. Работа в доме крестьянина-заказчика на его хлебах, под его неусыпным надзором, работа в условиях жестокого „прижима" со стороны заказчика — барина или кулака, опасения оказаться обманутыми при расчете приучали шорников держаться замкнуто, прикрывая порою эту замкнутость бойким балагурством, верить только товарищу и понимать его с полуслова. Последнее было особенно важно, когда следовало договориться об отношении к хозяину или утаить кожу.

Часто спутником бродячего шорника был ученик-подросток. Обучение „рукомеслу" начиналось с 12—14 лет. Подросток уходил на промысел либо с отцом, либо с односельчанином. Чужих „мальчишек" мастер-шорник обучал неохотно, обычно поручал им только грубую работу и гонял за водкой. Секреты ремесла раскрывал не сразу. Ученик „угощал" мастера, чтобы тот делился с ним опытом. В течение 5—6 лет обучения шорному искусству ученик выполнял работу вчерне. Затем, обыкновенно самостоятельно, он овладевал умением делать „фасонную работу". Эта работа оплачивалась дороже. Фасонные изделия заказывали купцы, помещики, кулаки.

Все условия труда и быта шорников способствовали их обособлению в качестве своеобразной социальной группы. Положение населенных шорниками деревень, окруженных однодворческими селениями, усиливало эту обособленность.

Потомки однодворцев резко противопоставляли себя барским крестьянам. Так, обитателей Голохвастова они прозвали „голохваями"; относились к ним пренебрежительно, потому что те говорили, „словно пели", и „жили серо". Из однодворческих селений не выходили замуж в Голохвастово и не брали оттуда жен.

Голохвастовцы издавна привыкли держаться отдельно от соседей и не давать своих в обиду. Кулаки „голохваи" умело воспользовались этой солидарностью и верховодили в деревне.

Отношения, подобные описанным, между барским и однодворческим населением, были типичны для Орловской губ. Повсюду бытовали обидные клички. Неприязнь имела более глубокие корни, чем различие в говоре и бытовом укладе. Корни социально-экономического порядка уходили в крепостническое прошлое. Но это — вопрос специального исследования.

Итак, в своем краю шорники оказались в условиях исторически-сложившейся изоляции, порожденной не только „засекречиванием" промысла из опасения конкуренции, но и однодворческим окружением. Изоляция другого рода, вызванная особыми условиями промысла „на стороне", противоречиво сочеталась с весьма активным и длительным общением шорников с чужбиной. В этих условиях „голохваи" и путимецкие шорники нуждались в особом средстве связи, доступном только их пониманию и непонятном для других. Офенский язык, когда-то занесенный крепостными Ляпунова из-под Москвы, вполне удовлетворял этой потребности. Он явился для голохвастовских и путимецких шорников одним из средств самозащиты при неблагоприятных обстоятельствах, оказался необходимым в ремесленных и торговых операциях сомнительного свойства. Шорники обыкновенно пользовались этим языком при посторонних. Например, работают они у кулака и договариваются

уйти: „Ухлим, паханя набирить“ (уйдем, хозяин набавит, т. е. дороже заплатит). Шорники рассказывают:

„Бывало испортишь изделие. Как сказать об этом товарищу при хозяине? Ну и говоришь по-хвенски. Или досадит хозяин: плохо кормит, прижимает во всем — сафь горбун (режь хомут) — шепнешь товарищу, и сработаем такой хомут, что долго не прослужит“.

П. Лавринов из В. Путимца вспоминает: „Шорники говорили потайным языком, чтобы другие не поняли. Очень удобно. Можно было обо всем потолковать“.

Странствуя, шорники постоянно встречались с отходниками из других губерний. Костромские плотники и красильщики, калужские портные и сапожники, „проходимцы“ других специальностей, нищие, богомольцы, люди без определенных занятий, нередко бывали их спутниками. Весь этот бродячий люд в той или иной мере владел тайной речью, более или менее сходной с офенским языком шорников. Условный лексикон последних пополнялся элементами этой тайной речи, одновременно влияя на источник пополнения. Офенский язык ревниво оберегали, не раскрывая посторонним тайного смысла его слов. Но с течением времени делать это становилось все трудней.

Капиталистическое развитие подрывало обособленность интересующей нас группы населения. Условный язык, известный вначале, повидимому, только офеням и шорникам, становился достоянием не только всего остального населения Голохвастова и Путимца, но и крестьянства соседних деревень — Никулина, Нестерова, Талубеева и др. Язык распространялся вширь и терял свою актуальность. Вызвано это было многими причинами и прежде всего — изменением условий промысла.

В городах возникли крупные шорные заведения. Например, владелец одного из таких заведений в г. Рыльске снабжал шорными товарами Крым и Украину. Известны были шорные мастерские в Москве, Харькове, Таганроге, в Ростове на Дону. Бродячие шорники не могли конкурировать с крупными предпринимателями и начинали работать у них по найму. Молодые

шорники по три года обучались в заведениях мастерству, причем обучение было платное. Разоренная орловская деревня и другие губернии России обеспечивали более чем достаточный контингент таких отходников. Бороться с хозяевами шорных заведений, располагавшими резервной рабочей силой, было трудно, да старые формы борьбы и не годились. Для этой цели офенский язык был почти бесполезен, тем более, что владельцам заведений он был известен: некоторые из них в прошлом сами шорничали.[1] Деревня покупала шорные изделия на рынке. Изготовление сбруи странствующими мастерами обходилось дороже. Заработки бродячих шорников сокращались, усиливалась зависимость их от заказчиков. В этих условиях офенский язык оказывался также мало пригодным.

Прежде шорное дело было пожизненной специальностью. Теперь оно не обеспечивало и относительно устойчивого заработка. Шорники перемежали занятия ремеслом, сезонной работой на шахтах и других предприятиях. Вступая таким образом в тесное общение с коренными рабочими,[2] они проникались взглядами и настроениями, противоположными тем, выражением которых служил условный язык. Все это подрывало социальную замкнутость изучаемого нами коллектива. Офенский язык переставал быть необходимым, тайна его сохранялась слабее. Изменилась и область его применения.

Утратив свое исключительное значение в производственном процессе, условный язык стал употребляться говорящими по-офенски в качестве эмоциональной, в частности бранной речи. Приобрела большое значение его эвфемистическая функция. Одновременно офенским языком продолжали пользоваться для скрывания мыслей от посторонних.

В годы первой мировой войны солдаты, уроженцы Голохвастова и В. Путимца, сообщая в деревню о положении на фронте, прибегали к офенскому языку. В начале письма следовали

---

[1] Сообщение П. Лавринова.

[2] Тот же Лавринов, например, не только шил сбрую, но и рубил донецкий уголь и был ломовым извозчиком в Харькове.

поклоны родным и знакомым, затем несколько слов по-офенски, далее опять поклоны и снова „потайные слова“. Участник первой мировой войны П. П. Архипов рассказывает, как начальство вызвало его и спросило, что́ у него в письме написано. Офенский текст содержал критику начальства. Архипов перевел текст, придав ему противоположный смысл, получил за это благодарность, и письмо было отправлено. Возможности пользоваться условным языком, как видим, были ограничены.

Война сократила отходничество, что не могло не повести к дальнейшему забвению элементов условной речи, тесно связанных с шорной специальностью. Не являясь безусловно необходимыми, они выпадали из активного словаря: их знали, но к ним не обращались. Условный язык продолжал деградировать. Но пока существовал эксплоататорский строй, процесс деградации протекал очень медленно: сохранялись, хотя и в новом качестве, острые социальные противоречия, которые в известной мере „оживляли“ этот язык.

Только Великая Октябрьская социалистическая революция создала все предпосылки для его отмирания. Но и после Октября значительно ускорившийся процесс отмирания условного языка не завершается в короткие сроки. Прежде всего сказывалась традиция. Затем условный язык имел еще некоторую поддержку в отходничестве, получившем с введением нэпа известное развитие.

С развитием колхозного строя, с развитием культуры в деревне применение офенского языка резко пошло на убыль. Шорники стали работать в колхозах. Шорник — равноправный член трудового коллектива, работает для общественного хозяйства, условия труда ясны: нет эксплоатации, нет конкуренции. Характер отношений таков, что условный язык абсолютно не нужен.

Накануне Великой Отечественной войны офенский язык уже находился в состоянии глубокой деградации: употреблялся спорадически в домашней обстановке, преимущественно в качестве эмоционального дополнения.

Когда в Голохвастово и В. Путимец ворвались немецко-фашистские захватчики, колхозники воспользовались условным языком для самозащиты, для срыва мероприятий фашистской власти. Например, выгоняют немцы русских людей на расчистку дорог, надо условиться о срыве работы. Говорить по-русски об этом опасно: некоторые оккупанты понимали русский язык. И вот начинает гулять по дорогам призыв „похлим на рым" (пойдем домой) — призыв бросать работу. В присутствии немцев колхозники часто говорили по-офенски, проклиная фашистских злодеев. Тогда особенно актуальной была бранная лексика офенского языка. Немцы настойчиво пытались узнать, что́ это за народ с таким странным языком, который ни одним военным словарем не предусмотрен, избивали колхозников, но так ничего и не добились.

Многие русские люди были угнаны в Германию. Иногда им удавалось сообщать на родину об ужасах фашистской каторги. Среди традиционных поклонов в письме таились выражения: „бряить никорева" (есть нечего) и т. д. Условный язык в последний раз выполнил важную социальную функцию.

* * *

К моменту обследования, проведенного мною и студентами Орловского Педагогического института в мае 1946 г., условный язык употреблялся очень редко. Порой отдельными фразами перебрасываются колхозники на полевых работах. Но это вызывается не необходимостью, а любовью к острому словцу, особенно в шутке или перебранке. Относительно популярны офенские выражения междометного значения.

Старики охотно рассказывали нам о шорном промысле и об условном языке, а молодежь стеснялась, расценивая офенский язык как проявление некультурности, да и знала язык очень мало.

Такова в общих чертах картина возникновения, развития и отмирания условного языка в Голохвастове и В. Путимце, которую мы составили по личным наблюдениям и сведениям, полученным от старожилов и молодого поколения. В ряде суще-

ственных моментов анализ языковых данных подтверждает наши заключения.

Обратимся к фактам.

Условный словарь не содержит названий из области промышленного производства, хотя уже с девятисотых годов шорники временами бросали ремесло и уходили работать на крупные промышленные предприятия. Например, отсутствуют обозначения завода, шахты, промышленных специальностей и т. д. При относительно развитой терминологии шорного дела (вётлух, гамар, гарбун, каблуки, накатревник, скрепетка, срепетник, стибусшило, черныш, шерстняга, шиздь, шляха и др.) нет и следа названий, связанных с индустриальными занятиями.

Не находим в словаре ни одного названия для понятий, возникших в эпоху Великой Октябрьской социалистической революции. Слова: сельсовет, колхоз, трудодень, комсомол, изба-читальня, МТС и т. д. — не имеют эквивалентов в условном языке.

На отмирание условного языка указывает не только ограничение его словаря традиционным лексическим фондом и постепенное забвение отдельных элементов этого фонда. На это же указывает изменение функций условной лексики. Необходимая в прошлом, сейчас она является необязательным, преимущественно эмоциональным дополнением к общему языку: офенские слова-одиночки включаются в русский речевой поток. Вот несколько примеров, записанных нами: *У нас сумарьку дали в колхозе* (П);[1] *Вершай, гармонист пришел* (П); *Девушка клёвая* (П); *Кончай мастырить* (П); *В ларе вятко сумаря* (Г); *У меня мияють дулики* (Г); *Брешет, как лунёк* (Г); *Кулепат тебя возьми* (Г); *Карюка с котеремь скачет* (Г).

Старики изредка пользуются несложными офенскими выражениями по привычке: содержанием высказываний никак не мотивировано применение условной лексики. Например: *Сдулила травьяк* (Г); *Черныш* (=землю) *обмастырили* (Г); *Бакрень скурлеет* (Г); *Сумарь прокосовать* (П); *Ариша, смастырь спидошечки* (Г); *Привачь лухты* (Г).

[1] П. — Верхний Путимец, Г. — Голохвастово.

Поскольку офенский язык употребляется лишь как дополнение к общей речи, притом дополнение необязательное, в нем не только угасает процесс дифференциации значений, но и возникает тенденция „приблизительного" обозначения одним словом понятий либо весьма отдаленно связанных, либо противополагаемых. Например: *дулик* — весна, звезда, лампа, лето, луна, огонь; *косальник* — гроза, гумно, молоток, час; *клюженник* — погреб, сундук; *хвитёныш* — брат, сын, отец; *черныш* — дратва, земля и т. д.

Утрата офенскими словами семантической определенности объясняется именно тем, что они перестали быть необходимыми.

Зависимость фономорфологического облика офенских слов от местных говоров возросла. В прошлом эта зависимость несколько ослаблялась „подравниванием" вариантов произношения в процессе более или менее постоянного общения отдельных коллективов, говорящих между собой по-офенски. В данное время специфических офенских связей нет, и разнобой в произношении условных терминов по этим коллективам очень значителен (см. словарь).

Утрата семантической определенности офенскими словами сопровождается их фонетической и морфологической неустойчивостью — отмирают и те минимальные, неустойчивые нормы, которые были свойственны языку, лишенному своей оригинальной грамматики. Отмирает условный язык.

СЛОВАРЬ УСЛОВНОГО ЯЗЫКА ОРЛОВСКИХ ЩОРНИКОВ

От составителя

Словарь составлен на основании записей, сделанных мною и студентами Орловского Педагогического института Л. Дорофеевой, В. Неверовым, А. Рожковой, М. Соколиной, Н. Ставцевой и К. Шелякиной, летом 1946 г.

Слова записаны от следующих лиц:

По Голохвастову — от Васильюшкина И. Н., Елисеева Г. Д., Захаровой П. Д., Захарова М. Е. (71 год), Зеницина Н. (16 лет), Кондратьева П. (60 лет), Макеева Д. Т., Макеевой М. Я., Павлова И. (17 лет), Петрова И. (17 лет), Петрухина Е. В. (70 лет), Роднева М. Ф., Синицина И. (12 лет), Синициной А. С. (85 лет), Синициной И. Е. (75 лет), Фроловой Г. И.

По В. Путимцу — от Архипова Т. П., Бутырина П. А. (80 лет), Крылова Е. С., Лавринова П. Н. (76 лет).

Кроме того, студентка Брусенцева записала летом 1945 г. офенские слова от колхозника Т. А. Буторина (65 лет) в дер. Большое Рыжково Кромского р-на (в 15 км от Голохвастова).

Голохвастово, В. Путимец, Б. Рыжково в словаре соответственно обозначены пометами: Г, П, Р.

Грамматические указания не даются, так как собственной системы словоизменения и словообразования условный язык не имеет.

В некоторых словах ударение не показано, так как случайно при записи оно не было отмечено.

Варианты произношения (*елтани́ться, алтани́ться, илтани́ться* и т. п.) обусловлены, во-первых, значительным отличием говора молодежи от говора стариков, во-вторых, — неодинаковостью характера аканья в селениях, где записаны слова. Так, в Б. Рыжкове выступают элементы йканья. В Голохвастове и Б. Путимце аканье в общем умеренное.

Всюду *г* фрикативное; обычна передача *ф* через *х* и *хв*, оглушение звонких согласных в конце слова; нигде не замечено перехода *г* в *д* перед гласными переднего ряда как фонетического явления, хотя в отдельных словах, приводимых в словаре, колебания *г — д* в этих условиях наблюдаются; окончание 3-го лица глаголов везде мягкое. Слова даны в основном с сохранением их фонетического облика. Отступления в сторону морфологических написаний немногочисленны. Они касаются передачи употребительных морфем (*алыкша — алыкшонок* и т. п.).

А

Акре́й (П) — хлеб; ср. *сума́рь*
Алы́кша (ГП) *слы́кша* (Р) — корова
Алыкшо́нок (ГПР) — теленок

Б

Баклó́н (Г) — бутылка; ср. *бухля́нка*
Бакре́нь (Г) — бок
Балу́й (Р) — сарай

Бармýх (П) — шуба
Бармýха (Г) — овца, овчина, тулуп, шуба
Бармýха́нка и *бармýщник* (Г) — полушубок
Батва́ (ГП) — ты, батвы́ — вы
Батви́нский (ГП) — твой
Батви́ть (Г) — врать, обманывать; ср. *дерма́ть*
Батло́х (Р) — острог
Безвёрбушник (Г) — слепец, ср. *верба́лки*
Безвёрбушный (Р) — слепец; ср. *верба́лки*
Безýхлинный (Р)—глухой; ср. *ýхлить*
Безýхлица (Р) — глухая; ср. *ýхлить*
Бездымный (П) — белый
Бéнтот (Г) — тот
Бескúрий (Р) — безрукий; ср. *кирги*
Бéтот (Г) — этот
Бирюльница (ГПР) — неделя
Биря́ить (ГП) — давать
Брыг и брыга (П) — фунт; ср. *вя́ткий брыг*
Бря́ить (ГПР) — есть, обедать
Бузóй и *бусóй* (Г) — пьяный; ср. *буса́ть*
Буса́льник (Г) — стакан, чарка, чашка; ср. *буха́льник, буха́рь, дрябóшница*
Буса́ть (ГП) — пить; ср. *бузóй* и *бусóй*
Бусья́ница (ГП) — пьяница; ср. *гамы́рник*
Буха́льник (Г), *буха́рь* (Р) — стакан; ср. *буса́льник*
Бухля́нка (Г) — бутылка; ср. *баклóн*

В

Валони́га и *валóныа* (ГПР) — рубаха
Валóха (Р), *валóхи* (ГПР) — картофель
Валóшница (Р), *валóшницы* (П) — суп
Ва́ндать (П) — нести
Варша́вка (Р) — веревка возовая, нитка; ср. *ващáвка*
Ва́чить (ГПР) — везти, нести
Ващáвка (ГП) — веревка; ср. *варшавка*
Вербáлки и *вéрбухи* (Г), *вéрбухи* (П) — глаза; ср. *безвéрбушник*
Верзаки́ (П) — лапти; ср. *ники́хворцы* и *мики́хворцы*
Вершáлик (Р) — месяц, в значении: 1) луна, 2) единица исчисления времени; ср. *вершáть*
Вершáлка (Г) — зеркало, солнце; ср. *вершáть*
Вершáлица (Р) — солнце; ср. *вершáть*
Вершáть (ГПР) — глядеть, смотреть; ср. *вершáлик, вершáлка*
Вётлух (ГПР) — кожа, ремень, товар
Висилёк (Г) — огурец
Вóлить (Г) — хотеть; ср. *швóриться*
Вóндра (П) — восемь
Вытирка (П) — паспорт, письма; ср. *вытирять*
Вытирять (ПР) — писать; ср. *дрюкáть*
Выюхчивать (Г) — вынимать; ср. *юхчúть*
Вя́тка (ГП) — много
Вя́ткий (П) — здоровый
Вя́ткий брыг (П) — пуд; ср. *брыг*
Вя́ткий пéхали (Г) — тысяча; ср. *пéхали*
Вя́ткий свербáльник (П) — половник; ср. *свирбáлка*

Г

Гальмó (ГПР) — молоко
Гальмóшник (ПР) — творог
Гаман (Г) — билет

Га́мар и *га́мыр* (П) — молоток; ср. *ко́сальник*
Гамы́ра (РПГ) — вино, водка; ср. *грамы́га*
Гамы́рник (П) — пьяница; ср. *бусья́ница*
Гарахве́й (Р) — горох
Гарахво́н, *грахво́н* (Г), *гарахво́н* (Р) — дождь
Гаращи́ться и *граши́ться* (П) — смеяться
Гарбу́н (ГПР) — хомут
Гареня́та (П), *гареня́ты* (Р), *груня́тки* (Г) — яйца; ср. *игу́ры*
Гарчи́м (ГПР) — лук
Ги́рай (П), *ди́рай* (Г) — старый
Гиру́ха (П), *диру́ха* (Г) — старуха
Гиря́к (П), *диря́к* (Г) — старик
Грамату́ха (ГПР), *гармату́ха* (Г) — телега
Грамы́га (Г) — водка; ср. *гамы́ра*

Д

Де́вер (П) — девять
Де́кан (П) — десять; ср. *лахта́ра*, *де́кана*
Дербу́жить (Г) — чесать; ср. *дербу́шник*
Дербу́шник (Г) — гребешок; ср. *дербу́жить*
Дерико́мка (Г) — старикашка, старичишка
Держа́ится (Г) — дерется
Держа́ть (Г) — обманывать; ср. *батви́ть*
Дика́рь (ГР) — камень
Дожидо́мнать (П) — ожидать
Дрюкать (Г) — писать; ср. *вы́тирять*
Дря́ба и *дрябо́ха* (ГПР) — вода, пруд, река: *шаро́вая дрябо́ха* (= большая река); ср. *шаро́вый*
Дрябо́шник (Р) — колодец
Дрябо́шница (Г) — ведра, чашка (ср. *буса́льник*);
Дрябу́шник (П) — ведро
Дряхва́ (ГП), *тряхва́* (П), *тряхо́й* (Р) — борода
Ду́дарка (П), *ду́дыра* (Р) — лавка, скамейка; *ду́дыра* (Г) — лавка (= скамейка), лавка (= магазин)
Ду́лесный (Г) — жаркий, *дулья́сный* (П) — горячий, красный, теплый
Ду́лик (Г) — весна, звезда, лампа, лето, луна (ср. *верша́лик*); (Р) — лампа, огонь — все, что дает свет и тепло
Ду́лики (ГПР) — спички
Ду́лить (Г) — курить, топить печь; (ГП) — варить пищу, выпекать хлебы
Ду́льница (Г) — лампа; ср. *ду́лик*

Е

Евро́ны и *иврóны* (Г), *евраки́* (ПР) — штаны
Елтана́ (П) — жена
Елтани́ться (П) — жениться; *алтани́лся* (Г) — женился; *илтани́ться* (Р) — жениться
Елтани́х (П) — жених
Елтани́ха (П) — невеста
Еме́ля (П) — мёд, ср. *шат*
Ённый (Г), *ёйный*, *ённ* — первый
Ёрить (Г) — ехать

Ж

Жестёмка (Г) — железо
Жул (Р), *жула́н* (П), *жу́лик* (Г) — нож, ножик; ср. *миса́рь*

З

Забахту́рить (Г) — запереть; ср. *забахту́рка*

Забахту́рка (Р) — дуга, замок, оглобля, сундук; ср. *забахту́рить, забукту́йник*
Забукту́йник (Г) — замок
Збранок (П), *бранок* (Г) — брат; ср. *хвитёныш*
Зверёска (Г) — гармошка
Звижо́га (П) — игла, ср. *звижу́н, звиш*
Звижу́н (ГП), *звиш* (Р) — кнут; ср. *звижо́га*
Звя́кать (П) — говорить; ср. *зетить*
Здёбесь (Г) — здесь
Здюм (Г) — два, двое
Зе́рить (Г) — глядеть; ср. *верша́ть*
Зеркло́ (ПР) — окно
Зе́тельник (Г) — язык; ср. *зе́тить, зетка*
Зе́тить (ГП) — говорить, просить; *зе́тить* (Г) — читать; ср. *зе́тельник, звя́кать*
Зе́тка (Г) — говор, разговор, язык; ср. *зе́тельник*
Зика́рь (Г) — нищий; ср. *позика́ться*
Зинзёха (Р) — бутылка; ср. *бакло́н, бухля́нка*

И

Иу́ры (Г) — яйца; ср. *гореня́та*
Ипе́ра (Р) — одеяло, пиджак; ср. *одипе́рка*
Искуда́ться (Г) — испугаться

К

Каблу́к (ПР) — кольцо, *каблуки* = кольца (на хомуте)
Кавардя́к (ГП) — четвертак
Кавардно́й (ГП) — четвертной, 25 рублей
Канхви́ль (П) — кабак
Карте́чь (Г) — камень; ср. *дика́рь*
Карья́ха (Г) — девочка; *карья́ха* (ПР) — девушка; ср. *карю́ка*
Карю́ка (Г) — девушка; ср. *карья́ха*
Касья́н (Г), *кас* (Р) — поп; см. *подка́сник*
Катева́ (ГПР) — голова; *катева́шка* (Г) — головушка
Катева́шка (Г) — сковорода
Катря́ва и *катря́вка* (ГПР), *катря́лка* (Г) — шапка; ср. *накатре́вник*
Каты́ш (ГП) — колесо
Ки́блоко (ГПР) — яблоко
Ки́блонька (П) — яблоня
Кивосы и *киосы* (Г) — волосы: *подса́хвий кивосы* (= подстриги волосы); ср. *са́хвить*
Кидо́хнуть (П) — бросить, кинуть
Кима́к (Г) — кровать, полати; ср. *кима́ть*
Кима́льница (П) — постель; ср. *кима́ть*
Кима́ть (ГПР) — спать; ср. *кима́льница*
Кима́ять (ГП) — лежать
Кира́ (ГР) — земля
Ки́рги (ГП) — руки; ср. *бески́ргий*
Ки́сир (Г) — четыре
Клёвше (П) — лучше
Клёвый (Г) — молодой, хороший, цветущий; (П) — тихий, хороший; (Р) — хороший
Клима́ть и *кли́мать* (ГПР) — красть
Клима́ч (ГП) — вор
Клю́женник (П) — погреб, сундук; ср. *наклю́жить*
Ко́лба (П) — свадьба; ср. *куре́сница*
Ко́рево (Г) — что; ср. *нико́рево*
Ко́салка (П) — сходка; ср. *ко́сать*
Ко́сальник (Г) — гроза, гумно, молоток (ср. *га́мар*), час; (П) — час; *ко́сальники* (ГР) — часы (стенные и карманные); ср. *ко́сать*
Ко́сать (ГПР) — бить; ср. *ко́сальник, ко́сельница*
Ко́сельница (Г) — война; ср. *ко́сать*

Костёр (ГПР) — город
Ко́сылница (Р) — молотилка, ружье; ср. *ко́сать*
Костро́вские (Г) — городские; ср. *костёр*
Котерёнок (Г) — мальчик
Ко́терь (ГПР) — парень, *котеря́та* — ребята
Красны́мный (П) — красный
Кре́сло и *кря́со* (Г), *кры́сло* и *кря́со* (П) — мясо, сало
Крутёнь (ГП), *крутёк* (П) — отец
Куба́ч (ГПР) — баба, жена, женщина
Кудро́ (Р) — ведро
Кулепа́т и *колюпа́т* (Г) — чорт; ср. *ку́льман, кульма́ст*
Ку́льман (П) — чорт; ср. *кулепа́т, кульма́ст*
Кульма́ст и *ку́льмаст* (П) — чорт; ср. *кулепа́т, ку́льман*
Кура́ (ГП) — жизнь
Кура́н (Г) — рубль; ср. *хруст*
Кура́ть (ГП) — жить
Курахво́нка и *курахо́нка* (Г) — курица, *гарухва́нки* (Р) — куры
Куре́сница (Г) — свадьба; ср. *ко́лба*
Куре́цка (Г) — песня; *курища́лка* (П) — песня
Курища́ть (ГП) — кричать, петь, играть; *скурищи́л куре́цку* (= спел песню)
Кустра́ (Г) — сестра
Кутро́ (Г) — утро

Л

Лава́рь (ГР) — лошадь, *лаварёнок* (Р), *овашо́нок* (Г) — жеребенок
Лавари́ха (Г) — кобыла; ср. *лава́рь*
Лавту́н (П) — безмен
Лама́чка (Г) — палка
Ламижни́к (П), *лами́тник* (Г) — полтинник
Ламо́нный (П), *ламаный* (Г), *коломо́нный* — молодой, новый
Ламо́ха (П) — жена
Ла́мошник (Г) — пятиалтынный
Лапухи́ (ГПР) — сапоги
Лапушни́к (Г) — сапожник
Ла́са (Г) — мало, (П) — редко
Ла́синький (ПР) — низкий, маленький: *ла́синький ко́тирь* (= маленький мальчик); (Р) — маленький
Ла́сточки (Г) — карты
Лау́зить (ГП) — бранить, ругать
Ла́ха (Р) — человек
Лахвётарь (Г) — муж; ср. *мурсе́нь*
Лахта́ра де́кана (П) — пятнадцать; ср. *де́кан*
Лепе́льница (Г) — занавеска
Ле́пень и *лепенёк* (Г) — платок
Лепини́шная (Р) — пшеничная
Лесо́шка (Р) — лес
Липи́на (ГПР) — подушка
Лох (ГПР) — мужик, мужчина
Луныа́ (ПР), *луня́шка* (Г) — собака
Луныо́вый (П) — бедовый, бойкий
Лу́хман (П) — каток (подкладывается под ухват)
Лухта́, лухтёшка и *лухтови́на* (Г) — каша, крупа (П) — гречиха, каша, крупа, ячмень; (Р) — каша, пшено, ячмень
Лю́стить (Г) — любить; *ко́терь лю́стит* (= парень любит)

М

Ма́зни (ГР) — сани; ср. *масли́*
Мазо́ха (ГПР) — солома
Мамы́р (П) — топор; ср. *секи́ра*
Мариулёнок (Р) — ягненок
Мариу́н (П) — баран
Мариу́ха (ПГ) — овца
Мару́шник (Г) — гривенник
Мархобру́д (Г) — сало, (П) — мясо

Мас (ГП) — я, человек; *масы́* — мы
Масли́ (П) — санки; ср. *ма́зни*
Масо́вский (ГП) — близкий, знакомый, мой
Масты́ра (ГП) — занятия, работа, труд
Масты́рить (ГП) — делать, работать
Масты́рщик (ГП) — мастер, работник, шорник, мастер любой специальности
Ма́сья́ (ГП) — мать
Матрахво́нка (ГП) — кошка
Межжеве́лить (ГП) — родить
Межжеве́ль (ГП) — живот
Межжеве́льная (ГП) — беременная
Ме́ркать (Г) — вечер, ночь; (ПР) — ночь
Ме́ркать — темнеть
Мерковáть (Р) — ночевать
Мерко́ша (Г) — ночлег
Ме́халь (Г), *михаль* (Р) — мешок
Мея́ть (ГП) — есть (имеется); *немея́т* — нет (не имеется)
Меять (ГП) — быть
Мизельцы́ (ПР) — огурцы
Миро́шница (Г) — мельница
Миса́рь (П), *ми́ссир* (Г) — нож; ср. *жул, жула́н*
Мода́с (П) — козел; ср. *хамри́за*
Мода́са (П) — коза; ср. *хамри́за*
Муравёйник и *муравéльник* (Г) — луг, цветы
Мурсéнь (П) — муж; ср. *лахвётарь*

Н

Набазла́ть (Г) — навязать; см. *подба́зальник* и *подба́зланок*
Набúрить (ГП) — набавить
Накатрéвник (ГПР) — уздечка; ср. *катря́ва*
Накилёжники (Г) — рукавицы; ср. *ки́рги*
Наклю́жить (П) — накрыть; ср. *клю́женник*
На́скорбень (П), *на́скребень* (Р) — надо, нужно: *нена́скребень ко́сать* (= не надо бить)
Настуха́рники (П) — онучи; ср. *стухари́*
Нашмо́рим и *нашмо́рец* (Г) — нарочно
Не зако́рева (П) — напрасно: *щуня́ешься не зако́рева* (= божишься напрасно)
Ники́хворцы и *мики́хворцы* (Г) — лапти; ср. *верзаки́*
Нико́рево (Г) — ничего; ср. *ко́рево*

О

Обипе́ра (П) — постилка
Обипе́рка (Г) — пиджак
Объюхчивать (Г) — обыскивать
Одипе́ривать (П) — одевать
Одипе́рка и *дипе́рка* (Г) — одежда; ср. *ипе́ра*
О́лень и *але́нь* (Г) — масло
Осты́чать (П) — оставить
Отемне́ть (Г) — умереть

П

Паха́н, паха́ня (ГП) — хозяин
Пелеми́га и *пелени́га* (Г), *пильми́га* (ПР) — *бумага*
Пелеми́тель (Г) — учитель
Пелеми́тельница (Г) — учительница
Пелеми́ть (ГП) — учить
Пельми́льница (ГП) — школа
Пельмить (Г) — лечить
Пёндир (П) — пять
Пе́ндюх (ГПР) — день
Пе́трить (Г) — знать, понимать; ср. *се́врить, тя́мить*
Пе́хали (Г), *пе́харь* — сто
Пе́харь шаро́вый (П) — тысяча; ср. *трухарь*

Пильми́жница (Р) — книга, почта
Пильна́льница (Г) — баня
Пильна́ться (Г), *пляка́ться* (ПР) — купаться
Пиня́тки (Г) — женские груди
Питери́к (ГР) — праздник
Плы́кчить (П) — плакать
Пляна́ла (Р) — мыло, (П) — масло
Подба́зальник и *подба́зланок* (Г) — пояс; см. *набазла́ть*
Подка́сник (Р) — дьякон; см. *касья́н*
Подса́хвить (Г) — подстричь: *подса́хвий кио́сы* (= подстриги волосы); см. *са́хвить*
Подтала́нить (Г) — подвезти (о счастье)
Позика́льник, позика́шка и *позику́шка* (Г) — нищий, странник; ср. *зика́рь*
Позика́ться — нищенствовать; ср. *зика́рь*
По́лпе́ндюха (Г) — полдень, половина дня
Полпе́харя (П) — полсотни
Промасты́рница сумаря́ (Г) — дежа; см. *масты́рить*
Пропу́лить (П) — продать; см. *пу́лить*
Проча́ться (Г) — испугаться, попасться, быть уличенным в воровстве или ином неблаговидном поступке
Псала́ и *пасала́* (ГП) — селёдка, рыба вообще
Пуле́ц — купец; см. *пу́лить*
Пу́лить и *пули́ть* (ГПР) — покупать

Р

Разгондя́ться (Г) — разговориться
Рако́мка (Г) — год
Раско́льники (Г) — дрова
Расхрымный (Г) — разломанный
Распелена́ться (Г) — рассветать
Рым (ГПР) — двор, дом, закута
Ры́хло (ГП) — быстро, часто
Ря́ха (ГР) — хата, (П) — амбар, хата

С

Саба́н (П) — сам
Сармаки́ (ГП) — деньги
Сахви́лка (П) — лапша; ср. *са́хвить*
Сахвильница (П) — коса, сенокос; см. *са́хвить, подса́хвить*
Сахвильницы (Р), *сахвилки* — ножницы; см. *са́хвить, подса́хвить*
Са́хвить (ПР) — косить, резать.
Сахво́за (П) — дуга
Сверба́льница (П) — чашка
Свирба́лка — (Г), *сверба́к* (ПР) — ложка; ср. *вя́ткий сверба́льник*
Се́водно (ГР) — холодно; ср. *сива́н*
Се́врить (Г) — понимать; ср. *пе́трить, тя́мить*
Секи́ра (Г) — топор; ср. *мамы́з*
Сельма́льник (П) — огород, сад; ср. *сельма́ться*
Сельма́льница (ПГ) — скамейка, (П) — табуретка; ср. *сельма́ться*
Сельма́ться (ГП) — садиться; ср. *сельма́льник, сель:а́ться*
Сивалда́й (ПР) — зима, снег, холод
Сиза́н (Г) — мороз: *ки́ри засивани́ли* (= ру́ки замерзли)
Сиво́нница (П) — зима; ср. *сивалда́й*
Сизю́м (П) — семь
Сказ — язык
Ске́дность (Г) — бедность
Ске́дный (ГП) — бедный
Скриж (ГП) — зуб
Скрипётка и *стрипётка* (Г) — седёлка; *стрепёшка* (П) — седёлка
Скрипе́ц и *стрипе́ц* (Г), *стрипец* (П), *скрипе́ц* (Р) — стол
Скри́пница (Г) — дверь
Скрипо́та (ГР) — гармошка; ср. *звере́ска*

Скрипо́ты (Г) — ворота; *абахту́рить скрипо́ты* (= запереть ворота); ср. *скри́пцы*

Скри́пцы (П) — ворота; ср. *скрипо́ты*

Скудаться (П) — бояться

Скурле́лый (ГП) — больной

Скурле́ть (ГП) — болеть

Скуропа́тить (Г) — испортить

Сластёмный (П) — сладкий

Сластён (Г) — сахар; ср. *сластёник*

Сластёник (Г) — сахар; ср. *сластён*

Сласти́м (П) — сахар, *сласти́н* (Р) — сахар; ср. *сластён* и *сластёник*

Сморс и *морс* (Г), *морс* (П) — нос

Снён (Г) — он; ср. *чнён*

Сныды́рный (Г) — богатый

Сныды́рство (Г) — богатство

Сныды́рь и *сно́дарь* (Г) — богач; ср. *стады́рь*

Спидан (Г) — булка, белый хлеб, (Р) — лепёшка

Срепётник (Г) — чересседельник; ср. *ша́ва*

Стады́рь (П) — богач; ср. *снадырь*

Стёбло (Г) — игла; ср. *стибу́нка*

Стиба́рь и *стюба́рь* (Г) — вошь; (П) — блоха, вошь, клоп

Стибло́ и (реже) *стибуши́ло* (Г) — шило

Стибулня́льник (Г) — портной

Стибу́нка (Р) — игла; ср. *стёбло*

Стибуня́ть (ГП) — шить

Стон (П) — бог

Сто́нник (Г) — бог, икона; (П) — бог, икона, крест

Сто́нница (ПР) — церковь

Стрепёшник (П) — полотенце, скатерть

Стрёк (Р) — дорога

Стрём (Г) — три

Студёник (Г) — пиджак

Стухари́ (ГП) — ноги

Стуха́рки (П) — ботинки, *остухарки* (Р) — ботинки, валенки

Стухля́ть и *стыхля́ть* (Г) — стоять

Стюпа́рь (ГПР) — печка

Сума́рник (Р) — амбар; ср. *сума́рь*

Сума́рница (Г) — лапша, рожь; (П) — лапша

Сума́рь (ГПР) — хлеб, зерно; *клёвый сумі́рь* (= булки, бублики, калачи); *перекосанный сума́рь* (= обмолоченный хлеб); ср. *акре́й*, *сума́рник*

Су́точки (Г) — губы

Сухи́ничи (П) — родственники

Сызю́мник и *сизюмни́к* (Г) — двугривенный

Сю́стить (Г) — тонуть

Т

Тарату́ха (П), *тарату́ха* (Г) — шлея

Травьяк (Г) — обед

Трахви́лка (П) — копейка

Тро́бить (Г) — есть, кушать

Трухалка (Г) — груша, яблоня

Трухарь (Г) — тысяча; ср. *пе́харь шаро́вой*

Трухма́ — мука

Труш (ГП) — солдат

Ту́рлица (П) — улица (вечернее гулянье молодежи); *ту́рница* (Р) — улица

Турло́ (ГПР) — деревня

Тя́мить (Г) — понимать; ср. *пе́трить* и *се́врить*

У

Успытновать (П) — спрашивать

У́хлить (Г) — слушать; ср. *безу́хлинный*

У́хля (Г) — ухо; *у́хлики* — уши

Уши́точный (П) — всякий, каждый, (Г) — малый

Х

Хавре́й и *хавря́к* (ГП) — барин, помещик
Ха́за (П) — тарелка
Хазу́н (П) — стакан
Хамри́за (ГП) — коза, козёл; ср. *модас, модаса*
Хандю́жить (ГП)—ходить; ср. *хлить*
Хас (Г) — рот
Хверо́ (Г), *хвяро́* (Р) — сено, трава
Хвиа́рь (ГПР) — табак
Хвилаки́ и *хвило́ны* (Г), *хвилаки́* (П) — блины
Хвитёныш и *хвитёнуш* (Г) — брат (ср. *збранок*), отец; *хвитёныш* (П) — брат, сын
Хи́лый — плохой
Химуно́вый (Г) — сумасшедший
Хлить (ГП) — итти: *сахли́лся с ло́хом и позе́тил* (= встретился с человеком и поговорил); ср. *хандю́жить*
Хлобы́ш (П) — начальник
Хлю́ксить (П) — плакать
Хруна́к (ГП) — боров, хряк
Хрунёнок (П) — поросенок
Хруни́на (ГП) — свинина
Хрунья́ (ПР) — свинья; ср. *шерши́ха*
Хруст (Г) — рубль; ср. *кура́н*

Ч

Черны́мный (Г) — черный
Черны́ш (Г) — дратва, земля: *черны́ш обмасты́рили* — землю обработали
Чика́н и *чо́кан* (Г), *чику́н* (ПР) — квас
Чнён (П) — он, *чнёны* — они; ср. *снён*
Чужи́мный и *чужо́мный* (П) — чужой
Чухви́рь (Г) — чай

Ш

Ша́ва (Р), *шша́вы* (П) — вожжи; *ша́вы* (П) — чересседельник; ср. *срепётник*
Шавлёко, шалёко (Р) — далеко
Шаро́вая кира́ (Г) — гора, ср. *кира́*
Шаро́вой (ГП) — большой, высокий
Шаро́вый лава́рь (Г) — поезд; ср. *лава́рь*
Шат (Г) — брань
Шат (П) — мёд; ср. *емёля*
Ша́тик и *ши́тик* (Г), *шатик* (П) — гусь; *ша́тики* и *ши́тики* (Г) — гуси; *шаты́* (П) — гуси, утки; (Р) — гуси; ср. *шептуны́*
Шведа́ра (П) — пила
Шво́рится (П) — хочется: *масу́ шво́рится* (= мне хочется); ср. *во́лить*
Шёндер — шесть
Шептуны́ (Р) — утки; ср. *шаты́*
Шерстнёха (ГП), *шерстя́к* (Р) — свита
Шерстня́га (П) — потник
Шершу́ха (П) — свинья; ср. *хрунья*
Ши́здик (Р) — гвоздь
Ширши́ (Г), *ширш* (ПР) — борщ, капуста
Ши́шлить (П) — читать
Шля́ха (Р) — бляха
Шкулёйка (П) — лавка
Шмура́к (ГП) — дурак
Шму́рочка (ГП) — дурочка
Шмыганка (Г) — машина

Щ

Щуня́ться (П) — божиться
Щупёл и *щупло́* (Г), *щупёл* (П) — овес
Щупляна́я (Р) — овсяная

Ю

Юхти́ться (Р) — фотографироваться
Юхчи́ть (Г) — брать; ср. *выю́хчивать*

Я

Ялка́с (ГПР) — картуз
Я́лость и *я́лусь* (Г), *я́лусть* (П), *я́лость* (Р) — соль

СОДЕРЖАНИЕ

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

Стр.

Н. М. Малеча. Говоры уральских казаков 3

Г. Ф. Нефедов. Говор сёл Пустыни и Белыни Пензенской области 18

В. Георгиева. Синтаксические конструкции, образованные сочетанием именительного падежа с инфинитивом или наречием „надо“ в современных русских говорах 40

П. С. Кузнецов. К вопросу о сказуемостном употреблении причастий и деепричастий в русских говорах 59

Г. А. Касвин. Основы настоящего времени глаголов 2-го спряжения 84

С. А. Копорский. Цоканье в Калининской области 152

С. И. Котков. Условный язык орловских шорников 233

www.ruslang.ru

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР

*

Редактор издательства *В. М. Васильева*
Технический редактор *Е. В. Зеленкова*
Корректор *В. Б. Несвижский*

*

РИСО АН СССР № 3459. А-12948. Изд. № 1991.
Тип. заказ № 1425. Подп. к печ. 26/X 1949 г.
Формат бумаги 60×92 1/16. Печ. л 16 + 3 вкл.
Уч. изд. л. 15,75. Тираж 3000.

1-я типография Изд-ва Академии Наук СССР.
Ленинград, В. О., 9-я линия, д. 12.

ИН-ТА РУССКОГО ЯЗЫКА
МО. ЯЗ. И МЫШЛЕНИЯ

ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
18	5 св.	с. Веденянино	с. Веденяпино
18	16 св.	с. Веденялино	с. Веденяпино
73	7—8 св.	развитих	развития
85	14 сн.	Подожск. у.	Пудожск. у.
129	15 сн.	Маленковск. у.	Меленковск. у
196	18 св.	*загнат*	*загнать*

Материалы по диалектологии. Том III.

14 руб.